

Цитаты номера

Основными преимуществами использования электронных денег в целях отмывания преступных доходов являются неотслеживаемость, мобильность платежей и отсутствие посредников. Каждый эмитент электронных денег, стремясь извлечь как можно больше прибыли и привлечь клиентов, действует по своим правилам. При совершении большинства операций сохраняется анонимность — аспект, особенно интересный отмывателям. Использование электронных платежных систем значительно упрощает процесс отмывания и предоставляет дополнительные возможности при легализации преступных доходов, особенно полученных в виде электронных денег, что в большинстве случаев и происходит в ходе совершения преступлений в сфере компьютерной информации.

С января 2011 г. страны Магриба и Ближнего Востока захлестнула небывалая волна социальных протестов, повлекшая за собой отставку режимов в одних странах, репрессии вперемежку с лихорадочными реформами в других, а кое-где — гражданскую войну и фактический крах государственности. Эти события, отозвавшиеся эхом на огромном пространстве от Судана до Белоруссии, стали известны как Арабская весна и Twitter/Facebook-революции. Второе из упомянутых названий отражает черту, характерную для большинства эпизодов ближневосточных протестов, — беспрецедентно активное использование участниками протестов информационно-коммуникационных технологий, и в первую очередь социальных сетевых сервисов.

У пятерки основателей АСЕАН была и остается масса задних мыслей о том, как держать себя с Мьянмой, чтобы Запад не особенно наседали на них самих. Но речи о том, чтобы всецело встать на сторону Запада, присоединиться к санкциям, вплотную заняться тем, что было бы вмешательством в чужие внутренние дела, все-таки не было никогда. Почему? Мне кажется, по одной простой причине: АСЕАН совершенно ни к чему тот очаг нестабильности, который возник бы в Мьянме в случае ее обвальной демократизации. Нельзя забывать об этнической пестроте этого государства, об опыте повстанческих и противоповстанческих действий, который там накоплен, о том, что все этнические меньшинства носят оружие, как и о больших традициях в области производства наркотиков и наркоторговли. Стоит всему этому вырваться на поверхность политической жизни под воздействием демократизации — и мало не покажется никому, особенно соседям.

В сфере атомной энергетики Китаем принимается ряд продуктивных, хотя и не радикальных мер. Японские события показали важность четкой организации бюрократического аппарата. Реформы законодательной базы назревали давно, и японские события лишь стали катализатором. Во-первых, темпы строительства и ввода в эксплуатацию новых АЭС снизятся. Во-вторых, логично ожидать понижения прогноза выработки электроэнергии на АЭС в среднесрочной перспективе. В-третьих, результатом введения дополнительных мер безопасности станет удорожание строительства и эксплуатации АЭС.

Александр
Спирidonov

Олег Демидов

Виктор Сумский

Артем Гончарук

Журнал ПИР-Центра

ЗИМА 2011

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ № 4 (99), Том 17

Российский
журнал
о международной
безопасности

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ

№ 4 (99) 2011

Журнал ПИР-Центра политических исследований России

Игорь Иванов

НЕДЕЛИМОСТЬ БЕЗОПАСНОСТИ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Андерс Фог Расмуссен

ПРО — ЭТО НЕ ПРОБЛЕМА. ЭТО — ШАНС СОТРУДНИЧЕСТВА

Юрий Федотов

ЛЕГАЛИЗАЦИЯ ЭКСТАЗИ И КАННАБИСА: РАЗВЕ ЭТО ВЫХОД?

Евгений Петелин

ПРАВИЛА ИГРЫ, КОТОРЫЕ ПИШЕТ ПЕКИН

Олег Демидов

ТВИТТЕР — НОВАЯ ЯДЕРНАЯ КНОПКА

Круглый стол

МЬЯНМА: ТИГР ВЫХОДИТ ИЗ СПЯЧКИ

2847
1.07.2011

2865
1.08.2011

2852
1.09.2011

2824
1.10.2011

2861
1.11.2011

ЭКСКЛЮЗИВ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ,

Весной 2012 г. произойдет очень важное для нас, знаменательное событие — мы выпустим сотый номер журнала Индекс Безопасности. Хотим, чтобы оно стало не менее знаменательным и для всех наших читателей — в России и по всему миру.

По случаю выхода юбилейного номера, который будет обращен к нашим корням, уходящим в журнал Ядерный Контроль, мы проведем три научно-практических семинара — в Москве, Женеве и Вене, где сотый номер будет презентован авторитетной российской и международной аудитории и где будут обсуждены актуальные вопросы ядерного нераспространения, разоружения и ядерной безопасности. Сотый номер также будет представлен делегатам Подготовительного комитета 2012 г. к Обзорной конференции ДНЯО, участникам Саммита по ядерной безопасности в Сеуле в марте 2012 г. и на других ключевых международных форумах.

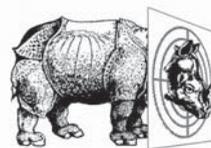
Приглашаем государственные и частные компании, наших давних партнеров и новых друзей к сотрудничеству в подготовке сотого номера журнала, а также в проведении торжеств и научно-практических семинаров в Москве, Вене и Женеве, приуроченных к этому событию. Наши читатели в России и по всему миру смогут подробнее узнать о вашей деятельности, а семинары в трех городах дадут вам отличную возможность непосредственного контакта с потенциальными клиентами.

Обращаемся ко всем, кто хочет поддержать нас в подготовке юбилейного номера журнала и в его презентации на русском и английском языке. Вы сможете:

- ✓ разместить рекламу в этом номере;
- ✓ стать спонсором или партнером по выпуску этого номера;
- ✓ стать спонсором или партнером по проведению всех или одного из семинаров.

Более подробную информацию можно получить у помощника главного редактора журнала Индекс Безопасности Ирины Мироновой по тел.: +7 (495) 987-19-15 или e-mail: editor@pircenter.org.

Редакционная коллегия журнала Индекс Безопасности

О ТОМ, ЧТО ПРОДЕЛАН БОЛЬШОЙ ПУТЬ

Забывается — надо специально сесть и постараться вспомнить — забывается, каково было жить в прежней больнице. Там не было таких приятных мест для отдыха. Не было телевизоров, бассейнов, курятины два раза в месяц. Голые стены, стулья, смирительные рубашки, такие, что надо часами трудиться, пока из них выберешься. С тех пор медики многому научились. «Проделан большой путь», — говорит толстолицый по связям с общественностью. Они очень украсили жизнь при помощи краски, украшений и хромированной сантехники. «Человек, которому захочется сбежать из такого приятного места, — говорит толстолицый по связям с общественностью, — да такой человек просто чокнутый».

Ken Kuzi

You forget — if you don't sit down and make the effort to think back — forget how it was at the old hospital. They didn't have nice places like this on the walls for you to climb into. They didn't have TV or swimming pools or chicken twice a month. They didn't have nothing but walls and chairs, confinement jackets it took you hours of hard work to get out of. They've learned a lot since then. «Come a long way», says fat-faced Public Relation. They've made life look very pleasant with paint and decorations and chrome bathroom fixtures. «A man that would want to run away from a place as nice as this», says fat-faced Public Relation, «why, there'd be something wrong with him».

Ken Kesity

Фото: Ирина Миронова

Научно-практический
журнал ПИР-Центра
(Центра политических
исследований России)

Выходит четыре раза
в год на русском
и английском языках

Российский журнал
о международной
безопасности

SECURITY INDEX

Издается с ноября 1994 г.
(с 1994 по 2006 г. выходил
под названием «Ядерный
Контроль»)

ISSN 1992-9242

Non multa, sed multum

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ

№ 4 (99), Том 17
Зима 2011

Редакционная коллегия

Владимир А. Орлов — главный редактор
Сергей Б. Брилев
Владимир З. Дворкин
Дмитрий Г. Евстафьев
Василий Ф. Лата
Евгений П. Маслин
Азер А. Мурсалиев
Дмитрий В. Поликанов
Сергей Э. Приходько
Дмитрий О. Рогозин
Николай Н. Спасский
Екатерина А. Степанова
Юрий Е. Федоров
Антон В. Хлопков
Константин фон Эггерт
Михаил В. Якушев

Москва • Женева • Монтерей

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ

Издается с ноября 1994 г. В период с 1994 до 2006 г. выходил под названием *Ядерный Контроль*.
Выходит четыре раза в год на русском и английском языках.
Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-26 089 от 9 ноября 2006 г.

Учредитель

ПИР-Центр (Центр политических исследований России)

Андрей А. Баблицкий, руководитель интернет-проекта
Олег В. Демидов, младший научный сотрудник
Ксения А. Дмитриева, специалист по работе с интернет-представительством
Геннадий М. Евстафьев, генерал-лейтенант, старший вице-президент
Андрей В. Загорский, к.и.н., член Совета
Вячеслав А. Зайцев, главный бухгалтер
Альберт Ф. Зильхарнеев, директор образовательной программы
Галия Р. Ибрагимова, консультант
Наталья И. Калинина, д.м.н., член Совета
Лиана В. Когошвили, координатор образовательной программы
Вадим Б. Козюлин, к.п.н., директор проекта по обычным вооружениям
Александр С. Колбин, помощник президента
Василий Ф. Лата, генерал-лейтенант, консультант
Евгений П. Маслин, генерал-полковник, член Совета
Владимир А. Мау, д.э.н., член Совета
Ирина Ю. Миронова, заместитель главного редактора журнала
Индекс Безопасности
Владимир А. Орлов, к.п.н., президент Центра и член Совета
Евгений Н. Петелин, редактор международного издания журнала
Индекс Безопасности
Дмитрий В. Поликанов, к.п.н., вице-президент, председатель Международного клуба *Триалог*
Евгений А. Попов, специалист по информационным системам
Уильям Поттер, д-р, проф., член Совета
Галина Д. Рассказова, бухгалтер
Юрий А. Рыжов, Чрезвычайный и Полномочный Посол, член Совета
Константин А. Сириков, менеджер по распространению периодических изданий
Екатерина А. Степанова, к.и.н., член Совета
Иван В. Трушкин, координатор программы «Ядерное нераспространение и Россия»
Юрий Е. Федоров, к.и.н., член Совета
Юрий А. Юдин, консультант Европейского отделения ПИР-Центра (Женева)
Михаил В. Якушев, председатель Совета
Дмитрий Д. Якушкин, член Совета

№ 4 (99), Том 17
Зима 2011

Редакция

Владимир А. Орлов, главный редактор [orlov@pircenter.org]
Ирина Ю. Миронова, заместитель главного редактора [editor@pircenter.org]
Евгений Н. Петелин, редактор международного издания [petelin@pircenter.org]
Екатерина А. Труханова, технический редактор
Елена И. Макеева, корректор
Галина Д. Рассказова, бухгалтерия
Константин А. Сириков, распространение

Представители журнала

Алма-Ата: Даурен Абен
Атланта: Инна В. Баранова
Бишкек: Нурия А. Кутнаева
Владивосток: Вадим С. Гапоненко
Вена: Никита В. Перфильев,
Надежда Б. Теллер
Киев: Сергей П. Галака
Нижний Новгород: Михаил И. Рыхтик
Прага: Юрий Е. Федоров
Санкт-Петербург: Анастасия А. Малыгина
Ташкент: Галия Р. Ибрагимова
Токио: Тайсуке Абиру
Томск: Лариса В. Дериглазова
Тюмень: Сергей В. Кондратьев

Контактная информация

Адрес для писем:
Россия, 119019, Москва, а/я 147
Редакция *Индекса Безопасности*
Телефон редакции:
+7 (495) 987-1915 (многоканальный)
Факс: +7 (495) 987-1914

Интернет-представительство: <http://si.pircenter.org>

Подписка:

- по России и СНГ: Роспечать (см. с. 200)
- по всему миру: ООО *Триалог*, <http://pircenter.org/club>
- по всему миру: East View Information Services, <http://www.eastview.com/>
- международное издание: Routledge (Taylor & Francis Group), <http://www.tandf.co.uk/journals>

Редакционная политика

- Материалы *Индекса Безопасности* не могут быть воспроизведены полностью либо частично в печатном, электронном или ином виде без письменного разрешения Издателя
- Публикуемые материалы, суждения и выводы могут не совпадать с точкой зрения редакции и являются исключительно взглядами авторов
- Издание осуществляется благодаря поддержке Международного фонда технологий и инвестиций (МФТИ), Международного научно-технического центра (МНТЦ), Корпорации Карнеги Нью-Йорка, Фонда Плаушерс.

Тираж (российское и международное издание) 2000 экз. Подписано в печать 20 декабря 2011 г.

Отпечатано в ООО «Центр полиграфических услуг «Радуга» по заказу ПИР-ПРЕСС

© ПИР-Центр, 2011

О Т Р Е Д А К Т О Р А7 **Не проспать, как просыпается новый тигр** — *Владимир Орлов*

Мьянма — азиатский тигр, пока еще пребывающий в спячке. С населением и территорией, сравнимыми с Украиной, с колоссальными природными богатствами — это весомое азиатское государство. С точки зрения азиатской геополитики, Мьянма находится в самом *сердце*, на пересечении стратегических путей между двумя гигантами — Индией и Китаем. Но при этом почти что не игрок во внешнеполитических играх. И вот тигр сбрасывает многолетнее оцепенение...

Ключевые слова: *Мьянма–США, Мьянма–Россия, АСЕАН.*

В Д Е С Я Т К У10 **О Москве**И Н Т Е Р В Ь Ю11 **«Я не считаю противоракетную оборону проблемой — я считаю ее самой большой возможностью, когда-либо открывавшейся перед нами»** — *Андерс Фог Расмуссен*

Как с изменением реалий международных отношений меняется роль НАТО? Каковы приоритеты Альянса в разрешении региональных проблем, в сотрудничестве с другими организациями? Как видится диалог по ПРО со стороны НАТО? Генеральный секретарь НАТО рассказал о своем видении проблем и перспектив Североатлантического Альянса.

Ключевые слова: *ЕвроПРО, НАТО–ОДКБ, НАТО–ШОС, операция в Афганистане, операция в Ливии.*

15 **«Использование электронных платежных систем значительно упрощает процесс отмывания денег»** — *Александр Спиридонов*

Как работает финансовая разведка? Каковы принципы международного сотрудничества в сфере противодействия легализации денежных средств, полученных незаконным путем и финансированию терроризма? В чем состоят вызовы XXI в. для финансовых разведчиков? На вопросы главного редактора В.А. Орлова отвечает А.М. Спиридонов, заместитель руководителя Федеральной службы по финансовому мониторингу.

Ключевые слова: *финансовая разведка, ФАТФ, электронная коммерция, Группа «Эгмонт».*

- 21 **«Я удивлен тем, что Глобальная комиссия выступает за легализацию экстази и каннабиса»** — Юрий Федотов

Торговля наркотиками и наркомания, коррупция и финансовые преступления, транснациональная киберпреступность — все эти проблемы требуют серьезных и нестандартных решений, они выходят за рамки традиционной сферы национальной безопасности. Корреспондент журнала *Индекс Безопасности* побеседовал с заместителем Генерального секретаря ООН, исполнительным директором Управления по наркотикам и преступности (УНП ООН) Юрием Федотовым о мерах, которые проводит и поддерживает Управление в борьбе с угрозами XXI в.

Ключевые слова: Афганистан, наркотрафик, лечение и реабилитация наркозависимых, Доклад по наркополитике.

А Н А Л И З

- 29 **Неделимость безопасности в глобальном мире** — Игорь Иванов

Поступательное движение по пути решения *практических* проблем международной безопасности представляется сегодня предпочтительным. Сверхоптимистические цели, продиктованные той или иной политической конъюнктурой, только заморозили бы процесс формирования новой архитектуры региональной и глобальной безопасности. *Режимный* путь укрепления мировой безопасности потребует настойчивости, долготерпеливых кропотливых усилий, но он может оказаться, в конечном счете, более эффективным, чем неосуществившиеся планы последних двух десятилетий.

Ключевые слова: международная безопасность, принцип взаимного сдерживания, региональные конфликты, многополярная система международных отношений.

- 35 **Энергомоналог Китая с Центральной Азией** — Евгений Петелин

Китай планомерно продвигает свои энергетические интересы в Центральной Азии. Какова роль Центральной Азии в обеспечении энергетической безопасности КНР? Какие инструменты использует Китай для решения своих энергетических задач в регионе? И действительно ли в китайско-центральноазиатском энергетическом взаимодействии фактор взаимности отсутствует?

Ключевые слова: политика Китая в Центральной Азии, инвестиции, реконструкция Шелкового пути, нефть, газ, уран.

- 59 **Социальные сетевые сервисы в контексте национальной и международной безопасности** — Олег Демидов

Социальные сетевые сервисы сами по себе не являются и не могут являться источником и причиной социальных волнений и тем более революций. Более того, социальные сети не оформились и в качестве негосударственных акторов, подобных ТНК, которые четко осознавали бы свои интересы и возможные стратегии в событиях, подобных *Арабской весне*. При этом социальные сетевые сервисы могут служить интересам национальной и международной безопасности в областях, не связанных с решением задач международно-политического и военного характера.

Ключевые слова: социальные сети, информационная безопасность, идентификация в интернете.

К О М М Е Н Т А Р И И

- 77 **Атомная отрасль Китая: новый Большой скачок?** — Артем Гончарук

Показатели как количества реакторов, которые планируется построить к 2020 г., так и мощности атомной энергетики страны к этому времени завышены по сравнению с реальными возможностями атомной отрасли страны. Ряд вопросов, таких как законодательное регулирование, переход на реакторы третьего поколения, обеспечение скачка кадрами, поставки топлива и фабрикация стержней, не поддается решению в столь сжатые сроки. Так готов ли Китай к *Большому атомному скачку*?

Ключевые слова: атомная отрасль Китая, китайские атомные реакторы, национальное законодательство, обеспечение кадрами, обеспечение топливом.

89 **Мьянма в АСЕАН: проблемы региона и интересы России**

За последний год в Мьянме наметились многообещающие трансформации. На круглом столе, организованном ПИР-Центром совместно с Центром АСЕАН при МГИМО, собрались эксперты, с тем чтобы поговорить о возможностях Мьянмы, о ее роли в международных делах на ближайшую и среднесрочную перспективу, о возможной новой роли Мьянмы в мировой экономике и в региональных экономических делах АСЕАН, о геополитических особенностях Мьянмы, расположенной на перекрестке стратегических путей из Индии в Китай.

Ключевые слова: внутривосточная ситуация в Мьянме, электоральная модель, экономические реформы, Мьянма–АСЕАН, Мьянма–Россия, китайская экспансия.

О Б З О Р Ы М И Р О В Ы Х П Р О Ц Е С С О В

116 **Индекс iSi за июль–октябрь 2011: Снова в напряжении — Галия Ибрагимова**

Нестабильной сохранялась ситуация на мировых биржах. Агентство *Standard & Poor's* понизило кредитный рейтинг США, что привело к росту тревожных ожиданий в отношении влияния ситуации в США на мировую экономику. Возросли опасения инвесторов по поводу возникновения в экономиках Европы и США новой волны рецессии. Одно из центральных звеньев финансовых потрясений — проблемы зоны евро, вызванные отсутствием координации бюджетной, фискальной политики стран — участниц еврозоны и угроза экономического дефолта в Греции.

Ключевые слова: Африка, Ближний Восток, Афганистан, Корейский полуостров, экономическая рецессия, стратегическая стабильность, ядерная безопасность, природные катастрофы.

123 **Глазами либерала: Никто так не слеп, как тот, кто не хочет видеть — Юрий Федоров**

Вот она, ключевая дилемма начала XXI в.: либо развитые демократические страны переходят к политике, которая обычно ассоциируется с именами Рональда Рейгана и Маргарет Тэтчер, разумеется, в ее современном варианте, либо пессимистические сценарии глобального кризиса могут стать реальностью.

Ключевые слова: экономическая рецессия, предвыборная кампания в США, гражданская война в Ливии, режим Асада, внешняя политика России.

138 **Глазами консерватора: Перезагрузка мертва — Дмитрий Евстафьев**

Итак, перезагрузка мертва. Но таким ли уж стратегическим был этот проект и так ли уж трагичны последствия его неудачи? Вряд ли. Так ли уж страшен будет еще один цикл конфронтации? Тоже вряд ли, если он не будет дополнен нестабильностью в ключевых районах мира и если у кого-нибудь по одну или другую сторону океана не сдадут нервы. Но в целом, правильнее было бы не плакать над трагической судьбой еще одной попытки российско-американского партнерства, а сделав выводы, разработать план новой перезагрузки, который может быть извлечен из стола, когда элиты обеих стран будут к этому готовы.

Ключевые слова: Россия–США, террористическая угроза, Ливия, военная стратегия России, ПРО.

Б И Б Л И О Т Е К А

153 **Афганский эндшпиль — Дмитрий Поликанов**

«В ситуации с Афганистаном нужно задуматься об упреждающих шагах, о превентивной дипломатии в отношении явных угроз — наркотиков, неконтролируемой миграции, распространения экстремизма и исламского радикализма, обострения межэтнических противоречий. Речь идет о целом комплексе последовательных мер», — пишет Дмитрий Поликанов в рецензии на сборник *Афганский эндшпиль? «Звенья» № 2 (15), 2011. М.: Фонд Исторической Перспективы, 2011.*

Ключевые слова: Афганистан, политика, экономика.

С
О
Д
Е
Р
Ж
А
Н
И
Е

К Н И Ж Н Ы Е Н О В И Н К И

- 157 *Олег Демидов, Галия Ибрагимова, Павел Лузин, Ирина Миронова, Евгений Петелин, Андрей Сахаров, Юлия Фетисова* — сотрудники, стажеры и выпускники образовательной программы ПИР-Центра готовят обзор новых поступлений в библиотеку ПИР-Центра.

П И С Ь М А Р Е Д А К Т О Р У

- 171 **Рекомендации СУПР и внешнеполитические реалии** — *Михаил Ульянов*

- 173 **Насколько полезны рекомендации СУПР?** — *Леонид Решетников*

- 175 **Асимметричный конфликт как нематематическая категория: ответ на некоторые замечания** — *Лариса Дериглазова*

- 179 SUMMARY

- 183 ОБ АВТОРАХ

- 187 ЭКСПЕРТНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ ПИР-ЦЕНТРА

- 191 СОВЕТ ПО УСТОЙЧИВОМУ ПАРТНЕРСТВУ С РОССИЕЙ

- 192 МЕЖДУНАРОДНАЯ ЭКСПЕРТНАЯ ГРУППА

- 193 СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2011 г.

- 199 РЕЦЕНЗЕНТЫ ЖУРНАЛА В 2011 г.

- Обл. III **О том, что проделан большой путь**

НЕ ПРОСПАТЬ, КАК ПРОСЫПАЕТСЯ НОВЫЙ ТИГР

В декабре 2011 г. госсекретарь США Хиллари Клинтон посетила Мьянму. Это первый визит американского политика такого уровня за полвека в страну, все еще причисленную Соединенными Штатами к *форпостам диктатур*. В отношении Мьянмы все еще действуют американские санкции.

Администрация Обамы, реанимирующая вялую политику США в Азии, нанесла визитом Клинтон упреждающий дипломатический удар. Удар своевременный и — редкий случай — не увязший в согласованиях с Конгрессом, где оппозиционное мьянманское лобби традиционно препятствовало налаживанию политического диалога с режимом Нейпидо.

Мьянма — азиатский тигр, пока еще пребывающий в спячке. С населением (60 млн чел.) и территорией, сравнимыми с Украиной, с колоссальными природными богатствами (ресурсы газа оцениваются в 2,5 трлн кубометров, подтвержденные запасы — 510 млрд кубометров, а нефти — 3,2 млрд баррелей, добавьте к этому твердые породы древесины, драгоценные камни) — это весомое азиатское государство. И при этом пока что незаметное, почти что и не игрок во внешнеполитических играх. Многие десятилетия Мьянма была погружена в себя. Военный режим перемежал пряник кнутом, пытаясь удержать единство страны, треть населения которой — нацменьшинства. До сих пор в стране действует более дюжины сепаратистских армий, построенных по этническому принципу. Они проштудировали опыт распада Югославии и СССР. Однако целостность Союза Мьянмы — таково официальное название страны — генералам удалось сберечь.

Цена единства страны и авторитарного правления оказалась высока. Некогда рисовая житница Юго-Восточной Азии, наиболее процветавшая ее часть, сегодня Мьянма является беднейшей страной ЮВА. Самая крупная денежная купюра эквивалентна пяти долларам.

Но одной краской картину не нарисует. Как крупнейшие города (Янгон, Мандалай), так и глубинка оставляют мирное впечатление (даже на некоторых территориях, контролируемых повстанческими армиями, где действует перемирие). Военных, полиции на улицах почти не видно. Низка преступность. Люди доброжелательны и спокойны. Политически активным, молодежи не составляет труда найти все, что их интересует, в интернете, к которому в городах есть легкий (хотя и дорогостоящий по местным меркам) доступ.

И вот тигр сбрасывает многолетнее оцепенение. Год назад прошли парламентские выборы, которые, хотя и гарантировали победу ставленникам генералов, породили вполне живой, спорящий законодательный орган. В марте генералы сняли мундиры, часть из них удалась на покой, военная хунта была распущена. Новый прези-

дент, отставной генерал Тейн Сейн, удивил и весь мир, и своих соотечественников не столько реформаторскими шагами, сколько их темпом и масштабом: по словам базирующегося в Бангкоке эксперта Аун Найн У, «неожиданно быстрым и беспрецедентно широким». Парламент закрепил право трудящихся на забастовки. В плане: финансовые реформы, послабления малому и среднему бизнесу, создание на берегу Бенгальского залива особой промышленной зоны, а на побережье Андаманского моря — особой экономической зоны. Советы генералам в штатском дает нобелевский лауреат по экономике Джозеф Стиглиц. В страну зачастили миссии МВФ — а возвращаются они из Мьянмы со все более оптимистичными прогнозами. Более богатые соседи по АСЕАН скоро начнут переносить в Мьянму свои производства — в силу дешевизны рабочей силы.

В процессе легализации политическая оппозиция, возглавляемая популярной и на Западе, и в интеллигентских кругах самой Мьянмы Аун Сан Су Джи. Она отпущена из-под домашнего заточения на вилле у озера в Янгоне и теперь ведет регулярные беседы со своими недавними гонителями. Постепенно выпускают из мьянманских тюрем политзаключенных (на местном политическом жаргоне в таких случаях говорят «выпускают из Москвы»).

Происходящая в Мьянме трансформация не могла пройти незамеченной для ПИР-Центра и нашего проекта по стратегическим взаимоотношениям между Россией и государствами АСЕАН. Совместно с нашим партнером — Центром АСЕАН — мы провели в МГИМО круглый стол, результаты которого публикуем в этом номере.

Как очевидно из дискуссии в ходе круглого стола, все последние годы генералы во власти были увлечены тем, что подготавливали перемены, в том числе и для самих себя. Режим за два последних десятилетия тихо трансформировался из военно-автократического в военно-олигархический. Не столько сами генералы, сколько их дети и внуки преуспевают в бизнесе, будь то экспорт газа или древесины твердых пород, авиаперевозки, добыча рубинов и сапфиров. У военных — *зеленый коридор* в освоении бюджетных средств. Экспертам Мьянма начинает напоминать Индонезию образца семидесятых годов или Южную Корею, где военные имели особый статус и успешно осваивали финансово-промышленный сектор.

С точки зрения азиатской геополитики, Мьянма находится в самом *сердце*, на пересечении стратегических путей между двумя гигантами — Индией и Китаем. Сегодня эти *стратегические пути XXI в.* — не больше чем проселочные дороги в рытвинах и ухабах, да к тому же в беспокойном северном регионе. Однако Китай намерен радикально поменять эту картину.

Месяц назад в примыкающих к Мьянме районах *Золотого треугольника* я наблюдал строительство современных автомагистралей через Северный Таиланд и Лаос — в Китай и на китайские кредиты. Под предлогом защиты судоходства от наркоторговцев Китай до конца 2011 г. года хочет ввести на Меконг в *Золотой треугольник* военную флотилию из пяти кораблей и тысячи военнослужащих и полицейских.

Часть углеводородных ресурсов Мьянмы уже осваивается китайскими госкомпаниями *CNPC, Sinopec* и *CNOOC*. Готовятся вступить в строй два параллельных трубопровода: газопровод, по которому будет доставляться газ из Бенгальского залива в Китай, и рядом нефтепровод, по которому будет транспортироваться ближневосточная и африканская нефть. Нефть будет поступать в глубоководный порт Ситуэ, который строит Китай, и затем по трубопроводу в Куньмин. И там же строится железная дорога, по которой будут транспортироваться товары из Китая в порт и дальше по всему миру. Таким образом, Китай выстраивает альтернативу получению углеводородов через Малаккский пролив, который США легко блокируют в случае конфликта.

Китай, кредиты которого не раз выручали Мьянму, останется ее основным торговым и стратегическим партнером. Однако Мьянма — не китайская полуколония, и таковой не будет. В Мьянме еще острее, чем у ее соседей по региону, развито неприятие колонизаторов, с какими бы дарами те не приходили. Многолетний

самоизоляция — отчасти результат этого неприятия. Больше того, в последнее время прокитайская группировка в руководстве Мьянмы была отодвинута. Как отмечалось на круглом столе, новый президент Тейн Сейн решил, что Китай получает слишком уж большие преференции в плане выхода в Бенгальский залив, а также перекачки нефти и газа в провинцию Юннань, и вскоре огорошил Пекин, закрыв проект строительства китайцами мегадамбы на севере Мьянмы стоимостью 3,6 млрд долл., сославшись на «уважение воли мьянманского народа». По словам ведущего российского эксперта по АСЕАН Виктора **Сумского**, «чтобы китайская глыба не слишком уж нависала и давила, руководители Мьянмы пребывают в поиске балансиров».

Это-то и почувствовали в Вашингтоне. Мьянма — лакомый кусок для американского бизнеса, но еще больше — для военных стратегов, стремящихся закрепить клин между Нейпидо и Пекином. Однако руководство Мьянмы меньше всего похоже на наивных романтиков. Нейпидо сигнализирует Москве, что по-прежнему нуждается в ней — как и четыре года назад, когда Россия (вместе с Китаем) спасла Мьянму, заветировав предложенную американцами санкционную резолюцию Совета Безопасности ООН.

Россия — второй стратегический партнер Мьянмы после Китая, и эта ситуация сохранится, если только в Москве грамотно выстроят последующие шаги.

Пока что основа двусторонних отношений — это военно-техническое сотрудничество (ВТС). В 2009 г. Россия продала Мьянме 20 самолетов МиГ-29 почти за 500 млн евро.

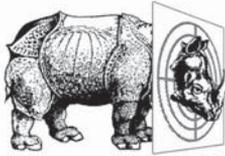
Единственным предприятием РФ, реализующим крупный проект в Мьянме, стал *Тяжпромэкспорт*, который строит чугуноплавильный завод. Кроме того, Москва получила контракт на строительство метро в Нейпидо. Однако Москва имеет и другие интересы в Мьянме. Надо закладывать на долгосрочную перспективу. В октябре 2010 г. от мьянманцев Россией был получен большой список приоритетных проектов для российских инвесторов. Однако, как отметил в ходе публикуемого в этом номере круглого стола бывший посол в Мьянме Глеб **Ивашенцов**, «подходы российских госструктур пока не внушают оптимизма. Особенно бледно выглядит российский бизнес в Мьянме на фоне активности китайских, тайландских, индийских предпринимателей. Те не ждут особых приглашений, а сами изучают возможности и потребности местного рынка, включаются в реализацию масштабных проектов». В нефтегазовой отрасли Россия представлена слабо. На перспективнейшем рынке телекоммуникаций — никак.

Одно из самых перспективных направлений — атомная энергетика. В Мьянме имеются залежи урановой руды. Имеется межправительственное соглашение по строительству Центра атомных исследований, в МИФИ подготовлены сотни мьянманских ядерщиков; и в целом в Мьянме уже тысячи спецов, окончивших московские технические вузы и, что немаловажно, говорящих по-русски.

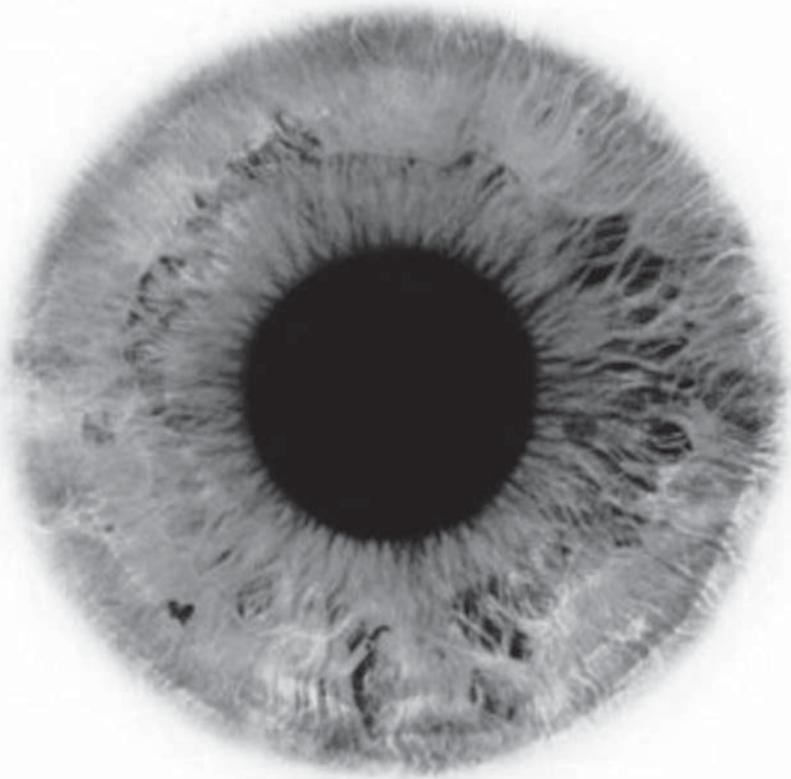
До сего дня словосочетание «Мьянма и атом» остается для Вашингтона красной тряпкой. Недавнее присоединение Таиланда к Инициативе по борьбе с распространением (ИБОР) по настойчивому приглашению США следует рассматривать в общем контексте с обещанием Таиланда «способствовать наращиванию диалога между США и Мьянмой». Существует беспокойство, что Нейпидо осуществляла атомное сотрудничество с Пхеньяном. Не исключаю, что подобные контакты могли в прошлом иметь место. В настоящее время, однако, проблем, связанных с ядерным распространением, в Мьянме не просматривается. Однако в Москве по-прежнему не видят должной базы для продвижения атомного сотрудничества с Мьянмой. Такой подход требует пересмотра.

Окончание редакционной статьи см. на с. 20.

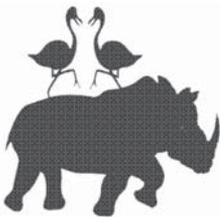
В ДЕСЯТКУ: О МОСКВЕ

Ни раньше, ни тем более теперь не мог назвать Москву городом в нормальном смысле этого слова. И чем больше езжу по миру, тем больше убеждаюсь в том, что Москва — это вообще не город, а некое государство в государстве. Действительно, это уникальное место... я бы назвал его местом обитания вертикали российской власти. [...] Москва — это место, которое человека не учитывает совершенно. Сейчас здесь уютнее всего чувствуют себя автомобили и... электронно-платежные системы.

Здесь я чувствую излучение власти, ее жесткое, бесчеловечное дыхание. Здесь концентрируются деньги и программное обеспечение этой власти. Это такое яйцо, Москва, с кольцами внутри — Бульварное, Садовое, Третье, Окружная, — и в яйце этом правит Власть. Вот, собственно, и все.

Владимир Сорокин, 2009

Андерс Фог Расмуссен:

«Я НЕ СЧИТАЮ ПРОТИВОРАКЕТНУЮ ОБОРОНУ ПРОБЛЕМОЙ — Я СЧИТАЮ ЕЕ САМОЙ БОЛЬШОЙ ВОЗМОЖНОСТЬЮ, КОГДА-ЛИБО ОТКРЫВАВШЕЙСЯ ПЕРЕД НАМИ»

Как с изменением реалий международных отношений меняется роль НАТО? Каковы приоритеты Альянса в разрешении региональных проблем, в сотрудничестве с другими организациями? Как видится диалог по ПРО со стороны НАТО?

Андерс Фог Расмуссен, Генеральный секретарь НАТО, в интервью журналу Индекс Безопасности рассказал о своем видении проблем и перспектив Североатлантического Альянса.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Как бы вы оценили роль НАТО в современном мире, принимая во внимание преобразование Североатлантического союза после окончания холодной войны? Во время холодной войны НАТО являлась организацией, отвечавшей за оборону территории определенного региона. В настоящий момент НАТО занимается такими вопросами, как укрепление демократии, миротворчество и миростроительство в странах, расположенных за географическими пределами членства. Нет ли здесь противоречия?

ФОГ РАСМУССЕН: Нет, никакого противоречия здесь нет. Необходимо помнить о том, что каждое принимаемое НАТО решение основано на консенсусе среди всех 28 государств-членов, так что, по определению, каждое решение НАТО поддерживается каждым государством — членом организации.

Главы государств и правительств стран НАТО обсудили и определили роль Североатлантического союза на нашей встрече в верхах в Лиссабоне в ноябре 2010 г. и изложили ее в нашей новой Стратегической концепции. Как и прежде, главное предназначение НАТО — гарантировать свободу и безопасность всех государств-членов с помощью политических и военных средств.

Но, безусловно, после окончания холодной войны мир очень сильно изменился. В отличие от прежних, нынешние угрозы безопасности стали более разнообразными и непредсказуемыми. Так что теперь оборона наших рубежей часто должна начинаться за их пределами и даже в кибернетическом пространстве. Вот почему в Лиссабоне мы приняли решение о том, что НАТО должна быть способна выполнять три основные задачи: коллективная оборона всех государств-членов; кризисное регулирование в ситуациях, которые могут повлиять на безопасность Североатлантического союза; обеспечение безопасности посредством сотрудничества с соответствующими странами и международными организациями.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Изменилась ли со временем суть членства в Североатлантическом союзе, в частности после принятия новой Стратегической концепции НАТО в 2010 г. в Лиссабоне? Можно ли говорить об определенном изменении роли государств — членов Североатлантического союза сегодня по сравнению с НАТО времен холодной войны?

ФОГ РАСМУССЕН: Суть членства в Североатлантическом союзе не изменилась. Государства присоединяются к НАТО по своему свободному выбору путем подписания и ратификации Североатлантического договора. Тем самым они берут на себя обязательства по защите свободы всех стран НАТО, а также принципов демократии, индивидуальной свободы и верховенства права. Это было, есть и будет основой НАТО.

Но, конечно же, роль стран НАТО и их вклад претерпевают постоянные изменения, чтобы соответствовать новым вызовам безопасности, таким как терроризм, пиратство и распространение баллистических ракет. Мир меняется, а вместе с ним меняемся и мы.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Каковы основные аспекты отношений НАТО с региональными организациями по безопасности, прежде всего ОБСЕ и ШОС? Существуют ли какие-либо возможности для эффективного сотрудничества НАТО с ОДКБ (например, в Афганистане)?

ФОГ РАСМУССЕН: ОБСЕ является важнейшей составляющей архитектуры безопасности Европы. У этой организации общие с НАТО ценности и цели, и она является блюстителем норм демократии и прав человека. НАТО полностью поддерживает ценную роль ОБСЕ в посредничестве при урегулировании конфликтов, особенно давнишних, урегулирование которых будет в столь большой мере способствовать евроатлантической безопасности. Сложившаяся история нашего сотрудничества дает нам основания полагать, что мы и впредь будем вносить вклад в повышение безопасности.

У НАТО нет официальных отношений с Шанхайской организацией сотрудничества или с Организацией Договора о коллективной безопасности, но существуют широкие связи, партнерские отношения и давняя традиция практического сотрудничества между нами и многими государствами — членами этих организаций. Сюда относится структура Совета евроатлантического партнерства, который предоставляет НАТО и 22 странам-партнерам рамки для политического диалога и практического сотрудничества по вопросам, вызывающим общую озабоченность. Например, СЕАП выступил с инициативами в таких областях, как безопасность границ, борьба с терроризмом и распространением оружия.

Я уверен, что существующее сотрудничество будет и дальше реализовывать свой потенциал и содействовать укреплению безопасности в регионах, включая Кавказ и Центральную Азию, что особенно актуально в контексте переходного периода в Афганистане.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Имеются ли в настоящий момент какие-либо конкретные планы по выводу войск НАТО из Афганистана? Каким Вам видится будущее Афганистана после этого? Какова Ваша оценка угрозы дестабилизации в соседнем Пакистане после вывода войск НАТО из Афганистана?

ФОГ РАСМУССЕН: В Афганистане меняется не уровень безопасности, а то, каким образом обеспечивается безопасность.

В июле афганские войска взяли на себя ведущую роль в обеспечении безопасности в семи провинциях и округах, в которых проживает одна четверть населения страны. Это только начало процесса, который мы называем переходным. Я ожидаю, что к концу года по меньшей мере 40% населения Афганистана будет проживать в районах, в которых за безопасность отвечают сами афганцы. Также идет своей ходом работа по завершению передачи ведущей роли афганцам к концу 2014 г.

В то же время идет строительство вооруженных сил Афганистана. Летом этого года мы прошли важный рубеж: было подготовлено 300 000 человек личного состава Афганских сил безопасности. Наша цель — увеличить эту цифру почти на 50 000 к концу следующего года. В этом году мы тоже вышли на важный этап: 125 000 личного состава афганцев было обучено грамоте. Так что мы являемся свидетелями рождения настоящих и внушительных Афганских сил безопасности, представляющих самих афганцев и защищающих афганский народ.

Таков контекст, в котором принимаются наши решения. Чем больше афганские силы будут брать на себя ведущую роль, тем больше НАТО и наши партнеры по ИСАФ смо-

гут играть вспомогательную роль. Это означает, что мы сможем постепенно сократить свое присутствие в Афганистане, не снижая при этом уровня безопасности.

В то же время я ожидаю, что на встрече в верхах в Чикаго в мае следующего года будет согласована стратегия по взаимодействию НАТО с Афганистаном после 2014 г. Афганские силы будут играть ведущую роль, но мы не оставим их одних. Все мы хотим, чтобы Афганистан был сильной и стабильной страной, которая вносит вклад в обеспечение безопасности во всем регионе. И над этим мы также будем работать.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Есть ли, с Вашей точки зрения, вероятность вмешательства НАТО в ситуацию в некоторых странах Ближнего Востока в случае эскалации до ливийского масштаба общественного протеста и применения силы национальными правительствами? В связи с операцией в Ливии уже возникло определенное беспокойство в отношении того, как сокращение оборонных бюджетов в результате экономического спада сказывается на военных силах и средствах Североатлантического союза.

ФОГ РАСМУССЕН: НАТО *не вмешивается* ни в одно государство. Мы приступили к проведению операции в Ливии на основании мощного мандата, полученного от Совета Безопасности ООН. Причем речь идет не просто о мандате на создание зоны, запретной для полетов, как иногда говорят, а об историческом призыве к использованию всех необходимых средств для защиты гражданских лиц от нападений. У нас также была надежная поддержка региона для защиты ливийского народа. Именно эту задачу мы и выполнили, в полном соответствии с резолюциями Совета Безопасности ООН и при полномерном участии наших партнеров из арабского мира, которые знают НАТО и доверяют ей.

Эти два условия — твердая правовая основа и твердая региональная поддержка — нигде больше в регионе не применимы. И у НАТО нет намерений вести действия где-то еще в регионе.

Что касается потенциала, то наша операция *Юнифайд Протектор* стала очевидным успехом. Мы приступили к ее проведению через шесть дней после получения мандата — быстрее, чем когда бы то ни было. Мы неукоснительно выполняли мандат ООН, и не было подтвержденной информации о жертвах среди гражданского населения. Наоборот, мы спасли бесчисленное множество человеческих жизней и предотвратили массовые убийства. Мы помогли ливийскому народу встать на путь, ведущий от диктатуры к демократии.

В то же время очевидно, что невозможно было бы провести операцию так, как она была проведена, не имея уникальных сил и средств, которые могут предоставить лишь США, таких как средства сбора разведданных, ведения наблюдения и рекогносцировки. Вот почему я настоятельно призвал другие страны НАТО изучить возможности приобретения этих критически важных потенциалов в будущем. Я не наивный человек и понимаю, что во времена *строгой экономии* именно на оборонные бюджеты оказывается огромное давление. Если у нас нет возможности тратить больше, значит, мы должны тратить их разумнее. Поэтому самый лучший способ приобретения критически важных потенциалов странами НАТО — специализация, расстановка приоритетов и сотрудничество. Это многонациональное сотрудничество является частью того, что я называю *умной обороной*, и это будет одной из основных тем на нашей встрече в верхах в Чикаго.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Совет Россия–НАТО — главный механизм для консультаций и сотрудничества между НАТО и Россией. Чего больше всего ждет Североатлантический союз от Совета? Какие области являются проблематичными и, соответственно, какие аспекты работы Совета нуждаются в реформе?

ФОГ РАСМУССЕН: Совет Россия–НАТО образует ядро наших отношений. Именно в нем страны НАТО и Российская Федерация заседают как 29 равноправных партнеров. Именно в нем мы открыто, искренне и регулярно обсуждаем вопросы безопасности. И именно в нем мы стремимся строить поистине стратегическое партнерство, о создании которого мы договорились на нашей встрече в верхах в Лиссабоне в прошлом году.

За прошедший год послы обсуждали ряд вопросов безопасности, начиная с Афганистана и Ливии и заканчивая сотрудничеством в борьбе с терроризмом и проблемой

Ю
Б
В
Р
Е
Т
Н
И

пиратства. Мы ведем совместную работу по предотвращению терроризма в небе над нами, перекрытию потока наркотиков из Афганистана, оказанию помощи в оснащении и учебной подготовке афганских ВВС, а также обнаружению и нейтрализации террористов-смертников в общественных местах.

Так что итог положительный. Да, есть направления, по которым у нас имеются разногласия, например, территориальная целостность Грузии. Но важно то, что мы готовы слушать друг друга, дискутировать и сотрудничать.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Как можно охарактеризовать позиции европейских стран-членов НАТО в отношении систем европейской противоракетной обороны? Как оценивается в НАТО российская идея секторальной ПРО?

ФОГ РАСМУССЕН: Являясь генеральным секретарем НАТО, я не комментирую позицию отдельных государств. Но согласованная совместная позиция стран НАТО очень четко изложена в нашем заявлении, принятом по итогам встречи в верхах в Лиссабоне.

Мы все согласились с тем, что баллистические ракеты представляют реальную угрозу. Мы все согласились с тем, что НАТО нуждается в реальных мерах реагирования. И все мы также согласились с тем, что необходимо рассмотреть возможности для сотрудничества с Россией.

Вот почему за прошедший после лиссабонского саммита год мы проделали работу по созданию потенциала противоракетной обороны населения, территории и сил стран НАТО. И вот почему мы приступили к активному обсуждению с Россией вопроса о наилучшем пути сотрудничества в области ПРО.

Мы с самого начала четко обозначили свое видение: две отдельные системы, у которых одна и та же цель. Система НАТО и российская система, обменивающиеся информацией, что делает их обеих более эффективными. Очевидно, что НАТО не может и не станет передавать обеспечение своей безопасности на *внешний подряд* России, и я слышал от российских официальных лиц, что они тоже не будут передавать обеспечение своей безопасности на *внешний подряд* НАТО.

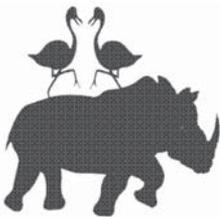
Но мы также четко обозначили, что считаем противоракетную оборону ключом к созданию настоящего стратегического партнерства. Сотрудничество в этой сфере окажется лучше любых заявлений: это будет надежным доказательством того, что лучший способ обеспечения безопасности — совместная работа. Вот чего я хочу добиться в наших отношениях с Россией. И это будет одним из ключевых вопросов на нашей повестке дня в предстоящие месяцы.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В своем интервью *Индексу Безопасности* заместитель министра обороны Российской Федерации Анатолий Антонов заявил, что, с точки зрения России, главное препятствие для более конструктивного диалога между НАТО и Россией — тот факт, что НАТО действует слишком быстро, не давая достаточного времени и материалов для анализа, необходимых для того, чтобы российская сторона приняла взвешенное решение. Что, с точки зрения НАТО, является основной проблемой в этих отношениях? Как можно было бы сделать диалог более конструктивным?

ФОГ РАСМУССЕН: Я не считаю противоракетную оборону проблемой — я считаю ее самой большой возможностью, когда-либо открывавшейся перед нами, для создания настоящего стратегического партнерства, к которому все мы стремимся.

Конечно, мы должны быть реалистами. И надо учитывать следующий фактор: НАТО начала рассматривать концепцию противоракетной обороны еще на встрече в верхах в Праге в 2002 г., тогда как обсуждение сотрудничества по ПРО с Россией началось лишь после прошлогодней встречи в верхах в Лиссабоне. Так что неудивительно, что на направлении НАТО нам удалось продвинуться дальше, чем на направлении НАТО–Россия.

Но суть в том, что противоракетная оборона — это огромная возможность, и все мы это понимаем. Именно поэтому этот диалог требует времени. Все мы относимся к нему серьезно. Все мы хотим добиться надлежащего результата. Поэтому все мы внимательно рассматриваем вопросы, возникшие в ходе нашего диалога.

Александр Спиридонов:

«ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ПЛАТЕЖНЫХ СИСТЕМ
ЗНАЧИТЕЛЬНО УПРОЩАЕТ ПРОЦЕСС ОТМЫВАНИЯ ДЕНЕГ»

Как работает финансовая разведка? Каковы принципы международного сотрудничества в сфере противодействия легализации денежных средств, полученных незаконным путем, и финансированию терроризма? В чем состоят вызовы XXI в. для финансовых разведчиков?

На вопросы главного редактора журнала Индекс Безопасности В. А. Орлова отвечает А. М. Спиридонов, заместитель руководителя Федеральной службы по финансовому мониторингу.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В ноябре 2011 г. Федеральная служба по финансовому мониторингу отметила свое десятилетие. Каковы, на Ваш взгляд, основные достижения Службы за это время?

СПИРИДОНОВ: Основным достижением можно считать то, что в России создана и функционирует система противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма (ПОД/ФТ), которая включает в себя не только Росфинмониторинг и ряд государственных органов, обладающих надзорными полномочиями, но и правоохранительные органы, кредитные и некредитные организации, суды. Россия не только в рекордные сроки вышла из *черного списка* Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег — ФАТФ, но, вступив в 2003 г. в эту организацию, уже в 2004 г. стала инициатором создания Евразийской группы по типу ФАТФ — ЕАГ.

В настоящее время авторитет Российской Федерации на международной арене в сфере ПОД/ФТ достаточно высок: к нам прислушиваются и с нами считаются. Стоит отметить, что представители Российской Федерации возглавляют не только ЕАГ, но и Комитет экспертов Совета Европы по оценке мер противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма — МАНВЭЛ.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В чем заключаются особенности отмывания денег в российских реалиях? Какие из приемов отмывания денег на сегодняшний день наиболее сложны для отслеживания?

СПИРИДОНОВ: Прежде всего необходимо отметить, что процесс легализации преступных средств представляет собой сложную схему последовательных действий, направленных на запутывание истинных источников происхождения криминальных доходов. Это осуществляется благодаря их трансформации путем многочисленных и разнообразных финансовых операций. Следует подчеркнуть, что сами по себе операции по отмыванию — это, как правило, легальные финансовые операции.

И
Н
Д
Е
К
С
Б
Е
З
О
П
А
С
Н
О
С
Т
И

Одним из инструментов, используемых для отмывания *грязных* денег, являются наличные денежные средства, которые активно могут применяться для *разрыва цепи* операций в схемах легализации преступных доходов, а также с целью маскировки следов незаконных операций, изменения владельцев этих средств, их физического перемещения и незаконной конвертации. Значительный удельный вес наличной составляющей в структуре общей денежной массы, что находится в обращении в Российской Федерации, и высокая ликвидность наличных денег обуславливают активное использование этого способа в нашей стране.

Наличные деньги представляют собой *нулевой* этап в процессе легализации, когда преступники хотят спрятать полученные денежные средства, уберечь их от конфискации.

Этот этап особенно характерен при хищении средств из бюджета, совершении преступлений, связанных с хищением пластиковых карт, *электронных денег*, при получении дохода от инсайдерских операций с ценными бумагами. Техника отмывания денег с использованием наличных широко используется и на начальных этапах коррупционных схем.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Как влияет технологический прогресс, в частности развитие виртуальных транзакций и электронной коммерции, на контроль финансовых потоков? Успевают ли контролирующие инстанции адекватно реагировать на совершенствование технологического инструментария авторов теневых финансовых схем?

СПИРИДОНОВ: Основными *преимуществами* использования, например, *электронных денег* в целях отмывания преступных доходов, являются неотслеживаемость, мобильность платежей и отсутствие посредников.

Каждый эмитент электронных денег, стремясь извлечь как можно больше прибыли и, соответственно, привлечь клиентов, действует по своим правилам. При совершении большинства операций сохраняется *анонимность* — аспект, особенно интересный *отмывателям*.

Использование электронных платежных систем значительно упрощает процесс отмывания и предоставляет дополнительные возможности при легализации преступных доходов, особенно полученных в виде *электронных денег*, что в большинстве случаев и происходит в ходе совершения преступлений в сфере компьютерной информации.

В Федеральную базу данных Росфинмониторинга поступают данные об операциях, связанных с платежами, осуществляемыми через операторов систем электронных денег, в частности такими, как *Яндекс.Деньги*, *Webmoney* и *E-Gold*.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: На каких принципах строится работа Росфинмониторинга по отслеживанию финансовых потоков? Как разграничиваются сферы ответственности финансовой разведки и правоохранительных органов, занимающихся вопросами финансовых преступлений?

СПИРИДОНОВ: Федеральная служба по финансовому мониторингу на сегодняшний день располагает огромным массивом информации об операциях с денежными средствами или иным имуществом, подлежащих обязательному контролю, сформированным с момента создания Службы.

Созданная Росфинмониторингом Федеральная база данных формируется из сообщений о подозрительных финансовых операциях, поступающих от кредитных и некредитных организаций в рамках действующего законодательства.

Ежедневно эта база данных пополняется тысячами сообщений, причем около 90% из них приходятся на банковский сектор. Накопленный информационный ресурс предоставляет возможность не только проводить финансовые расследования в сфере экономических преступлений, имеющих признаки легализации преступных доходов, но и в деталях видеть схемы, механизмы и финансовый инструмен-

тарий, используемый банками, хозяйствующими субъектами и отдельными физическими лицами в своей противоправной деятельности.

Постоянное увеличение объема Федеральной базы данных, повышение эффективности использования других информационных ресурсов в совокупности с внедрением новых технологий и методов аналитической работы позволили значительно увеличить информационный обмен с зарубежными подразделениями финансовых разведок за счет инициативных расследований, в том числе содержащих международную составляющую.

На сегодняшний день Служба проводит финансовые расследования в разных сферах российской экономики, в том числе совместно с подразделениями финансовых разведок из более чем 50 стран мира. Имеющаяся база данных по подозрительным операциям дает возможность видеть взаимосвязь подозрительных финансовых потоков отдельных хозяйствующих субъектов в таких привлекательных для криминального мира сферах, как рыболовство, лесное хозяйство, металлургия и ряд других. Накопленные материалы позволяют проводить межрегиональные и проблемно-тематические финансовые расследования.

Росфинмониторинг по закону является федеральным органом исполнительной власти, координирующим в России борьбу с легализацией преступных доходов и финансированием терроризма. Эта задача решается в тесном взаимодействии с правоохранительными органами и Генеральной прокуратурой Российской Федерации. С целью совершенствования организации информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации денежных средств и иного имущества, полученных преступным путем, межведомственным приказом от 5 августа 2010 г. утверждена Инструкция по организации информационного взаимодействия между Росфинмониторингом, Генеральной прокуратурой и правоохранительными органами.

Кроме того, Федеральной службой по финансовому мониторингу подписаны соглашения о сотрудничестве с рядом заинтересованных министерств и ведомств. Все это позволяет получить доступ к более чем 20 внешним информационным ресурсам организаций и ведомств, что, несомненно, оказывает положительное влияние на результативность всей работы.

Росфинмониторинг проводит финансовые расследования инициативно, по запросам правоохранительных органов Российской Федерации, а также по запросам зарубежных подразделений финансовых разведок.

Основной целью финансового расследования является установление достаточных оснований, свидетельствующих о том, что операция или сделка связаны с легализацией доходов, полученных преступным путем, или с финансированием терроризма. При наличии таких оснований Росфинмониторинг направляет информацию и материалы финансовых расследований в правоохранительные органы¹ для организации дальнейшей проверки, так как выявление, раскрытие и расследование преступлений, предшествующих легализации доходов, относится к полномочиям именно правоохранительных органов. Цель такого межведомственного взаимодействия и показатель эффективности — привлечение фигурантов финансовых расследований к уголовной ответственности.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Группа ФАТФ была организована по результатам анализа ситуации с незаконными финансовыми потоками на конец 1980-х гг. Изменились ли принципы работы группы за это время? Каков систематический ответ на появляющиеся новые угрозы?

СПИРИДОНОВ: В качестве основных стратегических задач ФАТФ с момента ее основания можно выделить следующие: разработка международных стандартов в борьбе с отмыванием преступных доходов и финансированием терроризма; развитие надежных и эффективных региональных структур, организованных по тем же принципам, что и ФАТФ; расширение сотрудничества с соответствующими между-

народными организациями. На всем протяжении своей истории ФАФТ неуклонно придерживается данных направлений.

Другое дело, что динамично меняющаяся международная обстановка, экономическое развитие вносят свои коррективы в жизнь мировой финансовой системы. ФАФТ со своей стороны старается своевременно и адекватно реагировать на новые вызовы и угрозы мировой финансовой стабильности. В настоящее время, например, идет работа над новыми редакциями 40 и 9 Рекомендаций ФАФТ, что вызвано веяниями времени. Формируются новые подходы к проведению взаимных оценок в странах-участницах на предмет соответствия национальных законодательств и действующей практики в области борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма с точки зрения эффективности принятых государством мер. У ФАФТ появились такие новые задачи, как противодействие финансированию распространения оружия массового уничтожения, борьба с коррупцией. Возможно, с течением времени в поле зрения ФАФТ окажутся и другие актуальные вопросы борьбы с финансовыми аспектами преступности.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Какое место занимает Росфинмониторинг как национальная финансовая разведка в международной системе контроля над финансовыми потоками? Как Вы оцениваете значение и роль Росфинмониторинга в связях с такими организациями, как ФАФТ, группа Эгмонт?

СПИРИДОНОВ: Финансовая разведка России — неотъемлемая часть международной системы противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма. Сотрудничество с зарубежными коллегами, в том числе проведение совместных финансовых расследований, работа над созданием на евразийском пространстве группы по типу ФАФТ, активная помощь странам СНГ в выполнении рекомендаций ФАФТ — все это обеспечило признание Росфинмониторинга одним из ведущих подразделений финансовой разведки мира, вносящим свой вклад в международную борьбу с отмыванием денег и финансированием терроризма.

Росфинмониторинг уполномочен представлять Российскую Федерацию в ряде международных профильных организаций и объединений. Это не только почетная миссия, работа на престиж страны. Мы активно участвуем в выработке международных стандартов по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма на площадке ФАФТ. Росфинмониторинг, а значит, и Россия в нашем лице, имеет определенный вес в сообществе финансовых разведок мира — это и Группа Эгмонт, и МАНИВЭЛ, Евразийская группа (ЕАГ), Азиатско-тихоокеанская группа (АТГ). К нашему мнению давно прислушиваются, стремятся перенять наш опыт, а по многим вопросам Росфинмониторинг имеет уникальный опыт.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Очередное заседание Группы Эгмонт состоится в июле 2012 г. в Санкт-Петербурге. На Ваш взгляд, является ли это отражением растущего значения России в международной системе контроля? Каковы вообще динамика и роль России в вопросах международной финансовой разведки?

СПИРИДОНОВ: Да, конечно, тот факт, что международным сообществом нам доверено провести столь знаковое мероприятие (а пленарное заседание, которое состоится в Санкт-Петербурге, станет 20-м, юбилейным), говорит о многом.

Основными стратегическими задачами Росфинмониторинга являются совершенствование эффективного механизма противодействия угрозам национальной безопасности Российской Федерации в установленной сфере деятельности, повышение значимости результатов проводимой работы в международной системе ПОД/ФТ, в том числе в рамках международного профессионального объединения подразделений финансовых разведок — Группы Эгмонт.

Основная цель Группы Эгмонт, объединяющей 127 государств мира, — расширение и активизация работы международного форума финансовых разведок, который оказывает поддержку национальным программам по борьбе с отмыванием

денег и противодействию финансированию терроризма, в том числе в сфере обмена информацией, повышения квалификации персонала, содействия развитию каналов связи с использованием современных технологий.

За 9 лет сотрудничества в рамках Группы Эгмонт в Росфинмониторинге проведены сотни международных финансовых расследований, связанных с самыми разными сферами криминального мира: наркобизнесом, терроризмом, незаконной банковской деятельностью, коррупцией, мошенничеством, незаконным приобретением недвижимости и т. д. Следует отметить, что эффективность этих расследований, в том числе благодаря международному сотрудничеству, достаточно высока.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Существует ряд региональных групп по типу ФАТФ, в частности ЕАГ, занимающаяся вопросами финансовых преступлений в Евразии. Насколько успешной Вы считаете их деятельность?

СПИРИДОНОВ: Деятельность региональных групп по типу ФАТФ имеет очень важное значение для формирования международной сети ПОД/ФТ, для развития и имплементации международных стандартов в этой сфере. Всего таких групп 9. Каждая из них имеет свою региональную специфику, но в то же время общие цели и задачи: консолидация и координация усилий государств-членов на приоритетных ПОД/ФТ; содействие в распространении и имплементации международных стандартов в сфере ПОД/ФТ; содействие в создании и развитии национальных систем ПОД/ФТ; координация программ сотрудничества; разработка и проведение совместных обучающих мероприятий.

По инициативе и при финансовой поддержке Российской Федерации в октябре 2004 г. была создана ЕАГ — Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма, в которую на начальном этапе вошли ряд стран СНГ и Китай. В текущем году ЕАГ вступила в завершающую стадию процедуры преобразования в межправительственную организацию с официальным статусом.

В июне 2011 г. в Москве было подписано Соглашение о ЕАГ, установившее статус Евразийской группы как межправительственной организации, основанной на принципах равного участия государств-членов в ее деятельности. Участниками Соглашения стали Беларусь, КНР, Киргизия, Россия, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. В июле 2011 г. к Соглашению присоединился Казахстан, а на Пленарном заседании ЕАГ, состоявшемся 23–24 ноября 2011 г., к договору присоединилась Индия.

Ω
ь
в
р
е
г
н
и

Примечания

¹ В соответствии со ст. 8 Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».

Наконец, туризм. В соседнем Таиланде уже занервничали: Мьянма — это Таиланд полувековой давности, не тронутый массовым туризмом, помноженный на не сравнимое с Таиландом число достопримечательностей архитектуры, с дивными пляжами на юге и снежными вершинами на севере. Прибрежный архипелаг может стать будущими Мальдивами. Элитные российские туристы уже *открыли* Мьянму: пришвартовываются яхты с соотечественниками; в отеле с видом на реку Иравади оставил запись «Роман Абрамович, футбольный клуб Челси». Идея чартера Аэрофлота до более массового курорта Нгапали не встретила понимания — но это изменится.

Когда лидер оппозиции Аун Сан Су Джи встречалась с российским послом в Мьянме, она призналась, что не видит большой роли для России в ее стране. Нынешнее мьянманское руководство считает иначе. Население, в целом недоверчивое к США и Китаю, Россию воспринимает позитивно. Но Россия обычно увереннее ведет себя с *закрытыми* режимами и куда слабее, когда режимы приоткрываются и конкуренция нарастает. Только новые масштабные проекты смогут место России в Мьянме зацементировать, подготовив под будущий рынок этой пока еще сонной страны.

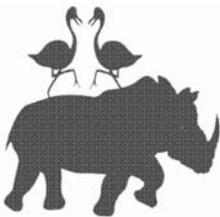
Закрепление России в Мьянме, если, конечно, оно будет реализовываться, пойдет одновременно с дальнейшим обострением конкуренции между США и Китаем в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). На саммите АТЭС в Гонолулу в ноябре 2011 г., а затем в ходе Восточноазиатского саммита на Бали президент Обама обозначил сознательный курс на обострение; США разворачивают военную базу на севере Австралии, требуют от Китая свободы судоходства в Южно-Китайском море, формируют Транс-Тихоокеанское партнерство в обход и в противовес Китаю.

В 2014 г. Мьянма будет председательствовать в АСЕАН и примет в Нейпидо Восточноазиатский саммит. Тогда на мьянманской земле встретятся лидеры Китая, США и России — и *сверят часы*.

В этом номере мы публикуем сразу несколько материалов о *мягкой*, невоенной безопасности. Среди множества угроз невоенного характера можно выделить те, что в особой степени влияют на социальные аспекты международной безопасности — это интернет и социальные сети с их перспективами влияния на процессы в мировой политике, проблема наркотрафика, подрывающая усилия по стабилизации ситуации в некоторых регионах, а также финансовые преступления, которые реализуются как в первой сфере (отмывание денег через электронные и *онлайн*-платежные системы), так и во второй (финансирование преступной деятельности, в том числе в сфере наркоторговли, и отмывание средств, полученных от нее).

О вопросах финансовой безопасности и противодействия угрозе наркотиков мы поговорили с Юрием **Федотовым**, исполнительным директором Управления ООН по наркотикам и преступности, генеральным директор штаб-квартиры ООН в Вене и Александром **Спиридоновым**, заместителем руководителя Федеральной службы по финансовому мониторингу. Роль интернета и социальных сетевых сервисов в системе международной безопасности рассматривает младший научный сотрудник ПИР-Центра Олег **Демидов** в своей статье *Социальные сетевые сервисы в контексте национальной и международной безопасности*. Эта статья является первой публикацией в рамках проекта ПИР-Центра *Международная Информационная Безопасность*, открытого в 2011 г.

Владимир Орлов
Янгон — Москва

Юрий Федотов:

«Я УДИВЛЕН ТЕМ, ЧТО ГЛОБАЛЬНАЯ КОМИССИЯ
ВЫСТУПАЕТ ЗА ЛЕГАЛИЗАЦИЮ ЭКСТАЗИ И КАННАБИСА»

Торговля наркотиками и наркомания, коррупция и финансовые преступления, транснациональная киберпреступность — все эти проблемы требуют серьезных и нестандартных решений, они выходят за рамки традиционной сферы национальной безопасности.

Корреспондент журнала Индекс Безопасности побеседовал с заместителем Генерального секретаря ООН, Исполнительным директором Управления по наркотикам и преступности (УНП ООН) Юрием Федотовым о мерах, которые проводит и поддерживает Управление в борьбе с угрозами XXI в.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: С чем связаны основные трудности в решении проблемы Афганистана как главного источника наркотрафика, идущего через Центральную Азию?

ФЕДОТОВ: Проблема исходящего с территории Афганистана наркотрафика возникла не сегодня. Причин для этого было немало: от многолетней внутренней нестабильности и вооруженной борьбы, развала нормальной экономики, бедности и отсутствия перспектив социального развития и поляризации афганского общества до слабости правоохранительных органов, пренебрежения принципом верховенства права и повсеместной коррупции и *прозрачности* границ этого государства.

Главное же, что вокруг производства афганского героина сформировалась колоссальная транснациональная наркоэкономика, поддерживаемая системой незаконного оборота, маршруты которого тянутся в Европу, в том числе через страны Центральной Азии. Преступная цепочка производства–незаконного оборота–потребления наркотиков приносит огромные барыши наркодилерам, которые в свою очередь идут на поддержание операций по перемещению наркотиков в Европу, а также на подпитку различного рода криминальных сетей, экстремизма и терроризма.

Взаимосвязь между проблемами безопасности и культивированием опийного мака уделяется особое внимание в опубликованном УНП ООН *Обзоре по опию в Афганистане за 2010 г.* Предполагается, что в 2011 г. выращивание мака является менее вероятным в деревнях с более высоким уровнем безопасности. Нестабильность и расширение масштабов вооруженной борьбы ведут к росту производства опия. Это неудивительно, ведь мятежники кровно заинтересованы в культивировании опийного мака, поскольку их деятельность отчасти поддерживается наркобизнесом.

С другой стороны, нельзя закрывать глаза на то, что культивирование опийного мака и производство и торговля наркотиками тесно связаны с афганской экономикой. Торговля опиатами через отмывание денег дает 16% ВВП Афганистана.

Культивированием опийного мака занято 250 000 фермерских хозяйств, или 6,3% населения Афганистана. Кто же просто так откажется от таких доходов?

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Можно ли рассчитывать на решение этой проблемы?

ФЕДОТОВ: Пожалуй, самая главная задача международного сообщества заключается в том, чтобы согласовать многочисленные социальные, политические, экономические и военные усилия, призванные устранить факторы, которые способствуют афганскому наркотрафику.

Очевидно, что эта проблема требует многосторонних и скоординированных усилий на трех магистральных направлениях: борьба с культивированием и производством опия — кстати, не только опия, но и гашиша — в самом Афганистане, пресечение трансграничного наркотрафика и сокращение спроса на наркотики в других странах.

Необходимо укреплять правоохранительные органы, совершенствовать судебную власть и развивать здравоохранение.

Необходимо не на словах, а на деле предпринимать шаги для искоренения коррупции и содействия надлежащему управлению в государственном и частном секторах. При поддержке международного сообщества необходимо содействовать экономическому развитию Афганистана.

Все эти усилия должны предприниматься одновременно и на основе принципа общей ответственности.

Для того чтобы усилиям по борьбе с наркотиками было уделено надлежащее внимание в переходный период, необходимо обеспечить твердое руководство и решимость на национальном уровне и среди доноров. Необходимо также добиться более широкого понимания крайней важности преследования преступников, занимающихся наркоторговлей. Важно, чтобы наркоторговцы сознавали растущую опасность своего ареста, предъявления обвинения и тюремного заключения.

Решающее значение имеет единая общерегиональная позиция: все страны региона должны признать данную проблему и совместно искать пути ее решения.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Что Вы думаете о роли ООН и, в частности, УНП ООН в решении афганской проблемы?

ФЕДОТОВ: В рамках своего мандата УНП ООН фокусирует свои усилия на проблемах афганского наркотрафика, включая такие связанные с этим вопросы, как укрепление потенциала соответствующих афганских структур, реформа правосудия, поддержка национальных усилий по уничтожению маковых посевов и развитию альтернативных культур, укрепление границы, противодействие коррупции, предупреждение наркозависимости и лечение наркоманов в самом Афганистане.

УНП ООН стремится играть роль катализатора, побуждающего государства к выработке общей международной стратегии. Управление координирует усилия и расширяет сотрудничество, опираясь на свои экспертные знания и опыт работы в Афганистане. Наш офис в этой стране — самый крупный в мире, в нем работают высококвалифицированные и самоотверженные сотрудники. Мы исполнены решимости и далее поддерживать правительство и народ Афганистана в деле восстановления безопасности и стабильности.

Стремясь придать системный характер усилиям по борьбе с наркотиками, УНП ООН оказывает поддержку Министерству по борьбе с наркоторговлей и другим соответствующим структурам. Кроме того, мы работаем на трех направлениях: правоохранительная деятельность, реформа уголовного правосудия и здравоохранение. Сокращение масштабов культивирования опийного мака напрямую связано с надлежащим управлением, и УНП ООН прилагает усилия по созданию необходимой инфраструктуры для содействия пограничным полицейским силам Афганистана и другим ведомствам по борьбе с наркоторговлей в осуществлении региональных мероприятий по укреплению границ. Мы также принимаем активное участие в проектах по соз-

данию альтернативных источников средств к существованию в Афганистане, чтобы обеспечить афганских крестьян законными и устойчивыми источниками дохода.

В ближайшее время будет начато осуществление новой страновой программы для Афганистана (2011–2014 гг.), которая призвана стать стратегическим руководством для деятельности УНП ООН в рамках общерегиональной стратегии. Приоритеты и руководящие принципы этой программы предусматривают следующие направления деятельности: интеграция тематических мероприятий, координация комплексной помощи в вопросах жизнеобеспечения, расширение деятельности в сфере здравоохранения и активизация усилий по сбору и анализу фактических данных. Это программа рассчитана на 3-летний период, и ее ежегодный бюджет составляет 25 млн долл.

Стремясь максимально повысить эффективность своей деятельности, УНП ООН тесно взаимодействует с различными партнерами, в том числе с неправительственными организациями и многосторонними структурами.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Какую роль играют другие государства Центральной Азии в региональном незаконном обороте наркотиков?

ФЕДОТОВ: Северным маршрутом, пролегающим через Центральную Азию, перевозится почти треть всего афганского опия. Очевидно, что вследствие нестабильности и отсутствия должного пограничного контроля Центральная Азия превратилась в один из основных маршрутов незаконного оборота наркотиков. Хотя и здесь неуклонно растет доля населения, потребляющего производимый в Афганистане опий, подавляющая часть этих наркотиков идет в Россию и Европу.

Незаконный оборот афганского опия по северному маршруту имеет катастрофические последствия. Через центральноазиатские страны в Российскую Федерацию ежегодно поступает более 70 тонн чистого героина. В одной только России от передозировки героина ежегодно гибнут тысячи людей.

Центральная Азия расположена в непосредственной близости от района, в котором производится почти весь потребляемый в мире опий. Как следствие этого, она рассматривается как первый заслон на пути поставок наркотиков из Афганистана.

В рамках деятельности на страновом уровне в Центральной Азии УНП ООН помогло создать национальное Агентство по контролю за наркотиками в Таджикистане, которое стало лидером в этой области. Создание таджикского агентства позволило организовать деятельность по борьбе с наркобизнесом на основе оперативных данных и наладить более тесные отношения с другими организациями. При поддержке УНП и доноров аналогичная модель в настоящее время реализуется в Кыргызстане.

Ключевую роль играет Парижский пакт, учрежденный в 2003 г. и объединяющий сегодня более 70 стран и международных организаций, принимающих активное участие в его деятельности. Парижский пакт служит платформой, позволяющей собрать за одним столом всех заинтересованных участников для обсуждения проблемы наркопоставок из Афганистана. На протяжении последних трех-четырёх лет в рамках Парижского пакта принимались меры по осуществлению стратегии *Радуга* Регионального отделения УНП ООН для Центральной Азии. Рассчитываю, что запланированная на декабрь 2011 г. в Вене третья министерская конференция Парижского пакта придаст дополнительный политический импульс этой работе.

Особое внимание партнеры уделяют контролю над прекурсорами, используемыми при изготовлении героина (операция *Тарсет*), и обеспечению безопасности на границах центральноазиатских государств с Афганистаном (пограничные отделения по связи и Центральноазиатский региональный информационный координационный центр ЦАРИКЦ). Этим инициативам принадлежит ключевая роль в стратегии УНП ООН в центральноазиатском регионе. Помимо этого, планируется приступить к осуществлению новых мероприятий, чтобы обеспечить согласованное и последовательное участие в региональных усилиях по борьбе с наркотиками.

Ю
Р
В
Р
Е
Т
Н
И

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Какие меры могут быть приняты в отношении центральноазиатских стран, незащищенность границ которых способствует обострению проблемы незаконного оборота наркотиков?

ФЕДОТОВ: Важно помнить о том, что ответственность за борьбу с незаконным оборотом через международные границы нельзя возлагать на одно государство. Поэтому абсолютным приоритетом является налаживание более эффективного обмена информацией и оперативными данными между всеми странами Центральной Азии. Нельзя забывать и об огромных расстояниях: например, Таджикистан и Афганистан разделяет граница протяженностью 1344 км. Кроме того, этот удаленный регион характеризуется весьма сложным рельефом местности.

Борьба с незаконным оборотом наркотиков в Центральной Азии должна вестись на региональной основе. Успешным примером эффективного сотрудничества можно считать создание в Алма-Ате успешно функционирующего ЦАРИКЦ. Этот центр, созданный при поддержке УНП ООН для улучшения сотрудничества национальных и региональных правоохранительных ведомств Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана, а также России и Азербайджана в антинаркотической деятельности, позволил существенно затруднить поставки наркотиков по ряду маршрутов и провести крупные изъятия наркотиков.

Региональная программа для Афганистана и соседних с ним стран будет способствовать дальнейшему углублению сотрудничества между всеми заинтересованными сторонами и, следовательно, укреплению препятствий на пути наркотиков из Афганистана. В настоящее время УНП ООН находится на заключительной стадии подготовки программы и разрабатывает комплекс межсекторальных региональных вспомогательных мероприятий для заполнения имеющихся пробелов в системе налаживания региональной деятельности по борьбе с наркотиками.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Что Вы можете сказать о принципах профилактики, лечения и реабилитации?

ФЕДОТОВ: Широко известны публикации УНП ООН по вопросам профилактики наркопотребления и борьбы с наркозависимостью, которые призваны помочь государствам-членам в осуществлении их лечебно-профилактических и реабилитационных программ.

Мы должны бороться с такими губительными для детей явлениями, как злоупотребление наркотиками и безнадзорность. Принимаемые УНП меры, направленные на смягчение или даже устранение угрожающих детям опасностей и предоставление им возможности всесторонне участвовать в жизни общества, могут помочь изменить жизнь детей к лучшему. Важно добиться того, чтобы дети росли в атмосфере любви и заботы, не подвергаясь опасности, под контролем и надзором взрослых. С помощью разработанных УНП ООН мер можно добиться реальных успехов в деле предотвращения наркорасстройств.

Когда заходит речь о наркологической помощи, политики и различные руководящие деятели зачастую закрывают глаза на имеющиеся медико-социальные научные данные, в то время как эффективность лечения наркозависимости определяется именно на основе научных данных. Методика наркологической помощи должна опираться на научно обоснованные данные, а не на идеологию, предрассудки или личные убеждения.

Должен заметить также, что забота о наркозависимых должна стать делом всего общества. Такой подход способствует укреплению социальной сплоченности и предотвращает дискриминацию в отношении наркозависимых или даже их изоляцию. Лицам, ответственным за принятие решений, необходимо осознать, что неблагоприятная обстановка может вызвать угрозу для здоровья населения и возврат к наркопотреблению.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Как можно классифицировать государства мира с точки зрения первоочередных направлений борьбы с наркотиками на национальном уровне?

ФЕДОТОВ: Прежде всего мы должны отвергнуть стереотип о том, что с проблемой злоупотребления наркотиками сталкиваются лишь *страны назначения*. Сегодняшняя реальность такова, что высокому риску злоупотребления психоактивными веществами подвергаются как *страны-производители*, так и *страны транзита*.

В качестве примера можно привести Афганистан, в котором в результате культивирования опийного мака возросли уровни потребления наркотиков, в том числе героина, среди взрослого населения, молодежи и даже детей. Еще одним примером является Западная Африка. В последние годы организованная преступность изменила маршруты незаконного оборота кокаина, и в результате этого в странах транзита кокаина теперь отмечается высокий уровень потребления наркотиков. Аналогичная ситуация складывается на Балканском маршруте.

Другим важным источником информации о положении на национальном уровне являются страновые обзоры. В них содержится подробная информация о количестве наркопотребителей как среди взрослого населения, так и среди молодежи. Также об уровне наркопотребления в той или иной группе населения свидетельствуют данные о количестве лиц, обращающихся за медицинской помощью.

Еще одним четким показателем состояния наркопроблемы на национальном уровне является информация о степени охвата наркологических служб. Например, в одних странах, сталкивающихся с весьма серьезной проблемой наркопотребления и наркозависимости, принимаются эффективные меры, а в других странах таких служб не хватает или они отсутствуют вовсе.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Исходя из опыта других стран какие меры могут быть приняты в России в целях предупреждения незаконного оборота наркотиков и борьбы с ними?

ФЕДОТОВ: В том, что касается сокращения спроса на наркотики, в Российской Федерации уже делается многое. Например, успешно осуществляются программы профилактики наркопотребления в школах, а также принимаются меры в отношении групп населения, затронутых наркозависимостью. Вместе с тем возможности для совершенствования еще далеко не исчерпаны. Недавнее обсуждение этой злободневной темы на специальном заседании Госсовета России — яркое тому подтверждение.

В настоящее время мы пытаемся создать платформу для обмена передовыми методами и научными данными. Это позволит Российской Федерации и другим странам осуществлять выгодный для них взаимный обмен опытом и знаниями.

Я думаю, что нам следует и впредь поощрять применение в России подхода, ориентированного на заботу о наркозависимых, — подхода, при котором больной человек пользуется заботой системы общественного здравоохранения на всех стадиях заболевания. При таком подходе больной попадает с улицы в больницу, а из системы амбулаторного лечения в *терапевтическую общину*. Таким образом, мы охватим весь цикл от лечения до восстановления и реинтеграции человека в общество.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В июне 2011 г. был опубликован доклад Глобальной комиссии по наркотической политике. Одна из его рекомендаций заключалась в том, чтобы пересмотреть классификацию запрещенных наркотиков и фактически легализовать *слабые* наркотики. Как Вы думаете, поможет ли это в борьбе со злоупотреблением наркотиками? Будет ли такая мера способствовать сокращению глобального рынка *сильных* наркотиков? Как Вы в целом оцениваете меры, предложенные в этом докладе?

ФЕДОТОВ: УНП ООН всегда открыто для диалога с гражданским обществом. Вместе с тем важно помнить о том, что в вопросах наркотиков международное сообщество руководствуется решениями своих руководящих органов, а именно Комиссии

Ю
Б
В
Р
Е
Т
Н
И

по наркотическим средствам (КНС), которая каждый год в марте проводит свои сессии в Вене. КНС — это наш парламент, на заседания которого все государства-члены собираются для выработки международной политики в отношении наркотиков.

Конвенции о международном контроле над наркотиками образуют комплексную правовую основу, которая призвана защитить здоровье людей от опасного воздействия наркотиков. В 2009 г. КНС единодушно подтвердила действенность конвенций о наркотических средствах и психотропных веществах, а также перечней наркотиков, представляющих собой контролируемые вещества. Таким образом, призывы к легализации даже части наркотических средств по сути направлены на подрыв действующего международного права.

С медицинской же точки зрения все эти вещества являются опасными для здоровья человека, если они используются не в строго лечебных целях. Я удивлен тем, что Глобальная комиссия выступает за легализацию экстази и каннабиса. Ведь научно установлено, что употребление каннабиса, экстази и других так называемых слабых наркотиков может привести к возникновению поведенческих и психологических проблем, повышающих вероятность потребления *сильных* наркотиков.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Какую роль играет Целевая группа по финансовым мероприятиям для борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) в обеспечении международной безопасности?

ФЕДОТОВ: Целевая группа по финансовым мероприятиям для борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) — это межправительственный орган, целью деятельности которого являются разработка и содействие осуществлению стратегий борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма как на национальном, так и на международном уровне.

Целевая группа является, соответственно, *разрабатывающим политикой органом*, который формирует необходимую политическую волю для проведения в странах законодательных и нормативно-правовых реформ в этих областях для уменьшения уязвимости экономических и финансовых рынков перед такими преступлениями. В состав Целевой группы входят 34 государства и две региональные организации. При этом выполнять стандарты ФАТФ, так называемые рекомендации «40 + 9», в настоящее время взяли на себя обязательство свыше 180 стран.

Совсем недавно *Группа 20* в принятой ею Питтсбургской декларации призвала ратифицировать Конвенцию ООН против коррупции и просила ФАТФ оказать помощь странам в деле предупреждения и выявления случаев отмывания денежных средств, полученных в результате коррупционной деятельности, путем ужесточения стандартов, касающихся проявления должной осмотрительности в отношении клиентов, доверительного управления и прозрачности.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Сотрудничает ли УНП ООН с ФАТФ в каких-либо вопросах, и если да, то в каких именно?

ФЕДОТОВ: УНП ООН имеет статус наблюдателя в ФАТФ и в других подобных ФАТФ региональных органах. Оба учреждения всегда тесно взаимодействовали между собой. Кстати, нынешний Исполнительный секретарь ФАТФ Рик Макдонелл ранее занимал должность руководителя реализуемой в рамках УНП Глобальной программы борьбы с отмыванием денег, доходами от преступной деятельности и финансированием терроризма.

Я имел возможность обсудить с председателем ФАТФ партнерские отношения между нашими учреждениями. При этом первоочередное внимание уделяется борьбе с коррупцией и проводимым УНП исследованиям в области незаконных финансовых потоков, являющихся результатом доходов от незаконного оборота наркотиков и других видов транснациональной организованной преступности.

УНП регулярно участвует в проектах ФАТФ. Так, например, совсем недавно наше Управление подготовило исследование, посвященное связям между отмыванием денег и торговлей людьми и незаконным ввозом мигрантов. Другое исследова-

ние УНП, завешенное в июне 2011 г., посвящено проблеме похищения людей ради выкупа и морского пиратства и отмывания денег. Кроме того, УНП регулярно предоставляет экспертную помощь в вопросах международного сотрудничества в целях конфискации доходов от преступлений в рамках периодического рассмотрения примечаний для толкования стандартов ФАТФ.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Как Вы оцениваете усилия, предпринимаемые Россией в соответствии с Конвенцией ООН против коррупции?

ФЕДОТОВ: Весьма высоко. Российская Федерация ратифицировала Конвенцию ООН против коррупции 9 мая 2006 г. С этого времени она принимает активное участие в работе Конференции государств-участников и ее вспомогательных органов.

Россия участвует в работе Механизма обзора хода осуществления Конвенции ООН против коррупции, начиная с первого цикла обзора. Россия принимает участие в проведении обзоров по двум странам в качестве проводящего обзор государства и одновременно сама проходит обзор в рамках второго года цикла обзора, который начался в июне 2011 г. Процесс обзора позволит Российской Федерации на основе всеобъемлющей самооценки и активного диалога с двумя проводящими обзор государствами провести оценку своей законодательной и институциональной антикоррупционной базы с учетом положений Конвенции.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Является ли деятельность Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции достаточной для улучшения положения дел в области коррупции в России?

ФЕДОТОВ: У УНП ООН сложились хорошие рабочие контакты с членами Президентского совета. Актуализированная информация о положении дел с борьбой с коррупцией в России была доведена до руководства УНП ООН и глав дипмиссий при Венском отделении ООН в ходе визита в Вену 11 июля 2011 г. руководителем Администрации президента России Сергеем Нарышкиным. Достигнута договоренность о продолжении сотрудничества с соответствующими российскими структурами.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Насколько серьезна проблема трансграничной киберпреступности?

ФЕДОТОВ: Интернет — это соединение сетей, соответствующих мировым техническим стандартам, которое обеспечивает возможность трансграничной коммуникации. Отправка файлов из одной страны в другую занимает считанные секунды, а доступ к необходимым веб-сайтам можно получить из любой точки мира. Кроме того, происходит глобализация услуг. Популярны социальные сети и службы электронной почты, зарегистрированные в одной стране, зачастую имеют сотни миллионов пользователей по всему миру.

Как следствие, интернет может во многом облегчать совершение трансграничных преступлений. Даже в том случае, если двое подозреваемых обмениваются электронными почтовыми сообщениями в пределах одной страны, использование иностранного поставщика услуг электронной почты может придать этим действиям трансграничный характер. Необходимо уделить этому самое пристальное внимание, поскольку расследование трансграничных преступлений, в отличие от сугубо национальных, требует международного сотрудничества и предусматривает участие различных учреждений и выполнение самых разных процедур.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Директор Департамента по вопросам новых вызовов и угроз Министерства иностранных дел Российской Федерации отметил, что для решения проблемы киберпреступности Европейской конвенции о киберпреступности недостаточно. Как Вы оцениваете потенциал этой конвенции?

ФЕДОТОВ: В последние годы и, в частности, в ходе двенадцатого Конгресса ООН по преступности государства — члены ООН обсуждали практическую целесообразность согласования нового международного документа о борьбе с киберпреступностью. В качестве альтернативы некоторые государства выступали также с предложением обеспечить глобальный охват Конвенции Совета Европы о киберпреступности.

В отсутствие согласия УНП ООН было предложено учредить межправительственную группу экспертов открытого состава по киберпреступности. На эту группу был возложен мандат провести «всестороннее исследование проблемы киберпреступности и ответных мер со стороны государств-членов, международного сообщества и частного сектора. Этот обзор также предусматривал бы обмен информацией о национальном законодательстве, наилучших видах практики, технической помощи и международном сотрудничестве с целью изучения возможных путей укрепления существующих и выработки предложений в отношении новых национальных и международных мер по противодействию киберпреступности».

Первое совещание этой межправительственной группы экспертов открытого состава по киберпреступности было проведено 17–21 января 2011 г., и в ходе этого совещания группа одобрила методологию и сроки проведения этого исследования. Следующий этап предусматривает заполнение вопросника, сбор данных и их анализ. В конечном счете вопрос о необходимости разработки Конвенции на уровне ООН будут решать непосредственно государства-члены.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Какие слабые места в борьбе с киберпреступностью на национальном и международном уровнях Вы можете назвать?

ФЕДОТОВ: На международном уровне необходимо разработать всеобъемлющий подход с учетом различных национальных и региональных потребностей и возможностей, а также обеспечить широкое участие в этой деятельности всех заинтересованных сторон. Для эффективного предупреждения киберпреступности необходимы одновременно обучение пользователей, меры технической безопасности и сотрудничество ключевых заинтересованных сторон. Вся эта деятельность должна подкрепляться принятием действенного законодательства.

Расследование киберпреступлений требует не только наличия персонала и оборудования: необходимы также соответствующее законодательство и возможности для сотрудничества на транснациональном уровне. Отсутствие сотрудничества на национальном, региональном и международном уровнях ослабляет борьбу с киберпреступностью.

Соединение сетей и простота общения через Интернет являются результатом применения по сути одних и тех же технических стандартов во всем мире. Для обеспечения эффективности глобальной правовой базы требуется согласование законодательства, а также совершенствование национального законодательства, которое позволило бы налаживать конструктивное международное сотрудничество. В то же время такая правовая база должна учитывать различные национальные и региональные потребности и возможности соответствующих стран.

Еще одним слабым аспектом в борьбе с киберпреступностью является отсутствие мероприятий по наращиванию потенциала, которые проводились бы на долгосрочной и устойчивой основе, особенно в развивающихся странах. В этом контексте важнейшее значение для оказания развивающимся странам помощи в борьбе с киберпреступностью имеют наращивание потенциала и техническая помощь. УНП ООН, выполняя ряд соответствующих мандатов, стремится оказывать помощь таким странам.

Кроме того, центральным элементом мер противодействия, принимаемых международным сообществом, должны стать инновации. Действительно, когда речь идет о таких новых угрозах, как киберпреступность, международное сообщество должно в первую очередь думать о том, чтобы всегда быть на шаг впереди преступников.

Ни одно правительство не может реагировать с такой же скоростью, которую имеют используемые киберпреступниками технологии. Уровни доступа, уровни технологий и уровни возможностей у различных стран различаются. В этой связи императивом для международного сообщества является налаживание тесного сотрудничества по противодействию использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях. УНП ООН готово этому содействовать.

Игорь Иванов

НЕДЕЛИМОСТЬ БЕЗОПАСНОСТИ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

В начале XXI в. понятие международной безопасности претерпело радикальные качественные измерения. Во время холодной войны мир имел четкую биполярную структуру, и все сколько-нибудь серьезные угрозы безопасности неизбежно выходили на глобальный уровень. Поэтому, строго говоря, любой локальный конфликт всегда имел и глобальное измерение. В этом заключался основной риск биполярного мира — потенциальная угроза мировой войны таилась в каждом политическом кризисе — пусть даже и в самом отдаленном уголке планеты. Но на этом же основывалась и стабильность международной системы — никто не хотел рисковать перспективой неконтролируемой эскалации, провоцируя новые и новые локальные конфликты. Принцип *взаимного сдерживания* в большинстве случаев работал не только на глобальном, но и на региональном уровне, потому что ставки всегда были очень высоки. Таким образом, принцип неделимости безопасности был заложен в самом фундаменте системы международных отношений.

Сегодня структура мировой системы все дальше отходит от привычной биполярности. Мир движется в направлении глобализации, прежняя иерархия великих держав больше не работает, а угрозы становятся все более разнообразными. Принцип сдерживания на глобальном уровне оказывается очевидно устаревшим, а на региональном уровне он вообще перестает работать. В то же время новых принципов для противодействия конфликтным ситуациям международное сообщество пока не выработало. Последняя военная операция в Ливии в этом отношении весьма показательна: вся операция планировалась и осуществлялась *с колес*, без какого-либо правового фундамента и политической платформы, а главное — без ясной стратегической цели (ведь не может же считаться такой целью простое свержение Каддафи, не говоря уже о юридической сомнительности подобной задачи).

Количество локальных и региональных конфликтов в мире за последние два десятилетия существенно увеличилось. Надежды на то, что завершение самого длительного и самого масштабного геополитического противостояния XX в. приведет к установлению всеобщего мира, укреплению международной безопасности и радикальному разоружению, к сожалению, не оправдались. Угроза гибели всего человечества в огне ядерного войны, конечно, резко снизилась, но количество жертв войн меньшего масштаба многократно возросло. И большинство экспертов сходятся во мнении, что в обозримом будущем эта тенденция сохранится — мы будем свидетелями новых кризисов, новых конфликтов и новых жертв.

Еще несколько лет назад многие аналитики высказывались в том смысле, что резкий рост вооруженных конфликтов в конце прошлого — начале нынешнего века — явление сугубо временное, своего рода отсроченные последствия предыдущей эпохи. Говорилось о том, что конец биполярного мира высвободил многочисленные подспудные противоречия, трения и антагонизмы, которые раньше подавлялись жесткой биполярной конструкцией. Вышли на поверхность застарелые национальные,

И
З
А
Л
А
Н
А

религиозные и социальные конфликты, — все то, что искусственно сдерживалось на протяжении почти полувека. Отсюда — беспрецедентный взрыв нестабильности на региональном и локальном уровнях, ставший своего рода платой за стремительный слом биполярной системы.

Сегодня подобные объяснения уже вряд ли могут кого-либо устроить. Холодная война завершилась не вчера и даже не 10 лет назад. Неужели за два десятилетия так и не разрядилось напряжение, скопившееся за период холодной войны? Сколько еще надо ждать, чтобы мир вернулся к *нормальному* состоянию? Почему *остаточный* конфликтогенный потенциал мировой политики не только не исчерпал себя, но, похоже, продолжает накапливаться? Вправе ли мы, вступившие во второе десятилетие XXI в., списывать свои проблемы на негативное наследие прошлого столетия?

ХРОНИЧЕСКАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ

Ситуация выглядит, как минимум, парадоксальной. Оценки ответственных политиков в Вашингтоне, Брюсселе, Пекине или Москве угроз международной безопасности и глобальных вызовов современности очень схожи. Мы мыслим одними категориями, нас беспокоят одни и те же проблемы, предлагаемые нами решения мало чем отличаются друг от друга. Не хочу упрощать — не все интересы совпадают, не все точки зрения можно свести к единой позиции. Но все мы так или иначе объединены общими угрозами и вызовами. Это реальность, которая вряд ли изменится в обозримом будущем.

Казалось бы, в этих условиях задача формирования надежной системы глобальной безопасности становится чисто технической. Фундаментальная общность интересов основных игроков мировой политики в мире, не расколотом непримиримыми противоречиями, неизбежно должна привести к созданию механизмов сотрудничества. Однако приходится констатировать: такие механизмы до сих пор или не созданы, или не работают должным образом. А единого пространства безопасности как не было, так и нет по сей день. Мир вроде бы движется к единству, а число конфликтов не уменьшается.

Наверное, в России и на Западе найдутся скептики, которые скажут, что переход от биполярной к многополярной системе международных отношений неизбежно ведет к увеличению конфликтогенного потенциала в мировой политике. Они будут утверждать, что многополярная система по определению более сложна и менее управляема, чем биполярная. Будут приводить множество самых разнообразных аргументов — геополитического, культурно-цивилизационного и даже религиозного характера. Мне эти аргументы кажутся малоубедительными; за ними, как правило, стоит нежелание отказаться от старых привычек, страхов и стереотипов мышления. Во всяком случае, история свидетельствует против подобных заключений: многополярный мир, созданный участниками Венского конгресса в начале XIX в., оказался весьма устойчивым и поддерживал относительную стабильность на протяжении целого столетия.

На мой взгляд, после завершения холодной войны в мировой политике возникла очень опасная тенденция, которая и предопределила многие из ее нынешних сложностей и тупиков. Вернее, тенденций было несколько, но все их можно условно обозначить как тенденции к делимости мировой безопасности. Когда в начале 90-х гг. прошлого века стало ясно, что фундаментальная перестройка мировой политики эпохи холодной войны станет делом трудным, затратным и политически болезненным, был сделан выбор — скорее всего, неосознанный, — в пользу консервации старой системы при допущении всплесков локальной и региональной нестабильности. При этом явно или неявно делались несколько предположений.

Во-первых, о том, что безопасность Запада (или даже Севера) можно отделить от безопасности Востока (или Юга), что локальные всплески не смогут нарушить равновесия глобальной системы.

Во-вторых, о том, что работу по замораживанию конфликтов можно отделить от усилий по их окончательному урегулированию; предполагалось, что время всегда играет на стороне миротворцев.

В-третьих, о том, что вопросы безопасности в целом можно отделить от вопросов развития; главное — остановить военное противостояние, а дальше — положиться на местные *здоровые силы*, которые при минимальном содействии извне смогут предотвратить угрозу возобновления конфликта.

Хочу подчеркнуть: все эти предположения нельзя считать полностью обосновательными. Их можно расценить как циничные, аморальные, эгоистические, но в определенной логике им отказать нельзя. В каком-то смысле представления о делимости глобальной безопасности и возможности *автоматического* разрешения региональных конфликтов можно уподобить представлениям о том, что рыночные механизмы должны *автоматически* решить все экономические проблемы человечества. И то и другое допущение оказалось в конечном счете несостоятельно. В результате на протяжении последних двух десятилетий человечество так и не разрешило ни одного сколько-нибудь значимого *старого* регионального конфликта, продолжая накапливать *новые*. Бывшая Югославия и Сомали, Афганистан и Большой Кавказ, Гаити и Северная Корея, Ближний Восток и Руанда — список конфликтных ситуаций за последние 20 лет стал только длиннее и продолжает пополняться.

К сожалению, та же картина наблюдается на территории бывшего Советского Союза. На протяжении 20 лет после распада СССР в целом удалось минимизировать последствия сопутствующих локальных конфликтов, но задача ликвидировать их причины решена не была. В результате мы имеем дело с многочисленными угрозами и рисками перехода конфликтных ситуаций из латентной в активную форму. Причем, как еще раз продемонстрировали события прошлого года в Кыргызстане, конфликтные ситуации могут возникать не только на межгосударственном уровне, но и внутри отдельных государств.

Кстати, рост числа конфликтов, порожденных кризисом государственности — общемировой тренд. Международные конфликты все чаще провоцируются внутренними противоречиями и гражданскими войнами. А это выводит управление конфликтами из сферы рациональных международных отношений и дипломатии, делает их менее предсказуемыми. Если конфликты XX в. характеризовались наличием *договаривающихся сторон* с более или менее ясными и долгосрочными интересами, то в конфликтах XXI в. стороны обозначаются далеко не сразу, интересы краткосрочны и фрагментированы, а огромная мощь мировых центров силы малопригодна для их решения.

МЕХАНИЗМЫ ДЛЯ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ

Нынешнее положение осложняется тем обстоятельством, что традиционные ресурсы противодействия региональным и локальным конфликтам, по всей видимости, практически исчерпаны. Во всем мире наблюдается растущее разочарование в идее внешнего вмешательства как способа решать региональные или национальные проблемы. Операции США в Ираке и Афганистане вызывают острую критику внутри Соединенных Штатов. Военная интервенция в Ливии сталкивается с растущей оппозицией в Европейском Союзе. Да и в России идея использования вооруженных сил за пределами национальной территории ни у кого, мягко говоря, не вызывает восторга.

Скептики и пессимисты утверждают, что в обозримом будущем великие державы будут слишком заняты своими внутренними делами, чтобы пытаться разрешить конфликтные ситуации за пределами своих границ. Предполагается, что никаких грандиозных проектов по укреплению международной безопасности не предвидится: эти проекты просто некому выдвигать и, что более существенно, некому финансировать. А значит — разговоры о перестройке ООН, модернизации НАТО, реформе ОБСЕ,

скорее всего, так и останутся разговорами — по крайней мере, на протяжении следующих нескольких лет. Тут опять-таки напрашивается параллель с мировой экономикой: во время последнего финансово-экономического кризиса кто только не говорил о необходимости радикально перестроить МВФ и МБРР, обновить ВТО, повысить управляемость мировой экономики в целом! Тем не менее практические шаги в этом направлении остаются пока более чем скромными, планы серьезных реформ опять откладываются на неопределенное будущее.

В мировой политике тоже складывается внутренне противоречивая ситуация. С одной стороны, в глобальном мире безопасность становится неделимой: любая значимая кризисная ситуация порождает цепочку последствий, так или иначе затрагивающих всех. Более того, накопление региональных факторов нестабильности не может продолжаться бесконечно: рано или поздно количество перейдет в качество, и мы станем свидетелями острого системного кризиса. С другой стороны, рассчитывать на реформу основных элементов международной системы безопасности пока не приходится — на это явно не хватает политической воли и настойчивости.

По всей видимости, нужно искать принципиально новые подходы к разрешению региональных и локальных конфликтов. Старые методы — как показал опыт гуманитарных интервенций последних десятилетий, операции в Ираке, Афганистане, Ливии, — просто не работают. Внешнее вмешательство зачастую оказывается дестабилизирующим фактором: оно разрушает местные социальные и политические связи, экономические отношения и устоявшиеся культурные традиции, подрывает легитимность как власти, так и оппозиции. В итоге мы имеем дело с хронической нестабильностью, которая всегда готова вылиться в острую конфликтную ситуацию.

Не хочу утверждать, что у меня есть готовые ответы на все вопросы, связанные с профилактикой и урегулированием конфликтов. Равным образом я не хочу утверждать, что мы должны отказаться от попыток реформировать существующие институты безопасности — они по-прежнему играют важную роль в обеспечении глобальной и региональной стабильности. Но строить новую систему безопасности в условиях современного глобального мира по образцам XX в. — дело, как мне кажется, совершенно безнадежное. Время иерархий в мировой политике прошло. У нас нет никаких гарантий того, что новые институты будут лучше старых, потенциал которых далеко не исчерпан.

Однако нельзя не видеть и другого — нынешнее *окно возможностей* в отношениях между Россией и Западом вряд ли сохранится надолго. Особенности политических циклов в Соединенных Штатах, в России и в некоторых ведущих европейских странах таковы, что через несколько лет добиться прорыва в этих отношениях может оказаться гораздо труднее, чем сегодня. Не хочу казаться пессимистом, но шанс, который нам выпал сегодня, может оказаться последним для нашего поколения политиков.

ТАК КАК ЖЕ НЕ УПУСТИТЬ ШАНС, КОТОРЫЙ ДАЛА НАМ ИСТОРИЯ?

Наверное, стоит подумать о том, где мы — на Западе и на Востоке — недоработывали в прошлом. На мой взгляд, одна из главных причин наших неудач состояла в стремлении найти какое-то одно, магическое решение всех наших проблем. Своего рода *философский камень* мировой политики — универсальный механизм, институт, конструкцию, которая бы раз и навсегда решила проблемы безопасности в мире. Кто-то предлагает решить все проблемы путем приема России в НАТО. Другие говорят о необходимости *реформировать* Организацию Объединенных Наций или вообще заменить ООН какой-то совершенно новой структурой, созданной на базе *восьмерки* или *двадцатки*.

Лихорадочная активность вокруг существующих или предлагаемых институтов безопасности чем-то напоминает болезненную *пактоманию* 30-х гг. прошлого века в Европе, когда европейские страны отчаянно пытались отодвинуть надвигающуюся катастрофу подписанием множества двусторонних и многосторонних соглашений

о сотрудничестве, ненападении, нейтралитете и пр. Чем кончились 30-е гг., мы все хорошо помним; *пактомания* не решила, да и не могла решить ни одной проблемы ни европейской, ни глобальной безопасности.

Я далек от мысли проводить прямые параллели между событиями той эпохи и современностью. Однако, перефразируя известное высказывание Гете, можно отметить, что «мировая политика не делится на институты без остатка». А уж политика XXI в. — тем более. Значительная часть современной, быстро меняющейся международной жизни проходит мимо организаций с их сложными процедурами, неразворотливой бюрократией, длительными сроками согласования позиций. Глобальные и региональные институты безопасности — ООН, НАТО, ОБСЕ и другие, — не успевают реагировать на возникающие кризисы, и очень часто их место занимают тактические коалиции, создающиеся *ad hoc* для решения конкретных задач.

Отнюдь не призываю отказаться от современных международных организаций — они сохраняют значительный потенциал. Однако глобальный мир, если мы все-таки придем к глобальному миру, начнет, по всей видимости, складываться сначала как плотная сеть дополняющих друг друга международных режимов, а уж институты, либо будут соответственно реформироваться, либо создаваться новые — там, где в них будет возникать такая необходимость.

Такой подход мы попытались применить, например, в отношениях между Россией и ЕС, договорившись в 2001 г. о создании *общих пространств* в четырех областях сотрудничества: Общее Европейское Экономическое пространство (ОЕЭП), Общее пространство свободы, безопасности и правосудия, Общее пространство в области внешней безопасности и Общее пространство науки, образования и культуры. Эти *общие пространства* должны были основываться на применении общих или совместных правил и норм, включая совместные административные процедуры как основу для масштабных совместных действий. Реализация *дорожных карт* по формированию общих пространств, к сожалению, в силу различных политических причин продвигается не так быстро, как хотелось бы. Однако сам подход в современных условиях представляется верным, а может быть, и единственно возможным.

Думается, что такой же *режимный* подход применим к вопросам региональной и глобальной безопасности. Потенциальных площадок для формирования таких режимов более чем достаточно. Совместная борьба с терроризмом, угрозой распространения ядерного оружия и ракетных технологий, кибербезопасность, управление миграционными потоками, будущее энергетики и европейская экология, противодействие наркотрафику и трансграничной преступности — этот список может продолжить любой политик. Работа по созданию отдельных режимов, по всей видимости, должна идти параллельно по широкому фронту, причем прорыв на одном направлении мог бы содействовать успехам и на других, смежных направлениях.

Для каждого из этих режимов должны сложиться собственные процедуры, свой круг участников, своя география и свои принципы согласования позиций. Очевидно, что границы *режима образования* не будут полностью совпадать с границами *энергетики*. Роль отдельных государств в различных режимах также будет различной — далеко не для всех проблемы ядерной энергетики или адаптации мигрантов в равной степени актуальны.

Как показывает имеющаяся практика, эффективность международных режимов зависит от целого ряда обстоятельств.

Во-первых, такие режимы возникают только там, где имеются значительные общие интересы, причем интересы должны восприниматься участниками как общие. В этом восприятии, на мой взгляд, успех многих субрегиональных форматов сотрудничества, в частности на европейском континенте. Это в равной мере относится и к тем функциональным режимам, которые так или иначе работают в мире (например, международный режим безопасности гражданской авиации). Понятно, что проще формировать режимы в технических, политически нейтральных областях, постепенно переходя к более чувствительным сферам.

Во-вторых, эффективность работы международных режимов так или иначе зависит от вовлеченности в их работу международного экспертного сообщества. Общие политические декларации мало что значат, если они не сопровождаются *шлейфом* экспертных разработок; по каждому направлению сотрудничества необходим постоянный и максимально конкретный экспертный диалог. Можно констатировать, что международный режим становится эффективным, когда эксперты и специалисты стран-участниц начинают говорить на одном языке.

В-третьих, преимущества режимов по сравнению с жесткой институциональной системой — их открытость и демократизм. И этим преимуществом следует воспользоваться, открывая возможность для участия всем заинтересованным сторонам. Как правило, режимы не предусматривают какого-либо *права вето*, не делают очевидного разграничения между великими державами и всеми остальными; в некоторых случаях они даже включают в себя негосударственных участников мировой политики.

В-четвертых, режимы — эффективный инструмент снижения неопределенности в отношениях между ключевыми игроками. Доверие и коммуникации, порожденные в одной сфере, снижают риски и неопределенности в других сферах. В этом отношении режимы — более гибкий, но не менее действенный инструмент нивелирования *анархичной природы* международных отношений в сравнении с институтами.

В-пятых, — и это, пожалуй, самое сложное — признавая общий принцип неделимости безопасности в современном мире, мы, тем не менее, должны научиться изолировать, оградить успешные международные режимы от возникающих проблем, кризисов и конфликтов в других областях. Современный мир взаимозависим, но нельзя допустить, чтобы сотрудничество в сфере безопасности строилось по наименьшему общему знаменателю. Нельзя позволить, чтобы очередной кризис в отношениях (а от отсутствия этих кризисов нас никто не гарантирует) возвращал бы взаимодействие по всем направлениям к нулевой отметке. Практика *увязывания* должна быть решительно отвергнута. То есть принцип неделимости должен работать на повышение общего уровня региональной и глобальной безопасности, а не на его снижение.

Все то, о чем я говорю, может показаться слишком приземленным и не очень вдохновляющим для романтиков глобального мира. И все же поступательное движение по длинному пути решения практических проблем международной безопасности представляется сегодня предпочтительным. Сверхоптимистические цели, продиктованные той или иной политической конъюнктурой, только заморозили бы процесс формирования новой архитектуры региональной и глобальной безопасности. *Режимный* путь укрепления мировой безопасности потребует настойчивости, долговременных кропотливых усилий, но он может оказаться, в конечном счете, более эффективным, чем неосуществившиеся планы последних двух десятилетий.

Конечно, разработка и внедрение в международную практику разнообразных режимов безопасности не должны отвлекать нас от стремления повысить эффективность работы международных организаций. В конце концов предложений на этот счет наработано более чем достаточно. Дело не в дефиците свежих идей, дело — в дефиците политической воли, последовательности, готовности основных игроков поступиться своими тактическими преимуществами во имя стратегических интересов. Очевидно, что нужно незамедлительно приступать к осторожным, но глубоким реформам системы ООН, укреплять роль региональных организаций, передавая им часть полномочий ООН, активнее использовать потенциал публичной дипломатии и частного сектора в урегулировании конфликтов. Не менее важно сделать решительный шаг вперед в реформе международного права, включая новое понимание таких базовых его понятий, как «агрессия», «суверенитет», «право на самоопределение», «гуманитарная интервенция», «информационная безопасность» и многих других.

Эти задачи стоят в центре внимания недавно созданного Российского совета по международным делам. Мы будем рады возможностям сотрудничества со всеми заинтересованными партнерами и коллегами — как российскими, так и зарубежными. Проблемы перед нами стоят более чем масштабные; работы хватит на всех. 🗨️

Евгений Петелин

ЭНЕРГОМОНОЛОГ КИТАЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Центральная Азия — регион, особенный своим геополитическим положением, наличием значительных запасов энергетических ресурсов, потенциальной конфликтностью, религиозно-этнической спецификой. Регион привлекает значительное количество внешних игроков — США, Европейский Союз, Россию, страны Ближнего и Среднего Востока, Восточной и Южной Азии, поэтому политическая расстановка сил в регионе постоянно претерпевает изменения. В начало второго десятилетия XXI в. Центральная Азия вступает при наличии сети трубопроводов для экспорта энергоресурсов в Китай, что на долгую перспективу закрепляет за этой страной одну из ключевых ролей в политической и экономической жизни региона.

Основным компонентом энергетической политики КНР в Центральной Азии с середины 1990-х гг. является стратегия «выхода за пределы» («цзоу чуцью»), суть которой заключается во внедрении китайского капитала и технологий на международный рынок. Более того, по мнению китайских исследователей, центр тяжести данной стратегии прежде всего должен находиться в России и странах Центральной Азии, поскольку они «владеют богатыми нефтегазовыми ресурсами, являются дружелюбно настроенными соседями и обладают относительной политической стабильностью»¹.

В 1997 г. премьер Госсовета КНР Ли Пэн в своей статье «Политика Китая в отношении энергетических ресурсов» обозначил, что стратегия «выхода за пределы» ознаменовала новую эру в развитии энергетической дипломатии Пекина и привела китайские компании на глобальный энергетический рынок. Было отмечено, что, стремясь развивать собственный нефтегазовый комплекс, Китай должен использовать также иностранные ресурсы для своего развития. При этом премьер призвал задействовать «любые средства, включая лоббирование, финансовую помощь и обмен информацией, для достижения цели по диверсификации источников поставок энергоресурсов в Китай»². Реализация данной стратегии должна сократить разрыв между внутренним производством и потреблением энергоресурсов и укрепить энергетическую безопасность путем диверсификации источников их импорта.

С момента начала реализации данной стратегии в отношении стран Центральной Азии Китай планомерно продвигает свои энергетические интересы. Создается впечатление, что у стран региона отсутствует собственное стратегическое планирование, что дает Китаю возможность беспрепятственно проводить избранную линию. Какова роль Центральной Азии в обеспечении энергетической безопасности КНР? Какие инструменты использует Китай для решения своих энергетических задач в регионе? И действительно ли в китайско-центральноазиатском энергетическом взаимодействии фактор взаимности отсутствует? В данной статье представлен анализ этих вопросов.

УСЛОВИЯ ИГРЫ

Существует несколько особых факторов, которые в значительной степени обуславливают и определяют энергетическую политику Китая в Центральной Азии.

Во-первых, КНР непосредственно граничит со странами региона, вследствие чего Центральная Азия исторически была сферой геополитических и торгово-экономических интересов Китая. Через регион проходил Шелковый путь, а в XVIII–XIX вв. цинские правители при завоевании Синьцзяна претендовали на некоторые земли нынешней Центральной Азии, вплоть до озера Балхаш³. В настоящее время население Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР), граничащего с Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном, этнически близко населению Центральной Азии: там проживают такие нации, как казахи, уйгуры, киргизы, узбеки, таджики и др., имеющие родственные связи с гражданами центральноазиатских стран⁴.

Во-вторых, в регионе располагаются значительные запасы стратегически важных для Китая энергетических ресурсов, в частности нефти, газа и урана. С начала XXI в. страны Центральной Азии использовали свои возможности и интенсифицировали усилия по разработке ресурсов нефти и газа. В результате темпы освоения удвоились.

Только Казахстан в регионе обладает запасами нефти, сравнимыми со странами Персидского залива (более 1 млрд т). Доказанные запасы составляют 5,5 млрд т (см. диаграмму 1). В 2010 г. добыча нефти в Казахстане составила 81,6 млн т, что равно 2,1 % мировой добычи. При среднегодовом потреблении в 12 млн т за последние три года, экспортный потенциал Казахстана на сегодня составляет примерно 70 млн т нефти в год. Добыча нефти в Узбекистане и Туркменистане не столь значительна и в основном соответствует объему потребления (см. таблицу 1).

Диаграмма 1. Доказанные запасы нефти в регионах ближнего круга вокруг Китая на конец 2010 г., млрд т⁵

Но самый привлекательный энергоресурс в регионе — природный газ. Наибольшими запасами природного газа среди стран Центральной Азии обладает Туркменистан — 8 трлн м³. Добыча газа в Туркменистане в 2010 г. составила 42,4 млрд м³, что значительно меньше объема добычи газа в Узбекистане (см. таблицу 1). Тем не менее благодаря большим запасам при наличии крупных инвестиций Туркменистан способен увеличить уровень добычи к 2015 г. до 180 млрд м³.⁶ При годовом внутреннем потреблении примерно в 20 млрд м³ это значительно увеличит экспортный потенциал страны. Казахстан и Узбекистан также обладают определенными экспортными возможностями в газовой отрасли. На сегодняшний день эти возможности — примерно на уровне 10 млрд м³.

Диаграмма 2. Доказанные запасы газа в регионах ближнего круга вокруг Китая на конец 2010 г., трлн куб. м⁷

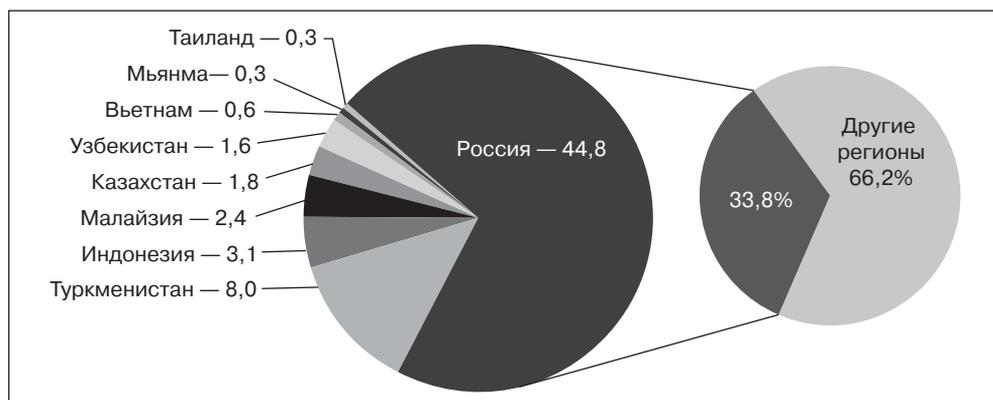

Таблица 1. Добыча и потребление нефти и газа в странах Центральной Азии в 2010 г.⁸

Страна	Нефть			Газ		
	добыча, млн т	доля в мире, %	потребление, млн т	добыча, млрд м ³	доля в мире, %	потребление, млрд м ³
Казахстан	81,6	2,1	12,5	33,6	1,1	25,3
Узбекистан	3,7	0,1	5	59,1	1,8	45,5
Туркменистан	10,7	0,3	5,6	42,4	1,3	22,6
Всего:	96	2,5	23,1	135,1	4,2	93,4

Казахстан обладает одними из крупнейших в мире запасами урана (см. таблицу 2). При этом в 2009 г. Казахстан вышел на первое место по объемам добычи урана в год. В стране действует 21 рудник⁹. В списках стран с наибольшими извлекаемыми запасами урана присутствует и Узбекистан.

Таблица 2. Запасы и добыча урана в странах Центральной Азии и России в 2008 г.¹⁰

Страна	Разведанные запасы, т	Доля в мире, %	Добыча, т/год
Россия	480 300	9	3 521
Казахстан	651 800	12	8 512
Узбекистан	114 600	2	2 340
Всего:	1 300 800	24,1	14 373

По запасам гидроэнергетических ресурсов Таджикистан занимает восьмое место в мире и одно из первых мест по удельным запасам (на душу населения и на единицу территории). Согласно внутренним оценкам, Таджикистан может за год выработать до 527 млрд кВт·ч электроэнергии, что предполагает значительный экспортный потенциал в сфере электроэнергетики¹¹.

В-третьих, политика КНР в Центральной Азии взаимосвязана с развитием собственных западных провинций, которые непосредственно граничат со странами региона. К западным районам в КНР относятся провинции Шэньси, Ганьсу,

Юньнань, Гуйчжоу, Сычуань, Цинхай, город Чунцин и пять автономных районов — Нинся, СУАР и Тибет, Гуанси и Внутренняя Монголия. Характерными признаками этих территорий являются следующие черты: значительные пространства — свыше 70% территории страны, низкая плотность населения — 28% средней плотности по Китаю, богатство природными ресурсами, неразвитая региональная инфраструктура, более низкий уровень образования и более низкий показатель ВВП на душу населения, чем в среднем по стране¹².

Непосредственно со странами Центральной Азии граничит СУАР — самый большой район Китая, занимающий почти одну шестую территории страны (1,6 млн км²). Одновременно это один из самых слабозаселенных китайских регионов. С этнокультурной точки зрения СУАР является частью Центральной Азии. Ханьцы в 2008 г. составляли всего 39,2% населения района. Примерно половина населения приходится на уйгуров. Также здесь проживают казахи, киргизы, таджики и представители других национальностей¹³. Большинство населения исповедует ислам. На протяжении всей второй половины XX в. в СУАР неоднократно происходили беспорядки на этнической почве. Предотвращение проникновения националистических и религиозных движений в СУАР из Центральной Азии, а также Афганистана — важный аспект политики безопасности Китая. Но, кроме того, для противодействия появлению сепаратистских движений в СУАР и прекращения беспорядков Китаю важно социально-экономическое развитие этого района, улучшение жизни местного населения.

При этом в СУАР имеются значительные запасы энергетических ресурсов. На район приходится 30% всех перспективных запасов нефти и газа Китая, значительная часть запасов угля. Согласно современным оценкам Китайской национальной нефтегазовой корпорации (КННК), доказанные запасы нефти только в одном Таримском бассейне на территории СУАР достигают 620 млн т, а природного газа — 1,06 трлн м³.¹⁴

Тем не менее, по экономическим причинам развития нефтегазового комплекса СУАР до 1990-х гг. не происходило — себестоимость добычи и производства энергоресурсов была значительно выше, чем в восточных районах страны. Более того, в условиях отсутствия инфраструктуры импортировать энергоресурсы, используя морские перевозки, было гораздо выгоднее, чем инвестировать в разработку западных месторождений и транспортировку энергоресурсов через всю территорию Китая. В результате те незначительные объемы нефти, что добывались в СУАР, потреблялись на внутреннем рынке региона.

В-четвертых, Китаю крайне важно, чтобы Центральная Азия была для него стабильным в стратегическом плане тылом. В этой связи определяющим фактором является образовавшийся после распада Советского Союза *силовой вакуум* в Центральной Азии. Россия оказалась не в состоянии удержать новые государства под своей опекой и предоставить им необходимую помощь.

В то же время США предпринимают усилия для включения стран региона в сферу своего экономического и политического влияния, сформировав и закрепив их прозападную ориентацию. Так, в 1999 г. Конгресс США одобрил предложенный сенатором Сэмом Браунбаком «Акт о стратегии Шелкового пути»¹⁵, определивший стратегические интересы США в регионе¹⁶. Существует предположение, что американцы стремятся поставить под свой контроль энергетические ресурсы и транспортно-энергетические структуры бассейна Каспийского моря, Казахстана и других центральноазиатских стран¹⁷.

Процесс расширения НАТО, его программа военного сотрудничества «Партнерство во имя мира», распространяемая в том числе на страны Центральной Азии, и операция в Косово в 1999 г. стимулировали опасения Китая, что военное и политическое влияние США подступает к непосредственным границам КНР¹⁸. Террористическая акция против США 11 сентября 2001 г. и последовавшая за ней операция в Афганистане коренным образом повлияли на расстановку сил в регионе. Присутствие вооруженных сил США не могло отвечать интересам Китая даже при том, что неста-

бильность в Афганистане также являлась угрозой безопасности во всей Центральной Азии. Китай признает антитеррористическую роль США в Евразии, но стремится предотвратить их трансформацию в военную угрозу собственной безопасности. Более того, для Китая стратегически важно изменить региональный порядок так, чтобы исключить США из возможных территориальных или энергетических споров¹⁹.

Новая концепция национальной безопасности КНР, представленная Цзян Цзэминем в 1998 г., предполагает достижение безопасности за счет сотрудничества и совместного развития между соседними государствами. По мнению российских исследователей, стратегия безопасности в Евразии для Китая предусматривает экономическую поддержку государств Центральной Азии для обеспечения их опоры на собственные силы и предотвращения их зависимости от любой великой державы, включая даже Китай. Таким образом, геэкономическое внедрение обеспечивает геополитическое влияние²⁰. Такая позиция предопределила политику активной финансовой и экономической экспансии в регионе, что должно было позволить Китаю стать главным инвестором и торговым партнером центральноазиатских государств и тем самым создать благоприятное для себя международное окружение.

В-пятых, важным фактором региональной политики Китая в Центральной Азии является традиционное геополитическое восприятие собственной роли в качестве *стратегического звена* между морскими державами и континентальной частью Евразии. Согласно китайской концепции, роль Китая в Евразии исходит из его положения «сухопутной и морской державы»²¹. Полагается, что, находясь между главными сухопутными державами (Россия и Индия) и главными морскими державами (США и Япония), Китаю необходимо играть связующую роль. А для этого Китай должен обладать сильной экономикой и последовательно продвигать развитие взаимовыгодных дружественных отношений с соседними странами.

В-шестых, на политику Китая в отношении стран Центральной Азии, как ни в каком другом регионе, оказывает воздействие фактор уязвимости морских коммуникаций. В Пекине понимают значение транзитных возможностей Центральной Азии для транспортировки энергоносителей по сухопутным трубопроводам — это представляется лучшей гарантией энергобезопасности.

Помимо указанных факторов, китайские аналитики активно указывают на наличие взаимно дополняемых энергетических интересов у Китая со странами Центральной Азии: странам региона необходимы инвестиции для освоения своих нефтегазовых ресурсов и рынок сбыта, а Китай нуждается в диверсификации источников энергии²². На мой взгляд, такие *взаимно дополняемые интересы* имеются у стран Центральной Азии с любой другой крупной державой — потребителем энергоресурсов, которая заботится о собственной энергетической безопасности: с США, со странами ЕС, с Индией, Японией. Именно поэтому Китай крайне озабочен ростом влияния других великих держав в регионе. Китайские исследователи понимают, что именно *стратегические* трубопроводы смогут усилить геэкономическую и геополитическую взаимозависимость между поставщиком (Центральная Азия) и потребителем (Китай)²³.

Энергетическая политика Китая в регионе не была равномерной и изменялась в зависимости от геополитических, экономических и внутривластных факторов как в самом Китае, так и внутри государств региона. Промежуток от начала 1990-х гг. до настоящего времени можно условно разделить на два периода:

- с начала 1990-х гг. по 2003 г.;
- с 2003 г. по 2011 г.

ПРОЕКТ РЕКОНСТРУКЦИИ ШЕЛКОВОГО ПУТИ

Период с начала 1990-х по 2003 г. можно охарактеризовать низкой интенсивностью переговорного процесса, но именно в это время были сформулированы ключевые проекты Китая в регионе. Главной проблемой для развития взаимодействия

с государствами региона был вопрос размежевания границ, который планомерно решался на протяжении всего периода.

Основной задачей Китая в Центральной Азии в этот период было сохранение политической стабильности в регионе. Именно поэтому на общерегиональном уровне в этот период Китай занимался решением проблем безопасности границ и борьбы с международным терроризмом. В апреле 1996 г. в ходе встречи глав государств России, Китая, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана в Шанхае было подписано Соглашение об укреплении доверия в военной области в районе границы, в соответствии с которым все стороны договорились о взаимном ненападении, о запрещении военных маневров, направленных против какой-либо договаривающейся стороны, об ограничениях, налагаемых на любые военные маневры в приграничных районах, и о необходимости информировать заинтересованные страны о маневрах, проходящих в пределах 100 км от границы. Совместная инициатива получила неофициальное название *Шанхайская пятерка*²⁴. В ходе следующей встречи *пятерки* в Москве (апрель 1997 г.) было подписано Соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы СНГ и Китая, в соответствии с которым создавалась демилитаризованная зона в пределах 100 км от границы, откуда должны быть выведены все войска, за исключением пограничных. В 1998 г. на встрече в Алма-Ате участники *Шанхайской пятерки* договорились вести «совместную борьбу против международного терроризма, организованной преступности, контрабанды оружия и наркотиков».

16 июня 2001 г. на саммите в Шанхае в организацию был принят Узбекистан и *пятерка* получила новое официальное название — Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). В июне 2002 г. прошел Петербургский саммит ШОС, на котором были приняты новые документы организации — Хартия ШОС, Устав, согласованные программы деятельности Единого антитеррористического центра (ЕАЦ)²⁵. С момента возникновения ШОС к ее деятельности начинают проявлять интерес Индия, Пакистан, Иран (у этих государств имеются статусы наблюдателей с 2005 г.), Монголия (статус наблюдателя — с 2004 г.), Южная Корея, Туркменистан, Афганистан, а также США. Таким образом, политика Китая в регионе стала опираться на новую региональную структуру, получившую не только документальное оформление, но и международное признание.

Одновременно Китай начал развивать свое экономическое влияние в регионе и захватывать рынки сбыта для продукции Северо-Западного Китая, которая в силу своего качества не могла найти сбыта на мировом рынке²⁶. Еще в 1992 г. руководители пяти провинций и автономных районов северо-запада страны были вызваны в Пекин, где премьер Госсовета Ли Пэн поставил перед ними задачу освоения огромного рынка на северо-западе²⁷. После этого Пекин одобрил стратегию экономического сотрудничества СУАР с центральноазиатскими государствами.

Энергетический аспект политики Китая в регионе проявился в 1994 г. во время визита премьера Госсовета КНР Ли Пэна в Центральную Азию. Прежде всего тогда были сформулированы основные принципы политики Китая по отношению к государствам центральноазиатского региона: продолжительное и добрососедское мирное сосуществование, развитие равноправного и взаимовыгодного сотрудничества, стремление к совместному процветанию, уважение выбора народов центральноазиатских государств и невмешательство во внутренние дела, уважение независимости и суверенитета, способствование стабильному развитию²⁸. Но наиболее значительным заявлением в ходе поездки Ли Пэна было упоминание о двух интересующих Китай проектах в газовой сфере: газопровод из Туркменистана в Китай и газопровод от Ковыктинского месторождения (Иркутская область, Россия) в Китай. Изначально идея строительства трубопровода из Туркменистана была инициативой президента Туркменистана (1990–2006 гг.) С.А. Ниязова во время его визитов в Пекин. Инициатива нашла поддержку председателя КНР (1993–2003 гг.) Цзян Цзэминя²⁹. Россия и Туркменистан — обладатели крупнейших запасов природного газа в соседствующих с Китаем регионах (см. диаграмму 2). Одновременное упоминание о двух в перспективе весьма дорогостоящих проектах могло заложить основу для конкуренции, что выгодно Китаю, поскольку конкуренция является хорошим регулятором цены.

При этом важно, что заявление было сделано в Туркменистане, а значит, приоритет отдавался именно туркменскому проекту, а российский проект на тот момент использовался в качестве средства давления. В итоге в ходе визита Ли Пэна было принято решение о проработке проекта создания газопровода из Туркменистана.

В 1996 г. экспертами *КННК*, *Exxon* и *Mitsubishi* была завершена совместная проработка проекта создания газопровода Туркменистан–Китай–Япония протяженностью около 8 тыс. км (в том числе и морским путем) и мощностью 30 млрд м³ в год, стоимость строительства оценили в 12 млрд долл., продолжительность — 5 лет³⁰. Чрезмерная стоимость, проблемы окупаемости и возможные политические риски (газопровод должен был пройти по территории Узбекистана и Казахстана) не дали проекту продвинуться дальше в обозначенный период. При этом сам факт поддержки такого проекта со стороны КНР говорит о приоритетности политических и стратегических соображений над экономическими в политике Китая в регионе.

Начиная с 1997 г., когда премьером Госсовета КНР была обозначена важность стратегии «выхода за пределы» для энергетической безопасности страны, китайские корпорации начали свое внедрение в нефтегазовый сектор стран Центральной Азии.

Наибольшей активностью в регионе отличается *КННК*. Точкой внедрения стал Казахстан. В июне 1997 г. в результате международных торгов *КННК* выиграла тендер на приобретение 60,28% акций акционерного общества *Актобемунайгаз*³¹ на северо-западе Казахстана за 325 млн долл.³² Во время визита премьера Госсовета КНР Ли Пэна в Алма-Ату в октябре 1997 г. было подписано китайско-казахстанское соглашение о сотрудничестве в области нефти и газа, а также договор о купле-продаже акций.

Все месторождения компании *Актобемунайгаз* расположены на западе Казахстана (см. рис. 1). Соответственно, была необходима перспектива строительства трубопровода через весь Казахстан для транспортировки данной нефти в Китай. В том же 1997 г. между *КННК* и правительством Казахстана был подписан контракт на проведение операций по углеводородам на месторождениях Жанажол, Кенкияк-надсолевой и Кенкияк-подсолевой в Актюбинской области (см. таблицу 3), а также на реабилитацию Узеньского месторождения (второе по остаточным извлекаемым запасам нефти в Казахстане, выработано на 50%)³³. При этом китайская сторона взяла на себя обязательство построить нефтепровод из Западного Казахстана в Китай (до Карамая, СУАР) протяженностью в 2600 км и нефтепровод от Узеня до границы с Туркменистаном. *КННК* обязалась вложить в течение 20 лет около 9,5 млрд долл. (в том числе более 4 млрд долл. в реабилитацию Узеньского месторождения и 3,5 млрд долл. в строительство нефтепроводов)³⁴.

Важно отметить, что у нефтепровода из Центральной Азии (из Казахстана) в Китай появился российский конкурент — нефтепровод от Ангарска (Иркутская область, Россия) до Дацина (Хэйлунцзян, Китай). Данный проект был упомянут в российско-китайских соглашениях 1996 г.³⁵ и 2000 г.³⁶ Более того, Соглашение 2000 г. предполагало поставки казахстанской нефти, добытой китайскими компаниями, через Россию в Китай или третьи страны путем замещения³⁷. Такая схема была необходима на тот случай, если проект нефтепровода из России будет реализован раньше, чем из Казахстана. Но эта схема так и не получила реализации.

Изначально многие эксперты скептически отнеслись к целесообразности реализации проекта нефтепровода из Казахстана: длина трубопровода, низкое качество казахстанской нефти, неопределенность с объемами производства (согласно оценкам того периода, чтобы оправдать затраты нефтепроводу нужно перекачивать 20 млн т нефти в год, а вся добыча нефти в Казахстане в 1996 г. составила 23 млн т³⁸), — вызвали определенные сомнения в выгодности соглашения для китайской стороны³⁹. При этом в 1997 г. произошло резкое падение международных цен на нефть, что сделало казахстанский нефтепроводный проект непривлекательным с экономической точки зрения. Более того, в 1998 г. произошла реструктуризация нефтегазовой промышленности Китая, что дало *КННК* самостоятельность и возможность больше инвестировать в более привлекательные проекты по раз-

ведке и добыче внутри Китая, которые ранее были недоступны. Таким образом, проект трубопровода из Казахстана был заморожен на неопределенное время.

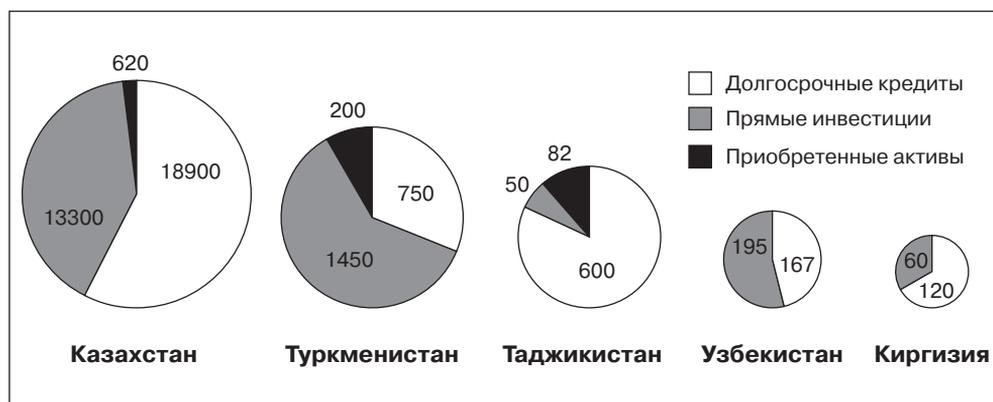
Тем не менее, китайские компании продолжили укреплять свои позиции в нефтегазовом секторе Казахстана. В 2001 г. КННК совместно с *Caspian Investments Resources Ltd* (совместное предприятие *Лукойл Оверсиз* и *Mittal Investments*) создала компанию *Buzachi Operating Ltd* с долями акций 50% на 50% для разработки месторождения Северное Бузачи, геологические запасы нефти которого оцениваются в 207 млн т. С середины 2003 г. КННК владеет лицензией на разведку и разработку запасов блока Барс, окружающего месторождение Северное Бузачи⁴⁰.

ИНВЕСТИЦИИ ЗА РЕСУРСЫ

В конце 2002 — начале 2003 г. в энергетической политике Китая произошло наложение сразу нескольких факторов, среди которых самыми важными были приход нового руководства во главе с Ху Цзиньтао и резкое увеличение спроса на энергетические ресурсы. В частности, потребление нефти с 2002 по 2004 г. в стране увеличилось с 248 до 319 млн т в год, в то время как производство в эти годы составило 167 и 174 млн т соответственно, то есть дефицит нефти вырос на 79% и составил 145 млн т⁴¹. Это способствовало значительной активизации внешней энергетической политики КНР и, как следствие, продвижению китайско-центральноазиатских проектов в энергетической сфере.

Начиная с 2003 г. энергетическое взаимодействие Китая со странами Центральной Азии можно охарактеризовать высокой интенсивностью переговорного процесса, значительными инвестиционными и кредитными вливаниями со стороны Китая в экономики стран региона, покупкой активов нефтегазовых компаний, реализацией практических шагов КНР по импорту энергетических ресурсов региона, укреплением политической и экономической взаимозависимости Китая со странами региона. Общий объем прямых инвестиций Китая в страны Центральной Азии к началу 2009 г. составил более 20 млрд долл., долгосрочных кредитов — около 15 млрд долл., стоимость приобретенных активов — около 900 млн долл. (см. диаграмму 3). Львиная доля этих инвестиций была вложена в экономику Казахстана.

Диаграмма 3. Инвестиции Китая в страны Центральной Азии на конец 2008 г., млн долл.⁴²

На общерегиональном уровне ШОС стала для КНР одним из механизмов обеспечения безопасности и каналом для тесных политических контактов со странами Центральной Азии. Начиная с середины 2000-х гг. Китай активизирует свои усилия

по расширению спектра деятельности ШОС от вопросов безопасности и противодействия терроризму к вопросам экономического взаимодействия между странами региона. С 2006 г. КНР внесла целый ряд предложений по стимулированию экономического сотрудничества в рамках организации, в частности о формировании зоны свободной торговли и создании региональной транспортной инфраструктуры⁴³.

В 2006 г. Китай объявил о намерении использовать ШОС для создания рабочей группы по энергетике, которая изучит предложения по строительству трубопроводов, соединяющих государства — члены ШОС⁴⁴. Организация постепенно становится многопрофильной международной структурой, благодаря чему Китай получил возможность принимать самое непосредственное участие в жизни Центральной Азии, став к тому же одним из ключевых элементов формирующейся системы региональной безопасности. Но устанавливая общую повестку дня для ШОС в энергетической сфере, Китай фокусируется на установлении стратегического партнерства с каждой страной Центральной Азии отдельно.

По мнению ряда исследователей, действительный прорыв в китайско-центральноазиатских отношениях был достигнут только после *цветных революций*, создавших новую среду для стратегического энергетического взаимодействия Китая и Центральной Азии⁴⁵. В 2005 г. новый председатель КНР Ху Цзиньтао провел ряд встреч со своими коллегами из государств Центральной Азии.

Так, 8 мая 2005 г. Ху Цзиньтао встретился с президентом Туркменистана С.А. Ниязовым (1990–2006 гг.), где стороны достигли договоренности по дальнейшему расширению торгово-экономического сотрудничества⁴⁶. Уже летом 2005 г. КННК подписала соглашение о нефтяном сотрудничестве с Министерством нефти и природных ресурсов Туркменистана.

25 мая 2005 г., практически сразу после революционных беспорядков в Андижане (Узбекистан)⁴⁷, был подписан Договор о партнерских отношениях дружбы и сотрудничества между КНР и Республикой Узбекистан. За изменением политической ориентации Ташкента последовал вывод воздушной базы США в ноябре 2005 г. Развитие отношений позволило Китаю расширить свое влияние в энергетическом секторе страны.

В мае 2005 г. *Узбекнефтегаз* и *КННК* создали совместное предприятие *УзСНПС Петролеум* по проведению геологоразведочных работ и разработке нефтяных месторождений на территории Узбекистана (на паритетных началах с уставным капиталом около 96 млн долл.). Компания занимается доразведкой, обустройством и вводом в эксплуатацию месторождений с трудно извлекаемыми запасами жидких углеводородов в Бухаро-Хивинском регионе и месторождений на плато Устюрт. Всего предприятию планируется передать 23 месторождения, расположенных в Бухаро-Хивинском регионе и на плато Устюрт. Ожидается, что при выходе на проектную мощность *УзСНПС Петролеум* будет добывать нефть и газовый конденсат в объеме около 1 млн т в год. Предполагается, что китайская компания инвестирует в проект в течение 25 лет порядка 600 млн долл.⁴⁸ В том же году *КННК*, *Узбекнефтегаз*, *Лукойл*, малазийская компания *Petronas* и корейская *KNOC* образовали международный консорциум по освоению нефтегазовых месторождений в узбекской акватории Аральского моря на условиях раздела продукции⁴⁹.

В апреле 2007 г. *Узбекнефтегаз* и *КННК* подписали Соглашение об основных принципах сотрудничества по совместной доразведке и разработке месторождения Мингбулак, а в мае 2008 г. Соглашение о принципах создания совместного предприятия по совместной доразведке и разработке месторождения Мингбулак. В соответствии с этими соглашениями ОАО *Андижаннефть* и *КННК* создали совместное предприятие ООО *Мингбулакнефть* (с равным распределением долей в уставном капитале, который определен в размере 150 тыс. долл. с последующим увеличением в течение 5 лет до 3 млн долл.). Примечательно, что, согласно п. 2 постановления президента Республики Узбекистан «О мерах по реализации

инвестиционного проекта по доразведке и разработке месторождения Мингбулак», вся добытая на данном месторождении нефть «подлежит переработке на нефтеперерабатывающих заводах Республики Узбекистан»⁵⁰.

Но главным приоритетом энергетической политики Китая в Центральной Азии стал Казахстан. 4 июля 2005 г. председатель КНР Ху Цзиньтао и президент Республики Казахстан Нурсултан Назарбаев в Астане подписали Совместную декларацию КНР и Республики Казахстан об установлении и развитии стратегического партнерства. Стороны договорились «всемерно поддерживать и предоставлять все необходимые условия для обеспечения завершения в оговоренные сроки строительства участка нефтепровода Атасу–Алашанькоу и его ввода в эксплуатацию, ускорить продвижение предварительного исследования и определения ресурсной базы проекта строительства газопровода Китай–Казахстан»⁵¹.

Развитие отношений с Китаем полностью отвечает задачам внешнеполитического и внутриэкономического развития самого Казахстана. Согласно «Стратегическому плану развития Республики Казахстан до 2020 года» к 2020 г. страна должна стать «ключевым участником эффективной системы региональной безопасности и политико-экономического сотрудничества». Для этого Казахстан планирует «эффективно использовать свое уникальное географическое положение и незаменимую роль в системе мировых и межрегиональных транспортных коммуникаций». Кроме того, роль страны в обеспечении мировой энергетической, экологической и продовольственной безопасности должна существенно возрасти⁵². Китай необходим Казахстану, чтобы не только диверсифицировать экспорт собственных энергоресурсов, но и чтобы играть ключевую роль в энергетическом взаимодействии в рамках всего региона.

С 2003 г. китайские компании продолжили и активизировали внедрение в нефтегазовый сектор Казахстана. В 2003 г. *КННК* выкупила государственные 25,12 % акций в казахстанской компании *ОАО КННК–Актобемунайгаз* (в которой 60,28 % уже принадлежали *КННК* с 1997 г.), став держателем 85,4 % акций⁵³.

В 2004 г. компания *Sinopec* выкупила активы американской *First International Oil Company (FIOC)*, в том числе лицензии на разведку блоков Адайский, Сазанкуррак, Атырауский, Восточно-Прикаспийский, Федоровский и Бегайдар. Партнером *Sinopec* по Адайскому блоку, извлекаемые ресурсы которого оцениваются в 75–100 млн т, выступает *Роснефть*. На блоке Бегайдар *Sinopec* сотрудничает с *Группой Альянс*, которой принадлежит 80 % акций. *Sinopec* принадлежит 22,5 % акций в консорциуме с венгерской *MOL* и компанией *Exploration Venture Limited* по разработке ресурсов Федоровского, которые оцениваются в 200 млн т нефти и газового конденсата и 400 млрд м³ газа⁵⁴.

С конца 2005 г. *КННК* является акционером компании *PetroKazakhstan* (67 %), основной актив которой — лицензия на месторождение Кумколь. Кроме того, *КННК* совместно с национальной компанией *КазМунайГаз* владеет акциями Шимкентского нефтеперерабатывающего завода (ныне — НПЗ *PetroKazakhstan Oil Products*). Компании *PetroKazakhstan* в свою очередь принадлежат по 50 % акций в двух совместных предприятиях — Тургай-Петролеум (с *ОАО Лукойл*) и Казгермунай (с рядом немецких компаний). Еще один актив *КННК* — компания *КННК-Ай-Дан-Мунай*, которая ведет добычу на двух месторождениях — Арисское и Блиновское, чьи доказанные извлекаемые запасы нефти составляют 10,42 млн т⁵⁵.

В 2006 г. китайская государственная инвестиционная компания *China International Trust and Investment Corporation (CITIC)* выиграла тендер по реализации казахстанских активов канадской компании *Nations Energy*⁵⁶, основным активом которой является нефтегазовое месторождение на западе Казахстана — Каражанбас (см. таблицу 3). Сделка была одобрена правительством Казахстана только после того, как *CITIC* предоставила *КазМунайГазу* возможность выкупа 50 % акций *Nations Energy*. В итоге, в 2007 г. *CITIC* приобрела весь пакет акций *Nations Energy* (94,62 %), после чего 50 % акций продала *КазМунайГазу* за 955 млн долл.⁵⁷ В 2009 г.

CITIC практически за ту же сумму — 939 млн долл. — приобрела 11 % акций в компании *Разведка Добыча КазМунайГаз*, дочерней фирмы *КазМунайГаз*⁵⁸.

В феврале 2011 г. в ходе визита президента Казахстана Нурсултана Назарбаева в Пекин *КННК* подписала с *КазМунайГаз* соглашение о совместной разработке (на равных долях) нефтегазоконденсатного месторождения Урихтау в Актюбинской области в западной части Казахстана⁵⁹. В мае 2011 г. на этом месторождении были обнаружены крупные залежи нефти, по предварительным оценкам — до 200 млн т⁶⁰. Китай и далее будет укреплять свои позиции в нефтегазовом секторе Казахстана и других стран Центральной Азии, но уже сегодня китайские корпорации обладают лицензиями на разработку нефтегазовых месторождений в регионе с запасами примерно в 3 млрд т нефти и 2 трлн м³ природного газа (см. таблицу 3). Важно отметить, что ресурсы, добытые китайскими корпорациями за рубежом, необязательно поступают на китайский рынок. Чаще всего происходит так, что китайские компании продают ресурсы стороне, предложившей более выгодную цену. Это означает, что китайские корпорации действуют прежде всего исходя из экономических интересов⁶¹.

Таблица 3. Крупные углеводородные месторождения Центральной Азии с долей компаний Китая в эксплуатации

Страна	Месторождение	Компания	Доля, %	Запасы нефти, млн т	Запасы газа, трлн м ³
Казахстан	Жанажол	<i>КННК</i>	85,4	415 ⁶²	–
	Кенкияк (надсолевой)	<i>КННК</i>	85,4	103	–
	Кенкияк (подсолевой)	<i>КННК</i>	85,4	111	–
	Узеньское	<i>КННК</i>	85,4	1100 ⁶³	–
	Северное Бузачи	<i>КННК</i>	50	207	–
	Каражанбас	<i>CITIC</i>	44,62	340	–
	Урихтау	<i>КННК</i>	50	200	0,04
	Арисское и Блиновское	<i>КННК</i>	100	10,42	–
	Кумколь	<i>КННК</i>	67	130	0,3
	Федоровский	<i>Sinorec</i>	22,5	200	0,4
	Адайский	<i>Sinorec</i>	50	100	–
	Бегайдар	<i>Sinorec</i>	20	не раскрываются	
Узбекистан	Мингбулак	<i>КННК</i>	50	не раскрываются	
Туркменистан	Багтыярлык	<i>КННК</i>	100	20	1,3
Всего (с учетом имеющихся данных):				2936,42	2,04

Помимо прихода нового руководства КНР и *цветных революций* косвенным стимулом активизации энергетической политики Китая в Центральной Азии стало то, что с 2003 г. в России начинает преобладать *интегрированный подход* к вопросу о прокладке нефтепровода в восточном направлении, предполагающий необходимость диверсификации потребителей российской нефти на Дальнем Востоке⁶⁴. А это означало, что, несмотря на наличие генерального соглашения между компаниями *ЮКОС* и *Sinorec* по сооружению нефтепровода Ангарск–Дацин длиной 2300 км для обеспечения поставок в объеме 600 000 баррелей в день⁶⁵ в течение 25 лет, Россия собиралась пересматривать проекты экспорта своей нефти. Как результат, Китай еще более утвердился в решимости реализовать свои планы в отношении Центральной Азии.

НЕФТЕПРОВОД ЗАПАДНЫЙ КАЗАХСТАН–КИТАЙ

Реализация практических шагов КНР по импорту нефти и газа из Центральной Азии продвигалась в рамках уже сформулированных проектов транспортировки: нефтепровод Западный Казахстан–Китай и газопровод Туркменистан–Китай (через Узбекистан и Казахстан). По причине увеличения спроса в Китае на энергоресурсы эти проекты стали экономически целесообразными.

Наиболее гарантированным партнером для Китая в регионе был Казахстан, стремящийся диверсифицировать свой экспорт нефти, но на данном этапе способный сделать это лишь с помощью Китая. Большинство приобретенных Китаем активов нефтедобывающей промышленности Казахстана находится на западе страны, поэтому в итоге проект предполагал наличие сети трубопроводов, соединяющих г. Атырау в Западном Казахстане и г. Алашанькоу в СУАР (см. рис. 1).

Рисунок 1. Инфраструктура транспортировки нефти в Казахстане⁶⁶

Первая ветка нефтепровода (Кенкияк–Атырау) была построена еще в 2001–2002 гг. компанией *МунайТас* (см. рис. 1), совместным предприятием *КННК* (49%) и *КазМунайГаз* (51%), но на первом этапе она работала в западном направлении.

В июне 2003 г. в ходе государственного визита нового председателя КНР Ху Цзиньтао в Казахстан *КННК* подписала с правительством Казахстана договор о строительстве казахско-китайского нефтепровода Атырау–Алашанькоу для переправки 400 000 баррелей сырой нефти в день. При этом Казахстан мог покрыть лишь 200 000 баррелей сырой нефти в день и поэтому в 2003 г. на встрече с Нурсултаном Назарбаевым Ху Цзиньтао поднял вопрос о возможности подключения России к данному проекту⁶⁷.

В 2004 г. *КННК* и *КазМунайГаз* подписали соглашение о совместных инвестициях на паритетных условиях в строительство нефтепровода Атырау–Алашанькоу протяженностью 962,2 км и проектной мощностью 10 млн т нефти в год. Для этого было создано совместное предприятие — *КазТрансОйл* — с равными долями обеих компаний. Строительство второго этапа проекта завершилось в декабре 2005 г., а в июле 2006 г. он был введен в эксплуатацию. По нефтепроводу Атырау–Алашанькоу в Китай поставляется нефть с месторождений Центрально-

го Казахстана. Поставки нефти из западных регионов Казахстана были уже возможны, для чего в Атасу была построена сливная эстакада для приема нефти с железнодорожных цистерн и дальнейшей ее перевалки в трубопровод Атасу–Алашанькоу⁶⁸.

Уже в 2006 г. АО НК *КазМунайГаз* и *КННК* подписали новое соглашение о строительстве недостающего участка нефтепровода Казахстан–Китай — из Кенкияка в Кумколь, которое было завершено в 2009 г. В 2010 г. этот участок работал в половину проектной мощности, то есть перекачал примерно 10 млн т нефти, что было равно примерно 2,2 % от общего объема потребления нефти в КНР (455 млн т)⁶⁹. К 2013 г. трубопровод достигнет проектной мощности и начнет перекачивать до 20 млн т нефти в год⁷⁰. Тем не менее оценка ресурсной базы нефтепровода показывает, что ресурсов *КННК* для выхода на плановую мощность недостаточно. Поэтому для его заполнения планируется брать российскую нефть из нефтепровода Омск–Павлодар–Атасу–Шимкент. В ноябре 2007 г. Астана и Москва договорились о поставках российской нефти в Китай⁷¹.

Крупномасштабный проект нефтепровода Западный Казахстан–Китай можно считать реализованным. Этот проект стал частью китайского энергетического коридора Запад–Восток, в который входят также трубопроводы по транспортировке сырой нефти и нефтепродуктов на западе КНР. Создание нефтепровода Казахстан–Китай должно превратить Синьцзян в *нефтяной склад* и ускорить развитие сопутствующих отраслей, что сыграет важную роль в экономическом развитии КНР⁷².

ГАЗОПРОВОД ВЕКА

Еще более значительный трубопроводный проект в Центральной Азии — проект прокладки газопровода из Туркменистана в Китай через Узбекистан и Казахстан (см. рис. 2). Генеральное соглашение о строительстве газопровода из Туркменистана в Китай и ежегодных поставках в КНР 30 млрд м³ природного газа в течение 30 лет Ашхабад и Пекин подписали в 2006 г. В соответствии с Соглашением, Китай взял на себя обязательства проведения консультаций «с правительствами транзитных стран с целью достижения соглашений о взаимовыгодных условиях транзита природного газа через их территории»⁷³.

В апреле 2007 г. Узбекистан и Китай подписали межправительственное соглашение о принципах строительства и эксплуатации газопровода протяженностью 530 км и мощностью 30 млрд м³ природного газа в год для транзита туркменского газа. Оператором проекта на узбекском участке является узбекско-китайское СП ООО *Asia Trans Gas*, созданное национальной холдинговой компанией *Узбекнефтегаз* и *КННК*. Строительство осуществляют китайские *China Petroleum Pipeline Bureau (CPP)* и *China Petroleum Engineering & Construction Corporation (CPECC)* и швейцарская компания *Zeromax GmbH*.⁷⁴

В июле 2007 г. во время государственного визита президента Туркмении Гурбангулы Бердымухамедова в Китай *КННК* заключила Соглашение о купле-продаже природного газа с Государственным концерном *Туркменгаз* и Соглашение о разделе продукции с Государственным агентством по управлению и использованию углеводородных ресурсов при президенте Туркменистана, предусматривающее полномасштабные работы по разведке и добыче природного газа на договорной территории Багтыярлык на правом берегу Амударьи. В августе 2007 г. Туркменистан передал *КННК* лицензию на разведку и добычу газа на договорной площади Багтыярлык (см. таблицу 3)⁷⁵.

В марте 2008 г. казахстанская *КазТрансГаз* и китайская *Trans-Asia Gas Pipeline Limited* создали совместное предприятие ТОО *Азиатский газопровод* для строительства 1300-километрового казахстанско-китайского участка газопровода Центральная Азия–Китай.

Рисунок 2. Газопровод Центральная Азия–Китай⁷⁶

14 декабря 2009 г. состоялся запуск газопровода Центральная Азия–Китай. В Китае весь проект позиционируется как второй газопровод Запад–Восток⁷⁷, а его трансграничная часть в Центральной Азии, доходящая до СУАР, является западным участком всего трубопровода. Общая протяженность газопровода — около 7000 км. При этом по территории Туркменистана проложено 188 км, Узбекистана — 525 км, Казахстана — 1293 км. В 2009 г. одновременно вместе с западным участком завершилось строительство трех ответвлений газопровода внутри СУАР, благодаря которым Урумчи (административный центр Синьцзяна) и ряд других районов Северного Синьцзяна стали первыми в Китае потребителями центральноазиатского газа⁷⁸. По территории самого Китая планируется проложить более 4860 км газопровода. Из СУАР, пересекая всю территорию страны с запада на восток, газопровод протянется до Гуанчжоу и Гонконга (в настоящее время осуществляется строительство морского участка газопровода протяженностью 29,3 км).

В 2010 г. казахстанская *КазМунайГаз* и *КННК* создали совместное предприятие по строительству газопровода Бейнеу–Шимкент (из западных районов Казахстана) с пропускной способностью 10 млрд м³ в год для подключения к газопроводу Центральная Азия–Китай и обеспечения газом южных территорий Казахстана. Строительство ветки началось в 2010 г.

В июне 2010 г. Узбекистан и Китай договорились о строительстве к декабрю 2011 г. второй очереди газопровода из Узбекистана в Китай, по которой КНР будет получать узбекский газ в объеме 10 млрд м³ в год. В апреле 2011 г. Ташкент и Пекин в рамках государственного визита президента Узбекистана Ислама Каримова в КНР подписали соглашение о строительстве третьей очереди, пропускная способность которой составит 25 млрд м³ в год. В реализацию проекта (стоимость — 2,2 млрд долл.) будут привлечены Государственный банк развития Китая и *КННК*. Более того, в сентябре 2010 г. российская нефтегазовая компания *Лукойл* договорилась с *КННК* о поставках газа с узбекских месторождений. Начало поставок планируется на 2014 г.⁷⁹

В 2010 г. импорт природного газа в Китае составил 17 млрд м³, что равно 17% от общего потребления. Из них 4,4 млрд м³ уже пришло в Китай из стран Центральной Азии (остальной импорт был в виде сжиженного природного газа, СПГ)⁸⁰. С учетом действующей первой и второй очередей этой газовой магистрали Китай с начала 2014 г. станет получать до 65 млрд м³ туркменского и узбекского газа ежегодно. По прогнозам *КННК*, в 2015 г. потребление газа в Китае составит 230 млрд м³,

а объемы внутреннего производства не превысят 150 млрд м³, следовательно, стране будет необходимо импортировать до 80 млрд м³. При этом к 2015 г. в стране будут введены в строй восемь новых терминалов по приему СПГ (к имеющимся трем), что значительно увеличит долю этого ресурса⁸¹. При таком раскладе природный газ из Центральной Азии будет в перспективе составлять 40–60 % от общего импорта газа КНР. Остальной импорт будет покрываться за счет СПГ.

Стоит отметить, что такие прогнозы не влияют положительно на ход переговоров между Китаем и Россией. В июне 2011 г. стороны снова не смогли заключить контракт по поставкам газа в Китай. Сегодня речь идет уже о поставках после 2015 г., когда годовой рост потребности Китая в газе составит 16,8%. Камнем преткновения остаются расценки. Россия, исходя из цен в Европе и расходов на перекачку в азиатском регионе, настаивает на 350 долл. за тысячу кубометров. Китайская сторона опирается на цены в Центральной Азии (200–210 долл.⁸²) и предлагает максимальный порог в 250 долл. Выходом в данных переговорах, скорее всего, станет долгосрочный план по строительству инфраструктуры в России для экспорта СПГ.

Значительным моментом для внутренней политики Китая является тот факт, что СУАР постепенно превращается в крупный коридор для импорта энергоносителей. Уже в ноябре 2007 г. в КНР был принят документ «Мнения Госсовета об ускоренном социально-экономическом развитии Синьцзяна», в котором отмечалось, что СУАР «должен придерживаться стратегии расширения открытости с ориентацией на страны Центральной Азии и постепенно превратиться в базу экспортно-ориентированной перерабатывающей промышленности»⁸³. Более того, многие западные исследователи отмечают, что для обеспечения стабильности поставок энергоресурсов из соседних государств, Китай реорганизует свои войска, находящиеся в СУАР. Так, тяжелые армейские батальоны в СУАР предназначены для защиты соответствующих месторождений и инфраструктуры в Центральной Азии⁸⁴.

НОВЫЙ ВЕК — НОВЫЕ РЕСУРСЫ

С развитием энергетического сотрудничества Китая со странами Центральной Азии у страны появляются новые энергетические интересы. Прежде всего развитие атомной энергетики КНР приводит к тому, что в перспективе Китай будет испытывать нехватку урана для того, чтобы обеспечить топливом все АЭС⁸⁵.

В урановой промышленности главным партнером Китая в регионе является Казахстан, обладающий самыми крупными запасами урана среди стран региона (см. таблицу 2). В 2006 г. АО Национальная атомная компания *Казатомпром* и китайская *Гуандунская ядерно-энергетическая корпорация (CGNPC)* заключили Соглашение о стратегическом сотрудничестве. В октябре 2007 г. компании подписали два меморандума о совместном освоении урановых ресурсов в Казахстане путем создания совместного предприятия и об инвестициях *Казатомпрома* в атомную энергетику Китая⁸⁶. В 2007 г. *Казатомпром* и *Китайская национальная ядерная корпорация (CNNC)* подписали рамочное соглашение об углублении и расширении стратегического сотрудничества. В соответствии с соглашением весь природный уран, добываемый совместными казахстанско-китайскими предприятиями, должен поставляться в Китай в виде продуктов более высокой степени передела ядерного топлива⁸⁷. В апреле 2009 г. в Алматы *Казатомпром* и *CGNPC* подписали Меморандум о создании совместного предприятия по строительству атомных электростанций в Китае⁸⁸.

12 июня 2010 г. в ходе государственного визита председателя КНР Ху Цзиньтао в Астану стороны подписали межправительственные соглашения о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии и контракт на куплю-продажу концентратов природного урана между компаниями *Казатомпром* и *CGNPC*. Разовый контракт предусматривает поставку 650 т урана в Китай⁸⁹.

В августе 2009 г. китайская *CGNPC Uranium Resources Co* и Государственный комитет по геологии и минеральным ресурсам (Госкомгео) Узбекистана создали совместное предприятие *Uz-China Uran* на паритетных началах с уставным капиталом 4,6 млн долл. В 2010–2011 гг. компания *Uz-China Uran* осуществила геологоразведку на контрактной площади с объемом инвестиций порядка 2 млн долл. По итогам было выявлено несколько месторождений урана, параметры которых не разглашаются. В соответствии с условиями создания *Uz-China Uran* китайская компания получит преимущественные права на приобретение продукции по мировым ценам⁹⁰.

В мае 2011 г. компания *CGNPC Uranium Resources* и Госкомгео Узбекистана подписали рамочное соглашение с целью освоения месторождений урана на Бозтауской площади в Центральных Кызылкумах (Узбекистан). В соответствии с соглашением, китайская компания в 2011–2013 гг. осуществит разработку технологии отдельного извлечения урана и ванадия при работе для промышленного освоения месторождений *черносланцевого* типа. Отмечается, что по итогам проведения исследований *CGNPC* планирует приступить к строительству добывающего комплекса и начать добычу урана в Узбекистане во второй половине 2014 г.

Часть западных районов Китая периодически испытывает недостаток электроэнергии. Проблему мог бы решить импорт электроэнергии из Центральной Азии. Китай наращивает свои инвестиции в электроэнергетику региона, местные энергетические и электрические сети. Прежде всего это относится к Таджикистану, который обладает значительным гидроэнергетическим потенциалом и имеет значительный опыт экспорта электроэнергии.

В 2006 г. после визита в Китай президента Таджикистана Эмомали Рахмонова Экспортно-импортный банк (Эксимбанк) Китая выделил льготный кредит со ставкой 2,2% годовых на 25 лет в сумме свыше 300 млн долл. на финансирование проектов строительства ЛЭП-500 Юг–Север и ЛЭП-220 Лолазор–Хатлон⁹¹. Проекты направлены на соединение разрозненных электрических сетей севера и юга Таджикистана. Кроме того, в 2006 г. Китай проявлял интерес к строительству Зерафшанской ГЭС на севере республики проектной стоимостью 360 млн долл. и мощностью 150 МВт, но в связи с протестом Узбекистана было решено отложить проект и проложить ЛЭП для подключения Зеравшанской долины (север Таджикистана) ко внутреннему энергокольцу. Стоимость проекта — 37 млн долл. Кредит также предоставил Эксимбанк. При этом главным подрядчиком всех трех проектов является китайская компания *TVEA*⁹².

В 2011 г. завершится строительство Мойнакской ГЭС — первого проекта сотрудничества Китая и Казахстана в области возобновляемых источников энергии. Общий объем инвестиций в осуществление проекта составил 250 млн долл., в том числе 50 млн предоставил Казахстанский банк развития и 200 млн Китайский государственный банк развития. Соответствующее соглашение было подписано в 2006 г.⁹³ Страны готовят технико-экономическое обоснование нового проекта — строительства электростанции в Экибастузе (Казахстан), цель которого — поставки электроэнергии в Китай.

БОЛЬШАЯ ИГРА, ГДЕ ВЫИГРЫВАЮТ ВСЕ?

Энергетическая политика Китая в Центральной Азии основана на растущем осознании Пекином важности этого региона. Результатами данной политики в первое десятилетие XXI в. стали не только газопровод Центральная Азия–Китай и нефтепровод Западный Казахстан–Китай, благодаря которым к 2014 г. страна планирует получать из региона по 65 млрд м³ природного газа и 20 млн т нефти в год, что, безусловно, является весомым вкладом в обеспечение энергетической безопасности КНР. Перспективы получения уранового сырья и проекты в области электроэнергетики также не делают картину полной. Дело в том, что для китайских руково-

дителей вопрос энергетической безопасности — это не просто где взять ресурсы, но и как доставить их конечному потребителю.

Для Китая важны внутреннее экономическое развитие и социальная стабильность. Так, реализация широкомасштабной программы по освоению западных регионов повысило значение Центральной Азии для КНР, и не последнюю роль в этом играют энергетические проекты. В свою очередь укрепление отношений и реальное сотрудничество со странами Центральной Азии внесло значительный вклад в развитие западных регионов КНР, в частности СУАР, который превращается в важный энергетический узел, что привлекает трудовые и финансовые ресурсы в этот район.

Китайские руководители не оставляют без внимания и геополитические расчеты. Тесная связь со странами региона обеспечивает Китаю надежный стратегический тыл на весьма долгую перспективу, что также необходимо для КНР. Как результат, энергетическая политика в Центральной Азии стала важной частью стратегии устойчивого развития Китая.

Главными инструментами энергетической политики Китая в регионе выступают, с одной стороны, кооперативный подход в виде взаимодействия в рамках ШОС и стратегическое партнерство с каждой страной в отдельности, а с другой — элементы прагматического подхода в виде прямых инвестиций в экономики стран региона и предоставления долгосрочных кредитов. Тем самым Китай создает максимально благоприятные условия для деятельности своих государственных компаний. Главным игроком здесь является *КННК*. Сегодня китайские компании обладают лицензиями на разработку нефтегазовых месторождений в регионе с запасами примерно в 3 млрд т нефти и 2 трлн м³ природного газа (см. таблицу 3), что не является пределом — Китай и далее будет укреплять свои позиции в энергетическом секторе стран Центральной Азии.

В реализации энергетической политики КНР в регионе можно выделить ряд проблем. *Во-первых*, проблемой является политика западных государств, также заинтересованных в доступе своих корпораций к энергоресурсам региона. Тут конкурентным преимуществом Китая является то, что он не выдвигает каких-либо политических или социальных условий сотрудничества, его интересы носят сугубо экономический характер. *Во-вторых*, проблемой можно назвать *балансирующее* поведение самих центральноазиатских государств, которые при сотрудничестве с внерегиональными силами стараются сохранить возможности своей внешней политики открытыми.

Результатами энергетического взаимодействия с Китаем для стран Центральной Азии являются инвестиции и долгосрочные кредиты, диверсификация экспорта энергоресурсов, а также тесная стратегическая связь с крупнейшей развивающейся экономикой и одним из важнейших акторов мировой политики. Выигрывают ли центральноазиатские государства от такого сотрудничества? Долгосрочные кредиты нужно возвращать, как правило, ресурсами. Инвестиции вкладываются прежде всего в развитие ресурсного сектора экономики. Примечательно, что Китай не осуществляет инвестиций (ни прямых, ни портфельных, ни кредитных) в инновационные высокотехнологичные проекты за пределами страны, а, наоборот, привлекает иностранные инвестиции и технологии в свою экономику⁹⁴.

Тем не менее в данном взаимодействии фактор взаимности не отсутствует. У стран Центральной Азии сформировано стратегическое планирование, но дело в том, что это планирование ориентировано на ресурсный характер экономики, что включает привлечение иностранных инвестиций в энергетический сектор, ускоренное строительство инфраструктуры и развитие переработки энергетических ресурсов. Тут подходы стран немного различны в отношении нефти. Так, стратегическое планирование Казахстана направлено на максимальную диверсификацию экспорта ресурсов, а не на развитие собственных перерабатывающих мощностей. В Узбе-

кистане же правительство старается законодательно закреплять обязательство добывающих компаний перерабатывать нефть на заводах внутри страны.

Имеется также ряд факторов, которые позволяют Китаю продвигать собственные интересы внутри региона.

Во-первых, оптимистичный сценарий развития Центральной Азии предполагает, что рано или поздно большие объемы энергоресурсов будут необходимы на внутреннее потребление для обеспечения своего промышленного роста, как это происходит в большинстве государств Юго-Восточной Азии. Сегодня же распоряжение ресурсами в Центральной Азии происходит без оглядки на это, вероятно, далекое, но возможное будущее. Такое стратегическое видение важно для того, чтобы стало возможно просчитать объем энергоресурсов, который страны могут экспортировать, чтобы не свести при этом к минимуму возможности собственного промышленного развития. Эта ситуация действительно помогает Китаю продвигать свои энергетические интересы.

На общерегиональном уровне стратегическое планирование не менее важно. Страны Центральной Азии входят в состав СНГ, но организация утратила свое значение как политическое объединение. Некоторые страны региона входят в состав экономического объединения ЕврАзЭС, которое пока не проявило своей эффективности. Китай использовал недостаток интеграционной активности в регионе в свою пользу, инициировав новую структуру со своим весомым участием — ШОС. В то же время, к примеру, в Юго-Восточной Азии Китаю пришлось налаживать диалог с уже существующим сильным объединением — АСЕАН, что предполагает необходимость брать в расчет сформированные стратегические интересы участников.

Во-вторых, в странах Центральной Азии существует значительный государственный контроль над энергетической сферой. Во многом такая ситуация упрощает внедрение Китая, поскольку главной задачей при таком раскладе является согласование позиций на межгосударственном уровне. Компании являются лишь исполнителями принятых решений. Это в значительной степени политизирует характер отношений в энергетической сфере.

В-третьих, у стран региона наметилась конкуренция с Россией по продаже своих энергетических ресурсов Китаю: у Казахстана в отношении нефти; у Туркменистана, Узбекистана и Казахстана в отношении газа. Такая конкурентная среда позволяет Китаю скорректировать вопросы сроков и цен в свою пользу. К примеру, за три месяца до заключения соглашения с Узбекистаном о поставках газа в июне 2010 г. глава Государственного управления по энергетике КНР Чжан Гобао заявил, что многолетние переговоры с Россией о цене на газ близки к завершению. При этом *Газпром* был более скептичен в своих оценках, отметив лишь факт «достижения взаимопонимания по базовым вопросам»⁹⁵. Сообщение о продвижении в переговорах по газу с Россией могло стимулировать Узбекистан скорее пойти на условия, которые предлагал Китай.

Китайские стратеги и политические деятели очень эффективно используют весь спектр экономических и политических инструментов для реализации стратегии энергетической безопасности своей страны. Опыт энергетической политики Китая в Центральной Азии, в частности четкое стратегическое видение ситуации и планирование на долгосрочную перспективу, может быть весьма полезен не только самим странам региона, но и другим государствам, заинтересованным в продвижении собственных интересов в регионе. 🇨🇳

Примечания

¹ Xia Yishan. Zhongguo nengyuan xingshi ji qi fazhan zhanlue (Ситуация в энергетике Китая и стратегия ее развития). *Жэньминь жибао*. 2004, 1 февраля.

- ² Li Peng. China's Policy on Energy Resources. *Xinhua*. 1997, May 28. Цит. по: Sergei Trough. China's Changing Oil Strategy and its Foreign Policy Implication. Washington D. C.: Brookings Institution, 1999. P. 2.
- ³ Джекшенкулов А. Новые независимые государства Центральной Азии в мировом сообществе. М.: Научная книга, 2000. С. 165.
- ⁴ Бао И. Китай: стратегические интересы в Центральной Азии и сотрудничество со странами региона. *Центральная Азия и Кавказ*. 2001. № 5. С. 117.
- ⁵ BP Statistical Review of World Energy, June 2011.
- ⁶ James P. Dorian. Central Asia is a Key Emerging Energy Player. *Pipeline and Gas Journal*. 2006, May.
- ⁷ BP Statistical Review of World Energy, June 2011.
- ⁸ Ibid.
- ⁹ № 1 в мире! *Казатомпром*. 2009, 30 декабря, http://www.kazatomprom.kz/ru/news/2/№_1_v_mire (последнее посещение — 10 июня 2011 г.).
- ¹⁰ Подсчет дан при расчете стоимости извлечения 130 долл./кг. См.: World Nuclear Association, 2009. Nuclear Energy Agency. Uranium 2009: Resources, Production and Demand («Red Book»).
- ¹¹ Гидроэнергетика Таджикистана: ресурсы, перспективы. Министерство энергетики и промышленности Таджикистана, <http://minenergoprom.tj/index.php?lng=ru&id=49&PHPSESSID=e7d1c19d46c15179594008f20cca57a4> (последнее посещение — 10 июня 2011 г.).
- ¹² Островский А. В. Запад догоняет Восток: десять лет программе развития западных районов Китая: итоги и перспективы. *ChinaPRO*. 2010, 23 августа, <http://www.chinapro.ru/blogs/6/4771/> (последнее посещение — 10 июня 2011 г.).
- ¹³ Развитие и прогресс в Синьцзяне. Белая книга. Пресс-канцелярия Госсовета КНР. 2009, 14 декабря, http://russian.china.org.cn/government/archive/baipishu/txt/2009-12/14/content_19062512.htm (последнее посещение — 10 июня 2011 г.).
- ¹⁴ CNPC Annual Report 2009. CNPC. P. 12.
- ¹⁵ H.R. 1152: Silk Road Strategy Act of 1999, 106th Congress. 1999–2000, <http://www.govtrack.us/congress/bill.xpd?bill=h106-1152&tab=summary> (последнее посещение — 10 июня 2011 г.).
- ¹⁶ В 2006 г. Конгресс США принял новый «Акт о стратегии Шелкового пути», подтвердивший основные положения акта 1999 г.
- ¹⁷ Central Asia. Report on Transformation. Warsaw: Institut wschodni, 2005. P. 12.
- ¹⁸ Andrews-Speed Philip, Liao Xuanli, Dannreuther Roland. The Strategic Implications of China's Energy Needs. Adelphi Paper 346. *The International Institute for Strategic Studies*. 2002. P. 55.
- ¹⁹ Kozyrev Vitaly. China's Continental Energy Strategy: Russia and Central Asia. In: Collins Gabriel, Erickson Andrew, Goldstein Lyle, Murray William (eds.). *China's Energy Strategy: The Impact on Beijing's Maritime Policies*. The China Maritime Studies Institute: the Naval Institute Press, 2008. P. 239.
- ²⁰ Зотов О. В. «Евразийские Балканы» в геополитике Китая: значение для России. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2001. № 4. С. 105, 115–116.
- ²¹ Liu Jiang Yong. Diyuan zhanlue xuyao hailiu he helun (Геополитическая стратегия нуждается в теории балансирования между морскими и сухопутными державами). *Xuexishibao*. 2006, April 26, <http://theory.people.com.cn/GB/41038/4330005.html> (последнее посещение — 10 июня 2011 г.).
- ²² Нань Гуан. Энергетическая политика Китая и обеспечение энергетической безопасности в Центральной Азии. *Центральная Азия и Кавказ*. 2007. № 6. С. 102.

- ²³ Хао Жуйбинь, Ван Вэйи. Нефтегазовая безопасность Китая и китайско-российские нефтегазовые отношения в 21 в. *Чжунго куанье*. 2006. № 3. С. 7–8. Цит. по: Kozyrev Vitaly. Op. cit. P. 231.
- ²⁴ Воскресенский А. Д. «Большая Восточная Азия»: Мировая политика и энергетическая безопасность. М.: ЛЕНАНД, 2006. С. 101.
- ²⁵ Основные документы и материалы по Шанхайской организации сотрудничества. М.: Институт Дальнего Востока, 2005.
- ²⁶ Лунев С. И. Вызовы безопасности южных границ России. М.: МОНФ, 1999, <http://www.ufalaw.narod.ru/4/mp/lunev/Lunev-glava5.htm> (последнее посещение — 10 июня 2011 г.).
- ²⁷ Beijing Review. 1992. Vol. 35. № 25. Pp. 4–5.
- ²⁸ Китай и центральноазиатские страны: вместе открыть новую страницу в истории дружбы, сотрудничества и развития. *Китайский информационный интернет-центр*, http://russian.china.org.cn/international/txt/2010-05/31/content_20155450.htm (последнее посещение — 10 июня 2011 г.).
- ²⁹ Andrews-Speed Philip, Liao Xuanli, Dannreuther Roland. Op. cit. P. 58.
- ³⁰ Lan Ouan, Paik Keun-Wook. China Natural Gas Report. L.: Royal Institute of International Affairs, 1998. Pp. 112–113.
- ³¹ Компания обладает лицензиями правительства Республики Казахстан на право добычи углеводородного сырья на нефтегазоконденсатном месторождении Жанажол от 7 июня 1995 г., серия МГ № 248 (нефть), на право добычи углеводородного сырья на нефтяном месторождении Кенкияк (надсолевой) от 5 сентября 1995 г., серия МГ № 252 (нефть), на право добычи углеводородного сырья на нефтяном месторождении Кенкияк (подсолевой) от 25 июня 1997 г., серия МГ № 996 (нефть) в Актюбинской области. См.: Заключение Листинговой комиссии по простым акциям ОАО «СНПС–Актобемунайгаз». Алматы. 2003, 20 мая, http://www.kase.kz/files/emitters/AMGZ/amgz_list.pdf (последнее посещение — 10 июня 2011 г.).
- ³² Andrews-Speed Philip, Liao Xuanli, Dannreuther Roland. Op. cit. P. 59.
- ³³ История компании. АО «СНПС–Актобемунайгаз», <http://www.cnpc-amg.kz/index.php?p=production> (последнее посещение — 10 июня 2011 г.).
- ³⁴ Азовский И. П. Центральноазиатские республики в поисках решения транспортной проблемы. М.: Московский общественный научный фонд, 1999. С. 16–30.
- ³⁵ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о совместном развертывании сотрудничества в энергетической сфере. Пекин. 1996, 25 апреля, http://www.chinaruslaw.com/RU/CnRuTreaty/004/2005810130340_3055078.htm (последнее посещение — 10 июня 2011 г.).
- ³⁶ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о продолжении сотрудничества в энергетической сфере. Пекин. 2000, 18 июля, http://www.chinaruslaw.com/RU/CnRuTreaty/004/200876180011_627742.htm (последнее посещение — 10 июня 2011 г.).
- ³⁷ В 2000 г. существовала сеть трубопроводов, связывающая Казахстан с Самарой (Россия), главный из которых — нефтепровод Атырау–Самара. В 2001 г. был введен в эксплуатацию нефтепровод Тенгиз–Новороссийск протяженностью около 1600 км и способностью перекачивать до 500 000 баррелей нефти в день.
- ³⁸ Oil Production (from 1965). BP Statistical Review of World Energy, June 2011.
- ³⁹ Лунев С. И. Вызовы безопасности южных границ России. М.: МОНФ, 1999, <http://www.ufalaw.narod.ru/4/mp/lunev/Lunev-glava5.htm> (последнее посещение — 10 июня 2011 г.).
- ⁴⁰ Требуется нефть российского производства для загрузки нефтепровода, соединившего Казахстан и Китай. *Нефть и капитал*. 2006. № 1–2, http://www.oilcapital.ru/edition/nik/archives/nik_2006/nik_01_02_2006/84078/public/84110.shtml (последнее посещение — 10 июня 2011 г.).
- ⁴¹ BP Statistical Review of World Energy, June 2011.

⁴² Чжунго тунцзи няньцзянь (Статистический ежегодник Китая). Пекин, 2009. Цит. по: Атлас 2010. Le Monde Diplomatique. Центр исследований постиндустриального общества. 2010. С. 215.

⁴³ Фролова И. Ю. Китай на внешних рынках энергоносителей. *Аналитические обзоры РИСИ*. 2009. № 1 (22). С. 20.

⁴⁴ Бланк С. Китай корректирует курс, стремясь расширить доступ к среднеазиатским энергоносителям, www.eurasianet.org/russian/departments/business/articles/eav031406ru.shtml (последнее посещение — 10 июня 2011 г.).

⁴⁵ См.: Kozyrev Vitaly. Op. cit. P. 216.

⁴⁶ Встреча председателя Китая Ху Цзиньтао с президентом Туркменистана. *МИД КНР*. 2005, 9 мая, <http://www.fmprc.gov.cn/rus/ziliao/zt/eyu/t195082.htm> (последнее посещение — 10 июня 2011 г.).

⁴⁷ См.: Хроники событий в Узбекистане. *Независимая газета*. 2005, 16 мая, http://www.ng.ru/cis/2005-05-16/3_uzbek.html (последнее посещение — 10 июня 2011 г.).

⁴⁸ Qin Jize. China, Uzbekistan sign \$600 m oil agreement. *China Daily*. 2005, May 26, www.chinadaily.com.cn/english/doc/2005-05/26/content_445707.htm (последнее посещение — 10 июня 2011 г.).

⁴⁹ Фролова И. Ю. Цит. соч. С. 19.

⁵⁰ Постановление Президента Республики Узбекистан от 15 апреля 2010 г. № ПП-1325 (рус) «О мерах по реализации инвестиционного проекта по доразведке и разработке месторождения Мингбулак».

⁵¹ Совместная декларация Китая и Казахстана об установлении и развитии стратегического партнерства. Посольство КНР в РК. 2005, 4 июля, <http://ru.china-embassy.org/rus/xwdt/t202659.htm> (последнее посещение — 10 июня 2011 г.).

⁵² Стратегический план развития Республики Казахстан до 2020 г. Утвержден Указом Президента Республики Казахстан от 1 февраля 2010 г. № 922. Министерство экономического развития и торговли Республики Казахстан, <http://www.minplan.kz/2020> (последнее посещение — 10 июня 2011 г.).

⁵³ CNPC Annual Report 2003. Beijing: Editorial Department of CNPC Annual Report, 2004. P. 30.

⁵⁴ Требуется нефть российского производства для загрузки нефтепровода, соединившего Казахстан и Китай. *Нефть и капитал*. 2006. № 1–2, http://www.oilcapital.ru/edition/nik/archives/nik_2006/nik_01_02_2006/84078/public/84110.shtml (последнее посещение — 10 июня 2011 г.).

⁵⁵ Фролова И. Ю. Цит. соч. С. 16.

⁵⁶ *Nations Energy* зарегистрирована в Канаде, но принадлежала семейству бывшего президента Индонезии Сухарто.

⁵⁷ Фролова И. Ю. Цит. соч. С. 17.

⁵⁸ Опарин Артем, Павлов Владимир. «Китаймунайгаз»: Пекин возобновил скупку энергоресурсов. *РБК daily*. 2009, 1 октября, <http://www.rbcdaily.ru/2009/10/01/world/433986> (последнее посещение — 10 июня 2011 г.).

⁵⁹ Ромашенко Сергей. Китай займется разработкой крупного газового месторождения в Казахстане. *Deutsche Welle*. 2011, 23 февраля, <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,14866707,00.html> (последнее посещение — 10 июня 2011 г.).

⁶⁰ До недавнего времени предполагаемые запасы месторождения Урехтау были скромны: утвержденные геологические запасы свободного газа составляют около 40 млрд м³, растворенного газа 2,4 млрд м³, конденсата 11 623 тыс. т, нефти 6493 тыс. т. В мае 2011 г. в результате испытания первой разведочной скважины получен мощный поток нефти и газа. Предварительная оценка потенциала блока: около 200 млн т. См.: КМГ обнаружил крупные запасы нефти на месторождении Урихтау. См.: Кабылдин. *Новости-Казахстан*. 2011, 19 мая, <http://www.newskaz.ru/economy/20110519/1481126.html> (последнее посещение — 10 июня 2011 г.).

- ⁶¹ См.: Jiang Julie, Sinton Jonathan. Overseas Investment by Chinese National Oil Companies: Assessing the Drivers and Impacts. International Energy Agency. 2011, February. P. 17; Rosen Daniel H., Houser Trevor. China Energy. A Guide for the Perplexed. *Peterson Institute for International Economics*. 2007, May 2007. P. 32–33.
- ⁶² Заключение Листинговой комиссии по простым акциям ОАО «СНПС–Актобемунайгаз». Алматы, 2003, 20 мая, http://www.kase.kz/files/emitters/AMGZ/amgz_list.pdf (последнее посещение — 10 июня 2011 г.).
- ⁶³ Отчет по оценке. Республика Казахстан. Проект реабилитации Узеньского месторождения нефти. *Всемирный банк*. Доклад № 15114-KZ. 1996, 10 июня, http://siteresources.worldbank.org/INTKAZAKSTANINRUSSIAN/Projects%20and%20Operations/20369673/Summary%20of%20SAR_Rus.pdf (последнее посещение — 10 июня 2011 г.).
- ⁶⁴ Kozyrev Vitaly. Op. cit. P. 241.
- ⁶⁵ Это составляло 30% китайского импорта нефти в то время.
- ⁶⁶ Карта доработана автором, источник: Фролова И. Ю. Цит. соч. С. 18.
- ⁶⁷ Музапарова Лейла. Пути углубления энергетического сотрудничества между Казахстаном и Россией. Доклад на международной конференции «Стратегическое партнерство Казахстана и России: современное состояние и перспективы развития». Алматы, 2006, 1 ноября, www.apn.kz/news/article6849.htm (последнее посещение — 10 июня 2011 г.).
- ⁶⁸ Атасу-Алашанькоу. *КазМунайГаз*. 2010, 8 января, http://www.kmg.kz/manufacturing/oil/atasu_alashankou/ (последнее посещение — 10 июня 2011 г.).
- ⁶⁹ Report on Domestic and Overseas Oil & Gas Industry Development in 2010. CNPC Research Institute of Economics & Technology. 2011, January. P. 11.
- ⁷⁰ Нефтепровод Кенкияк–Кумколь выйдет на полную мощность с 2013 г. *ИНТЕРФАКС-Казахстан*. 2010, 29 апреля, <http://www.kazenergy.com/content/view/11881/65/lang,ru/> (последнее посещение — 10 июня 2011 г.).
- ⁷¹ Фролова И. Ю. Цит. соч. С. 18.
- ⁷² Проект нефтепровода из Казахстана в Китай. Сайт посольства КНР в Республике Казахстан, <http://kz.china-embassy.org/rus/contact/petro> (последнее посещение — 10 июня 2011 г.).
- ⁷³ Генеральное соглашение между Правительством Туркменистана и Правительством Китайской Народной Республики о реализации проекта газопровода Туркменистан–Китай и продаже природного газа из Туркменистана в Китайскую Народную Республику. *Нейтральный Туркменистан*. 2006, 4 апреля.
- ⁷⁴ Узбекистан и Китай построят новый газопровод. *ИНФО-ШОС*. 2010, 2 августа, <http://www.infoshos.ru/ru/?idn=6457> (последнее посещение — 10 июня 2011 г.).
- ⁷⁵ Гриб Наталья, Ахундов Алек, Сидоров Александр. Туркмения вручила свои недра Китаю. *Коммерсантъ*. 2007, 13 августа, <http://www.commersant.ua/doc.html?DocID=800274&Issued=41383> (последнее посещение — 10 июня 2011 г.).
- ⁷⁶ Карта доработана автором, источник: Томберг Игорь. Неочевидные последствия газового вторжения Китая в Центральную Азию. *Открытая экономика*. 2010, 20 января, <http://www.opes.ru/1150038.html> (последнее посещение — 10 июня 2011 г.).
- ⁷⁷ Первый газопровод Запад–Восток в Китае был построен и введен в эксплуатацию 1 октября 2004 г. К 2009 г. его пропускная способность превысила 12 млрд м³, протяженность — 4000 км: трубопровод начинается с Тарима (Синьцзян), тянется через 9 провинций, автономных районов и городов центрального подчинения и доходит до Шанхая.
- ⁷⁸ Стартовал проект строительства трех ответвлений газопровода Запад–Восток для поставок газа из Туркменистана в Северный Синьцзян. *Жэньминь Жибао*. 2009, 27 сентября, <http://russian.people.com.cn/31518/6768589.html> (последнее посещение — 10 июня 2011 г.).
- ⁷⁹ Туркмения в 2012 г. начнет поставки природного газа в Гонконг. *Regnum*. 2011, 26 мая, www.regnum.ru/news/russia/1409138.html (последнее посещение — 10 июня 2011 г.).

⁸⁰ Report on Domestic and Overseas Oil & Gas Industry Development in 2010. CNPC Research Institute of Economics & Technology. 2011, January. P. 14.

⁸¹ Ibid. P. 27.

⁸² Взгляд Китая на энергетическое сотрудничество с Россией: заместитель председателя Госкомитета КНР по развитию и реформам, начальник Государственного энергетического управления Китая Чжан Гобао рассказал о ценообразовании на энергоресурсы между Россией и Китаем. *ИНТЕРФАКС-Китай*. 2010, 14 октября, <http://www.rusenergy.com/ru/read/read.php?id=47434> (последнее посещение — 10 июня 2011 г.).

⁸³ Китай активизирует процесс формирования на западе страны крупного канала для импорта энергоносителей. *Синьхуа*. 2007, 20 ноября, http://www.russian.xinhuanet.com/russian/2007-11/20/content_526730.htm (последнее посещение — 10 июня 2011 г.).

⁸⁴ См.: Martin Andrew. PLA Doctrine on Securing Energy Resources in Central Asia. *China Brief*. The Jamestown Foundation. 2006, September 7, <http://www.asianresearch.org/articles/2900.html> (последнее посещение — 10 июня 2011 г.); Kozyrev Vitaly. Op. cit. P. 203.

⁸⁵ См. подробнее: Петелин Е. Н., Перфильев Н. В. Атомная Панда: Китай в поисках энергобезопасности. *Индекс Безопасности*. 2008, весна. Т. 14, № 2 (85). С. 90–91.

⁸⁶ Пресс-релиз о стратегическом партнерстве между АО «НАК «Казатомпром» и CGNPC. *Казатомпром*. 2009, 29 апреля, http://www.kazatomprom.kz/ru/news/2/press-reliz_o_strategicheskom_partnerstve_mezhdu_ao_«nak_«kazatomprom»_i_cgnpc (последнее посещение — 10 июня 2011 г.).

⁸⁷ «Казатомпром» создает с CGNPC и CNNC СП по добыче природного урана в РК. *Ядерное общество Казахстана*. 2007, 12 октября, <http://www.nuclear.kz/2007/10/12/kazatomprom-sozdaet-s-cgnpc-i-cnnc-sp.html> (последнее посещение — 10 июня 2011 г.).

⁸⁸ Пресс-релиз о стратегическом партнерстве между АО «НАК «Казатомпром» и CGNPC.

⁸⁹ Казахстан поставит в Китай 650 т урана. *Новости-Казахстан*. 2010, 12 июня, <http://news.nur.kz/154408.html> (последнее посещение — 10 июня 2011 г.).

⁹⁰ CGNPC Uranium Resources в 2014 г. планирует приступить к добыче урана в Узбекистане. *Uzdaily*. 2011, 26 мая, <http://uz2.mofcom.gov.cn/aarticle/chinanews/201105/20110507570472.html> (последнее посещение — 10 июня 2011 г.).

⁹¹ Маннонов Бахром. «Эксимбанк» отрекается от финансирования строительства Зерафшанской ГЭС? *Азия-плюс*. 2007, 21 августа, <http://www2.asiaplus.tj/news/16/21205.html> (последнее посещение — 10 июня 2011 г.).

⁹² Фасхутдинов Галим. Таджикистан пытается выйти из энергетической изоляции. *Deutsche Welle*. 2010, 13 июля, <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,5789918,00.html> (последнее посещение — 10 июня 2011 г.).

⁹³ Китай инвестирует \$200 млн в строительство Мойнакской ГЭС в Казахстане. *Жэньминь жибао*. 2006, 1 мая, <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1146428880> (последнее посещение — 10 июня 2011 г.).

⁹⁴ См. например: Российско-китайское сотрудничество: перспективные направления и подводные камни. *Наука в Сибири*. 2010, 13 мая. № 19 (2754). С. 24–31.

⁹⁵ Куликов Сергей. Пекин заявил о ценовой победе: российско-китайские газовые переговоры близки к финалу. *Независимая газета*. 2010, 4 марта, http://www.ng.ru/economics/2010-03-04/4_rekin.html (последнее посещение — 10 июня 2011 г.).

Международная Летняя школа по проблемам глобальной безопасности

Программа Летней Школы

включает лекции, семинары, круглые столы, ролевые игры, в ходе которых рассматриваются ключевые вопросы международной безопасности

Среди основных тем:

- Ядерное нераспространение и разоружение: ключевые события и будущее режима;
- Интернет, информационные технологии, кибербезопасность в современных международных отношениях;
- Будущее атомной энергетики, ядерная безопасность и культура нераспространения;
- Международная преступность: борьба с коррупцией, легализацией денежных средств, полученных незаконным путем, финансированием терроризма, торговлей людьми, незаконным оборотом наркотиков и оружия;
- Модернизация экономики и международное научно-техническое сотрудничество;
- Ценности России и ее приоритеты на международной арене.

Международная Летняя Школа по проблемам глобальной безопасности –

уникальная площадка, где молодые дипломаты и офицеры, научные сотрудники и студенты стран СНГ, Абхазии, Грузии, Южной Осетии, других государств расширяют свой профессиональный кругозор и повышают квалификацию, встречаются с ведущими российскими экспертами, сотрудниками государственных и неправительственных организаций, крупнейших частных компаний, с зарубежными дипломатами.

Для участия в Летней Школе

приглашаются 25 дипломатов, офицеров, других государственных служащих, ученых-международников, аспирантов, студентов

Лекторы программы – крупнейшие российские и зарубежные эксперты и высокопоставленные дипломаты.

Цели программы:

- повышение квалификации молодых специалистов в области международной безопасности;
- *продюсирование молодых талантов* и реализация их научного потенциала, вовлечение молодых выпускников и аспирантов в прикладную научно-исследовательскую, экспертную и политическую деятельность;
- формирование сообщества молодых специалистов-международников на пространстве СНГ.

С подробной информацией о проекте Вы можете ознакомиться по адресу:
summerschool.pircenter.org

Прием заявок на участие в Летней Школе-2012 – до 15 апреля 2012 г.

Олег Демидов

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТЕВЫЕ СЕРВИСЫ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

С января 2011 г. страны Магриба и Ближнего Востока захлестнула небывалая волна социальных протестов, повлекшая за собой отставку режимов в одних странах, репрессии вперемежку с лихорадочными реформами в других, а кое-где — гражданскую войну и фактический крах государственности. Эти события, отозвавшиеся эхом на огромном пространстве от Судана до Белоруссии, стали известны как *Арабская весна* и *Twitter/Facebook-революции*. Второе из упомянутых названий отражает черты, характерную для большинства эпизодов ближневосточных протестов, — беспрецедентно активное использование участниками протестов информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), и в первую очередь социальных сетевых сервисов. После волнений 2009 г. в Иране и Молдавии *Арабская весна* закрепила в рядах политиков, экспертов и СМИ дискурс «ИКТ (и прежде всего соцсети) как фактор волнений и революций».

Безобидная технология, призванная упростить досужее общение, приобрела черты едва ли не ОМУ, угрожающего стабильности и безопасности отдельных стран и международного сообщества в целом. Споры о роли социальных сетей в *Арабской весне* сегодня определяют основную суть дискуссии вокруг них, однако круг связанных с ними вопросов в рамках проблематики безопасности, конечно же, гораздо шире.

Соответственно, задача этой статьи состоит в том, чтобы проанализировать социальные сетевые сервисы и их влияние на развитие современного мира с позиций безопасности. Ключевой вопрос состоит в том, каким образом следует, с учетом тенденций последних лет, а также недавних и продолжающихся *революций онлайн* на Ближнем Востоке и в других регионах, рассматривать влияние социальных сетевых сервисов на международную безопасность, а также на национальную безопасность РФ. Этот вопрос влечет за собой еще два: стоит ли рассматривать социальные сетевые сервисы как вызов, угрозу, либо, напротив, потенциальный фактор укрепления безопасности и технологию, способствующую ее обеспечению? Второй вопрос, рассматриваемый прежде всего на примере РФ, касается того, каков должен быть государственный политический курс, призванный учитывать развитие сетевых интернет-технологий, и как использовать его для укрепления безопасности.

Анализ упомянутой проблематики ведется скорее с политологической точки зрения, не претендуя на правовую и техническую экспертизу. Рассмотрение социальных сетей в контексте безопасности (что вынесено в заголовок статьи) предполагает уход от правовых акцентов, рассмотрение и употребление таких понятий, как «национальная безопасность», «международная безопасность» вне специ-

А
Н
А
Л
И
З

фического правового контекста. Технические аспекты смещены на задний план либо опущены в силу того, что не являются основным объектом анализа и требуют отдельных исследований. Они рассматриваются лишь в той мере, в какой они необходимы для понимания международно-политической составляющей изучаемой проблематики.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТЕВЫЕ СЕРВИСЫ — ГРАНИЦЫ ПОНЯТИЯ

Объектом анализа в статье выступают социальные сетевые сервисы, хотя такая формулировка не единственная для рассматриваемого явления. Допустимы и такие термины, как «социальные сети», «социальные сетевые сообщества» и, в определенном контексте, «социальные медиа». Во всех случаях речь идет о совокупности виртуальных сервисов и платформ, функцией которых является создание социальных сетей и социальных связей между их пользователями. Русскоязычные обозначения являются кальками англоязычных терминов («social networking services», «social network sites»), более точно отражающих суть данного явления. В техническом смысле социальные сетевые сервисы являются собой классический пример Web 2.0. Так зачастую называют принцип проектирования систем, которые улучшаются и совершенствуются за счет возможностей сетевого взаимодействия и участия в нем широкого, не ограниченного изначально круга пользователей.

Единственное необходимое уточнение касается внутренней классификации социальных сервисов и ее оснований. В рамках статьи выделяются две категории таких сервисов:

- а) собственно социальные сети — как универсальные, так и специализированные, профессиональные (*Facebook*, *Одноклассники*, *ВКонтакте*, *LinkedIn*, *MySpace*, *Friendster*, *Google+*);
- б) квазисоциальные сообщества (блоговые сообщества, микроблоговые сервисы (*Twitter*), сообщества на интерактивных платформах типа *Ushahidi* и т. д. — данный перечень является открытым).

Провести четкое разграничение между обозначенными категориями достаточно сложно. Те же блоги могут быть лишь отдельным сервисом в рамках социальных комьюнити, обычные сайты могут иметь развитые социальные закладки, геосоциальные сети могут работать просто как сервис определения местонахождения, а могут приобретать полноценные социальные функции.

Можно лишь выделить тот перечень характеристик, которые в совокупности позволяют назвать тот или иной сервис социальной сетью. Подобный перечень был сформирован еще в 2008 г. в примечательном исследовании «Social Network Sites: Definition, History, and Scholarship». Его авторы, специалисты Калифорнийского университета в Беркли и Мичиганского университета Дана М. Бойд и Николь Эллисон выделили три ключевые характеристики сайта социальной сети (social network site)¹. Конкретно речь идет о возможности создания личного профиля пользователя, хотя бы частично открытого для других людей, управлении списком пользователей, с которыми поддерживается связь, и возможности просмотра и отслеживания связей других пользователей. Приведенный перечень, вероятно, нуждается в единственном уточнении: характеристики профиля пользователя должны иметь значение для социальной коммуникации. Так, геолокационный сервис не будет геосоциальной сетью, если к возможности определения координат пользователей не добавить их социально значимые характеристики — пол, возраст, хобби, цель посещения тех или иных локаций и т. д. Соответственно, все те сетевые сервисы, в которых отсутствуют какие-либо из перечисленных возможностей, относятся к квазисоциальным сетям.

Подобная классификация носит общий характер и не отражает многочисленных технологических нюансов, однако она допустима для целей этого исследования. Более подробную классификацию социальных сервисов рекомендую смотреть в исследовании коллектива авторов из IEEE Computer Society за 2008 г.²

РЕВОЛЮЦИИ ОНЛАЙН, КОТОРЫЕ ТАК И НЕ ПРОИЗОШЛИ

На сегодняшний день первоначальный энтузиазм и ажиотаж вокруг социальных сетевых сервисов как основной движущей силы революций на Ближнем Востоке и в Северной Африке поутихли как в глобальных СМИ, так и среди экспертов. В числе последних — исследователи Центра Беркмана по изучению интернета и общества при Гарвардском университете — одного из ведущих центров по изучению социальных сетей и новых интернет-сервисов: Этан Цукерман, Дана М. Бойд, Джиллиан Йорк, Майк Ананни и Бет Колеман. На скептических позициях также стоят отечественные исследователи, в числе которых стоит отдельно упомянуть эксперта ИМЭМО РАН Е. А. Степанову, посвятившую отдельное исследование роли ИКТ в *Арабской весне*³.

Обобщенная позиция экспертных кругов РФ и Запада сводится к тому, что социальные сети не сыграли ведущей роли в событиях *Арабской весны*, они не были доминирующим каналом коммуникации оппозиционных сил и участников протестов. Вместе с тем они частично придали событиям в арабских странах ту скорость и динамику, которая застала врасплох их оппонентов — правительства и поддерживающие их силы. Как справедливо отметил в интервью газете *Коммерсантъ* автор термина «*твиттер-революция*», сотрудник Стэнфордского университета Евгений Морозов, без социальных сетей революции в арабских странах «однозначно произошли бы по-иному».

Но можно ли утверждать, что социальные сети сыграли принципиальную и, главное, самостоятельную роль в развитии событий *Арабской весны*? На мой взгляд, такое утверждение неверно по нескольким причинам.

Первое. Протестная деятельность по отношению к социальным сетевым сервисам носила преимущественно самодостаточный и независимый характер, а вот обратное утверждение неверно. События *Арабской весны* и, в меньшей степени, *революция онлайн* в Белоруссии дают несколько важнейших оснований для данного вывода. Во-первых, протестная активность онлайн и реальные, уличные действия, сформировавшие революцию, разнятся по пику своей активности и не совпадают во времени. Как отметил председатель правления Союза директоров ИТ России Андрей Коротков, «уличные акции в Египте продолжаются и сегодня, в отсутствие сколь бы то ни было значимого влияния интернет-коммуникаций». Зеркальный пример — в Сирии объявленные в *Facebook* дни гнева не переходили в масштабные уличные акции, все изменилось лишь после произведенных властями арестов подростков, спровоцировавших массовые столкновения.

Второе. Протесты были и там, где активность в социальных сетях была близка к нулевой. Однако при этом протесты в тех государствах, где использование ИКТ было максимально активным, проходили по более мягкому сценарию. Некоторые эксперты считают такую корреляцию следствием гуманизирующей роли интернета. Однако в действительности причинно-следственная связь скорее носит обратный характер: чем более развито государство в социально-экономическом отношении, и чем либеральнее относится режим к свободе коммуникации, тем выше уровень проникновения ИКТ, включая социальные сети.

Третье. Социальные сети не были единственным и тем более ключевым средством коммуникации и координации действий повстанцев. При этом, однако, они были основным средством популяризации их движений и публичного контакта с внеш-

ним миром — в отличие от спутникового телевидения, мобильной связи, СМС, мечетей и всех остальных площадок коммуникации. В египетских провинциях, равно как и в Каире, главной площадкой для координации действий протестующих и распространения их настроений были мечети, сразу по окончании пятничных намазов превращавшиеся в своеобразные командные пункты участников протестных движений. Точно так же ситуация обстояла и во всех странах региона с мало-значимыми нюансами.

Четвертое. Та же *рецептура* протестной онлайн-активности с акцентом на социальные сети, которая сопровождала и подкрепляла развитие событий в арабских странах, не ведет к запуску аналогичного сценария в Беларуси. Хотя лидер оппозиционного «Движения будущего» Вячеслав Дианов уповает на технологии социальных сетей и микроблогов, акции его активистов за несколько месяцев так и не вышли за рамки локальных. Это еще раз подтверждает тезис о том, что все решают не коммуникации, а социально-политический бэкграунд и содержание процессов, развивающихся в той или иной стране. Оказавшись вне специфической среды Ближнего Востока и Магриба, где революции были подготовлены длительными социально-политическими процессами, которые вызревали в течение десятилетий, отточенная технология координируемого через сети протеста стала давать сбои.

Кроме того, сами социальные сети в *Арабской весне* не проявили себя в качестве субъектов корпоративных интересов, подобных ТНК. Их руководство не пыталось управлять протестной активностью или хотя бы направлять ее. Менеджер *Google* Ваиль Гоним, удостоенный СМИ титула «международного лица египетской революции»⁴, действовал сугубо как частное лицо, с 2010 г. развивая деятельность протестного сообщества (страница *We are all Khaled Said*) на платформе главного конкурента своего работодателя — *Facebook*. При этом Гоним не обсуждал и не координировал свою деятельность с представителями *Facebook*, хотя и выразил в интервью надежду встретиться с Марком Цукербергом, чтобы поблагодарить его за возможности, которые *Facebook* предоставила египтянам. Более того, свою деятельность в качестве интернет-активиста топ-менеджер *Google* на Ближнем Востоке поначалу осуществлял параллельно с исполнением своих обычных рабочих обязанностей в *Google*, ведя, по его собственному признанию, двойную жизнь. Эти факты зачастую упускаются из виду теми комментаторами, которые пытаются изображать *Арабскую весну–2011* как искусственный и управляемый процесс, в той или иной мере спровоцированный гигантами ИТ-индустрии.

При этом любопытно, что подобные точки зрения озвучивали представители самых высших эшелонов российской власти. Так, 22 февраля 2011 г. Президент РФ Д. А. Медведев в разгар протестов в Египте назвал происходящее «сценарием», который «они раньше для нас готовили»⁵. Еще дальше пошел российский вице-премьер И. И. Сечин, в интервью *The Wall Street Journal* заявивший: «Надо пристальнее изучить происшедшее в Египте. Посмотреть, что делали в Египте, скажем, высокопоставленные руководители *Google*, какие там были манипуляции с энергией народа»⁶. Такая интерпретация может служить тревожным признаком, сигнализирующим о непонимании либо игнорировании роли и места социальных сетевых сервисов в событиях *Арабской весны–2011* российским политическим руководством.

Необходимо оговориться, что исключением из общего ряда компаний, которые составляют костяк популярнейших социальных сетевых сервисов, является *Google*. Эта крупнейшая ИТ-корпорация, в отличие от *Facebook*, *Twitter*, *ВКонтакте* и прочих социальных медиа, обладает четким видением себя как игрока на различных площадках, включая площадку взаимодействия с государством, причем необязательно в рамках PR, GR или просто налаживания дружественных связей. В январе 2010 г. руководство *Google* в лице главного юриста компании Дэйвида Драммонда

выступило с резкими заявлениями в адрес властей КНР. *Google* не только обозначил Пекин как главного подозреваемого в серии «весьма продвинутых хакерских атак» на почтовые ящики китайских правозащитников в декабре 2009 г., но и пошел еще дальше, увязав этот эпизод со своим решением об отказе цензурирования поисковых запросов в китайском сегменте интернета и возможном уходе с китайского поискового рынка. Два ключевых момента, характеризующих в данном случае стратегию *Google*, таковы:

- IT-гигант решил напрямую связать свое неоднозначное решение о возможном уходе с рынка с «более широким комплексом причин, касающихся вопросов о свободе доступа к информации в КНР»⁷. Таким образом, компания предпочла представить свою политику в свете борьбы за свободу в интернете, что изначально прозвучало достаточно провокационно.
- Компания поспешила заручиться политической поддержкой своих действий на самом высоком уровне, сделав это весьма оперативно и как нельзя кстати. Как отметила госсекретарь США Хиллари Клинтон уже на следующий день после заявлений Драммонда, «мы проинформированы компанией *Google* о ее подозрениях, и это вызывает у нас серьезное беспокойство и вопросы. Мы ждем от китайского правительства объяснений...»⁸. Критика властей КНР в вопросах цензуры поисковых запросов стала одной из сюжетных линий в известной речи г-жи Клинтон о свободе интернета, которая была произнесена всего неделю спустя, 21 января 2010 г.

Официальную мотивацию *Google* сложно считать убедительной, ведь *Google* является не НКО, борющейся за свободу в интернете, а коммерческой компанией. Поисковый рынок КНР показывал фантастические темпы роста и в условиях цензуры, и примечательный нюанс состоит в том, что с начала своей борьбы за крупнейший в мире китайский рынок *Google* так и не смог добиться на нем успеха, по-крупному проигрывая местному поисковику *Baidu*⁹. В этом смысле правомерна логика, согласно которой руководство IT-гиганта лишь искало подходящий повод, на который можно было бы списать фиаско своей рыночной стратегии. Следует назвать заслуживающим внимания довод о том, что покинуть рынок с аудиторией в 384 млн чел., чей поисковый сегмент растет на 29–35% в год, из соображений свободы поиска противостоит естественно и нелогично для любой крупной компании¹⁰.

Так или иначе *Google* проявил способность к игре на равных с крупнейшими державами и использование их мотиваций (борьба за свободу в интернете со стороны США) на благо собственным интересам одновременно с проведением жесткой линии, чреватой провокацией трений в отношениях США и КНР. Согласно правительственной газете *China Daily*, *Google* показал миру свое «истинное лицо и то, насколько компания политизирована»¹¹ — но и эта оценка грешит упрощением ситуации. *Google* эффективно *прибег к политизации*, дабы представить свою небесспорную стратегию в позитивном свете.

В итоге, необходимо иметь в виду, что нынешняя пассивность и аморфность социальных медиа с точки зрения корпоративных структур, способных играть на одной доске с государственными акторами (причем не только в игры типа win-win), истинны лишь на данный момент, и могут измениться в будущем. Тот факт, что *Google* не похож на *Facebook*, будучи значительно более диверсифицированной компанией, долгое время оставлявшей социальные сервисы на обочине внимания, не значит, что однажды *Facebook* не станет похож на *Google* в плане влияния на мировую политику и межгосударственные отношения, включая вопросы безопасности.

Однако на данный момент ни социальные сетевые сервисы как разновидность сетевых технологий, ни их аудитория как специфическая самоорганизующаяся общность, ни, наконец, руководство социальных сетей не несут угрозу безопас-

ности как на уровне отдельных государств, так и на международном уровне. Соответственно, вся дискуссия на тему того, как реагировать на вызовы безопасности, исходящие от социальных сетей, представляет собой ложную постановку вопроса. Именно этот посыл должен стать отправной точкой для российского политического руководства при рассмотрении ими проблематики социальных сетей. Искать возможные вызовы безопасности в связи с развитием социальных сетевых сервисов стоит не в самой их технологии, не в замыслах их руководства и уж точно не в действиях пользователей.

Финальным штрихом к этому выводу можно считать попытку рассмотрения национальные государства как *стейкхолдеров* и активных участников описываемых событий. Чаще всего при анализе как самой *Арабской весны*, так и ее своеобразных афтершоков за пределами Ближнего Востока, национальные государства изображаются пассивными жертвами технологий сетевых сервисов, которые активно применялись участниками протестов. Действия правительств рассматриваются лишь в плоскости реакции на угрозы, якобы исходящие из интернета. Исключением являются США, которым часто приписывается роль тайного организатора и режиссера *Арабской весны*. В большинстве случаев подобные версии отстаивают представители консервативных либо радикальных антизападных политических сил и течений.

В России версия о причастности США к революциям на Ближнем Востоке через тайные каналы влияния, такие как социальные сети, находит благодатную почву по ряду причин. Играет роль недоверие к Вашингтону и традиционно сильные антиамериканские настроения среди представителей элиты. Кроме того, комбинация антиамериканизма и очередной вариации теории заговора дает определенные политические очки политическим движениям левого толка, позиции которых в России лишь усиливаются. Наконец, склонность видеть в глобальных процессах, подобных *Арабской весне*, режиссированные кем-то геополитические сценарии во многом исходит от непонимания их подлинных причин и дезориентации относительно происходящих перемен, их потенциального влияния на саму Россию и ее союзников. Пытаясь определить возможное направление угрозы, политический истеблишмент в первую очередь смотрит туда, куда более всего привык смотреть со времен СССР — на другую сторону Атлантики.

Вместе с тем серьезной критики версия о наличии в *Арабской весне* элемента управляемости и координации ее событий из Вашингтона не выдерживает. Первая официальная реакция руководства США на события в Тунисе и Египте продемонстрировала растерянность Белого Дома и склонность к осторожной, выжидательной тактике. Поначалу Барак Обама высказывался в поддержку режима Мубарака как оплота стабильности на Ближнем Востоке и стратегического партнера Вашингтона в регионе. Этот пример весьма показателен на фоне того, что революции *Арабской весны* не состоялись или не достигли цели в тех государствах, свержение режимов в которых в наибольшей степени отвечает интересам США — в Сирии, Иране, но поставили под удар многие стратегические интересы США на Ближнем Востоке.

Так, свержение Мубарака лишило Вашингтон давнего союзника, занимавшего благоприятные для Белого Дома позиции по вопросам борьбы с исламским фундаментализмом, ближневосточного урегулирования, противодействия международному терроризму. События в Ливии втянули Вашингтон в военную кампанию, совершенно не нужную президенту Обаме на фоне войны в Афганистане и приближения выборов. Волнения на Аравийском полуострове и вовсе затронули жизненно важные для США вопросы, такие как стабильность поставок нефти из Саудовской Аравии, лояльность режима саудитов, выступающего противовесом Ирану, а также беспрепятственное размещение американских военных баз на территории Саудовской Аравии и Бахрейна. Чтобы отразить масштаб интересов США

на Аравийском полуострове. достаточно сказать, что в прошлом году Эр-Рияд объявил о долгосрочном плане закупок вооружений у Вашингтона на общую сумму в 60 млрд долл.

Наконец, общим для арабского мира итогом революций стал прорыв наружу аккумулярованного за предыдущее десятилетие антиамериканизма и антивестернизма. Сейчас Белый Дом находится в незавидной ситуации, на словах приветствуя торжество свободы в Египте и Тунисе и с тревогой ожидая усиления в этих странах исламистов после первых же парламентских выборов. Таким образом, тезис о причастности США к *Арабской весне* лишен серьезных оснований, хотя и вполне справедливо фиксирует острый интерес Вашингтона к возможности осуществления подобных трансформаций в управляемом режиме. Однако не стоит забывать, что, поневоле играя роль объекта, ощущающего на себе последствия развития ИКТ, государства в то же время являются субъектом, который пытается освоить эти возможности и технологии (включая технологии сетевых сервисов) и превратить их в инструмент реализации своего политического курса.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ЗА РАМКАМИ TWITTER-РЕВОЛЮЦИЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОВЕСТКИ

Разумеется, значение соцсетей в современном обществе не исчерпывается ретрансляцией и поддержанием социальных волнений и протестной активности, даже если рассматривать их сугубо применительно к сфере международной и национальной безопасности. Использование социальных сетевых сервисов в интересах национальной и международной безопасности возможно, и оно уже развивается сразу по многим направлениям.

Первым из них являются **различные разновидности краудсорсинга** (от англ. crowdsourcing) — явления, получившего свое наименование в 2006 г. в статье Джэка Хауи в журнале *Wired*¹². Краудсорсинг означает передачу каких-либо действий, работ и функций вообще неопределенному внешнему кругу лиц на неоплачиваемой основе. За прошедшие несколько лет с момента своего создания краудсорсинг онлайн получил широкое распространение не только на Западе, но и во многих других регионах и странах, включая Россию.

На сегодняшний день одним из наиболее ярких и успешных проектов подобного рода в России является «Карта помощи пострадавшим от пожаров», созданная в 2010 г. известным интернет-активистом и теоретиком Григорием Асмоловым. Специфика данного комьюнити состоит в использовании специальной платформы *Ushahidi*, позволяющей в рамках единого сервиса агрегировать и ретранслировать информацию с мобильных телефонов (СМС), электронной почты, а также обычных сайтов. «Карта» показала себя как весьма эффективная информационная сеть, своеобразный узел, на который оперативно поступала информация о текущих событиях по диверсифицированным каналам. Сама платформа была создана в 2008 г. с целью сбора и обмена информацией о случаях насилия после президентских выборов в Кении. Стоит отметить, что проекты на платформе *Ushahidi* помогли специальным службам спасти людей после землетрясений в Чили и на Гаити в 2010 г., а схожей технологией интерактивных карт *OpenStreetMaps* успешно пользовались на Гаити и американские спасатели, о чем упоминала Госсекретарь США Хиллари Клинтон в своей речи по вопросу о свободе в интернете 21 января 2010 г.¹³

Словом, целесообразность сотрудничества государства с такими сообществами достаточно очевидна, однако в России такое взаимодействие сегодня практически отсутствует. Как отмечал Г. А. Асмолов на встрече Президента РФ с представителями интернет-сообщества, «мы видим все больше и больше примеров, когда

сетевое общество может быть равноценным партнером государства в решении тех или иных социальных проблем»¹⁴. Но одновременно создатель «Карты помощи» признал, что контакты с МЧС были установлены лишь по инициативе самих представителей комьюнити, а помощи от Министерства на тот момент фактически так и не последовало. Как отмечает соавтор проектов г-на Асмолова Алексей Сидоренко, МЧС демонстрирует собой образец «полного провала во взаимодействии с сетевыми технологиями».

То же самое можно сказать и о взаимодействии власти с сообществами, деятельность которых направлена на защиту общественной безопасности, в частности, на борьбу с преступностью и пресечение незаконной деятельности. Таким краудсорсинг-проектом в РФ является сайт *Гдеказино.ру*, где также используется технология интерактивных карт для обмена данными об объектах азартного бизнеса. Проект оказался востребован правоохранительными органами, лишь когда Д. А. Медведев лично отдал распоряжение генеральному прокурору РФ Юрию Чайке провести проверки по адресам казино, указанных на сайте¹⁵.

По ряду перечисленных направлений государство не только не выступает с уже назревшими инициативами, но и игнорирует те предложения и идеи, которые поступают из общественной и экспертной среды. На встрече Президента РФ Дмитрия Медведева с представителями российского интернет-сообщества, состоявшейся 19 апреля 2011 г., предложения о налаживании устойчивого взаимодействия властных структур (МЧС, МВД) с сетевыми сообществами, самоорганизующимися в формате краудсорсинга, встретили положительный отзыв Президента, однако не получили никакого реального развития¹⁶. Как следует из слов самого Президента РФ на упомянутой встрече, на сегодня внимание к сетевым сообществам у государственных структур возникает в отдельных случаях, не на системном уровне, не в отлаженном рабочем режиме.

По отдельным направлениям взаимодействие госструктур с проектами формата краудсорсинга уже зарождается на уровне региональных органов власти. Так, по словам Алексея Сидоренко, правительство Пермского края использует данные краудсорсинга, например, таких ресурсов, как *streetjournal.ru* и *roads.teron.ru*. Определенный обратный отклик со стороны государственных органов вызывают проекты блогера Алексея Навального *rospil.info* и *rosyama.ru*, которые по некоторым параметрам можно причислить к краудсорсингу. Кроме того, в последнее время определенный интерес к краудсорсингу отмечается со стороны научно-аналитических институтов, близких к правительству. Как отметил автор ряда краудсорсинг-проектов Григорий Асмолов, «позитивным примером является то, что при поддержке ИНСОРа¹⁷ разрабатывается платформа для взаимопомощи в кризисных ситуациях "Виртуальная рында — атлас помощи"».

Однако эти тенденции пока не распространяются на проблематику обеспечения безопасности в силу ряда причин. Во-первых, играют роль объективные ограничения, такие как секретный характер деятельности многих госструктур в сфере безопасности, а также централизованный характер обработки информации и принятия решений в них, весьма далекий от *grass-roots* уровня краудсорсинга. Однако не менее существенны пороки российских госорганов, ответственных за обеспечение безопасности, и в первую очередь силовых структур. Речь идет об их традиционной закрытости, вытекающем отсюда консерватизме и неумении осваивать новые форматы взаимодействия с общественными структурами, а также обусловленное этим недоверие к таким структурам и используемым ими технологиям. Словом, проблема носит системный характер и корнями уходит в политико-административную плоскость.

Между тем необходимость укрепления связей и наращивания сотрудничества госструктур с интернет-сообществом из числа опрошенных мной экспертов отме-

тили представители ряда российских федеральных ведомств и самого интернет-сообщества. Таким образом, основная рекомендация для органов государственной власти РФ должна сводиться к необходимости преодоления:

- а) инертности и пассивности органов, отвечающих за безопасность, в отношении социальных сервисов как ценных партнеров в исполнении своих функций;
- б) *ручного управления* взаимодействием государства с представителями и активистами интернет-сообщества, препятствующего налаживанию устойчивого сотрудничества и укоренению его системного характера.

Кроме того, вспомогательными звеньями и посредниками во взаимодействии структур с людьми, чьи проекты на базе сетевых сервисов могут способствовать обеспечению безопасности, должны стать НКО и органы местного самоуправления, более чуткие и внимательные к подобным инициативам. Задача-минимум для российских ведомств, занятых обеспечением безопасности — научиться не бояться интернет-проектов и формирующейся вокруг них сети взаимодействий, не пытаться поместить их в среду недоверия и противодействия.

Вторая сфера применения социальных онлайн-сервисов не столь однозначна и противоречива в плане влияния на безопасность. Речь идет о **социальных сервисах как инструменте формирования информационной картины событий и общественного мнения**. Обычно принято говорить как о традиционных СМИ, так и об интернет-медиа (к числу которых принадлежат и соцсети), используя негативный контекст *информационного оружия*. Однако опыт РФ и других стран показывает, что эта медаль также имеет свою вторую сторону, и социальные сетевые сервисы могут быть как *мечом*, так и *щитом* в информационном противоборстве.

Первым классическим примером применения социальных медиа в качестве *оборонительного средства* принято считать действия израильских блогеров во время Второй Ливанской войны. В 2006 г. именно небольшая, но чрезвычайно активная израильская блогосфера в основном отражала шквал международной критики, который обрушился на руководство страны не только из арабского мира, но и из многих западных стран и ООН, особенно после печально известного эпизода бомбардировки г. Каны израильскими ВВС в ночь на 30 июля 2006 г., унесшего жизни 28 мирных жителей. Усилиями блогеров удалось опровергнуть намеренно завышенное Хезболлой в 2 раза число жертв бомбардировки; также во многом благодаря израильской блогосфере был установлен постановочный характер фотографий с места бомбардировки, которые ранее были растиражированы такими ведущими СМИ, как *Reuters*. Наконец, израильские блогеры активно защищали свою страну и в других *национальных сегментах* блогосферы, включая российский, что в определенной степени повлияло на отношение общественности в России к действиям израильской стороны в конфликте.

Для самой России не менее ярким примером активности онлайн-сообществ в условиях агрессивной информационной кампании стала Пятидневная война 2008 г. Во время повального осуждения действий России на международном уровне блогосфера стала одной из немногих площадок, на которых активно отстаивалась альтернативная версия событий, не столь негативная для имиджа РФ. По сути, именно блогосфера не позволила российской стороне всухую проиграть информационную битву в августе 2008 г. Российским блогерам и сочувствующим активистам из-за рубежа удалось предпринять ряд действий, которые хотя и не переломили общую картину конфликта в Сети и глобальных СМИ, однако внесли в нее ряд корректив. Так, коллективный флэшмоб российских блогеров привел к убедительной победе пророссийской позиции в голосовании на сайте *CNN*: на вопрос «Оправданы ли действия России в Грузии?» утвердительно ответили 92%, или 273 914 человек¹⁸. Благодаря блогерам большое распространение получил новостной выпуск

Fox News, в котором ведущий не дал беженкам из Южной Осетии (Аманде Кокоевой и Лоре Тедеевой-Коревиски) высказать в эфире пророссийскую точку зрения. Наконец, определенный вклад в укрепление доверия к российской точке зрения внесли блоги очевидцев с места событий, включая военных специалистов, журналистов и просто жителей Южной Осетии.

На фоне активности рядовых граждан в блогговых, микроблогговых сервисах и социальных сетях (*Facebook*, *ВКонтакте.ру*) реакция официального Кремля и российских СМИ выглядела удручающе запоздалой и неубедительной, о чем неоднократно говорилось впоследствии. Единственным мероприятием в сфере информационной борьбы стал пресс-тур для зарубежных журналистов по Цхинвали, состоявшийся 12 августа, уже после окончания боевых действий, когда мейнстримная антироссийская точка зрения на конфликт уже закрепилась в массовом сознании жителей зарубежных государств. Что еще важнее, инертность российских силовых структур в отношении интернет-сообществ как потенциального ресурса в борьбе против информационной агрессии сохраняется по сей день. Устойчивое взаимодействие в данной плоскости с блогерским сообществом и иными комьюнити ими так и не было установлено. Приходится констатировать, что российские властные структуры пока запаздывают в использовании потенциала соцсетей в информационных конфликтах.

Еще одна сфера применения соцсетей, довольно близкая к краудсорсингу, — **использование подобных сервисов в качестве систем экстренного оповещения о чрезвычайных ситуациях, катастрофах и различных угрозах**. Пионерами в данном направлении являются США: в апреле 2011 г. стало известно о том, что Министерство национальной безопасности планирует использовать популярные социальные сети, в том числе *Twitter* и *Facebook*, для оповещения граждан страны о террористических угрозах. Более того, по данным СМИ, в будущем система может вовсе заменить традиционную для страны цветовую шкалу террористической угрозы.

Другой пример дала полиция австралийского штата Квинсленд в декабре 2010 г. — январе 2011 г. Во время мощнейшего наводнения и вызванной им массовой эвакуации жителей стандартная система оповещения стала давать сбои из-за возросшего потока запросов на сайты госучреждений и частичного отключения мобильной связи. В этой ситуации было принято решение о дублирующем оповещении населения через страницы на *Facebook* и *Twitter* полиции Квинсленда, а также службой информации аэропорта столицы штата г. Брисбена. Идея дала результат: активность пользователей не повлияла на работу серверов социальных сетей и позволила частично разгрузить сайты упомянутых госучреждений. Наконец, получать информацию из социальных сетей в кризисных ситуациях стремятся сами пользователи — в Японии сразу после цунами 11 марта 2011 г. поток *твитов* из Токио возрос многократно, превысив 1200 сообщений в час¹⁹.

Таким образом, в информационно развитых странах и органы власти, и само общество начинают уделять внимание социальным сетям как источнику и ретранслятору информации в тех ситуациях и направлениях деятельности, которые напрямую связаны с обеспечением безопасности. В будущем эта тенденция, без сомнения, будет набирать силу по мере адаптации госструктур к прогрессу ИКТ.

Что касается России, то на этом поле какой-либо целенаправленной активности российских госструктур пока не наблюдается. Так, принятые ГД РФ 22 апреля 2011 г. поправки в закон «О противодействии терроризму» вводят цветовую шкалу террористической угрозы, но не предполагают использования соцсетей для информирования населения, в отличие от американского законопроекта. Возможно, причина лежит в более низкой по сравнению с США степени проникновения данных сервисов в РФ — около 20% населения по сравнению с 45% в Штатах²⁰.

Но и теракты в России происходят не в пример чаще, даже если не брать в расчет СКФО с крайне низким уровнем проникновения интернета.

Аналогично, отсутствуют какие-либо инициативы по включению социальных сетевых сервисов в системы экстренного оповещения. Единственной инициативой правительства РФ является проект «Социальная розетка», разрабатываемый с 2010 г. В его рамках предполагается создание системы оповещения о чрезвычайных ситуациях, основанной на точках доступа в интернет через радиорозетку. При объективных достоинствах данной идеи (надежность и устойчивость соединения, адресность оповещения) ее недостатки (низкая скорость соединения, стационарный и ограниченный характер доступа, сомнительные коммерческие перспективы) не позволяют рассматривать ее как полноценную альтернативу системе, использующей функционал социальных сетевых сервисов. РФ, имеющая хронические проблемы как с терроризмом, так и с техногенными и природными катастрофами, объективно является одним из наиболее заинтересованных в такой системе государств, с учетом ее большой и бурно растущей аудитории социальных сетей. Правительство должно получить четкий импульс от экспертного сообщества по данному вопросу.

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В РФ — ПРОБЛЕМЫ И ЗАДАЧИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

Идентификация пользователей — российская практика и перспективы

В дискуссии о роли социальных сетей в контексте безопасности принципиально важен вопрос идентификации их пользователей. По словам одного из ведущих российских экспертов в области информационного права, решение этой проблемы является «основной на сегодня задачей, стоящей перед Россией и другими странами в сфере управления интернетом». При этом идентификация в соцсетях неразрывно связана с общей проблемой идентификации пользователей в интернете. Ее актуальность частично вытекает из уже упомянутых выше примеров, таких как случай *сирийской блогерши*, хотя он и не описывает все потенциальные риски, связанные с так называемой активной анонимностью в Сети. Ситуация, когда пользователь может с легкостью обойти существующие средства идентификации, открывает возможности для кибермошенничества, размещения общественно опасного и неприемлемого контента, проявлений экстремизма и социальной агрессии онлайн.

Уже сейчас эта тема включается в рабочую повестку российских структур, в ведении которых находятся вопросы национальной безопасности. Согласно нашему источнику в СБ РФ, «в последнее время в повестке Совета стало уделяться внимание проблеме терроризма в социальных сетях». Корни проблемы во многом уходят в максимально свободный (до июня 2011 г.) режим регистрации пользователей *ВКонтакте*. До сих пор эта социальная сеть выдает сотни и тысячи результатов в поиске страниц, групп, заметок и видео с призывами к «джихаду против неверных», построению «имарата кавказ», бунту мусульманского населения РФ против «федералов» и т. д.

В свою очередь, такое обилие неприемлемого контента объясняется тем, что установить личность пользователя, выложившего его в сеть, практически невозможно. Отсюда и следует огромное количество профилей *муджахидов*, *воинов ислама*, *немыслимых для Facebook* или *Google+*. Даже наполняя подобный профиль определенной личной информацией, пользователи знают, что останутся безнаказанными, если только лично ими не заинтересуется ФСБ (что крайне маловероятно по понятной причине — за всеми не уследишь). Кроме того, не так давно (15 марта 2011 г.) *ВКонтакте* удалось выиграть в суде во многом прецедентное дело, свя-

занное с размещением в сети контента, нарушающего права правообладателя²¹. Однако согласие суда с доводами представителей социальной сети с тем, что ответственность за размещаемые материалы лежит на пользователях, лишь дает зеленый свет дальнейшим нарушениям подобного рода со стороны *де-факто анонимных* пользователей.

Решения проблемы варьируются в зависимости от различных технологических путей их реализации. Наивысшая надежность идентификации в теории может быть достигнута при использовании программ и технологий, которые предполагают шифрование (кодирование) и снабжение цифровой подписью той информации, которой обмениваются пользователи. Классическим примером таких программ служит система PGP (англ. Pretty Good Privacy), разработку которой начал в 1991 г. небыизвестный американский программист Филипп Циммерман. Уже в первой версии программы, которая получила название *Сеть доверия* (Network of Trust), предполагался принцип открытых и закрытых ключей, а также цифровых сертификатов, взаимное подтверждение которых и обмен ключами формировали *Сеть доверия* между пользователями, куда не мог вклиниться посторонний или злоумышленник.

Однако сегодня такие программы заведомо неприемлемы для коммерчески ориентированных крупных сетевых сервисов, соревнующихся друг с другом в простоте и дружелюбности пользовательского интерфейса, а также в легкости расширения круга контактов каждого из пользователей. Более того, по словам эксперта МГИМО (У) МИД России В. В. Каберника, проблематичными для социальных сетей могут стать и менее радикальные варианты, такие как перевод работы с данными сервисами в HTTPS (защищенное расширение протокола HTTP), поддерживающее шифрование вводимых данных. Так как ключевое значение в современных социальных сетях, как упоминалось выше, имеют ссылки на посторонний аудио- и видеоконтент, размещаемый в незащищенном HTTP, работа пользователей с ними будет существенно затруднена. Компромиссным вариантом, с точки зрения эксперта, мог бы стать перенос в HTTPS процедуры регистрации и авторизации пользователя в социальных сетях.

Сами социальные сети — по крайней мере в РФ — пытаются решать проблему идентификации пользователей исходя из собственной логики, но далеко не всегда успешно. С 11 июля 2011 г. *Вконтакте.ру* ввела регистрацию пользователей по номерам мобильных телефонов, избрав компромиссный вариант между закрытой системой регистрации и открытой, имевшей место ранее. Привязка аккаунта к номеру мобильного является вариантом идентификации, который довольно эффективен в том случае, когда пользователь является гражданином РФ, где мобильный номер (промежуточная ступень идентичности в данном случае) приобретается по паспорту. Но считать этот путь полностью успешным мешает трансграничность *Вконтакте*, присущая любой крупной социальной сети. Как уже упоминалось, около 40 млн аккаунтов в сети Павла Дурова зарегистрированы за пределами РФ, а значит, их хозяева приобретают мобильные номера в соответствии с зарубежным законодательством. По данным на начало апреля 2011 г. *Вконтакте* насчитывалось 16,5 млн аккаунтов пользователей с Украины²², где, как известно, мобильные номера не привязаны к документам, удостоверяющим личность владельца. В странах Европы, таких как Испания, мобильные номера вообще не закреплены за каким-либо конкретным провайдером сотовой связи. В результате идентификация 30% пользователей соцсети оказывается полностью фиктивной. Таким образом, подход, избранный *Вконтакте* (за которой могут последовать и другие соцсети), должен дополняться решениями, которые покрывали бы отмеченные нами *серые зоны*.

В их числе можно упомянуть привязку аккаунта в соцсети к банковскому счету пользователя, вариантом которой можно считать распространение на социальные

сети правил электронных платежных систем, таких как *PayPal*, *Webmoney*, *Яндекс.Деньги* и другие. Преимуществом такого решения стала бы высокая надежность идентификации и ценность аккаунта в глазах пользователя (особенно если в Пользовательское соглашение с соцсетью будет включен пункт о заморозке определенной суммы на счете в случае нарушения его положений). В настоящее время можно выделить два уязвимых места в данной идеи:

- Во-первых, охват пользовательской аудитории в данном случае будет опять же неполным. По информации на март 2011 г., банковские счета имеют лишь 47% россиян²³, хотя среди молодежи, которая составляет костяк аудитории социальных сетей, этот процент существенно выше. Кроме того, неясно, каким образом удастся выстроить сотрудничество социальных сетей с зарубежными банками, не ведущими деятельность в РФ.
- Во-вторых, увязка аккаунта с банковским счетом может встретить сопротивление как самих социальных сетей и всех стейкхолдеров данной отрасли, так и банков, которые попросту столкнутся с необходимостью обработки потока не нужной им информации.

Ожидать подвижек по второму пункту можно лишь при условии успешной и массовой коммерциализации услуг социальных сетей, ориентированной именно на их оплату с банковских счетов. Первые шаги в этом направлении в начале июля 2011 г. сделали две крупнейшие социальные сети РФ (*ВКонтакте* и *Одноклассники*), которые ввели возможность привязки оплаты дополнительных услуг с карт банков-партнеров (вместо платных СМС)²⁴. Ключевых вопроса здесь два: возможно ли будет со временем превратить *опцию* в *обязательство* и достаточны ли меры безопасности, применяемые для защиты вводимых пользователем банковских реквизитов. В плане безопасности предпочтителен путь *Одноклассников*, когда при регистрации пользователь работает в защищенной базе самого банка, уже после этого переходя в обычный интерфейс социальной сети. По сути, такая схема почти полностью укладывается в логику приводимых выше рекомендаций эксперта МГИМО (У) МИД России В. В. Каберника.

Но так или иначе перечисленные меры не решают проблемы идентификации пользователей полностью — для этого необходим комплексный подход, распространяющийся на все интернет-пространство. В РФ он пока отсутствует, так как не существует, во-первых, консенсуса относительно должной степени вмешательства государства в данную область; во-вторых, отсутствует единое видение этого подхода на техническом и юридическом уровнях. В данных условиях целесообразно тщательное и многоуровневое изучение зарубежного опыта, как положительного, так и негативного. Как отмечает известный российский эксперт в области информационного права, «сегодня отечественным органам власти необходим мониторинг наработок и решений других стран и международных организаций в данной области».

Между тем за рубежом наиболее интересные решения предлагают США, где в последние годы обсуждается идея введения *интернет-паспортов*, действие которых охватит не только социальные сервисы, но и всех пользователей Всемирной сети. В конце 2010 г. была впервые опубликована черновая версия Национальной стратегии достоверной идентификации в киберпространстве («National Strategy for Trusted Identities in Cyberspace») ²⁵. В основе документа лежит идея единой, комплексной многоуровневой безопасной интернет-среды, действующей в условиях достоверной идентификации пользователей, а также надежной защиты их персональных данных. Стратегия ориентирована на физических лиц, а также прочих субъектов (нефизических лиц, НФЛ) — организации, услуги, продукцию software, и учитывает глобальный характер Сети, подразумевая необходи-

мость действия предлагаемых средств идентификации на трансграничном уровне. Ключевой принцип обеспечения безопасности интернет-среды — позволить всем субъектам коммуникации сообщать свои данные лишь в минимально необходимом объеме в каждом необходимом случае, при многоуровневом и предельно гибком ранжировании требований по тем ли иным транзакциям и разным типам субъектов, сохраняя в остальных случаях анонимность, не сообщая лишнюю информацию.

Для РФ подобные наработки могут представлять весьма большой интерес по следующим причинам:

- Технические средства идентификации в рамках *Экосистемы идентичности* (Identity Ecosystem) максимально диверсифицированы: это устройства USB, специальное ПО, электронные смарт-карты, компьютерные чипы безопасности, программные сертификаты и даже средства мобильной связи. Весь арсенал технических средств объединяется едиными решениями, а соответствующие программные модули и сертификаты интегрируются едва ли не в любое устройство, позволяющее подключаться к интернету. В этом смысле Стратегия следует нынешнему тренду на взрывную диверсификацию способов доступа в интернет и расширение диапазона соответствующих устройств, включая мобильные телефоны. Этот нюанс стоит взять на заметку России, где иллюстрацией государственного подхода к продвижению и развитию интернета является скорее упомянутый проект «Социальной розетки», очевидно, идущий вразрез с рыночной логикой развития интернета.
- В документе, вопреки опасениям алармистов, четко говорится об отсутствии монопольного контроля над системой со стороны государства и прямо прописан принцип мултистейкхолдеризма. Правительство США планирует строить Экосистему на равных началах с бизнесом, НПО и другими субъектами, но при этом госорганы должны «показывать пример и быть лидерами в области идентификационных решений»²⁶. Подобного рода баланс весьма важен и для России, где неизбежное доминирование государства в столь масштабных проектах должно находить противовес в лице частного сектора и рассредоточения контроля над системой по мере ее развития.
- Работа в Экосистеме идентичности будет добровольной для пользователей, которым также будет предоставлен выбор между провайдерами идентификации, способами проведения транзакций и услугами Экосистемы. В данном случае опять же важна диверсификация предлагаемых услуг и решений, которая позволит привлечь пользователей в качестве добровольных клиентов, а не навязывать систему идентификации административными и нормативными методами.

Таким образом, задачей российских органов власти должно стать всестороннее изучение данной инициативы, применение ее удачных решений и принципов для разработки аналогичной отечественной концепции целостной системы идентификации пользователей. При этом органичной составляющей подобной системы по умолчанию должна стать идентификация пользователей в социальных сетях.

Преграды государственному регулированию сетевых сервисов в РФ

Несмотря на то что описанные выше проблемы идентификации пользователей как в социальных сетях, так и интернете в целом требуют активного государственного вмешательства и регулирования, необходимо привести ряд оговорок в отношении подобных мер. В первую очередь, речь идет о том, что активное участие госу-

дарства в решении проблем, касающихся социальных сетей, не должно выделять и охватывать их как отдельную категорию, *вырывать* из интернет-пространства в целом.

Во-первых, сами социальные сети, а тем более их аудитория, пока не воспринимают себя в качестве особой общности, нуждающейся в адресном, специфическом регулировании со стороны государства. В случае установления нормативных ограничений на деятельность социальных сетей возможен их уход из-под государственного контроля, активизация оппозиционных и антиправительственных настроений среди их аудитории, распространение скрытых, теневых практик сетевой онлайн-коммуникации, включая откровенно незаконные.

Во-вторых, такие меры способны нарушить естественную динамику развития социальных сетей, их рыночный рост, технологическую и концептуальную эволюцию. Более чувствительными к нормативно-правовому регулированию окажутся те сети, основные серверы которых расположены на территории РФ. В то же время глобальный англоязычный *Facebook* имеет куда меньше шансов пострадать от такого регулирования, частично из-за изначально более строгих правил регистрации пользователей и размещения мультимедийного контента. В результате, вероятным итогом попытки втиснуть социальные сети в рамки избирательного нормативного регулирования станет ослабление позиций российских социальных сетей, таких как *ВКонтакте.ру* и *Одноклассники.ру*, в пользу *Facebook*, *Google+* и подобных транснациональных проектов.

Едва ли это будет отвечать национальным интересам России — ведь ту же *ВКонтакте* теоретически можно использовать как перспективный инструмент продвижения русского языка за рубежом. Достаточно сказать, что число пользователей преимущественно русскоязычной *ВКонтакте*, проживающих за пределами РФ, по оценкам менеджмента самой сети уже достигло примерно 42 млн человек, или 30% от общего числа пользователей сервиса. Эти цифры показательны на фоне ФЦП «Русский язык» на 2011–2015 гг., потенциальный охват которой не превысит несколько миллионов человек.

Помимо того, *ВКонтакте* является еще и быстрорастущей высокотехнологичной компанией — в конце июня 2011 г. ее стоимость в преддверии IPO оценивалась российскими аналитиками примерно в 2 млрд долл.²⁷, что вполне сопоставимо со стоимостью Новороссийского морского порта или *Группы КамАЗ*²⁸. Успешный выход российских социальных сетевых сервисов на мировой рынок как нельзя лучше отвечает стратегии модернизации национальной экономики, продвигаемой Президентом РФ Д.А. Медведевым. В данном контексте любое регулирование социальных сетей государством будет представлять препятствие для дальнейшего их коммерческого успеха, залогом которого во многом является их гибкость. Своим феноменальным успехом на различных этапах развития *Google*, *Facebook*, *Friendster*, *MySpace* и другие социальные онлайн-комьюнити обязаны прежде всего минимальному вмешательству государства в среду их развития. То же справедливо в отношении многих знаменитых проектов Кремниевой долины, феномен которой служит ориентиром для Президента РФ и его окружения при создании очага инновационной экономики в Сколково.

Суммируя проделанный анализ, целесообразно будет привести ряд выводов и практических рекомендаций, адресованных российским лицам, принимающим решения:

Более подробная информация о проекте «Международная информационная безопасность и управление интернетом» доступна на сайте ПИР-Центра по адресу <http://cybersecurity.pircenter.org>

1. Социальные сетевые сервисы, как и прочие продукты ИКТ, сами по себе не являются и не могут являться источником и причиной социальных волнений и тем более революций. Более того, социальные сети не оформились и в качестве негосударственных акторов,

подобным ТНК, которые четко осознавали бы свои интересы и возможные стратегии в событиях, подобных *Арабской весне*. Аналогичным образом, лишены оснований утверждения о причастности США к организации и режиссуре *Арабских революций*.

Роль социальных сетей в социально-политических трансформациях также не бывает ни монопольной, ни преобладающей среди других средств коммуникации. Соответственно, рассмотрение социальных сетей в качестве возможной угрозы или вызова международной и национальной безопасности лишено смысла и стало бы классическим примером ложной проблемы.

2. Одной из приоритетных задач для России в рамках повестки вызовов безопасности в связи с развитием ИКТ должно стать развитие новых проектов в сфере идентификации пользователей, а также анализ зарубежного опыта в этой области.

Необходимо тщательно изучить опыт разработки и ход внедрения проектов комплексного обеспечения безопасности интернета и идентификации пользователей, таких как Identity Ecosystem. Данный проект, разрабатываемый США в настоящее время, является перспективным примером комплексного подхода к проблеме идентификации. Он может стать *точкой отсчета* при выработке отечественного системного подхода к идентификации пользователей. Учитывая скудность нормативной и концептуальной базы, которой на сегодняшний день располагает в данной сфере РФ, нам незачем прокладывать свой путь с нуля, тратя на это дефицитные ресурсы. Однако для того чтобы успешно изучить и адаптировать опыт США, российским органам власти необходимо преодолеть нынешний ограниченный подход и скептицизм к американским инициативам в данной сфере.

Наработка решений для отечественных проектов подобного рода требует реализации принципов мултистейкхолдеризма с активным и приоритетным участием общественных объединений, бизнеса и горизонтально-вертикальных сетей государственных органов различного уровня. В свою очередь, для осознания актуальности данных принципов российским властям нужен четкий импульс со стороны экспертного сообщества. В число *генераторов* такого импульса мог бы в перспективе войти и ПИР-Центр.

3. Социальные сетевые сервисы могут служить интересам национальной и международной безопасности в областях, не связанных с решением задач международно-политического и военного характера.

На сегодняшний день перспективы имеют, как минимум, три таких направления:

- а) противодействие недружественным информационно-пропагандистским кампаниям;
- б) оповещение и информирование населения о чрезвычайных ситуациях и иных угрозах безопасности, сбор и обработка информации о таких угрозах;
- в) отслеживание и пресечение противоправной деятельности, включая экстремизм и терроризм.

4. Выход на устойчивое взаимодействие со структурами интернет-сообщества, которые могут быть полезны в развитии данных направлений, должен стать приоритетной задачей МЧС, МВД, ФСБ, Минобороны РФ и других органов, ответственных за обеспечение безопасности. На данный момент взаимодействие государства с интернет-сообществом развивается недостаточными темпами. В числе главных препятствий стоит отметить:

- консерватизм и закрытость государственных органов в сфере безопасности;
- отсутствие у них должных навыков взаимодействия со структурами интернет-сообщества и гражданским обществом в целом;
- непонимание технологий социальных сервисов, недооценка их потенциала.

Промедление государства в данной сфере угрожает снижением эффективности и консервацией нынешних пороков российского государственного управления, в том числе и тех его структур, которые отвечают за обеспечение национальной безопасности. Экспертное сообщество и здесь должно взять на себя инициативу и донести до Кремля необходимость адаптации деятельности госструктур к новой реальности, изменившейся под влиянием ИКТ, и в том числе социальных сетевых сервисов.

Примечания

¹ Boyd, D. M., & Ellison, N. B. Social network sites: Definition, history, and scholarship. *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2007. 13 (1), article 11, <http://jcmc.indiana.edu/vol13/issue1/boyd.ellison.html> (последнее посещение — 20 сентября 2011 г.).

² Kienle Holger M., Lober Andreas, Muller Hausi A. Policy and Legal Challenges of Virtual Worlds and Social Network Sites. IEEE Computer Society. Washington, DC, 2008.

³ См. 7. The Role of Information Communication Technologies in the “Arab Spring”. In: Stepanova Ekaterina. Implications beyond the Region. PONARS. *Eurasia Policy Memo*. No. 159. 2011, May.

⁴ Rachman Gideon. Reflections on the Revolution in Egypt. *Financial Times*. 2011, 14 February, <http://www.ft.com/cms/s/0/bc459dfc-3880-11e0-959c-00144feabdc0.html> (последнее посещение — 20 сентября 2011 г.).

⁵ Президент России. Дмитрий Медведев провел во Владикавказе заседание Национального антитеррористического комитета, <http://kremlin.ru/news/10408> (последнее посещение — 20 сентября 2011 г.).

⁶ Арабские беспорядки и революции беспокоят Москву. *Le Monde*. *ИноСМИ.ру*, <http://www.inosmi.ru/politic/20110224/166817328.html> (последнее посещение — 20 сентября 2011 г.).

⁷ Габуев Александр. Китай ответит по всей строгости запросов. *Коммерсантъ*. 2010. № 4 (4304), 14 января, <http://www.kommersant.ru/doc/1302915> (последнее посещение — 20 сентября 2011 г.).

⁸ Там же.

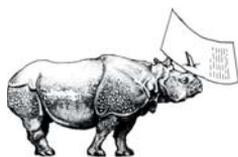
⁹ Google Losing in China as New Users Go to Baidu. *PC World*. 2009, 22 September, www.pcworld.com/businesscenter/article/172362/google_losing_in_china_as_new_users_go_to_baidu.html (последнее посещение — 20 сентября 2011 г.).

¹⁰ Бахвалов Тимофей. Почему Google уходит из Китая? *Компьютерра Online*. 2010, 16 января, <http://www.computerra.ru/own/495624> (последнее посещение — 20 сентября 2011 г.).

¹¹ Google ищет средство против цензуры. *Коммерсантъ Украина*. 2010. № 51, 24 марта.

- ¹² The Rise of Crowdsourcing. By Jeff Howe. Wired, Issue 14.06 — June 2006, <http://www.wired.com/wired/archive/14.06/crowds.html> (последнее посещение — 20 сентября 2011 г.).
- ¹³ Выступление Государственного секретаря США Хиллари Клинтон по вопросу свободы интернета. Официальный сайт Посольства США в Москве. 2010, 21 января, http://russian.moscow.usembassy.gov/tr_hrc012110.html (последнее посещение — 20 сентября 2011 г.).
- ¹⁴ Президент России. Встреча с представителями интернет-сообщества. 2011, 29 апреля, <http://kremlin.ru/news/11115> (последнее посещение — 20 сентября 2011 г.).
- ¹⁵ Генпрокуратура изучит сайты о подпольных казино. *РБК*. 2011, 15 марта, <http://top.rbc.ru/society/15/03/2011/559564.shtml> (последнее посещение — 20 сентября 2011 г.).
- ¹⁶ Встреча Президента России с представителями интернет-сообщества. 2011, 29 апреля, <http://kremlin.ru/news/11115> (последнее посещение — 20 сентября 2011 г.).
- ¹⁷ Институт современного развития создан с целью объединения лучших экспертов для подготовки предложений и выработки документов по важнейшим направлениям государственной политики.
- ¹⁸ Вражина Анна. Первая блогерская. Осетинская война в блогосфере. *Lenta.ru*. 2008, 13 августа, <http://www.lenta.ru/articles/2008/08/13/blogs/> (последнее посещение — 20 сентября 2011 г.).
- ¹⁹ Продвижение в Twitter — вперед, за синей птицей. *Блог ORZ*. 2011, 26 июня, <http://blog.orz.com.ua/?p=1251> (последнее посещение — 20 сентября 2011 г.).
- ²⁰ Williamson Debra. US Social Network Usage: 2011 Demographic and Behavioral Trends. 2011, March, http://emarketer.com/Reports/All/Emarketer_2000777.aspx (последнее посещение — 20 сентября 2011 г.).
- ²¹ «ВКонтакте» привлекли суду из-за песен МакСим. *Lenta.ru*. 2011, 25 апреля, <http://lenta.ru/news/2011/04/25/maksim/> (последнее посещение — 20 сентября 2011 г.).
- ²² Чумаченко Андрей. Правильный выбор площадки для продвижения бренда в социальных сетях. *Блог Netreak*. 2011, 28 апреля, <http://netreak.ua/blog/choose-your-network> (последнее посещение — 20 сентября 2011 г.).
- ²³ Банковских карт не оказалось у половины россиян. *Lenta.ru*. 2011, 1 марта, <http://www.lenta.ru/news/2011/03/01/cards/> (последнее посещение — 20 сентября 2011 г.).
- ²⁴ «Одноклассники» разрешили «привязывать» к аккаунтам банковские карты. *Money News*. 2011, 6 июля, <http://moneynews.ru/News/15271/> (последнее посещение — 20 сентября 2011 г.).
- ²⁵ Creating Options for Enhanced Online Security and Privacy. National Strategy for Trusted Identities in Cyberspace. 2010, June 25, http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/NSTICstrategy_041511.pdf (последнее посещение — 20 сентября 2011 г.).
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Кононов Николай, Игуменов Валерий. Код Павла Дурова. *Forbes.ru*. 2011, 24 июня, <http://www.forbes.ru/ekonomika/kompanii/69666-kod-pavla-durova> (последнее посещение — 20 сентября 2011 г.).
- ²⁸ Список крупнейших компаний по рыночной стоимости (капитализации) на 1 сентября 2010 года. *Эксперт Online*, http://www.raexpert.ru/rankingtable/?table_folder=expert400/2010/cap/ (последнее посещение — 20 сентября 2011 г.).

Артем Гончарук

АТОМНАЯ ОТРАСЛЬ КИТАЯ: *НОВЫЙ БОЛЬШОЙ СКАЧОК?*

Китай задает высокую планку для развития своей атомной энергетики. Намерения на ближайшие два десятилетия изложены в Плане развития атомной энергетики на 2005–2020 гг.¹, однако заявленные цели уже несколько раз пересматривались, что осложняет процесс их анализа. *Во-первых*, Китай до конца не определился, какая часть энергоблоков будет оснащена реакторами второго поколения *СРР-1000*, а какая доля будет закреплена за реакторами третьего поколения *САР-1400*. *Во-вторых*, встает вопрос о количественных показателях, закладываемых в планах. К 2020 г. годовичную выработку электроэнергии на АЭС планируется довести до 40 ГВт². До японского землетрясения и аварии на АЭС Фукусима озвучивались прогнозы повышения выработки электроэнергии на АЭС до 86 ГВт к 2020 г.³, то есть разброс оценок достаточно велик. В любом случае, цифра в 86 ГВт слишком амбициозна даже для активно строящегося атомного комплекса Китая.

Тем не менее, несмотря на некоторые вопросы, возникающие при изучении официальных планов Китая в сфере атомной энергетики, очевидно, что речь в планах идет именно о *большом атомном скачке* — это 25 строящихся и еще большее количество проектируемых реакторов⁴. Для того чтобы преуспеть в реализации столь масштабного плана, должны быть максимально продуманы и подготовлены базовые условия для развития атомной отрасли, включая в первую очередь готовность тяжелой промышленности удовлетворить огромное число заказов на изготовление корпусов для реакторов, парогенераторов, турбин и т.д. Кроме того, необходимы:

- ❑ упорядоченное атомное законодательство для всех стадий ядерно-топливного цикла (ЯТЦ);
- ❑ подготовка персонала и совершенствование программ подготовки специалистов для атомной отрасли в вузах;
- ❑ стабильное обеспечение топливом (импорт урана и фабрикация тепло-выделяющих элементов (ТВЭЛов) внутри страны);
- ❑ поддержка атомной программы среди населения.

Разумеется, Китай накопил значительный опыт в некоторых из вышеназванных областей, но вместе с тем условия недостаточны для того, чтобы способствовать масштабному атомному расширению. В этой статье я проанализирую состояние китайской атомной промышленности на данный момент и постараюсь дать оценку готовности Китая совершить новый *большой скачок*, а главное совершить его без негативных последствий, подобных последствиям *большого скачка* 1956 г.

КИТАЙСКИЙ РЕАКТОР ДЛЯ АТОМНОГО СКАЧКА

Китайские разработки CNP

Технология реактора типа *CNP* — это одна из тех немногих технологий, которые можно считать китайскими *без кавычек*. В декабре 1970 г. Китай спустил на воду свою первую атомную подводную лодку. Реактор с водой под давлением, установленный на подводных лодках, несмотря на изначальное военное предназначение, был использован для развития гражданской атомной промышленности. При этом мощность реактора была повышена. В итоге сначала был создан китайский реактор *CNP-300*, а затем *CNP-600*⁵. В дальнейшем предполагалось создание на этой основе собственного *реактора-миллионника CNP-1000*. Сейчас Китай заявляет о 80-процентной самостоятельности в работе над реактором в 300 МВт и 70% собственных технологий в реакторе в 600 МВт.

Согласно «Средне- и долгосрочному плану развития атомной энергетики на 2005–2020 гг.», приоритетной целью 12-й и 13-й пятилеток (2011–2020 гг.) является освоение технологии реактора с водой под давлением мощностью 1000 МВт. Создание реактора *CNP-1000* с полным владением интеллектуальными правами долгое время оставалось задачей первостепенной важности, так как именно этот реактор рассматривался как базис будущего скачка. Также предполагался экспорт *CNP-1000* на пакистанскую АЭС *Чашма*. Но с выходом на рынок американской технологии реактора *AP-1000* в китайскую программу развития были привнесены значительные изменения. Проект *CNP-1000* был заморожен, и фокус переместился на приобретение технологии реактора *AP*⁶.

«Китайский» CPR

Наибольшее распространение получил *реактор-миллионник*, который базируется на французских технологических достижениях и в китайском доработанном варианте называется *CPR-1000*. Для этого типа реакторов Китай самостоятельно способен изготавливать лишь 30% комплектующих. Сложность состоит в том, что в то время как Франция не накладывает ограничений на строительство таких энергоблоков внутри Китая, любой потенциальный экспортный контракт для этого типа реактора Китай обязан согласовывать с обладателем основных прав на интеллектуальную собственность, то есть с корпорацией *AREVA*.

Планы по строительству *CPR-1000* как на новых энергоблоках старых площадок, так и в новых зонах уже довольно обширны. Более того, китайцы осваивают приобретенную у *Westinghouse* технологию реактора *AP-1000*; в этом контексте рассматривается вариант создания продвинутой версии *ACPR-1000*, которая уже не будет подпадать под французские ограничения и права на интеллектуальную собственность которой будут всецело принадлежать Китаю⁷. Сейчас ведется комплексная работа по внедрению китайских аналогов французских компонентов в конструкцию этого реактора. Китай рассчитывает повышать долю локализованного производства и своей *начинки* от блока к блоку и довести ее до 90% уже в ближайшем будущем (начиная с четвертого энергоблока АЭС *Ниндэ*)⁸.

Вплоть до недавнего времени Китай в развитии атомной энергетики делал ставку именно на этот реактор второго поколения. В соответствии с этой политикой в настоящее время и возводятся АЭС (таблица 1). Однако же *погоня* за гигаваттами и успехи в освоении реактора *AP* заставляли китайцев задуматься о возможности смены приоритетов и полной концентрации на реакторе *CAP* для последующих энергоблоков. К тому же в марте 2011 г. произошла авария на АЭС в Японии, и это стало еще одним аргументом в пользу развития реактора третьего поколения *AP*.

Таблица 1. Строящиеся реакторы (сентябрь 2010 г.)⁹

АЭС	Провинция	Тип реактора	Поставщик технологии	Мощность, МВт	Начало строительства	Ввод в эксплуатацию
Линьао-4	Гуандун	CPR-1000	AREVA	1000	6/2006	6/2011
Циньшань2-4	Чжэцзян	CNP-600	CNNC	610	1/2007	1/2012
Хуньяньхэ-1	Ляонин	CPR-1000	CGNPC	1000	8/2007	8/2010
Ниндэ-1	Фуцзянь	CPR-1000	CGNPC	1000	2/2008	2/2013
Хуньяньхэ-2	Ляонин	CPR-1000	CGNPC	1000	4/2008	4/2013
Ниндэ-2	Фуцзянь	CPR-1000	CGNPC	1000	10/2008	10/2013
Янцзян-1	Гуандун	CPR-1000	CGNPC	1000	10/2008	10/2013
Фуцин-1	Фуцзянь	CPR-1000	CGNPC	1000	11/2008	11/2013
Фанцзяшань-1	Чжэцзян	CPR-1000	CGNPC	1000	12/2008	12/2013
Хуньяньхэ-3	Ляонин	CPR-1000	CGNPC	1000	3/2009	3/2014
Саньмэнь-1	Чжэцзян	AP-1000	WH	1117	4/2009	4/2014
Фуцин-2	Фуцзянь	CPR-1000	CGNPC	1000	6/2009	6/2014
Янцзян-2	Гуандун	CPR-1000	CGNPC	1000	6/2009	6/2014
Фанцзяшань-2	Чжэцзян	CPR-1000	CGNPC	1000	7/2009	7/2014
Хуньяньхэ-4	Ляонин	CPR-1000	CGNPC	1000	8/2009	8/2014
Хайьян-1	Шаньдун	AP-1000	WH	1117	9/2009	9/2014
Тайшань-1	Гуандун	EPR	AREVA	1650	10/2009	10/2014
Саньмэнь-2	Чжэцзян	AP-1000	WH	1117	12/2009	12/2014
Ниндэ-3	Фуцзянь	CPR-1000	CGNPC	1000	1/2010	1/2015
Тайшань-2	Гуандун	EPR	AREVA	1650	4/2010	4/2015
Чанцзян	Хайнань	CNP-600	CNNC	610	4/2010	4/2014
Хайьян-2	Шаньдун	AP-1000	WH	1117	6/2010	6/2015
Фанчэнган	Гуанси	CPR-1000	CGNPC	1000	7/2010	7/2015
Ниндэ-4	Фуцзянь	CPR-1000	CGNPC	1000	9/2010	9/2015

«Китайский» CAP

Несмотря на задачи самостоятельного производства реакторов, Китай вовсе не отказывается от освоения технологий, привлеченных из-за границы. В четвертой части плана по развитию энергетики говорится о способах достижения обозначенных целей и приведении в жизнь политики модернизации технологий. Ключевыми словами, на которых строится буквально каждое предложение, стали *сишоу* [ассимилировать] и *сяохуа* [поглотить]¹⁰. Именно так можно охарактеризовать подход Китая к американско-японской технологии реактора типа AP-1000.

Westinghouse выиграл битву за китайский рынок у России, Кореи и главного оппонента — Франции. Помимо контрактов на целый ряд площадок в Китае, *Westinghouse* будет тесно сотрудничать с Китаем в вопросе улучшения технологии реактора AP-1000 и расширении его мощности до 1400 (по соглашению с американцами, все технологии реакторов типа AP мощностью до 1350 МВт будут принадлежать США), затем 1600 МВт, с полной передачей Китаю прав на будущую версию этого реактора CAP-1400¹¹. Именно с этой технологией КНР планирует уже в 14-ю пятилетку (2021–2026 гг.) выйти на международный рынок в качестве экспортера.

Делая ставку на технологию реактора АР (САР), Китай идет на некоторый риск, поскольку реактор не имеет референции и эксплуатационного опыта по нему пока не накоплено (первый АР в США планируется ввести в эксплуатации лишь через три года после запланированного старта в Китае).

При этом конструкционные решения в реакторе позволяют считать его более безопасным и надежным. За счет упрощения конструкции был сокращен срок строительства реактора, и сейчас по всем параметрам он считается первым в мире реактором третьего поколения. Конечно, такое положение выигрышно для китайского атомпрома. Однако стоит помнить, что чернобыльская авария положила конец перспективам реактора РБМК, и даже пара нештатных ситуаций на возводимых АЭС с реакторами АР могут вынудить Китай кардинально изменить ориентиры развития. В итоге можно сделать вывод, что до 2020 г. доминировать в китайской атомной энергетике будет реактор СРР-1000, и по мере освоения технологии реактора САР мощностью 1400 и 1600 МВт приоритет будет смещаться в их сторону. Реактор САР — это главное основание для повышения ожидаемых показателей суммарной выработки электроэнергии на АЭС к 2020 г.

Российский вклад в китайский атомный скачок

Что касается России, то вопрос передачи технологии оказался слишком сложным препятствием, и никаких уступок по этому пункту РФ делать не собирается. В силу этого фактора российские технологии в строительстве реакторов на медленных нейтронах для Китая представляют меньший интерес, нежели аналогичные, привлеченные из Франции и США. Россия строила первый и второй энергоблоки АЭС Тяньвань, в конце 2010 г. было подписано межправительственное соглашение о строительстве российским Атомстройэкспортом второй очереди АЭС (третий и четвертый энергоблоки)¹². В целом же, несмотря на то что Тяньваньская площадка предусматривает установку восьми энергоблоков, дальнейшее участие России маловероятно.

Вопреки распространенной в различных авторитетных источниках информации о размещении двух реакторов типа ВВЭР-1200 в рамках расширения третьей очереди АЭС в российском Атомстройэкспорте отрицают имеющиеся планы по продолжению сотрудничества с Китаем. Более того, в феврале 2011 г. появилась информация о том, что, оказывается, работы по китайским пятому и шестому блокам уже активно начаты на площадке, опережая российские третий и четвертый блоки примерно на год¹³. Иначе говоря, через некоторое время на АЭС Тяньвань будут одновременно сооружать до четырех блоков одновременно, причем по двум различным проектам.

Подписание контрактов на выполнение первой очереди АЭС Тяньвань стало пакетной договоренностью, которая, помимо собственно строительства блоков, включает строительство в Китае нескольких очередей предприятия по обогащению урана и обязательство Китая закупать в России гарантированные объемы услуг по обогащению урана. На официальном уровне стороны не признают прямой связи между реализацией договоренностей по вопросам обогащения и вопросам строительства новых энергетических реакторов¹⁴. Контракт на вторую очередь АЭС Тяньвань является частью пакетной договоренности с контрактом на строительство реакторов на быстрых нейтронах в Китае. Эти контракты заключены в строгом соответствии с китайским подходом к освоению технологий атомной промышленности. Все составляющие компоненты энергоблоков, которые можно произвести внутри страны, производятся самостоятельно. Если участие китайской стороны в сооружении первой очереди АЭС Тяньвань было сравнительно небольшим, то 3-й и 4-й энергоблоки будут содержать китайское наполнение порядка 60%¹⁵. По сути лишь атомный остов энергоблоков останется за Россией.

В то время как взаимодействие России и Китая по строительству реакторов на медленных нейтронах наталкивается на определенные сложности, обусловленные

объективной разницей в подходах двух стран к международному сотрудничеству в этой сфере, есть и другие сферы, где потенциал двухсторонних взаимоотношений далеко не исчерпан.

Одним из таких направлений могут стать российские **реакторы на быстрых нейтронах**. Интерес к реакторам на быстрых нейтронах, технологически позволяющих выйти на замыкание ядерного топливного цикла, обусловлен сложностью топливного вопроса для страны, где запасы урановых руд невелики.

Первым шагом стал реактор *CEFR*. Если изначально этот проект подразумевал импорт российской технологии исследовательского реактора на быстрых нейтронах, то по итогам реализации можно говорить лишь о российской помощи Китаю в сооружении реактора. Основная часть работ выполнялась силами китайских рабочих и китайских предприятий.

Вслед за широкой помощью от России в сооружение исследовательского реактора на быстрых нейтронах Китай проявил интерес к технологии промышленного реактора *БН*. Китай ведет развитие своей атомной энергетики в соответствии с трехступенчатым планом, по которому вторым шагом будет переход к использованию реакторов типа *БН* как основе атомной энергетики страны. Сейчас идет активная стадия переговоров о подписании контракта на выполнение техпроекта по двум энергоблокам АЭС *Саньминь* с реакторами *БН-800*. Саньминьская площадка в провинции Фуцзянь рассчитана на четыре энергоблока; все четыре предполагается оснастить реакторами *БН-800*, выполненными российским ОКБМ им. И.И. Африкантова.

Несмотря на обоюдный интерес к реализации проектов сотрудничества по реакторам на быстрых нейтронах, приходится констатировать, что и здесь возникли сложности в достижении договоренностей. Подписание межправительственного соглашения и контракта ожидалось по итогам встречи глав правительств России и Китая в ноябре 2010 г., но сложности в переговорном процессе отодвинули дату на неопределенный срок. Китай довольно неожиданно стал склонять Россию к подписанию контракта на выполнение техпроекта без заключения межправительственного соглашения на высшем уровне, что категорически противоречит российским интересам и принятым нормам и стандартам, применяемым при заключении такого типа контрактов: отсутствие межправительственного соглашения превратит характер договора в коммерческий и снимет госконтроль над реализацией проекта¹⁶.

Китай еще не получил от России всех возможных новшеств и активно смотрит в сторону российской плавучей АЭС — ожидалось активное участие Китая в строительстве первой в мире АЭС такого типа. Помимо денежных инвестиций и кредита Китай предлагал построить корпус для АЭС на своих верфях, речь шла о подписании контракта на 85 млн руб. Однако в итоге российская сторона вышла из совместного проекта, и первая АЭС выполнялась исключительно российскими силами¹⁷. Продажа Китаю этой технологии — не лучшая идея, если Россия серьезно намерена сохранить эту нишу на рынке.

Таким образом, как и в сфере вооружений, сотрудничество России с Китаем в сфере атомной энергетики идет *по нисходящей*, и российские приоритеты смещаются в направлении Индии.

Зависимость от импорта сырья

Развитие атомной энергетики — один из способов обеспечения энергетической безопасности путем диверсификации источников энергии. В 2008 г. зависимость Китая от импортируемой нефти перешагнула психологический рубеж в 50%, причем основная часть нефти импортируется морским транспортом из Африки и с Ближнего Востока¹⁸. Сейчас делается серьезный упор на строительство резервуаров для стратегических запасов нефти, развитие возобновляемых источни-

ков энергии (в 2011 г. Китай обошел Германию и вышел на первое место в мире по объему инвестиций в чистую энергию¹⁹), географическую диверсификацию поставок нефти (взгляд в сторону России) и развитие гидро- и атомной энергетики. Но масштабы китайской энергетики настолько велики, что даже при введении в эксплуатацию всех 25 строящихся сейчас реакторов доля атомной энергетики в энергосистеме страны не превысит 5%, что гораздо ниже среднемирового уровня (17%)²⁰.

Следовательно, для решения задачи диверсификации Китаю потребовалось бы гораздо большее количество энергоблоков. Но будет ли это шагом в направлении укрепления энергетической безопасности страны?

В соответствии с официально заявленными в плане показателями энерговыработки АЭС к 2020 г. (40 ГВт) Китаю ежегодно будет необходимо в районе 98 14²¹–10 340²² т урана, при этом запасы урановых руд в стране оцениваются в 48 800 т при цене обогащения не более 130 долл./кг²³.

Что касается уранообогатительных мощностей, то Китай проявлял интерес к технологии как газодиффузионного, так и газоцентрифужного обогащения, но окончательный выбор сделал в пользу второго варианта. В настоящее время в наращивании обогатительных мощностей Китаю помогает Россия. Россия умело использовала интерес Китая к газоцентрифужной технологии и подписала контракт на строительство завода как часть пакетной договоренности со строительством двух энергоблоков с реакторами на медленных нейтронах. В 2011 г. ожидается ввод в эксплуатацию следующей очереди завода по обогащению урана и доведение китайских обогатительных мощностей до уровня в 1,5 млн единиц разделительной работы (ЕРР). Потребности китайской атомной промышленности к 2020 г. могут составить до 6 млн ЕРР.

Таблица 2. Обогатительные мощности Китая²⁴

Предприятие	Применяемая технология	Год пуска	Год вывода из эксплуатации	Производительность (ЕРР/год)	Гарантии МАГАТЭ
Ланьчжоу (провинция Ганьсу)	Газодиффузионная	1962–1964	1999	300 000	Не применяются
	Газоцентрифужная	11/2001	В эксплуатации	500 000	Нет
Ханьчжун (провинция Шэньси)	Газоцентрифужная	10/1996	В эксплуатации	200 000	Да
	Газоцентрифужная	5/1998	В эксплуатации	300 000	Да
	Газоцентрифужная	2011–2012	–	500 000	Планируются

Таким образом, обеспечить запланированную для атомных электростанций выработку 40 ГВт в 2020 г. посредством собственных обогатительных мощностей у Китая не получится. Для обеспечения поставок урана и топлива (ТВС) Китай заключил долгосрочные договоры с Канадой, Казахстаном, Австралией²⁵. Справиться с планом развития атомной энергетики Китай может, но ценой смены сильной нефтяной зависимости на урановую. Осознавая это, КНР вкладывает очень большие средства в геологоразведочные работы, покупку месторождений в странах Африки (Нигер, Намибия), создание стратегических резервов урана, исследование проблем замыкания ЯТЦ, а также технологии бридерных реакторов²⁶.

НЕТЕХНИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ

Юридический базис развития атомной энергетики

Особенностью китайской атомной отрасли является отсутствие высшего базового законодательного акта, который был бы способен регулировать развитие атомной энергетики на всех этапах ЯТЦ.

Одним из документов, регулирующих атомную отрасль, является принятый в 2003 г. Закон о предотвращении и контроле радиоактивного загрязнения (*фан-шэсин вужаньфанчжифа*), изданный Государственной комиссией по защите окружающей среды (в настоящее время — Министерство по защите окружающей среды). Закон рассматривает вопросы радиационного загрязнения и не затрагивает вопросы обращения с отработанным ядерным топливом (ОЯТ), эксплуатации и безопасности АЭС. Помимо этого акта, Госсовет также издал три нормативных документа: о соблюдении норм безопасности при работе на гражданских ядерных объектах (1986), об обращении с ядерными материалами (1987) и о необходимых мерах в случае нештатной ситуации на АЭС (1993). Четыре документа в совокупности покрывают основные проблемы, связанные с эксплуатацией АЭС, но недостаток состоит в том, что документы изданы сравнительно давно и не отвечают современным реалиям.

Национальное агентство по атомной безопасности, которое отвечает за надзор и регулирование гражданского сектора атомной энергетики в Китае, не наделено достаточными полномочиями и не обладает возможностями для выполнения своих функций в полном объеме.

Во-первых, Агентство является подразделением Министерства по защите окружающей среды и подотчетно ему, тогда как основные атомные корпорации находятся в прямом подчинении Госсовету КНР. Это ограничивает Агентство в возможностях и делает его менее авторитетным в китайской правовой системе.

Во-вторых, у Агентства отсутствует собственный исследовательский департамент, который мог бы установить свои критерии оценки надежности эксплуатируемой технологии и покрыть неуказанные в существующем законодательстве области.

В-третьих, штат сотрудников не позволяет Агентству поспевать за темпами развития атомной промышленности страны. Суммарное число сотрудников — около 350 человек. Даже при наличии планов по расширению организации до 1600 человек в ближайшие несколько лет²⁷, это все же повод для сомнений в том, что у Китая будет возможность качественно и своевременно обеспечить законодательную базу для столь впечатляющего роста.

В Китае нет специализированного органа, отвечающего за вопросы, связанные с радиоактивными отходами. Наряду с отсутствием базового закона, регулирующего атомную энергетику, и объективными сложностями в работе Национального агентства по атомной безопасности это является серьезной проблемой в развитии атомной отрасли страны.

Кадровая обеспеченность

В период, когда китайская атомная программа решала исключительно военные задачи (1950–1970 гг.), ряд высших учебных заведений КНР выпускал большое количество специалистов для этой отрасли. Но с течением времени, в связи с переориентацией программы на гражданские нужды, а затем некоторого спада научного интереса к атому, большое количество специалистов оказалось не у дел²⁸. Многие вузы переориентировали специализацию своих кафедр, и сейчас лишь несколько университетов готовят атомных специалистов: Университет Цинхуа, Шанхайский университет Цзяотун, Харбинский институт технологий, Сианьский университет Цзяотун.

Таблица 3. Кафедры, выпускающие специалистов атомной сферы в Китае²⁹

Учреждение	Поразделение	Место нахождения	Основные проекты
Университет Цинхуа	Институт атомной энергетики	Пекин	HTR-10 NHR-5 Трансмутация высокоактивных ядерных отходов
Шанхайский университет Цзяотун	Школа ядерной физики и инженерных технологий	Шанхай	Суперкритический реактор на воде
CNNC	Китайский институт атомной энергии	Пекин	CEFR
CNNC	Пекинский институт атомных технологий	Пекин	CNP-1000
CNNC	Институт ядерной энергии Китая	Чэнду	CNP-600 CNP-1000

По данным 2005 г., на атомные специальности поступает около 600 студентов ежегодно, но из них только треть впоследствии работает по профессии³⁰. Китай, конечно же, осведомлен о такой проблеме и ищет срочные пути ее решения. Одна из опций — это привлечение студентов с других инженерных специализаций, такие студенты становятся *целевиками* и имеют гарантии трудоустройства в атомной отрасли сразу после окончания обучения. Китай в погоне за количеством несколько теряет в качестве, и многие из вчерашних студентов, переводимых на работу на АЭС, не могут считаться квалифицированным персоналом. По предварительным оценкам, Китаю к 2020 г. понадобится около 6000 специалистов. Но это тот вопрос, который нельзя решить ни деньгами, ни указами компартии. Пройдет как минимум пять лет до того, как студент станет *атомщиком*. Резкий рывок в этом вопросе без хорошо подготовленной заранее базы вряд ли возможен.

Общественное мнение

Враждебное отношение населения страны к атомной энергетике является главным тормозом атомного расширения в целом ряде стран (Индонезия, Таиланд, Филиппины). В Китае же ситуация иная. В работе с населением Китаю (как и Вьетнаму) как государству, где главенствующую роль играет компартия, присущи авторитарные методы. Население регионов обычно информируют о строительстве АЭС уже после принятия решения на высшем уровне, и изменить или хотя бы повлиять на ситуацию население обычно не в состоянии.

До недавнего времени причин к недовольству и не было — плюсов в строительстве АЭС население видело больше, чем минусов. Строительство АЭС означает появление новых рабочих мест, повышение статуса региона, снижение цен на электричество. Реализовывать атомную программу при отсутствии поддержки среди слоев населения крайне трудно, даже для Китая, но если в большинстве атомных стран такая поддержка базируется на осведомленности населения о принципах работы и преимуществах АЭС, то в Китае, наоборот, ключевым моментом является полная неосведомленность рядовых граждан.

Если во всех атомных странах упор делается на развитие системы оповещения и информирования населения о каких-либо нештатных ситуациях на атомных объектах, то в Китае вкладываются громадные усилия для того, чтобы никакая информация никуда не просочилась. При отсутствии информации об опасностях, которые несет в себе атомная энергетика, в местных газетах выходят пропагандирующие атомную энергетику статьи о «Первых в мире реакторах нового поколения для Китая», о «90 гигаваттах к 2020 г.»³¹, подавляющее большинство из которых псевдонаучны, выполняются журналистами, а не экспертами. Такая политика сопутствовала развитию китайской атомной промышленности. Однако сейчас весь атомный мир и Китай, как его часть, вошли в *пост-Фукусимскую* эру.

ПОСЛЕ ФУКУСИМЫ

На события в Фукусиме Китай среагировал быстро. 16 марта 2011 г. состоялось заседание Госсовета, на котором было решено провести тотальную проверку всех эксплуатируемых АЭС и убедиться в надежности станций; выработать новые подходы к вопросу безопасности АЭС и жестко следить за выполнением требований на местах; провести оценку состояния строящихся площадок, руководствуясь международными стандартами, и при обнаружении проблем приостановить строительные работы; до окончания полной инспекции приостановить рассмотрение и одобрение строительства новых площадок³². Уже 16 марта были созданы инспекционные группы, и проверка состояния АЭС *Циньшань-1*³³ началась на следующий день³⁴.

В заявлениях китайских официальных лиц и в докладах надзорных органов прозвучал ряд предложений о пересмотре атомной политики страны. Было предложено отказаться от крупномасштабного строительства реакторов второго поколения *СРР-1000* и сконцентрироваться на развитии третьего поколения (реакторов *AP-1000* и всех его китайских производных)³⁵. Кроме того, было заявлено о намерении пересмотреть ряд будущих площадок и по возможности избегать строительства АЭС в непосредственной близости от моря, что в ряде районов непросто, так как прибрежная зона КНР самая развитая и, соответственно, требует больше энергии³⁶. Конечно же, в СМИ была поднята дискуссия о возможности строительства будущего Китая без атомной энергетики. Однако стоит признать, что альтернатив развитию атомной энергетики у КНР просто нет — нефтяная промышленность находится в сильной зависимости от импорта, угольная энергетика влечет за собой тяжелые экологические последствия, гидроэнергетика может развиваться только в отдаленных от районов основного спроса областях, а возобновляемые источники не могут покрыть быстро растущий спрос на электроэнергию.

Поэтому в сфере атомной энергетики, роль которой для Китая неоспорима, принимается ряд продуктивных, хоть и не радикальных мер. Японские события показали важность четкой организации бюрократического аппарата. В Японии не возникло сложностей в области регулирования строительства и эксплуатации АЭС, этот механизм оказался не приспособлен к решению чрезвычайных ситуаций. Зачастую было неясно, кто несет ответственность и кто возглавит борьбу с радиационным загрязнением, не говоря уже о неоперативном распространении достоверной информации о происходящем на станции.

Организация китайской законодательной системы значительно отстает от японской, распределение функций между госорганами неэффективно, механизм принятия решений запутан. Реформы законодательной базы назревали давно, и японские события лишь стали катализатором. Китай заявил о расширении штата сотрудников для надзорных органов и рассмотрении вопроса о создании высшего надзорного органа для атомной энергетики страны в будущем.

Китай осознал необходимость просвещения населения в области ядерных знаний. Уже через неделю после Фукусимы Центральное телевидение Китая запустило в эфир ряд роликов о сущности атомной энергетики³⁷. Каждая региональ-

ная газета, не говоря уже об общенациональных, опубликовала статьи с общей идеей «почему такое не может повториться в Китае». Было опубликовано большое интервью начальника Государственного управления по делам энергетики Чжан Гобао³⁸, в котором он описал разность технологий, которые использовались на Фукусиме и с которыми работает Китай, а также подтвердил приверженность Китая к продолжению проведения политики по развитию атомной энергетики в будущем³⁹.

При всей жесткости основного курса на приоритетное развитие атомной энергетики Государственный совет КНР все же приостановил выдачу новых разрешений на строительство АЭС и назначил проведение дополнительной проверки имеющихся ядерных объектов. Из заявлений китайских чиновников следует, что безопасности АЭС теперь действительно будет уделяться больше внимания⁴⁰.

ПЕРСПЕКТИВЫ

Готов ли Китай к *большому атомному скачку*? Думаю, в общем можно ответить: да, готов. Но если обращаться к более частным вопросам, то окажется, что показатели как количества реакторов, которые планируется построить к 2020 г., так и мощности атомной энергетики страны к этому времени завышены по сравнению с реальными возможностями атомной отрасли страны. Ряд вопросов, таких как законодательное регулирование, переход на реакторы третьего поколения, обеспечение *скачка* кадрами, поставки топлива и фабрикация стержней, не поддается решению в столь сжатые сроки.

Все эти факторы указывают на то, что *атомного скачка* стоит ожидать не ранее 14-й пятилетки, то есть после 2020 г., а не в десятилетие, предшествующее ему. В Китае это осознают. Научно-исследовательский отдел при Государственном совете предлагает пересмотреть политику *большого атомного скачка*, не разрываться между ростом и безопасностью и более важную роль отвести безопасности АЭС.

В рамках *корректировки курса* несомненно произойдет переосмысление приоритетной реакторной технологии для будущих энергоблоков и вероятное переориентирование части площадок, предназначенных для реакторов второго поколения, на реакторы третьего поколения. При выборе площадок для строительства новых АЭС будут учитываться угрозы цунами и землетрясений. Будут также повышены требования к действующим станциям и проведены дополнительные проверки и инспекции. Будет проведено реформирование бюрократического аппарата и упорядочивание законодательства, регулирующего атомную отрасль Китая.

Эти меры приведут к тому, что, *во-первых*, темпы строительства и ввода в эксплуатацию новых АЭС снизятся. *Во-вторых*, логично ожидать понижения прогноза выработки электроэнергии на АЭС в среднесрочной перспективе. *В-третьих*, результатом введения дополнительных мер безопасности станет удорожание строительства и эксплуатации АЭС.

Примечания

¹ Перспективный план развития атомной энергетики (2005–2020 гг.). [Хэдянь чжунчанчи фачжань гуйхуа (2005–2020 нянь).]

² По данным *BP Statistical Review of World Energy*, в 2010 г. потребление в Китае электроэнергии, выработанной на АЭС, составило порядка 8 ГВт. — *Ред.*

³ По оценке Института энергетических исследований при Государственном управлении по развитию и реформе КНР. 2011, 27 января.

- 4 Nuclear Power in China. 2011, 17 April, <http://www.world-nuclear.org/info/inf63.html> (последнее посещение — 3 мая 2011 г.).
- 5 По материалам, предоставленным Белферским центром ядерной безопасности Гарвардского университета.
- 6 Самостоятельное создание атомных мощностей. Перспективный план развития атомной энергетики (2005–2020 гг.). [Хэдянь шэбэй чжицзао цзицжухуа. Хэдянь чжунчанчи фачжань гуйхуа (2005–2020 нянь).] С. 5.
- 7 Проведение обмена взглядами по вопросу разработки реактора *ACPR-1000*. [Гунсы шэцзиюань ю хадяньцзяочжилиу гунсы цзю *ACPR-1000* чжубэн цзиньсин цзяолиу.] *Чжунгуанхэгуанчэн юсянгуансы*. 2010. 10 декабря.
- 8 Nuclear Power in China.
- 9 World Nuclear Association Reactor Database, <http://world-nuclear.org/NuclearDatabase/Default.aspx?id=27232> (последнее посещение — 3 мая 2011 г.).
- 10 Достижение поставленных целей и воплощение в жизнь ориентиров плана по развитию (2005–2020 гг.). [Гуйхуадэ чжундянь нэйжун ю шиши. Хэдянь чжунчанчи фачжань гуйхуа (2005–2020 нянь).] С. 5.
- 11 Заключение контракта на поставку топлива для *AP-1000*. [Чжунхэ юй сивуцяньшу *AP-1000* хэжанляо чжицзао шэбэй хэтун.] *Хэнэн синьвэн*. 2011. № 41, февраль. С. 20.
- 12 Тяньваньская АЭС. *Официальный сайт Атомстройэкспорта*. 2010, ноябрь, <http://www.atomstroyexport.ru/project/rus/73> (последнее посещение 4 мая 2011 г.).
- 13 Доклад о реализации проекта блоков 5 и 6 АЭС *Тяньвань*. [Тяньвань 5, 6 хао цзицзусянму шээнцин баогао.] *Хэнэн синьвэн*. 2011. № 42, февраль. С. 16.
- 14 Из беседы с сотрудником Центра энергетики и безопасности.
- 15 Московский раунд переговоров в *Атомстройэкспорте*. 2010, 23–28 августа.
- 16 По информации, предоставленной Управлением по строительству АЭС в Китае корпорации *Атомстройэкспорт*.
- 17 Евгений Петелин, Никита Перфильев. Атомная панда: Китай в поисках энергобезопасности. *Индекс Безопасности*. № 2 (85), Т. 14.
- 18 Анализ состояния экспортно-импортных возможностей SINOPEC в 2008 г. [2008 нянь Чжунго шию цзиньчукоу чжуанкуан фэнси.]
- 19 Деловой журнал *ChinaPRO*. 2011, 4 апреля. <http://www.chinapro.ru/rubrics/1/6025> (последнее посещение 3 мая 2011 г.).
- 20 Nuclear Share Figures 2001–2010. World Nuclear Association, <http://www.world-nuclear.org/info/nshare.html> (последнее посещение 3 мая 2011 г.).
- 21 Wang, Y., Zhao, S., Yuan, Y., Rao, S., Liu, Q. Nuclear power development strategy through 2020 in China. Beijing, China Institute of Nuclear Information and Economics, 2005.
- 22 Li, G.-X. Coming challenge and opportunity to the nuclear fuel cycle industry of China. *Uranium Geology*. 2008. № 24 (5). P. 257–267.
- 23 Qiang Wang. China needing a cautious approach to nuclear power strategy. Guangzhou Institute of Geochemistry, Chinese Academy of Sciences, 2009.
- 24 Скомороха Татьяна. Российско-китайское сотрудничество в области обогащения урана: от газовой диффузии к центрифуге. *Ядерный клуб*. 2010. № 2 (3), март–апрель. С. 15.
- 25 Qiang Yan, Anjian Wang, Gaoshang Wang, Wenjia Yu, Qishen Chen. Nuclear power development in China and uranium demand forecast: Based on analysis of global current situation. Research Center for Strategy of Global Mineral Resources, 2010. p. 4.
- 26 Yang Guang, Huang Wenjie. The status quo of China's nuclear power and the uranium gap solution. North China Electric University, 2009. p. 968.
- 27 Чжунго чжэнфуван. *Официальный сайт китайского правительства*. 2011, апрель. www.gov.cn.

- ²⁸ Из беседы с проф. Юнь Чжоу, сотрудником кафедры ядерной безопасности Белферского центра ядерной безопасности Гарвардского университета.
- ²⁹ Yun Zhou. Why is China going nuclear? *Energy Policy*. 2011. № 39. p. 3758.
- ³⁰ По материалам, предоставленным Белферским центром ядерной безопасности Гарвардского университета.
- ³¹ Газета о новостях атомпрома *Чжунго хэгуньебао*.
- ³² Китай откладывает рассмотрение и одобрение атомных проектов. [Чжунго цзаньтин шэньпи хэдянь сяньму.] *Хэнэн синьвэн*. 2011. № 43, апрель. С. 1.
- ³³ Первая АЭС, построенная собственными китайскими усилиями, провинция Чжецзянь. В эксплуатации находится один энергоблок с реактором *CNP-300* (в настоящее время реактор *CNP-300* эксплуатируется на энергоблоке *Циньшань-1* и энергоблоке пакистанской АЭС *Чашма*, сооружается второй энергоблок АЭС *Чашма* с таким же реактором и подписано соглашение о строительстве еще двух).
- ³⁴ Началась проверка безопасности на энергоблоке Циньшаньской АЭС. [Чжунхэцзитуань дао Циньшань хэдяньчжань кайчжань анцюань цзяньча.] *Хэнэн синьвэн*. 2011. № 43, апрель. С. 23.
- ³⁵ Китай сделает упор на реакторы третьего поколения. [Чжунго ичжунцзюбэй саньдайхэдяньчжань цуаньбу лянцзянь шэнчан нэнли.] *Хэнэн синьвэн*. 2011. № 43, апрель. С. 22.
- ³⁶ Китай откладывает рассмотрение и одобрение атомных проектов. [Чжунго цзаньтин шэньпи хэдянь сяньму.] *Хэнэн синьвэн*. 2011. № 43, апрель. С. 1.
- ³⁷ CCTV4. Передача *Гонэй синьвэн*. 2011, 25 марта.
- ³⁸ Чжан Гобао: анализ фукусимской катастрофы [Чжан Гобао: Фудаохэдянь шигу фэньси]. Электросистема Китая [Чжунго дяньливан]. 24 марта 2011 г., <http://www.chinapower.com.cn/newsarticle/1134/new1134405.asp> (последнее посещение — 5 октября 2011 г.).
- ³⁹ Нормы безопасности на китайских АЭС от норм безопасности на АЭС *Фукусима*. [Чжунго хэдяньчжань анцюань сишугао юй фудаоцишу бу тун.] *Хэнэн синьвэн*. 2011. № 43, апрель. С. 20.
- ⁴⁰ КГКЯП начинает проверку атомных объектов. [Чжунхэцзитуань кайчжань анцюань цзяньча.] *Хэнэн синьвэн*. 2011. № 44, апрель. С. 20.

МЬЯНМА В АСЕАН: ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНА И ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

За последний год во внутривнутриполитической жизни Мьянмы обозначились новые моменты. В конце 2010 г. выпущена на свободу лидер оппозиции Аун Сан Су Чжи, вступившая в диалог с властями. Судя по действиям высшего государственного руководства во главе с президентом Тейн Сейном, грядут и другие перемены. В сентябре-октябре 2011 г. освобождены 200 политических заключенных. Одновременно ослаблена цензура СМИ. Если в ноябре 2010 г. Национальная Лига за Демократию, возглавляемая Аун Сан Су Чжи, бойкотировала выборы, то после внесения поправок в избирательное законодательство собирается участвовать в дополнительном голосовании. Оно ожидается в скором времени.

Меняется и статус страны на международной арене. В 2014 г. Мьянма будет председательствовать в АСЕАН и примет у себя Восточноазиатский саммит. Эти и другие факты говорят о том, что 60-миллионная страна вступает в новый этап своей истории.

Мы публикуем материалы расширенного заседания Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра по теме «Мьянма в АСЕАН: Проблемы региона и интересы России», проведенного ПИР-Центром совместно с Центром АСЕАН при МГИМО (У) МИД РФ 23 марта 2011 г.¹

В заседании приняли участие доцент кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО (У) МИД РФ Ю. А. **Дубинин**, доцент кафедры востоковедения МГИМО (У) МИД РФ К. А. **Ефремова**, заместитель директора Российского центра исследований АТЭС, Чрезвычайный и Полномочный Посол России в Союзе Мьянма (1997–2001) Г. А. **Ивашенцов**, доцент Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова А. Е. **Кириченко**, доцент кафедры востоковедения МГИМО (У) МИД РФ Е. В. **Колдунова**, советник Третьего департамента Азии МИД РФ А. М. **Кудряшов**, профессор кафедры востоковедения МГИМО (У) МИД РФ Н. П. **Малетин**, вице-президент Общества дружбы с Республикой Союз Мьянма Д. А. **Малов**, директор Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН Д. В. **Мосяков**, старший научный сотрудник Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН А. А. **Симония**, старший научный сотрудник Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН В. Ф. **Урляпов**. Ведущие заседания — президент ПИР-Центра В. А. **Орлов**, директор Центра АСЕАН при МГИМО (У) МИД РФ В. В. **Сумский**.

В. А. ОРЛОВ (ПИР-Центр): Сегодня мы собрались, чтобы поговорить о возможностях Мьянмы, о ее роли в международных делах на ближайшую и среднесроч-

ную перспективу, о возможной новой роли Мьянмы в мировой экономике и в региональных экономических делах АСЕАН, о геополитических особенностях Мьянмы, расположенной на перекрестке стратегических путей из Индии в Китай. Думаю, поговорим о результатах выборов, которые прошли в Мьянме в ноябре 2010 г. Оценим устойчивость этого государства с учетом тех приватизационных процессов, которые там уже произошли и проходят. Обсудим, насколько это государство способно сохранять свою целостность. В Мьянме, между прочим, внимательно изучают югославский опыт, пытаются понять, есть ли риск подобного сценария у них в стране.

В. В. СУМСКИЙ (Центр АСЕАН): Отечественная школа изучения Юго-Восточной Азии, основы которой закладывались более полувека назад усилиями академика А. А. Губера, переживает сегодня трудный момент. Многочисленные аспиранты Губера и их собственные ученики стали маститыми учеными. Сегодня они еще работают, но их все меньше.

Всем, кто занимается в России Юго-Восточной Азией, известно имя В. Ф. Васильева. Всю свою долгую жизнь он посвятил изучению Мьянмы. Прошлой весной он подвел итоги своим изысканиям в книге, озаглавленной *История Мьянмы/Бирмы. XX век*, и вскоре после этого ушел из жизни. В этой крупной работе — основы многих оценок и представлений, которыми мы сегодня обменяемся.

Текущие события неизбежно вносят коррективы в любую предварительно составленную программу. Когда мы объясняли друг другу, почему имеет смысл начать эту серию семинаров с Мьянмы, то говорили о таких вещах, как недостаточная осведомленность широкой аудитории о том, что происходит в этой очень важной стране и вокруг нее. Говорили о давлении стереотипов, о том, что они мешают правильно понять ситуацию до и после выборов, состоявшихся в ноябре 2010 г. О сдвигах, ожидающихся в самой стране и в отношении внешнего мира к ней. О том, что США как будто начинают что-то пересматривать в своей устоявшейся линии в отношении Мьянмы.

Невозможно было представить тогда, да еще и месяц назад, что мы будем все это обсуждать на фоне событий в Ливии [заседание проходило через несколько дней после установления над Ливией бесполетной зоны. — *Прим. ред.*]. На Мьянме уже несколько лет лежит клеймо *форпоста тирании*. В течение долгого времени эта страна третировалась тем же самым образом, каким третировались страны, еще до Ливии подвергшиеся аналогичным мерам воздействия. Поэтому, говоря о международном контексте, в котором вынуждена существовать Мьянма, нельзя не задать вопрос: как быть России, если в центре таких же событий однажды окажется Мьянма? Боюсь, в случае с Ливией не все были готовы к такому вопросу. Конечно, превращать семинар по Мьянме в семинар по Ливии ни к чему, но все же предлагаю держать эти вещи в уме, когда мы будем говорить о внешнеполитических аспектах ситуации в Мьянме.

ВНУТРЕННИЕ ПРОБЛЕМЫ МЬЯНМЫ

А. Е. КИРИЧЕНКО (ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова): Проект государственного строительства, осуществляющийся в Мьянме в течение всего периода независимости, в огромной степени структурирован вокруг строительства ее вооруженных сил. До сих пор он был достаточно успешен с точки зрения локализации гражданских войн и антисистемных движений. На данный момент ситуация в Мьянме наименее острая за последние полвека и даже более. У страны есть сплоченные и на низовом, и на верхнем уровне вооруженные силы.

Уже более двух десятилетий нынешний режим выдерживает внешнее давление и санкции, и делает это довольно спокойно. В последние месяцы он действовал, официально руководствуясь *дорожной картой демократии* — планом, предпола-

гавшим разработку и принятие новой конституции; проведение выборов; формирование парламента и нового правительства. В ближайшее время обновленные органы власти должны приступить к выполнению своих функций.

Что касается вызовов и проблем, то я бы поделил их на *реальные* и *виртуальные*.

Виртуальные — это те проблемы, о которых чаще всего толкуют применительно к Мьянме и которые отражают уровень представлений о ней во внешнем мире. С учетом уже упомянутого примера Ливии, Мьянма не может эти *виртуальные* проблемы игнорировать. Если на нее будут оказывать давление дальше, то давить будут как раз по этим *виртуальным* направлениям. Но это давление обязательно ужесточится, когда *прорвет* какую-то из проблем, которые я называю *реальными*.

В области политики есть *виртуальные* проблемы легитимации и демократизации существующего режима. В более реальной, практической плоскости они сводятся к тому, что Мьянме нужна какая-то модель планомерной сменяемости власти.

За все годы развития страны ни разу не получалось так, чтобы верховный лидер уходил из политики по своей воле. Эта проблема стоит и перед нынешним лидером. Его уход сопряжен с целым рядом рисков. В частности, свое привилегированное положение утратят его ближайшие родственники. Патронажные системы, замкнутые на влиятельных людей, так или иначе кончаются, как только эти влиятельные люди покидают пьедестал.

Мьянме необходимо каким-то образом адаптироваться к электоральной модели. Хотя выборы и прошли, но основная их сложность была, по-моему, не в том, что они были нерепрезентативными и ими манипулировали (в чем пытаются обвинять Мьянму), а в том, что население к проведению выборов было не готово. Я был в Мьянме как раз во время выборов, в ее провинциальных районах, и у меня осталось впечатление, что люди в принципе не понимают, как и зачем голосовать — в том числе люди, которым по 40–50 лет. Это наводит на мысль, что и 20 лет назад они не принимали участия в выборах как реальные политические акторы. Нынешние выборы фактически прошли без денег, а значит, и без того, что именуется сегодня *политическими технологиями*. В сущности, это означает, что реальный масштаб манипуляций электоральным процессом был очень невелик. Если электоральный процесс будет развиваться дальше по общемировым схемам, и если в него будут *вбрасываться* деньги, то значительная часть населения, прежде голосовавшего за власть, спокойно проголосует за ее противников. И дальше власти нужно будет принимать какие-то экстренные (и, скорее всего, неэффективные) контрмеры.

В этой связи в Мьянме необходимо поднимать престиж выбранных политиков. Сейчас парламентарий, занявший свое кресло, потому что его выбрали, не обладает влиянием — он просто выполняет указания, которые ему спускают. Если электоральная модель — это будущее, то эту проблему надо решать.

Нужно решать проблему нахождения политического пространства для оппозиции, потому что внешняя легитимность режима и минимизация рисков виртуальной политики будет зависеть от этого. Также перед страной стоит проблема политического лидерства, особенно актуальная в условиях, когда режим начинает опираться на более открытый и более публичный механизм рекрутирования сторонников. Ярких публичных лидеров в стране сейчас нет, причем ни в официальном, ни в оппозиционном сегментах политического спектра.

Еще одна *реальная* проблема, которая в *виртуальном* истолковании выглядит как межэтнический конфликт, — проблема национального строительства. Внятной национальной идеи и какого-то мифа, который был бы способен объединить все этносы, проживающие в Мьянме, — нет.

Низкий уровень экономического развития выступает препятствием для формирования позитивных ассоциаций у населения с проектами властей. Популярность

достаточно авторитарных режимов в Китае, Вьетнаме и многих других странах жидется на том, что эти страны успешно развиваются. Мьянма, к сожалению, пока этого не достигла. Она вообще отличается от большинства стран социалистической ориентации тем, что там никогда, даже в 1960–1980-е гг., не создавалась публичная инфраструктура, направленная на повышение уровня жизни всех и каждого. Разрыв в уровне жизни отдельных групп населения там был всегда, и в современных условиях он только возрастает.

Еще один блок проблем связан не с политикой, а с человеческим капиталом. Стране нужна более инклюзивная модель социального развития, поскольку в нынешней модели развития каналы вертикальной мобильности очень ограничены. По сути, они замкнуты на вооруженные силы, госаппарат и приближенный к вооруженным силам бизнес.

Еще одна проблема — это проблема комплекса неполноценности, которая у страны есть на всех уровнях. Вытекает она из того, что Мьянма, считающая себя страной с великой культурой и великим прошлым, с экономической точки зрения отстает от соседей. С одной стороны, это отзывается ростом оппозиционных настроений. С другой стороны, власть стремится реализовать различные проекты, поднимающие ее престиж в ее же собственных глазах.

Один из наиболее ярких примеров — строительство новой столицы Нейпидо. Есть разные объяснения тому, почему за это взялись. На мой взгляд, самое реалистичное — стремление построить красивый город, появление которого повысит самооценку власти. Этот город потрясающе интересен именно как выражение психологии и менталитета элит, их представлений о том, что такое роскошь, что такое высокие технологии, их представлений о том, как в идеале должна выглядеть страна, если будет реализован их проект развития. Критическое отношение к политике властей присутствует не только внутри реально обездоленных сегментов населения (которых на самом деле не так уж много). Хуже, что оно ощущается и среди тех, кто должен быть опорой режима. В тех же вооруженных силах далеко не все уверены в том, что строительство новой столицы или всерьез обсуждаемые проекты метро в Нейпидо — это насуточно необходимые вещи. Поэтому, если бы удалось выработать более инклюзивный сценарий развития, в рамках которого решались бы задачи не престижного потребления, а действительного развития страны, — это, конечно, стало бы для Мьянмы серьезным достижением.

Если говорить о перспективах, то возможный ориентир для Мьянмы — Индонезия 1960–1970-х гг. В обоих случаях налицо политические системы с доминированием военных и бюрократии. У вооруженных сил — особый статус в плане освоения бюджетных средств. За их представителями резервируются позиции в законодательных органах всех уровней. Высок процент военных и в органах исполнительной власти. Крупнейшие финансово-промышленные группы складываются под контролем лиц, связанных узами родства и патронажа с военной верхушкой.

Есть, тем не менее, несколько параметров, которые сильно отличают Мьянму от Индонезии 30-летней давности и делают маловероятным повторение последующего индонезийского пути. Во-первых, старший генерал Тан Шве находится у власти достаточно давно и уже достиг преклонного возраста. Он просто не сможет оставаться у власти столько же времени, сколько оставался у власти Сухарто после обретения ее во второй половине 1960-х гг. Так что эволюция режима, предполагающая постепенное отдаление верховного лидера от вооруженных сил и политику сознательного ослабления их позиций, которой придерживался к концу своего правления Сухарто, в Мьянме маловероятна.

Если военная верхушка Индонезии некогда делала ставку на сотрудничество с Западом, то для многих представителей мьянманского генералитета характерны ксенофобские настроения. Всех иностранцев, практически без разбора, рассматривают как людей, которые стремятся эксплуатировать Мьянму, высасывать

из нее кровь. Поэтому доверия к ним, кем бы они ни были, быть не может. А может быть только очень осторожная политика, которая позволит играть на противоречиях между внешними игроками и добиваться при этом своих целей.

По динамике развития на данном этапе, по всем социальным и экономическим параметрам Мьянма также достаточно сильно отличается от Индонезии конца 1960-х гг. В целом, все это не позволяет предсказывать будущее страны достаточно уверенно. Основная проблема нынешнего режима — не в наличии оппозиции, не в международном давлении, а в том *насколько он сам по себе готов* откликнуться на те вызовы, которые перед страной стоят, и *насколько сам режим готов* решать проблему сменяемости власти.

При всем том имеет место реальная зависимость от внешних партнеров и потребность в них. Это дает России достаточно серьезные шансы в Мьянме, но наши цели и действия должны быть хорошо продуманы. При относительно немногих пересечениях, существующих на данный момент в области экономики и политики, заинтересованность Российской Федерации состоит в том, чтобы Мьянма сохраняла себя как *самостоятельного игрока*, а не превращалась в сателлита той или иной страны. Коль скоро Мьянма заинтересована в консультационной помощи, у России вырисовываются там благоприятные возможности.

А. А. СИМОНЯ (Институт востоковедения РАН): Хотела бы в начале напомнить, что за период с 1962 г., когда к власти в Бирме пришел военный режим Не Вина, и по 1974 г., когда форма правления приняла гражданский облик, в мире произошло 64 военных переворота — в основном в странах Арабского Востока и Тропической Африки, а также в Таиланде, Греции, в странах Латинской Америки. С тех пор до наших дней дожили только два военных режима. Это все та же Ливия, где режим Каддафи утвердился в 1969 г. [на момент проведения заседания — *прим. ред.*], и военный режим Бирмы. Благодаря хорошей режиссуре выборов, прошедших в ноябре прошлого года, он заложил основу для относительно безопасного будущего. Тем более что при выполнении *дорожной карты* перехода к демократии соблюдены почти все требования мирового сообщества. Выборы проведены, Аун Сан Су Чжи теперь на свободе, принята конституция, генералы ушли в отставку, и бразды правления приняли гражданские лица — помимо первых лиц, разумеется. Международные инвесторы, я бы сказала, *толпятся в очереди*, чтобы инвестировать в экономику страны, прежде всего в ее добывающую промышленность.

В. В. Сумский задал вопрос, какова будет наша позиция, если с Мьянмой попробуют вести себя, как с Ливией. Россия уже показала свое отношение к Бирме, когда в 2007 г. фактически спасла ее на Совбезе ООН от санкций, на которых настаивали США. Тогда Россия и Китай впервые воспользовались своим правом вето, причем совместно. Так что я за судьбу Мьянмы и за позицию России спокойна.

Нынешний режим — это военный режим, который существует уже почти полвека. Нынешняя гражданская форма правления ничего нового в политику, в стратегию не вносит. Подобное делалось еще при Не Вине. В 1973 г. также был проведен референдум, была принята конституция, и в 1974 г. отставные генералы составили *гражданское* правительство. И был назначен президент — сначала это был Не Вин, а после 1981 г. его сменил верный человек Сан Ю, и вместе они прослужили до конца 1988 г. Политика в то время определялась лично Не Вином, он тогда возглавлял Партию Бирманской Социалистической программы. По сути и независимо от должности это был единственный лидер, который определял политику. То же повторяется и сейчас.

Теперь перейду к экономике. Как известно, режим Не Вина рухнул в какой-то мере и по экономическим причинам. В 1987 г. ООН включила Бирму в разряд наименее развитых стран мира. Решение начать либерализацию экономики было принято еще при Не Вине. Началом реформ стала отмена государственной монополии

на торговлю основной сельскохозяйственной продукцией, произведенной за год до переворота, в сентябре 1987 г. Для укрепления власти и прежде всего военной мощи новому военному режиму необходимы были финансовые средства. Поскольку коммерческая добыча газа начнется не ранее чем через 10 лет, для срочного получения валюты был только один путь — использовать имеющиеся природные богатства. Поэтому так называемые *экономические реформы* начались с продажи концессий на разработку недр. Был принят закон об иностранных инвестициях, открывший доступ иностранному капиталу в экономику страны. Таким образом, продажа концессий и заключение контрактов на разработку недр смоделировали дальнейший стиль экономических отношений с соседними и дальними странами: эксплуатацию природных ресурсов.

К началу 1990-х гг. экономические реформы в области финансовой и банковской системы, в сфере производства, торговли и услуг, и, разумеется, в сельском хозяйстве и промышленности принесли какие-то плоды, которые были очевидны. И эта серия реформ даже способствовала перестроению экономики страны в духе рыночной ориентации.

Однако к концу 1997 г. (т. е. к моменту, когда Тан Шве находился уже 5 лет у власти, переименовал Госсовет по восстановлению законности и правопорядка в Госсовет мира и развития и почти полностью сменил состав этого органа) стал более заметен возврат к командным методам управления экономикой.

Военному руководству досталась в наследство страна с неэффективным государственным сектором, с огромной внешней задолженностью и почти полным отсутствием валютных резервов. Стремясь переломить ситуацию, режим подчинил министерству обороны наиболее перспективные предприятия госсектора. На их базе были созданы конгломераты, управляемые военными, как отставными, так и находящимися на действительной службе.

В отличие от предыдущего правительства новое руководство не отталкивало от себя предпринимательские круги. Напротив, оно заставило их работать на себя, вовлекая их в политико-экономические альянсы. А новый предпринимательский класс должен был быть лоялен правящему режиму и четко следовать его указаниям. За это военный режим дает нуворишам право использовать природные ресурсы для своего обогащения. Не последнюю роль в процветании бизнеса играют родственные и дружеские связи. В результате возник *военно-олигархический капитализм*.

Структуру экономики Мьянмы в 1988–2010 гг. можно рассматривать как двухуровневую. Верхний уровень базировался на экспорте высокодоходных природных ресурсов — древесины твердых пород, драгоценных и полудрагоценных камней, а затем и природного газа. Главные доходы от экспорта этих товаров доставались правящей военной элите и бизнесменам, близким к руководству страны. Нижний уровень экономики базировался на сельском хозяйстве, мелкой промышленности и услугах, в которых была занята основная часть населения.

Как известно, на рубеже веков Мьянма вошла в число экспортеров энергоресурсов. Быстро развивающиеся экономики соседних стран стали соперничать друг с другом за доступ к ее углеводородам. Наряду с Таиландом, который получает природный газ из Мьянмы с 1998 г., в число импортеров природного газа стремятся попасть Китай и Индия.

Однако доходы от экспорта природного газа мало влияют на официальные данные о финансовом положении государства. В стране существует двойной обменный курс. Есть курс официальный, который не пересматривался 30 лет и при котором один доллар равен шести джа. А есть еще неофициальный. Раньше его называли курсом черного рынка, теперь именуют реальным. Этот курс в отдельные годы доходил до 1350 джа за один доллар. В январе 2011 г. он составил 815 джа. Если рассчитывать поступления от экспорта природного газа по свободному курсу,

то в 2007/2008 финансовом году они могли составить 57% бюджетных поступлений. МВФ рекомендует пересчитывать газовые поступления по курсу свободного рынка для стабилизации в секторе государственных финансов.

Имея столь серьезные внешние поступления (более 4 млрд долл. в год только за продажу газа в Таиланд), руководство Мьянмы не сумело избавиться ее от униженного статуса *беднейшей страны мира*. ООН по-прежнему квалифицирует Мьянму как страну с богатыми и разнообразными природными ресурсами, но имеющую при этом обнищавшее сельское население и страдающую от тотального контроля правительства.

В декабре 2009 г. по приглашению правительства Мьянмы страну посетил крупный американский ученый, лауреат Нобелевской премии по экономике Джозеф Стиглиц. На семинаре в Нейпидо он подчеркнул, что нефтегазовые доходы, если их использовать разумно, могут открыть новую эру в развитии национальной экономики. Мьянма, отметил Стиглиц, должна извлечь уроки из негативного опыта и ошибок других наделенных ресурсами стран. В качестве примера он привел африканские страны, где быстрая прибыль от распродажи природных ресурсов не вкладывается в развитие, а используется властвующей элитой для доминирования над обществом. Стиглиц прямо заявил: «Если страна не будет вкладывать богатства, извлеченные из-под земли, на ее поверхности, она не достигнет роста экономики».

Таким образом, если не изменится политика распределения государственных финансов и общий стиль управления страной, то Мьянма может пополнить число стран, над которыми тяготеет так называемое *проклятие природных ресурсов*. В это сложно поверить, но нефть, природный газ, драгоценные камни, золото, редкоземельные металлы, цветные металлы плохо влияют на здоровье экономики страны. Мьянма вывозит все перечисленные ресурсы (кроме, пока еще, нефти). Экономический рост поддерживается за счет добычи и вывоза природного газа, но эта отрасль не способствует увеличению числа рабочих мест. Экспорт природных ресурсов обеспечивает до 80% государственных доходов, в то время как большая часть населения (70%) занята в сельском хозяйстве. Это усиливает экономическое неравенство.

Стиглиц также отметил, что страны подобного типа, как правило, больны коррупцией. Коррупция плюс нежелание правительства уделять внимание потребностям населения делают борьбу с *проклятием* невероятно сложной. Обладая возможностью по своему усмотрению распоряжаться огромными финансовыми ресурсами, правительства таких стран неизбежно становятся очень коррумпированными. Однажды получив власть, они уже не хотят от нее отказываться. Согласно статистическим данным, правительства богатых углеводородами стран тратят в 10 раз больше средств на военные цели, чем страны, не имеющие таких ресурсов.

В феврале 2011 г. был принят новый бюджет на 2011/2012 финансовый год. Цифры говорят о том, что новое военно-гражданское правительство сохранит приоритет военной безопасности. Министерству обороны выделяется 20%. Для сравнения, на образование — 4,5%, на здравоохранение — 1,31%, на социальные услуги — 0,26%. Правда, есть мнение, что раньше на министерство обороны выделялось 40%, а теперь наполовину меньше. Но, как известно, сейчас создан внебюджетный государственный фонд для военных расходов, распоряжаться которым будет исключительно главнокомандующий армии.

Сейчас на долю Мьянмы приходится примерно полпроцента мировых поставок газа, но в ближайшие годы ожидается значительный рост объема экспорта и в Таиланд, и в Китай. Южная Корея предлагает построить в Мьянме завод по сжижению природного газа, чтобы также войти в число импортеров. К 2012 г. в Мьянме будет реализован известный проект Шве. Будет построено два параллельных трубопровода. Газопровод, по которому будет доставляться газ из Бенгальского залива

в Китай, и рядом нефтепровод, по которому будет транспортироваться ближневосточная и африканская нефть. Нефть будет поступать в глубоководный порт, который строит Китай, и затем по трубопроводу в КНР. И там же строится железная дорога, по которой будут транспортироваться товары из Китая в порт и дальше по всему миру.

Это все принесет новый доход и за поставки природного газа, и за транзит. Есть и другие грандиозные проекты. На берегу Бенгальского залива планируется создать особую промышленную зону, тогда как на побережье Андаманского моря будет особая экономическая зона, похожая на китайский Шеньжень. Старший генерал Тан Шве посетил его в прошлом году, и этот район КНР произвел на него большое впечатление.

В заключение отмечу, что военному режиму удалось не только удержать власть, но и заложить фундамент для безбедного существования в будущем. Власть, остающаяся в руках старшего генерала Тан Шве, будет опираться на *трех китов*: армию, партию власти (Союзную партию солидарности и развития) и клан олигархов, созданный по принципу родства и кумовства, который приватизировал государственную собственность и ресурсы.

Е. В. КОЛДУНОВА (Кафедра востоковедения МГИМО (У) МИД РФ): Аида Алексеевна, цитируя Стиглица, отметила неудачные примеры использования нефтегазового бремени, ресурсов. Но на сегодняшний день есть более удачные примеры — скажем, Азербайджан и Казахстан, где созданы государства-рантье, которые распределяют часть ресурсов, не замыкая их только на элиты. Я понимаю, что сейчас в краткосрочной перспективе создание такого государства в Мьянме невозможно. Но есть ли на уровне политической или политико-экономической элиты какие-то национальные проекты, которые в идейном плане закладывают основы будущего развития?

А. А. СИМОНИЯ: Многие эксперты из международных организаций советуют Мьянме создать фонды по распределению доходов от продажи углеводородов. Разумеется, Мьянме не подходит такой вариант, как в Норвегии, но вот вариант Азербайджана вполне мог бы работать. Но, насколько мне известно, пока таких планов в Мьянме нет.

В. Ф. УРЛЯПОВ (Институт востоковедения РАН): Насколько я понял, те доходы, которые правящий режим получает от добычи и экспорта природного газа, по сути дела, *проедаются* им же самим. То есть за счет этих средств подкармливаются армия, госаппарат, нарождающийся класс крупных предпринимателей из оставших военных и их родственников. На эти же средства строится новая столица. Вопрос: кто же добывает природный газ на шельфе?

А. Е. КИРИЧЕНКО: Природный газ добывают консорциумы. В основном это китайские, корейские, индийские компании.

Если же говорить о расходах, то первое, что было осуществлено на эти деньги — расширение и перевооружение армии. Это потребовало огромных средств. Второе — это строительство столицы там, где прежде не было ничего. Третье — это проекты инфраструктурного развития, которые движутся очень активно, в основном в областях коммуникаций, гидроэлектроэнергетики, электроэнергетики в целом. К сожалению, не все они работают с полной отдачей, с полной эффективностью. Одна из самых удачных шуток одного бирманского комика, находящегося сейчас в тюрьме, звучит так: «Если взяться за официальную бирманскую газету, то можно получить удар током — так много там репортажей о построенных линиях электропередач. Если же взяться за линию электропередач, то, скорее всего, ничего не произойдет, потому что они не работают». Большой процент сбоев, ошибок, неудачных решений в связи с тем, что человеческий капитал и умение работать с высокими технологиями находятся не на уровне.

Что касается оседания средств на счетах, это трудный вопрос. Это не совсем *проедание*. Это проект госстроительства в том виде, как его понимают в Мьянме. Проект подразумевает, что военные — это та ведущая сила, которая способна решать задачи во всех сферах. Население же само по себе пассивно и не способно эти задачи решать. Поэтому перераспределительный проект, который бы решал социальные задачи в пользу населения, не реалистичен. Он противоречит политическим целям, как их видит руководство. И он противоречит мировоззренческой позиции обычного влиятельного человека, который думает, что богатым бывает только тот, кто заслужил это в прошлых рожденьях. Если ты сейчас бедный, то ты бедным, скорее всего, и должен остаться.

В. Ф. УРЛЯПОВ: В связи с перспективами развития Мьянмы упомянут индонезийский пример. Говорили об отличиях — о ксенофобии, косности, может быть, даже ограниченности мышления как характерных особенностях мьянманского режима. Не создается ли такое впечатление, что до последних выборов он держался не за счет репрессий, подавления, а за счет *дремучести* населения, которая культивировалась? Страну как бы законсервировали, а выборы, конституция, якобы либеральные реформы — не более чем подобие новой этикетки, приклеенной к старой консервной банке?

А. Е. КИРИЧЕНКО: Вы знаете, наклеивание этикетки — это то, в чем обвиняют Мьянму ее критики. Безусловно, выборы решают некоторые внешние задачи, они нужны, чтобы сделать режим более легитимным, но там есть более сложные, более серьезные проблемы. Процесс подготовки и проведения выборов создаст предпосылки передачи властных полномочий преемникам нынешних руководителей, и вертикальная мобильность внутри режима предстает как не совсем невероятная вещь. При этом первое лицо режима на протяжении последних 19 лет остается одним и тем же. На этом человеке уже поставили массу клейм, но, по-моему, ни одно из них не заслужено. *Кровавый тиран, мастер психологической борьбы*, чего только ему не приписывают. На самом деле старший генерал Тан Шве — лидер отнюдь не харизматического типа, постоянно решающий сложнейшую задачу удержания власти и поддержания внутренней сплоченности бирманского генералитета. Выборы — одно из средств, с помощью которых он эту задачу решает.

А. М. КУДРЯШОВ (Третий департамент Азии МИД России): Вооруженные силы Мьянмы действительно позиционируют себя вовне как сплоченный цех и структура, но на самом деле внутри происходят совершенно разные процессы. Существуют трения, существуют противоречия. Одно дело генералитет, который получает те самые доходы или часть доходов от экспорта энергоносителей и всего остального. Совсем другое — простые офицеры, несущие ежедневную службу. Их большинство. И когда Тан Шве отдал те 25% мест, которые отныне положены армии в законодательных структурах (как в союзном парламенте, так и в законодательных собраниях провинциального уровня) главным образом майорам и капитанам, это сняло часть внутренних противоречий в армии. В этой квоте фигурирует лишь один генерал и два полковника, а всего там около 400 человек.

Второй момент. Действительно, между Тан Шве и его заместителем по государственной части и вооруженным силам, вице-старшим генералом Маунг Эем существуют трения, но существует и договоренность эти трения вовне не выносить. Потому что генералы понимают: если эти трения будут вынесены вовне, это будет элемент слабости, и тем самым они создадут угрозу себе, своему режиму и своему благополучию.

Третье. Понятно, что и генеральская среда не однородна. Вспомните эпизод с арестом генерала Кхин Ньюта. На Западе в нем видели прогрессивно мыслящего человека, входящего в круг высших руководителей. Когда он стал противопоставлять себя и свои интересы остальной верхушке, начался политический конфликт, и было принято решение убрать его с политической арены. С тех пор он тихо сидит

под домашним арестом, и никто про него не вспоминает. Но не забыта важность диалога с нацменьшинствами, который вел Кхин Ньют, и характерно, что этот диалог сейчас пытаются реанимировать, продолжить поиск формулы примирения с вооруженными формированиями, которые есть у нацменьшинств.

Наконец, по поводу преемственности власти. В Мьянме нет соответствующей традиции, но сейчас, скорее всего, будут пробовать китайскую модель, когда к власти приводят политиков второго эшелона, преданных нынешним первым лицам — таких, например, как бывший начальник генерального штаба Тура Шве Ман. Сами же первые лица, скорее всего, отойдут за кулисы политической жизни, но продолжают оттуда на нее влиять. И вот эти механизмы влияния сейчас, по-видимому, отрабатываются.

РОЛЬ МЬЯНМЫ В РЕГИОНЕ

К. А. ЕФРЕМОВА (кафедра востоковедения МГИМО (У) МИД России): Мне бы хотелось сразу поддержать два тезиса, выдвинутые коллегами. Основные проблемы, стоящие сейчас перед страной, — это национальное строительство и преемственность власти. Именно эти проблемы определяют ситуацию вокруг Мьянмы в регионе. Проблема национального строительства преследует ее с момента основания независимого государства в 1948 г. И эта же проблема является одним из основных раздражителей в отношениях Мьянмы с соседними государствами, в том числе с сопредельными Таиландом, Китаем и Индией.

При этом Мьянме уделяется недостаточно внимания с учетом ее колоссальной значимости для региона. Это не просто вторая по величине страна ЮВА с большим населением и значительными природными ресурсами. Это и своего рода континентальный мост между тремя регионами — Юго-Восточной, Южной и Восточной Азией. В последние 20 лет, вопреки множеству противопоказаний, там активно развивается приграничная торговля, реализуются крупные инфраструктурные проекты с участием Китая и Индии, строятся горные шоссе, трубопроводы, нефтепроводы и т. д.

Исключительную важность имеет геостратегическое положение Мьянмы. Присутствие там позволяет Китаю гарантировать не только свои экономические интересы (в частности бесперебойные поставки нефти из Персидского залива и Северной Африки). Тесное сотрудничество с мьянманскими военными (в частности в области радиолокации) открывает Китаю возможность контроля над ситуацией в Бенгальском заливе и мягкого сдерживания Индии, что, безусловно, не может не тревожить последнюю. Таким образом, Мьянма оказывается на острие противоречий, разделяющих две крупнейшие азиатские державы. И от нее, парадоксальным образом, в немалой степени зависит, как будут решаться эти противоречия — через конфликт или в духе компромисса и сотрудничества.

Суть дела в том, что Мьянма — типичное *буферное государство*, расположенное между двумя державами-гигантами и вынужденное реагировать на инициативы, исходящие от них. И у нас, и за рубежом сближение Бирмы с Китаем, начавшееся в конце 1980-х гг., считалось следствием высокой заинтересованности бирманской стороны. Такие представления во многом иллюзорны. На мой взгляд, сближение тогда еще Бирмы с Китаем было обусловлено скорее той жесткой позицией, которую заняла Индия в связи с подавлением восстания 8 августа 1988 г. в Бирме. Известно, что Раджив Ганди был другом детства Аун Сан Су Чжи, они вместе воспитывались, когда мать Су Чжи была послом Бирмы в Индии. Жесткая реакция, которая последовала со стороны Индии на подавление этого восстания, в какой-то степени вынудила Госсовет, пришедший к власти в сентябре 1988 г., позитивно откликнуться на китайские инициативы. И, конечно, та зависимость от Китая, которая наблюдается сегодня, довольно сильно тяготит руководство Мьянмы. Отсюда

и стремление нормализовать отношения с Индией. Оно особенно заметно после опалы прокитайски настроенного Кхин Ньюна.

В свете этих проблем и надо рассматривать сближение Мьянмы с АСЕАН, а затем и ее вступление в Ассоциацию. Известно, что страны АСЕАН придерживаются принципа нейтральности и региональной сопротивляемости, т. е. пытаются уравновесить интересы внерегиональных держав, каждая из которых намного мощнее, чем эти государства взятые по отдельности. Благодаря подобной позиции странам АСЕАН отчасти удается поддерживать баланс сил в регионе. С точки зрения АСЕАН, задачи вовлечения Бирмы в их круг определялись этой потребностью сохранять региональное равновесие, в частности, между Индией и Китаем.

Несколько слов о ливийском сценарии. На мой взгляд, такой сценарий маловероятен, хотя параллели как будто напрашиваются. Все-таки Мьянма — не страна, где голодное население, пострадавшее от 20-летних санкций, было бы готово, опираясь на поддержку из-за рубежа, свергнуть собственное правительство при первом удобном случае. Мне кажется, это совсем не тот вариант. Китай с его геостратегическими интересами просто не позволит такой ситуации сложиться. Слишком много денег вложено, слишком много зависит от Мьянмы с точки зрения обеспечения национальной безопасности Китая, включая ее энергетическую составляющую. И потом, вести войну в джунглях с подготовленной армией, с одной из сильнейших армий в регионе, закаленной десятилетиями пограничных войн — задача не из простых. И дело, наверное, даже не во вьетнамском синдроме, а в том, что потенциальные агрессоры вряд ли захотят обострять ситуацию, которая может иметь глобальные последствия.

В. Ф. УРЛЯПОВ: Хотел бы напомнить историю принятия Мьянмы в состав АСЕАН. Это был 1997 г., когда разразился азиатский валютно-финансовый кризис. Как раз накануне этого кризиса в торжественной обстановке Мьянму приняли в АСЕАН в новой малайзийской столице Путраджае, при участии тогдашнего премьера Малайзии Махатхира Мохамада. Надо сказать, что Мьянма практически безболезненно, без проблем вошла в состав этой организации. Сомнения испытывали разве что Филиппины — у них были какие-то соображения по поводу нарушения демократических прав и свобод. Все остальные были настроены вполне лояльно, в том числе и такая демократическая страна, как Сингапур. Он, к слову сказать, поставлял военному режиму противопехотные мины. Но главным спонсором выступала Малайзия. Мотивировка была двойная. *Во-первых*, полагалось создать группировку стран, охватывающую весь регион, создать как бы единую семью народов ЮВА и тем самым воплотить в жизнь идеи, завещанные отцами-основателями современных независимых государств. *Во-вторых*, созрело намерение использовать расширение АСЕАН в чисто прагматических, утилитарных целях: и в Куала-Лумпуре, и в Сингапуре смотрели на четверку стран Индокитая как на новый перспективный рынок сбыта. Считали, что надо ковать железо пока горячо, не обращая внимания на то, что эти режимы являются коммунистическими или, применительно к Мьянме, нейтральными. Главное, надо было застолбить позиции на севере Индокитая, в стратегически важном районе, прилегающем и к Китаю, и к Индии.

Конечно, прием Мьянмы принес АСЕАН и головную боль, которая не проходит до сих пор. Какие только средства уже не испробованы для лечения этого недуга. Выдвигались в разных вариантах концепции *конструктивной интервенции*. Однако в АСЕАН не нашлось достаточно активных и последовательных сторонников этих концепций. Более того, новые члены Ассоциации, и прежде всего Вьетнам, выступили категорически против них, что нашло свое отражение в новом уставе АСЕАН. Не принесла ощутимых плодов и установка на постепенное смягчение режима через тесное взаимодействие с ним, с учетом того, что формальное согласие на либеральные реформы военный режим все же дал. Как бы ни хотелось партнерам по АСЕАН подтолкнуть эти реформы, они прекрасно знали специфику этого

режима, азиатскую специфику, и не решались форсировать соответствующие процессы. Тем более что не в традициях АСЕАН поощрять стремления к каким бы то ни было радикальным реформам.

Надо сказать, что на тесное взаимодействие с Мьянмой ориентировались многие страны региона, особенно Малайзия при Махатхире. Он ездил к мьянманским генералам, уговаривал, пытался встретиться с Су Чжи. Ему было отказано, он обиделся и даже заявил, что есть даже возможность исключить Мьянму из АСЕАН. Но это было сделано на публику, и ничего подобного Махатхир впоследствии уже не говорил.

Интересный эксперимент был проведен в малазийском парламенте. После того как Махатхир заявил, что генералов можно изгнать из состава АСЕАН, тут же была создана группа депутатов парламента и от правящей коалиции и от оппозиции, которая подняла вопрос о защите прав человека в Мьянме. Они пошумели, пошумели и быстро успокоились. Что-то подобное было организовано и в филиппинском парламенте. Но все это было нужно, чтобы продемонстрировать Западу — США и ЕС как наиболее ярким сторонникам санкций против Мьянмы — что и в странах АСЕАН, и, конкретно, в Малайзии, видят эту проблему, откликаются на нее, не мешают народным избранникам и местной общественности выражать отношение к ней.

С другой стороны, обсуждая проблему Мьянмы с теми же американцами, представители АСЕАН стояли на том, что скоропалительные реформы в Мьянме будут контрпродуктивными. Западу объясняли, что своей позицией он сам толкает страну в китайские объятия. И если уж американцам не нравится рост военного, политического и экономического могущества Китая в АТР, то и политику в отношении Мьянмы надо бы подправить. По всей видимости, администрация Обамы прислушалась к мнению партнеров по АСЕАН. Не так давно в Мьянме побывал заместитель госсекретаря США по делам Азии и Тихого океана, встретившийся с высшими военными (в том числе и со старшим генералом Тан Шве).

7 ноября прошли выборы. Вы, наверное, знаете, как Барак Обама и Хиллари Клинтон отреагировали на них — назвали голосование фарсом, заявили, что генералы обманули народ на глазах у всего человечества. Но тут же возвысил голос представитель Вьетнама — страны, председательствовавшей в 2010 г. в АСЕАН. Он заявил, что АСЕАН приветствует выборы как новый шаг в выполнении *дорожной карты*, составленной ради продвижения народа Мьянмы к демократии.

Опять между Западом и АСЕАН не получается общей, согласованной позиции. Время покажет, как будут развиваться события. Но мне кажется, что на ближайшую перспективу отношение стран АСЕАН к проблеме Мьянмы в корне не изменится. Страны АСЕАН будут продолжать прежнюю политику, тем более что наблюдается определенное перерождение правящей военной верхушки в финансово-экономическую олигархию. Военные сняли мундиры и переоделись в костюмы банкиров, предпринимателей, биржевых дельцов. Это тот самый путь, к которому страны АСЕАН всегда подталкивали Мьянму. Вопрос в том, как быстро будут идти соответствующие процессы.

Н. П. МАЛЕТИН (кафедра востоковедения МГИМО (У) МИД России): Мьянманский вопрос — это одновременно и внутриасеановский вопрос, и вопрос взаимоотношений АСЕАН со странами Запада, с Китаем, вопрос отношений между Китаем и Западом. Одним словом, исключительно многогранный вопрос. Упор в его рассмотрении переносится то на одни, то на другие аспекты. Если брать саму историю приема Мьянмы в АСЕАН, то надо подчеркнуть роль таких стран, как Индонезия и Малайзия, поскольку их лидеры заявляли, что к концу XX в. все страны ЮВА должны быть членами АСЕАН. Для них это был вопрос престижа, вопрос программы. Вполне естественно, что в этом случае страны АСЕАН сознательно абстрагировались от мнений США и Запада в целом.

С другой стороны, что было делать странам АСЕАН летом 1997 г., когда из-за внутривосточного кризиса в Камбодже пришлось откладывать ее прием? Откажитесь в этой ситуации принимать еще и Мьянму, и кого останется принимать? Один Лаос. С учетом этих обстоятельств, прием Мьянмы в АСЕАН именно в тот момент был компромиссом. Да и американцы через Мадлен Олбрайт все же дали добро, имея в виду, что страны АСЕАН, приняв Мьянму в состав организации, вплотную займутся ее перевоспитанием. А те обещали, что поработают в этом направлении, хотя прекрасно понимали, что вряд ли это получится. Ведь энергичное вмешательство во внутренние дела одного из членов не просто противоречило принципам Ассоциации, но грозило обострениями двусторонних противоречий между другими членами АСЕАН.

Естественно, в этих условиях страны АСЕАН надеялись, что давление со стороны Запада в какой-то степени ослабнет. На практике все получилось иначе. Проблема Мьянмы постоянно вызывала трения между Соединенными Штатами и странами АСЕАН. Можно было бы сказать, что с задачей перевоспитания Мьянмы они не справились. Но мне кажется, что они такой великой задачи себе и не ставили. Да и Мьянма имеет возможность противиться перевоспитанию, опираясь на Китай и китайскую поддержку. Это создает проблему в отношениях Мьянмы с другими странами АСЕАН, поскольку там сейчас — наиболее осязаемая точка китайского присутствия в ЮВА. Если говорить о том, могут ли сами страны АСЕАН усилить давление на Мьянму (как, например, поступили по отношению к Ливии некоторые арабские и африканские страны), то это, пожалуй, нереально. Угроза исключения Мьянмы из АСЕАН — прежде всего средство пропагандистского давления на нее.

Ю. А. ДУБИНИН (кафедра международных отношений и внешней политики России МГИМО (У) МИД России): В последнее время в рамках такого форума, как Азиатско-тихоокеанский совет сотрудничества по безопасности (АТССБ) наши филиппинские коллеги ставят вопрос о необходимости внесения в повестку дня понятия *responsibility to protect* — обязанности защищать гуманитарные права населения. Воплощение этого принципа в жизнь мы наблюдаем сегодня на ливийской сцене. В связи с этим такой вопрос: с одной стороны, есть АСЕАН с ее принципами невмешательства, с другой стороны — АТССБ, обсуждающий такие вот идеи. Как все это может повлиять на ситуацию в самой АСЕАН, на ситуацию вокруг Мьянмы?

К. А. ЕФРЕМОВА: Н.П. Малетин сказал, что АСЕАН не добилась результатов в перевоспитании Мьянмы, да и не настаивала на таких результатах. Что это была скорее дань западному давлению, желанию понравится США и ЕС, своим крупнейшим торговым партнерам, чем внутренняя потребность самой Ассоциации.

Но ведь идея перевоспитания Мьянмы, идея гуманитарного вмешательства, все разговоры о национальном примирении, которые ведутся в рамках АСЕАН уже полтора десятилетия, все эти побуждения генералитета к диалогу с оппозицией в лице Аун Сан Су Чжи, с различными этническими группировками — все они имеют и существенный внутренний момент. Дело в том, что проекты, о которых мы говорили — по добыче углеводородов, по строительству электростанций и т.д. — реализуются в тех самых проблемных районах, которые населены нацменьшинствами, многие годы ведущими вооруженную борьбу. И те, кто вкладывает деньги в эти проекты, хотели бы, чтобы правительство Мьянмы обеспечивало политическую стабильность в этих районах. Чтобы повстанцы не взрывали нефтепроводы, чтобы не возникало даже предлога для вмешательства третьих стран, которых обделили при раздаче местного пирога. Ведь были вынуждены уйти и *Юнокал*, и *Тоталь*, и многие другие западные компании, после того как эмигрантское мьянманское лобби в США и странах Европы стало оказывать давление на эти правительства с тем, чтобы они распространили режим санкций не только на генералов, но и на корпорации, сотрудничающие с ними. Потом, кстати, все эти позиции

перешли тем же тайландцам, малазийцам, индийцам, корейцам, китайцам и т. д., которых вначале там не было.

Задача стабилизировать ситуацию, добиться национального примирения, гарантировать безопасность своих инвестиций осознается в АСЕАН очень хорошо (хотя, возможно, и не афишируется). Призывы к национальному примирению и соблюдению прав человека надо воспринимать, в том числе, и в этом ключе.

И еще один момент. Уже затрагивалась проблема дисбаланса в распределении тех средств, которые национальная экономика теоретически должна бы получать от экспорта природных ресурсов. Дело в том, что, с одной стороны, Мьянма представляет собой потенциально достаточно большой рынок. С другой стороны, существует возможность переносить туда производства по модели *гусиной стаи*, как в свое время сделала Япония со странами АСЕАН, и как сейчас, наверное, хотели бы делать сами страны АСЕАН в отношении Мьянмы и стран Индокитая, в силу дешевизны рабочей силы и по другим соображениям. А для этого нужно развивать внутренний рынок, нужно бороться с бедностью, нужно что-то отдавать народу. В Китае это хорошо поняли, во Вьетнаме поняли, а в Мьянме этого, получается, не нужно, генералов и так все устраивает, у них нет мотивации. И для того чтобы как-то эту ситуацию сдвинуть с мертвой точки, АСЕАН приходится какие-то шаги предпринимать.

А вот что касается тезиса Николая Павловича относительно того, что АСЕАН ничего не добились, хочу возразить. На самом деле они добились очень многого. Сама идея *дорожной карты*, которую в августе 2003 г. выдвинул Кхин Ньун, была, по сути, ответом на непрерывное мягкое давление со стороны АСЕАН на протяжении 5–6 лет. Вспомним, что национальная конвенция, которую в 1993 г. собрали, а в 1996 г. распустили, никакого проекта конституции не выдвинула. И с 1996 г. правительство прекрасно себя чувствовало без конституции, и никакого желания созывать конвенцию вторично не возникало. Я считаю, это заслуга АСЕАН, что мы сейчас видим в Мьянме условно гражданское, конституционное правительство, видим парламент и некие атрибуты демократии. Не исключаю, что в будущем страны АСЕАН добьются и большего, ибо мотивация у них есть.

Д. В. МОСЯКОВ (Институт востоковедения РАН): Буквально несколько комментариев с учетом того фактора Китая, о котором никак нельзя забывать.

Мьянма — поистине уникальное полиэтничное государство. Вопрос о том, насколько центральная власть способна контролировать все происходящее на территории в 648 тыс. км², исключительно важен, особенно применительно к ситуации на границе с Китаем. Судя по сообщениям очевидцев, контроль над ней командование вооруженных сил Мьянмы фактически потеряло. Через границу идет мощный поток контрабанды. Местное население фактически торгует не на джа, а на юани, влияние китайцев огромно. После ослабления прокитайской группы в руководстве Мьянмы была развернута большая военная кампания, и войска попытались вновь взять границу под контроль. В ответ заместитель начальника китайского Генштаба приехал на границу с Мьянмой и потребовал немедленно прекратить все эти операции под тем предлогом, что на китайскую территорию двинулись беженцы.

Другой очень важный вопрос. Мы говорили о том, какие деньги Мьянма получает от экспорта газа. Но мы совершенно не говорили о роли и влиянии китайских кредитов, выручающих Мьянму в критические моменты. Именно эти кредиты, несмотря на всю сложность двусторонних отношений, позволили Китаю добиться соглашения по поводу газового месторождения с Тан Шве, по поводу газопроводов и нефтепроводов. Ведь те трубопроводы, которые скоро пересекут Мьянму, строят в основном китайцы. И когда руководство страны увидело, какие преференции получает Китай в плане выхода в Бенгальский залив, а также перекачки нефти и газа в Юннань, минуя Малаккский пролив, это их очень насторожило.

И смена, произошедшая в мьянманском руководстве, в значительной степени была связана с китайским фактором. Тем более что сохраняют свою силу и уроки истории: в Мьянме не забывают, что было со страной, когда монголы практически ее завоевали.

Сегодня для Китая экспансия в направлении Мьянмы — это предприятие не странового, а совсем другого уровня. Фактически речь идет о расширении поля геополитического влияния. В АСЕАН, которая реально сталкивается с китайскими притязаниями по Южно-Китайскому морю (если не по всей границе ЮВА и Китая), это ощущается как реальная угроза. И с этой точки зрения Мьянма сегодня — не просто буфер, эта страна становится ключевой с точки зрения китайской экспансии в южном направлении. Поэтому Индия так меняет свою позицию, смотрит на политическую ситуацию без нарочитого формализма, понимает реальную роль армии как социальной организации, роль военных как людей, вышедших в основном из крестьян, из бедноты. Людей, объединенных социальным происхождением, приобщением к военному делу и боевым опытом. Это не просто армия, которая берет власть путем военного переворота, принимает конституцию, потом передает дела гражданским. Это особый социальный институт в особой стране, которой бросают вызовы серьезные внешние силы.

Только учитывая все это в комплексе, можно понять, почему страны АСЕАН защищают мьянманский режим, говорят, что это член их семьи, что в семье бывают хорошие дети, бывают плохие дети. И они всячески поддерживают именно те силы в Мьянме, которые выступают за интеграцию в рамках АСЕАН, за укрепление самостоятельности своей страны и за удержание китайской экспансии на рубежах Мьянмы.

ИНТЕРЕСЫ РОССИИ В МЬЯНМЕ

Г. А. ИВАШЕНЦОВ (Российский центр исследований АТЭС): Думаю, что проведение сегодняшнего совещания по Мьянме — очень важный шаг. Все последние десятилетия мы как-то Мьянму игнорировали, относились к ней как к малой стране, находящейся где-то на периферии наших интересов. Ведь даже в МИДе одно и то же подразделение занимается и Мьянмой, и Лаосом, и Камбоджей. А ведь ни Лаос, ни Камбоджу не сравнить с Мьянмой по значению и потенциалу. Когда я 10 лет назад покидал Мьянму, она по географическим и демографическим параметрам соответствовала Украине: там было 50 млн населения, территории примерно 650 тыс. км². Можно ли сказать, что Украина — это малое государство Европы? Нет. Сейчас в Мьянме 60 млн населения. Это крупное государство, способное оказывать влияние на ход международных дел.

Мы уже говорили о природных богатствах Мьянмы, о ее геостратегическом положении. Но у Мьянмы есть еще два плюса, способных вывести эту страну на авансцену АСЕАН, когда будут сняты экономические санкции. В Мьянме один из самых высоких уровней грамотности по АСЕАН. По данным ООН, он приближается к 90%, согласно внутренней статистике он — где-то на уровне 96%. И там гораздо более высокий уровень знания английского языка, чем в том же Таиланде или Вьетнаме, или даже в Индонезии. Мьянма с ее богатствами и людским потенциалом способна на резкий рывок вперед.

Позволю себе прокомментировать то, что было сказано прежде. Я очень хотел бы поддержать предыдущего выступающего о факторе Китая. Это чрезвычайно важный фактор, и мы должны постоянно этому уделять внимание. Почему произошло сближение Мьянмы и Китая в конце 1980-х гг.? Мьянманцы ведь не любят китайцев, даже не выносят их, над ними всегда нависала *китайская глыба*. Если говорить о бизнесе, то еще в колониальную эпоху китайцы были теми самыми мелкими оптовыми торговцами, которые эксплуатировали бирманцев. В общем, даже на таком бытовом уровне неприязнь есть.

Так почему же эти страны сблизились? Потому что в Мьянме произошло восстание 1988 г., а в Китае был Тяньаньмэнь в 1989 г. Обе страны оказались изгоями, и они объективно потянулись друг к другу.

Почему в 1988 г. Запад так отрицательно воспринял Мьянму — еще до выборов 1990 г. и ареста Су Чжи? Те выборы, кстати, были ошибкой военного режима, он тогда, что называется, подставился. Но сейчас вопрос в другом. В 1988 г. произошла смена поколений в армии. Генералы были сметены волной народного возмущения, потому что они довели страну до разорения: в богатейшей стране хозяйственное мыло выдавалось по карточкам. Пришли подполковники и майоры, новое поколение военных. Это были люди, настроенные патриотически, выступившие под антисоциалистическими лозунгами, потому что у Не Вина была партия бирманского социализма, бирманской социалистической программы. И этими подполковниками в 1988 г. очень заинтересовались американцы, потому что в те же годы США собирались уходить из Таиланда и с Филиппин, и им был нужен какой-то новый плацдарм в ЮВА. Они рассчитывали взять его в Мьянме, но майоры и подполковники им отказали. В ответ США начали давить на режим, эпизод же с выборами использовали уже потом как повод для последующих кампаний.

Нам важно помнить и о том, почему военный режим вообще появился в Бирме в 1962 г. Ведь с 1948 по 1958 г. Бирма была демократическим государством. Проблема была в этнических меньшинствах. Англичане, уходя из Бирмы в 1948 г., оставили этнический вопрос нерешенным. Они сказали каренам, шанам, чинам: «Подождите 10 лет, потом мы вернемся». И как раз с 1958 г. начались все эти этнические выступления и мятежи, которые в значительной степени инспирировались из-за рубежа. Вспомним истории о дивизиях гоминьдановцев, пришедших из Китая и окопавшихся на севере, в Качинской области. Тогда демократ У Ну был вынужден обратиться к Не Вину, своему министру обороны, чтобы тот помог подавить эти восстания. Не Вин подавлял 4 года, потом сказал: «Зачем таскать каштаны из огня для штатских, я лучше сам буду править».

В 1988 г. в руководстве вооруженных сил произошла смена поколений. Такая же смена происходит сейчас. Недавние выборы во многом означают ломку существовавшего прежде режима. И не так важно, кто пришел — военные или невоенные, важно то, что пришли люди нового поколения. Можно искать тут параллели с Индонезией, но почему не сослаться и на пример Южной Кореи? Там военные тоже когда-то пришли к власти, начали все экономические реформы и вывели так свою страну в авангард экономического прогресса. Сейчас важно, что пришли новые люди, которые видят, как живут их соседи. И хотят сами жить примерно так же.

Мы тут упрекали руководство Мьянмы в том, что ее населению ничего не достается от экспорта углеводородов. Но ведь, помимо Казахстана и Азербайджана, есть еще одна страна, где население, социальные программы и отечественная промышленность не особенно выиграли от огромных нефтегазовых доходов. А мьянманцы, по крайней мере, строят новую столицу и дороги к ней, посылают своих молодых людей учиться за границу. Я еще скажу о мьянманских студентах, которые прошли обучение в России — они все учились на коммерческой основе, за каждого из них платили от 2 до 5 тыс. долл. в год. Других своих студентов они посылают в Японию, Австралию, Сингапур — и тоже за наличный расчет.

Хотя сам Тан Шве получил образование в сержантской школе, человек он достаточно мудрый. Посмотрите, как он продумал схему отхода армии от прямого руководства страной. На гражданское направление поставлены *старейшие и уже потому главные* в мьянманских понятиях о социальном статусе представители прежнего аппарата: президентом сделан Тейн Сейн (который был премьер-министром при Госсовете мира и развития), одним из его вице-президентов — Тиха Тура Тин Аунг Мьинт У (первый секретарь Госсовета), спикером нижней палаты парламента —

Тура Шве Ман (член Госсовета и начальник генштаба), председателем избиркома — Тин Эй (член Госсовета).

В этой структуре новые главком, министр обороны и прочие военачальники занимают формально подчиненное положение относительно теперешних формально гражданских руководителей и не должны *подминать* под себя новую структуру власти. Каково будущее самого Тан Шве и Маунг Эя? Возможно, они займут такое положение, какое было у Дэн Сяопина после официального ухода с партийно-государственных постов.

С переходом к гражданской форме правления укореняются принципы более открытой рыночной экономики. Мьянманское правительство проводит целенаправленную линию на приватизацию госпредприятий (в 2010–2011 гг. приватизировано 600 объектов, в том числе 250 АЗС по всей стране). Это большой шаг. Идет развитие малого бизнеса. В январе 2011 г. принят Закон о специальных экономических зонах.

Что все эти перемены в Мьянме означают для России? Мьянма для нас — важный перспективный партнер. История наших двусторонних отношений насчитывает пять с половиной десятилетий. И это хорошие отношения. С Мьянмой у нас никогда не было никаких конфликтов и споров. И последние 20 лет наша страна сохраняет за собой статус фактически второго после Китая внешнеполитического партнера Мьянмы.

Я приехал в Янгон в качестве посла России в 1997 г., и мне было непросто начинать там работу, потому что у нас в некоторых структурах еще бытовало мнение: там, мол, права человека нарушаются, не стоит там особую активность проявлять. Я с западными коллегами разговаривал на темы прав человека в Мьянме. Воздерживались ли западные партнеры от какого-либо развития отношений с этой страной? Да, внешне вроде бы воздерживались, но разработку газовых месторождений в Мьянме начинала *Тоталь*, и газопровод в Таиланд строил *Юнокал*, и в этом строительстве участвовал *Халлибёртон* — та самая фирма, в которой сидел будущий вице-президент Чейни. Прекрасно они там работали.

В 1999 г., когда мы продали Мьянме *МИГи* и пошли разговоры о возможном нашем участии в строительстве атомного исследовательского центра, ко мне является французский посол, с которым мы были в отличных отношениях, и говорит: «Как-то нехорошо получается, они ведь вам будут платить за все за это». Я говорю: «Естественно, мы никаких кредитов не даем». «Да, но ведь ты понимаешь, у них-то доходы от газа, а газ добывает *Тоталь*, и у французского общественного мнения могут быть вопросы». «Ну конечно, если бы правительство Мьянмы купило не *МИГи*, а *Миражи*, и переговоры об этом атомном реакторе вел не *Росатом*, а *Франатом*, то у французского общественного мнения вопросов бы не было».

Были там и немцы, и итальянцы. Про японцев и южнокорейцев, которые там все время были, есть и активно действуют, уже молчу. О многом говорят и штаты западных посольств. Мы — второй после Китая партнер Мьянмы, но по численности дипломатического персонала были отнюдь не среди первых, а на шестом или седьмом месте. Больше всего людей с диппаспортами было в посольстве США — 46 человек в 1997 г., а у нас всего 10. Причем в посольстве США не было посла, у них сидел временный поверенный. В английском посольстве было иначе: там было 5 дипломатов, но рядом с ними сидели 36 мьянманцев. Они работали по 20 с лишним лет и вели все то, что в МИДе называется информационно-справочной работой — писали обзоры печати, занимались аналитикой и т. п.

Теперь по поводу нарушений прав человека и, в частности, заключенных под стражу. Эта тема возникала в разговорах с французским послом, с американским поверенным. Население страны — 51 млн человек, сколько народу сидит в лагерях и тюрьмах, сколько среди них уголовников и сколько политических? Тогда говорили, что политических не более 800 на 51 млн населения. Всего же сидела 51 тыс.

человек, т.е. 0,1% всех жителей. Я спрашивал, каков удельный вес заключенных в США от всего населения. Слышал в ответ, что у них содержится в тюрьмах более 1,5% населения страны. Значит ли это, что там тоже права человека нарушаются? Не исключено, если сидит столько народу.

Все это очень не однозначно. На темы всех этих нарушений со стороны вооруженных сил в районах, населенных меньшинствами, вещал некий *Демократический голос Бирмы*, вещал из Норвегии. Потом все это перепечатывалось в Таиланде, в газете *Бангкок Пост*, а дальше широко распространялось по миру агентством *Reuters*, *Голосом Америки* и т.д.

Что касается наших отношений с Мьянмой, то сейчас основной, наиболее развитой сферой сотрудничества является ВТС. С 1999 г. в Мьянму поставляются российские самолеты, в том числе *МИГ-29*, вертолеты, другая боевая техника. Цифры я не могу называть, но это хорошие контракты для российской самолетостроительной корпорации *МИГ*. И наши самолеты имеют там хорошую репутацию. Вся эта техника поставляется за наличный расчет, не в кредит. Конкретные деньги поступают конкретным предприятиям, позволяя нам поддерживать собственное производство.

Но есть еще более важный факт, на который я хотел бы обратить внимание. С 1999 г. мы начали принимать в России мьянманских студентов. В Мьянме очень интересная ситуация с высшим образованием. Там в свое время еще Н.С. Хрущев заложил Янгонский политехнический институт, сделали его на базе МГТУ. Но борьба за права человека постоянно создавала там проблемы, он по полгода и больше простаивал. Тогда военные создали сеть чего-то вроде военных техникумов. Молодых людей, принявших присягу, направляют на 3 года в техникумы, где они получают базовое образование. Потом их направляют на учебу за границу, причем побег для них — не вариант, ибо отвечать за это им придется как военнослужащим.

И вот более тысячи таких ребят прибыло к нам. Был один год, когда мьянманских студентов у нас было больше, чем вьетнамских. Причем учились они не в Университете дружбы народов на экономическом факультете. Они учились в МИФИ, МЭИ, МАИ, Горном институте, Институте стали и сплавов, МГТУ. Фактически за последние 10 лет мы внесли заметный вклад в воспитание нового поколения мьянманской научно-технической интеллигенции, хорошо знакомого с российскими технологическими и научными стандартами и, что очень важно, владеющего русским языком. Местные инженеры, выпускники престижнейших российских вузов, владеющие русским языком, — чем не опора в деле нашего дальнейшего продвижения в Мьянму?

К сожалению, в сфере торгово-экономического сотрудничества дела обстоят не лучшим образом. Объем двусторонней торговли за 2010 г. (без учета специмущества) едва превысил 50 млн долл.

Главное достижение последнего времени — подписание в декабре 2010 г. рамочного соглашения о сооружении силами московских метростроителей первой очереди метрополитена в Нейпидо и контракта на оказание технического содействия при проведении геологоразведочных работ. Сейчас все зависит от того, как поведет себя российская сторона. Руководство Метростроя сменилось, заниматься этим вопросом будут новые люди, но вопрос интересный. Ведь это — реальные деньги и реальная работа.

Интерес к мьянманскому рынку проявляют такие компании, как ЗАО НК *Группа компаний Нобель Ойл*, ООО *Ви Холдинг*, ЗАО *ВК КАМАЗ*, ГП *ВО Челябинский тракторный завод*. Но пока, кроме *Нобеля*, ни одна структура не может похвастаться заметными практическими достижениями.

В октябре 2010 г. от мьянманцев был получен большой список приоритетных проектов для российских инвесторов. Однако подходы российских госструктур пока не внушают особого оптимизма.

Особенно бледно выглядит российский бизнес в Мьянме на фоне активности китайских, тайландских, индийских предпринимателей. Те не ждут особых приглашений, а сами изучают возможности и потребности местного рынка, включаются в реализацию масштабных проектов, будь то гидроэнергетика, инфраструктура или добыча углеводородов и других полезных ископаемых. Да и западные компании, несмотря на действующие в отношении Мьянмы санкции, самым внимательным образом следят за положением на ее рынке, готовясь *ринуться* туда в случае самых незначительных послаблений.

Есть в наших двусторонних отношениях и неприятные моменты. Уже 4 года буксует запуск чугуноплавильного комбината сооружаемого силами ГП ВО *Тяжпром-экспорт* в Шанской национальной области. Не выполняют свои обязательства некоторые другие российские подрядчики. Это негативно сказывается на общем впечатлении о наших возможностях.

Не развивается договорно-правовая база. Все еще не подписаны такие документы, как межправительственное соглашение о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании и ученых степенях (что было бы для нас крайне важно), межправительственный меморандум о взаимопонимании относительно сотрудничества в борьбе с терроризмом. То же касается целого ряда документов экономической направленности, имеющих отношение к инвестиционному сотрудничеству, проблеме двойного налогообложения и т. д.

Недавняя смена режима должна послужить для нас, правительственных органов, поводом для каких-то жестов в сторону Мьянмы. Нужно работать над визитами. В 2000 г. к нам приезжал министр иностранных дел Мьянмы, с тех пор подобных визитов не было. С нашей стороны туда вообще никто не ездил на уровне министра. Поскольку сейчас у них появился парламент, было бы очень важно направить в Мьянму делегацию Государственной Думы. По итогам визита парламентарии России могли бы напомнить нашим экономическим министерствам и ведомствам об основных задачах сотрудничества с Мьянмой.

А. М. КУДРЯШОВ: После эмоционального и содержательного выступления Глеба Александровича говорить нелегко. Ведь уже обозначены основные проблемы и вехи нашего сотрудничества. Так или иначе, постараюсь напомнить о некоторых моментах и обозначить проблемы, которые есть в двусторонних отношениях.

Напомню, что дипотношения у нас были установлены в феврале 1948 г. В нынешнем году отмечается 60-я годовщина обмена посольствами (он состоялся через три года после установления дипотношений). По этому случаю нами запланирован ряд мероприятий, на что МИД Мьянмы живо откликнулся.

Пожалуй, за исключением 1950–1960-х гг., наши двусторонние контакты не были особенно активны. Оживление началось с середины 1990-х гг. Развитию связей помогает наработанная договорно-правовая база. Говорилось о том, что она совершенствуется и пополняется не так быстро, как хотелось бы. Хочу заверить, что работа в этом направлении идет. Соглашения, которые сейчас в проработке, безусловно, будут подписаны в ближайшее время.

Существуют механизмы, направленные на развитие отдельных сегментов нашего взаимодействия. Прежде всего есть практика консультаций между МИДами наших стран на уровне заместителей министров. Раунды таких переговоров проводятся практически ежегодно. В прошлом году такой раунд по объективным причинам был пропущен, в этом году пятый раунд должен состояться в Нейпидо.

Существует также механизм российско-мьянманской комиссии по военно-техническому сотрудничеству. Он показал свою эффективность, и работа в этом

формате будет продолжена. Как мы уже слышали, тематика ВТС является центральной в нашем взаимодействии.

Характерная особенность российско-мьянманских отношений — то, что они лишены каких-либо противоречий, застарелых проблем, конфликтности. Это выгодно отличает Мьянму от других стран региона. Скажем, с теми же Лаосом, Камбоджой у нас есть долговые проблемы. Есть они и с Таиландом (с поправкой на то, что тут уже мы должны вернуть Таиланду так называемый *рисовый долг*).

Мьянманское руководство всегда ответственно относилось к своим внешним платежам, всегда исполняло свои контрактные обязательства, независимо от размеров контрактов.

В частности, заметным событием был приезд в Москву в 2006 г. вице-старшего генерала Маунг Эя. Он обсуждал здесь довольно много вопросов, ознакомился с нашими достижениями. После этого, кстати, и был запущен вопрос о метрополитене, к которому я вернусь попозже.

Сегодня, как и прежде, развитию наших отношений способствует совпадение или близость подходов Москвы и Нейпидо к основным проблемам современного мира. Руководство Мьянмы рассматривает Россию как близкого и надежного партнера, ратует за расширение участия нашей страны в делах АТР и укрепления ее позиций на международной арене в целом.

Одна из причин, по которой Запад не прекращает давления на Мьянму — возможность получения из России высокотехнологичной продукции и услуг для нужд обороноспособности и модернизации экономики страны. В Нейпидо по достоинству оценивают наш непредвзятый, последовательный подход к мьянманскому вопросу, что по большому счету является для Мьянмы важной гарантией внешнеполитической самостоятельности. Аида Алексеевна уже привела пример того, как Россия воспользовалась в свое время правом вето в Совете Безопасности ООН. Такой настрой партнеров является немаловажным подспорьем для российской дипломатии не только в самой Мьянме, но и в регионе в целом, позволяет рассматривать это государство как одну из опорных площадок нашей работы в Юго-Восточной Азии.

Вступление России в *АСЕМ* и *ВАС* открывает новые возможности для углубления контактов с Мьянмой, для разработки совместных инициатив. В то же время с Мьянмой как координатором российско-асеановского диалога будет идти работа по реализации договоренностей, достигнутых во время недавнего второго саммита Россия–АСЕАН. Будем обсуждать и мероприятия текущего года, связанные с 15-летием нашего диалогового партнерства с Ассоциацией.

Нынешний год обещает быть урожайным на политические события в Мьянме и вокруг нее. Стране предстоит системное обновление модели политического и государственного устройства. Будем изучать характер этих перемен, принимая во внимание наши национальные интересы, будем выявлять моменты, которые могут негативно сказаться на двусторонних отношениях.

Касаясь внутривнутриполитической ситуации, отмечу, что в Мьянме все-таки имеется некий проблемный потенциал, прежде всего в сфере межнациональных отношений. Еще одна актуальная тема — выстраивание конструктивного диалога между Нейпидо и внутривнутриполитической оппозицией. В связи с этим не могу не упомянуть о встрече нашего посла с Су Чжи, состоявшейся в конце прошлого года. Беседа показала, что у лидера оппозиции нет какого-то целостного представления о путях развития мьянманского общества. Более того, Су Чжи не видит у России какой-либо роли ни в регионе, ни применительно к Мьянме. Это, конечно, вызывает у нас сожаление. Разумеется, наши контакты с оппозицией были взяты на заметку. Но приняты к сведению и наши разъяснения о том, что российская дипломатия работает и встречается с *легальной* оппозицией.

Не исключаю, что по ходу начавшихся перемен в Мьянме могут возникнуть новые точки напряженности — например, между представителями гражданской и военной администрации на местах. Дело в том, что раньше командующий военным округом был одновременно и высшим носителем исполнительной власти в пределах соответствующей территории. Теперь в его ведении — лишь собственно армейские дела, исполнительная власть на местах переходит к главным министрам. Здесь возможны какие-то коллизии, ибо взаимная притирка гражданских и военных руководителей потребует времени.

Понятно, что лидеры, уходящие за кулисы политической жизни (прежде всего Тан Шве и Маунг Эй) заинтересованы в сохранении какого-то статуса и каких-то своих предпочтений. В то же время и восходящие звезды — такие как Тура Шве Ман и другие, кто сейчас рассаживается на ключевые места, — будут заботиться о своих интересах. Полностью обновилось руководство главных управлений, министерств. Министерство обороны — по-прежнему ключевое, в том числе и с точки зрения хозяйственной жизни страны. Будем за этими моментами внимательно наблюдать.

Должен сказать, что, несмотря на отсутствие прямого общения между нашими лидерами, отличительная черта российско-мьянманских отношений — высокий уровень взаимного доверия между первыми лицами государств и доведение всей нужной информации до них по имеющимся дипломатическим каналам. Был случай, и не так давно, когда у руководства Мьянмы появилась мысль наладить отношения с Северной Кореей в обход известной Резолюции № 1874 (2009) Совета Безопасности ООН от 12 июня 2009 г. И именно наши усилия, наши грамотные и корректные разъяснения предотвратили ситуацию, в которой отношение международного сообщества к Мьянме могло бы поменяться кардинальным образом.

Теперь об основных направлениях двустороннего сотрудничества. Наиболее успешным и продвинутым направлением, действительно, является ВТС. Последние два-три года ознаменовались прорывами в этой сфере, масштабными договоренностями по стоимостным объемам и номенклатуре военной продукции для Мьянмы.

Обмены в торгово-экономической области имеют в целом устойчивую динамику, но явно отстают от уровня политического взаимодействия. Преимущества, связанные с особым характером отношений, используются далеко не в полной мере. Ведь руководство Мьянмы не раз высказывалось за предоставление, при определенных условиях, предпочтений компаниям России на мьянманском рынке. К сожалению, этот аванс пока не превратился в нечто большее. По данным Федеральной таможенной службы, двусторонний товарооборот в 2010 г. составил порядка 114 млн долл. На российский экспорт пришлось 99,4 млн долл., на импорт — 14,5 млн долл.

Безусловно, Россия заинтересована в реализации масштабных проектов в Мьянме. Возможно, тот перечень компаний и проектов, который приводил Глеб Александрович, не во всем отвечает представлениям наших профильных министерств об оптимальных путях развития сотрудничества. Отсюда и их достаточно прохладный подход к некоторым предложениям. Но так или иначе работа не прекращается. В частности, *Тяжпромэкспорт* продолжает строить чугунно-плавильный комбинат — предприятие, которое составит основу металлургической отрасли в Мьянме.

Большая тема для дальнейшей совместной разработки — участие *Метростроя* в сооружении метрополитена для новой столицы Мьянмы. В случае реализации это будет высокотехнологичный, многомиллиардный, по-настоящему крупный инвестиционный проект.

Возможно, нам следует плотнее заняться конвертацией положительного опыта, накопленного в сфере ВТС, его распространением на другие области торгово-экономических отношений. Это — тема возможной экспертной дискуссии между профильными министерствами.

Несколько слов о сотрудничестве в области образования, науки, информации и технологии. Общее число мьянманских студентов, обучающихся сейчас в России, превышает 3000 человек, и руководство Мьянмы высоко оценивает качество их подготовки. Готовим соглашение о межвузовском обмене между ИСАА и Янгонским университетом иностранных языков, выходим на договоренности об обмене преподавателями-филологами. Идет работа по линии *Россотрудничества*, связанная с обучением русскому языку.

На обозримую перспективу российский вектор останется для мьянманской дипломатии одним из приоритетных. Такой настрой полностью соответствует ожиданиям России, ее экономическим и политическим интересам. С нашей стороны нужен инициативный, комплексный подход к развитию отношений. Надеюсь, его контуры отчасти намечены по ходу сегодняшней дискуссии.

Д. А. МАЛОВ (Общество дружбы с Республикой Союз Мьянма): Я являюсь вице-президентом Общества дружбы с Республикой Союз Мьянма. Развивать тему экономических отношений с этой страной после всего, что говорили до меня, достаточно сложно. Тем не менее, оглядываясь назад, можно вспомнить, что еще при Николае II ювелирные мастерские России получали из Бирмы немало драгоценных камней. Одна из богатейших коллекций изделий Фаберже собрана в геологическом музее в Янгоне. Я ее видел и был приятно удивлен.

В 1960-х гг. Бирма получала от нас экономическую помощь, причем немалую, сопоставимую по объемам с той, которую до 1965 г. получала Индонезия. И, несмотря на то что позже эти связи ослабли, расплатилась с нами сполна.

Ближе к середине 1990-х гг. снова обозначилась взаимная заинтересованность. Характерным образом, первые контракты касались гражданской техники, в частности вертолетов *МИ-8*, широко использовавшихся в 2007 г. в борьбе с последствиями тайфуна Нার্গিস.

После того как на Мьянму обрушилось это бедствие, туда прибыла наша делегация, обсудившая вопросы оказания помощи. Мы предложили достаточно существенные кредиты, предложили помочь путем передачи полевых госпиталей. Очень активное и быстрое содействие было оказано по линии МЧС. Это произвело надлежащее впечатление на руководителей страны, в том числе на старшего генерала Тан Шве, придало новый импульс двустороннему сотрудничеству, позволило подготовить два важных контракта, предусматривающих новые поставки вертолетов и другой техники.

В 1960-е гг. мы подготовили в СССР порядка 15000 студентов из Бирмы, и это сказалось на отношениях с ней самым положительным образом. Сегодня история в каком-то смысле повторяется. Растущая численность мьянманцев, знающих русский язык и положительно воспринимающих Россию, позволила в прошлом году сформировать наряду с Обществом дружбы Россия–Мьянма аналогичное мьянманско-российское общество. Думаю, это положительным образом скажется на деловом сотрудничестве, приведет к росту числа совместных предприятий, работающих в каждой из наших стран.

Среди крупных проблем, осложняющих его, — практическое отсутствие банковской системы в Мьянме. Процесс ее формирования идет наплывами: ее элементы то возникают, то исчезают, то возникают опять. Тот факт, что недавно возобновилась деятельность ряда коммерческих банков, причем разрешена работа двух иностранных банков, из Сингапура и Вьетнама, позволяет ожидать, что движение

финансовых потоков, обеспечивающих торгово-экономическую деятельность, ускорится.

В целом и наш частный бизнес, и государственные структуры имеют достаточно возможностей для ведения дел в Мьянме. Но соответствующие ниши необходимо занимать, пока этого не сделали китайцы, работающие в этой стране исключительно активно.

А. Е. КИРИЧЕНКО: Благодарю за информацию о том, как Россия себя видит в Мьянме и какие перспективы есть у нас там. Однако те достижения, которые у нас есть, — не повод почитать на лаврах. Да, в сфере ВТС все относительно надежно. Что же касается лояльной нам прослойки научно-технической интеллигенции, посмотрите, сколько выпускников китайских вузов преподают различные дисциплины в технологических университетах Мьянмы и сколько там преподавателей из числа наших выпускников. Соотношение, грубо говоря, 10:1. Процент людей, которые, вернувшись в Мьянму из России, работают по специальности, тоже не так высок, как хотелось бы. Ведь многие возвращаются в армию на строевые должности или вообще увольняются из вооруженных сил.

Некоторые получают образование по тем специальностям, которым в Мьянме просто нет сейчас применения. Возможно, лет через 10 ситуация изменится, но и полученные знания будут ей уже не совсем адекватны.

И еще одинстораживающий момент. Я слышал, что руководство Мьянмы считает: тот задел, который уже имеется в виде группы специалистов, получивших образование в России, вполне достаточен, и теперь можно их силами готовить специалистов уже внутри страны.

Если Россия действительно стремится развивать отношения с Мьянмой, нужно в каких-то случаях буквально лезть из кожи вон, чтобы даже те достижения, которые кажутся безусловными, действительно на нас работали.

В. А. ОРЛОВ: Я для себя сделал несколько пометок. Мне кажется, был очень интересный комментарий Д. В. Мосякова относительно роли Китая в Мьянме и ЮВА. Действительно, поездки по Мьянме показывают: с одной стороны, без тесных отношений с Китаем мьянманцам нельзя, с другой стороны, он вызывает у них серьезные опасения. Именно поэтому в лице России там хотели бы видеть какой-то противовес нарастающему китайскому влиянию. Нам действительно нужны масштабные проекты в Мьянме, нам нужна инициативность в реализации тех возможностей, которые, казалось бы, есть. Думаю, просматривается, как минимум, три частично пересекающихся направления нашей активности: гуманитарное, экономическое и стратегическое.

Конечно, было бы интересно узнать, что делает в Мьянме *Россотрудничество*. Думаю, что Фонд *Русский мир* уже принимает меры к открытию в Мьянме либо своего представительства, либо, как минимум, кабинета русского языка. Со своей стороны ПИР-Центр готов содействовать этим важным начинаниям и восстановлению наших гуманитарных позиций в Мьянме. Имеют же свое культурно-гуманитарное представительство в Мьянме и французы, и англичане, и даже американцы. Конечно, в этом плане обмен студентами — важнейшее и стабилизирующее подспорье.

Что касается наших стратегических взаимоотношений, то, исходя из возрастающего геополитического и инфраструктурного значения Мьянмы, их надо активно продвигать и закреплять — естественно, не в пику Китаю или Индии, а в собственных, долгосрочных интересах России. Бизнес и политика должны идти тут рука об руку. Иначе новое мьянманское руководство, принявшее эстафету от уходящего поколения генералов, предпочтет иметь дело не с нами, а с французами и итальянцами, японцами и южнокорейцами, а там, глядишь, и с американцами.

В. В. СУМСКИЙ: Сегодня не раз упоминалось, что в отношении Мьянмы бытует множество стереотипов. Фактически в отношении Мьянмы в последние 15–20 лет ведется настоящая *информационная война*, и то, что формируется ее методами, есть нечто большее, чем просто стереотипы. К счастью, наша дискуссия не отмечена печатью пропагандистских штампов.

Среди тем, к которым хотелось бы еще раз вернуться — тема отношений Мьянмы с партнерами по АСЕАН. Оттолкнувшись от того, что рассказал нам В. Ф. Урляпов о роли Махатхира Мохамеда в налаживании отношений между Мьянмой и Ассоциацией — тем более, что д-р Махатхир недавно побывал в МГИМО и выступил здесь с лекцией. Про Мьянму ничего не говорил, но оставил на память книгу, которая содержит «выбранные места из переписки с друзьями», такими как Джордж Буш-младший, Энтони Блэр, Жак Ширак и некоторыми другими.

Там, в частности, приведены письма, посвященные Мьянме, которыми в начале 2000-х гг. обменялись Блэр и Махатхир. Британский премьер мягко, но настойчиво убеждал адресата употребить свой политический престиж для того, чтобы подтолкнуть процесс демократизации в Мьянме, обещал благоприятную реакцию со стороны ЕС, вплоть до инвестиций, и пр. Малайзийский коллега отвечал на это, что демократия — замечательная вещь, но ее поспешное введение чревато пагубными последствиями. При этом он ссылаясь на Индонезию (которую сегодня не раз сопоставляли с Мьянмой), напоминая, что быстрая демократизация, связанная с крушением режима Сухарто, обернулась нищетой для 40 млн человек, а масса других людей жестоко пострадала от вспыхнувших на этом фоне этнических конфликтов. «Способствовать тому, что в Мьянме повторится нечто подобное, я не хочу и не буду», — подчеркивал премьер Малайзии. Любопытно соотнести эти публикации с тем, что говорил Вячеслав Федорович. Получается, что Махатхир, с одной стороны, поощрял мьянманцев активнее реагировать на призывы, раздававшиеся с Запада, а с другой — в разговорах с Западом защищал Мьянму от жесткого внешнего давления.

У пятерки основателей АСЕАН была и остается масса *задних мыслей* о том, как держать себя с Мьянмой, чтобы Запад не особенно наседали на них самих. Но речи о том, чтобы всецело встать на сторону Запада в мьянманском вопросе, присоединиться к санкциям, вплотную заняться тем, что было бы вмешательством в чужие внутренние дела, все-таки не было никогда. Почему? Мне кажется, по той простой причине, которую, в сущности, обозначил д-р Махатхир: АСЕАН совершенно ни к чему тот очаг нестабильности, который возник бы в Мьянме в случае ее *обвальной демократизации*. Нельзя же забывать об этнической пестроте этого государства, об опыте повстанческих и противоповстанческих действий, который там накоплен, о том, что все этнические меньшинства носят оружие, как и о больших традициях в области производства наркотиков и наркоторговли. Стоит всему этому вырваться на поверхность политической жизни под воздействием *демократизации* — и мало не покажется никому, особенно соседям.

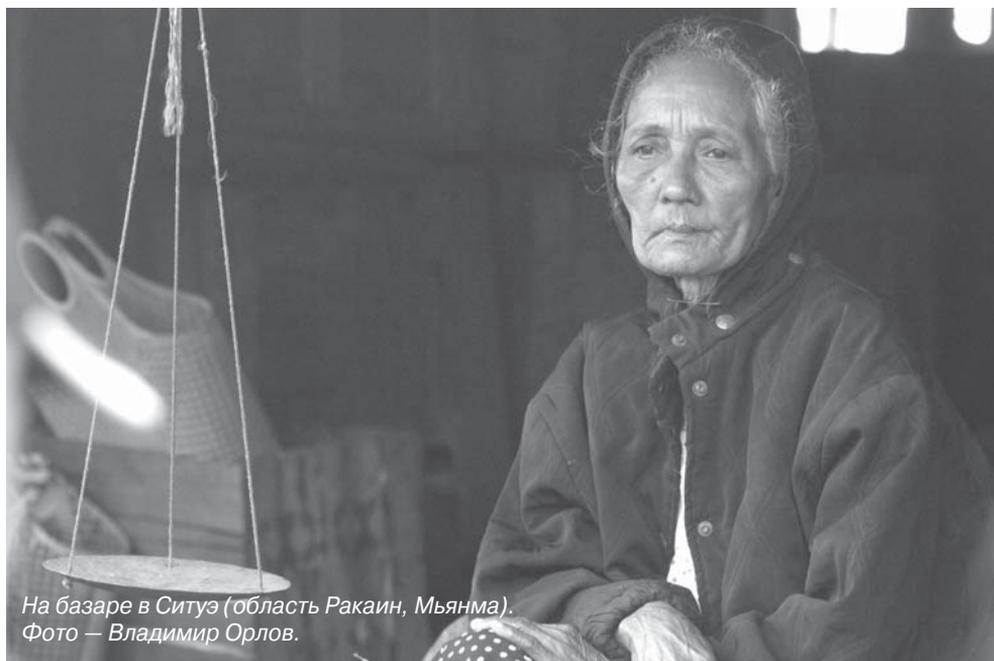
Отреагирую на реплику о том, что город Нейпидо построен будто бы для удовлетворения патриотических чувств военной элиты. Мне кажется, что новую столицу Мьянмы начали сооружать во многом под впечатлением от того, что приключилось чуть раньше в Ираке. Все-таки прибрежный Янгон было бы, в случае чего, весьма сподручно обстреливать с моря *Томагавками*. Теперь, когда столицу переместили на 320 км к северу, в край лесов и гор, достать до узловых органов государственного управления будет труднее.

Думаю, мнение о том, что Мьянма должна быть стабильной, управляемой и развиваться по возможности динамично, разделяет не только АСЕАН, но и Индия. Ведь индийский северо-восток граничит с теми самыми национальными окраинами Мьянмы, с которых в Индию может много чего перекинуться, если Мьянма не будет стабильной, управляемой и развивающейся.

Как и другие участники дискуссии, я с интересом выслушал выступление Д. В. Мосякова, но не вполне соглашусь с довольно односторонней презентацией интересов Китая, которая в нем дана. Нужна ли Китаю марионеточная и, следовательно, слабая Мьянма? По моему, китайцы достаточно мудры для того, чтобы понимать: марионетки устойчивыми не бывают, и в долгосрочном плане служить опорой не могут. Да и потом, у самого Китая есть серьезная проблема, с которой прямо связана заинтересованность в Мьянме. Ведь нынешняя КНР — страна региональных дисбалансов. Ее социально-экономическое развитие зашло гораздо дальше в прибрежных юго-восточных районах, чем на юго-западной окраине, не имеющей выхода к морю. И соседняя Мьянма, имеющая такие выходы, нужна для того, чтобы разомкнуть китайский юго-запад в торгово-экономическом отношении. Лично я не вижу в этих мотивах ничего злонамеренного или нелегитимного.

Переходя к вопросу о стратегических интересах США применительно к Мьянме, хочется спросить: не представляется ли некоторой натяжкой тезис о том, что одна из беднейших стран мира угрожает Америке? Зачем американцам это? Один из ключей к ответу дает само клише *форпост тирании*. Форпост — это ведь малое укрепление, вынесенное на подступы к главной крепости. Какую же *главную крепость* прикрывает *форпост* под названием Мьянма? Понятно, что это — Китай (точно так же, как ясно, кого прикрывает Белоруссия, объявленная *форпостом тирании* одновременно с Мьянмой).

Понятно, что в перечне мотивов, по которым Мьянме уделяется столь много внимания, играют не последнюю роль и ее углеводородные богатства, и многократно упомянутое ключевое геостратегическое положение. Создайте в Мьянме площадку для того, что американцы называют *проецированием силы*, и проецируйте ее после этого, хоть в Китай, хоть в Индию, хоть в остальную ЮВА, когда и если это потребуется. Не это ли на самом деле нужно Америке? Впрочем, с приходом к власти администрации Обамы и там начинают понимать, что добиваться этой цели можно по-разному.

На базаре в Ситуэ (область Ракаин, Мьянма).
Фото — Владимир Орлов.

Среди материалов, прошедших по Интернету и по печати после последних выборов в Мьянме, мое внимание привлекло выступление Стенли Вейса (Stanley Weiss), руководителя организации *Business Executives for National Security*. Этот человек уже не раз проявлял себя как участник той информационной войны против Мьянмы, которую ведут США. Тем любопытнее, что именно он теперь заявляет: недавние выборы не были абсолютным пусканием пыли в глаза мировому сообществу. Вейсс смотрит на состав новой партии власти и замечает в ней большую группу людей, которые продвигают наверх именно потому, что это люди с потенциалом, люди, на которых можно реально опереться. Есть в его выступлении и другие интересные моменты. Возможно, кто-то в администрации Обамы или поблизости от нее осознал: линия на кооптацию Су Чжи во власть и, тем более, на создание нового правительства под ее руководством перспективы не имеет, ведет в тупик.

Однако до принципиально новой политики в отношении Мьянмы еще далеко. Во время недавнего визита в Нейпидо заместителя госсекретаря США Курта Кэмпбелла разговор, судя по всему, шел примерно такой: «Если вы сделаете то-то и то-то, то мы подумаем, не отменить ли санкции». И очень подчеркивалось, что американский поиск новых подходов к Мьянме ведется в рамках прежнего курса, курса санкций.

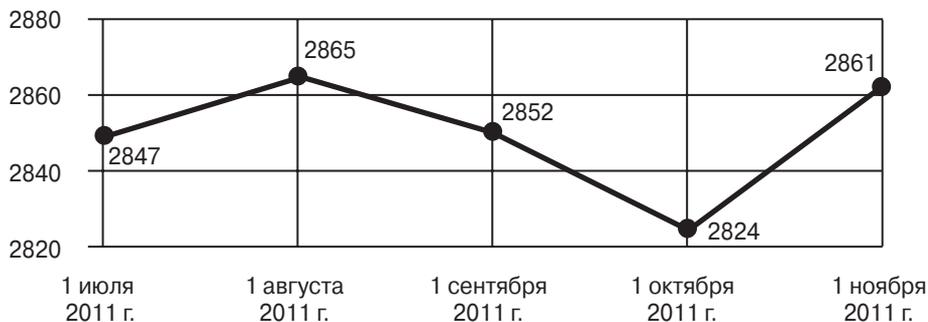
В обозримой перспективе ситуация вокруг Мьянмы будет определяться общим состоянием американо-китайских отношений. Если градус соперничества в этих отношениях будет повышаться, ждите новых осложнений на мьянманском направлении. Если нет, то ситуация вокруг Мьянмы будет более или менее такой, какой мы ее знаем сейчас.

Что касается российских интересов, то предложил бы исходить из того, что АСЕАН становится для нас ключевым международным партнером, а стабилизация Мьянмы — важное условие укрепления АСЕАН. Используя те ресурсы и возможности, которые у нас есть, дабы помочь этой стране в поисках оптимального для нее пути развития, мы сделали бы важное долгосрочное вложение в укрепление собственных позиций в ЮВА и Восточной Азии в целом. 🙏

Примечания

¹ Редакция выражает благодарность Л. В. Когошвили и Ю. А. Крячкиной за расшифровку и подготовку текста, а также В. В. Сумскому за конечную обработку.

График 1. Индекс международной безопасности *iSi*
в июле-ноябре 2011 г.

- ➔ **Галия Ибрагимова. ИНДЕКС *iSi* ЗА ИЮЛЬ-ОКТАБРЬ 2011 г.: СНОВА В НАПРЯЖЕНИИ**
- ➔ **Юрий Федоров. ГЛАЗАМИ ЛИБЕРАЛА: НИКТО ТАК НЕ СЛЕП, КАК ТОТ, КТО НЕ ХОЧЕТ ВИДЕТЬ**
- ➔ **Дмитрий Евстафьев. ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА: ПЕРЕЗАГРУЗКА МЕРТВА**
- ➔ **Ирма Аргуэльо, Евгений Бужинский, Дайан Джаятиллека, Пал Дунай, Халил Каравели, Андрей КОРТУНОВ, Межди Санаи, Евгений Сатановский, Фарход Толипов, Чун-Шэн Тянь, Нандан Унникришнан, Константин фон Эгеррт. КОММЕНТАРИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКСПЕРТНОЙ ГРУППЫ**

СНОВА В НАПРЯЖЕНИИ

Летом 2011 г. Индекс международной безопасности летом демонстрировал разнонаправленную динамику. На 1 июля значение Индекса *iSi* составило **2847 пунктов**. На 1 августа показатель **повысился** на 18 пунктов и составил **2865 пунктов**. На 1 сентября Индекс **снизился до 2852 пунктов**, а 1 октября значение *iSi* было равно **2824 пунктам**. Неспядающая напряженность на Ближнем Востоке и в Северной Африке, нестабильность мировой экономики оказывали определяющее воздействие на безопасность в мире. Гражданская война в Ливии между сторонниками и противниками Муаммара Каддафи в итоге увенчалась победой последних. В конце августа силы Переходного национального совета (ПНС) овладели контролем над Триполи и объявили о свержении режима Каддафи. На фоне успехов ливийских повстанцев в Сирии с новой силой вспыхнули антиправительственные акции протеста. В июне начался вывод американских войск из Афганистана. Обострились арабо-израильские противоречия. 23 сентября глава Палестины Махмуд Аббас на сессии Генассамблее ООН подал заявку на признание независимости автономии и вступление в ООН. Кризис суверенного долга Европы привел к нестабильности на мировых фондовых биржах.

- **Африка и Ближний Восток.** В эпицентре глобальной безопасности летом 2011 г. оставались события на Ближнем Востоке и в Северной Африке. В течение летних месяцев в **Ливии** с переменным успехом шли ожесточенные столкновения между правительственными войсками и оппозицией, поддерживаемой с воздуха силами НАТО. Лишь в конце августа повстанцы овладели контролем над столицей Триполи и крупными центрами страны и объявили о свержении режима Каддафи. *Интерпол* выдал ордер на арест полковника. Серьезное сопротивление повстанцам оказали лишь ливийские города Сирт и Бани-Валид. Легитимность ливийского Переходного национального совета признали более 60 государств мира. 1 сентября в Ливии прошла международная Конференция друзей Ливии,

Межди Санаи (Иран), доктор политологии, руководитель Центра по изучению России, Центральной Азии и Кавказа — по телефону из Тегерана: Бурлящий Ближний Восток не сделал мир стабильнее и безопаснее, но он приблизил момент истины для всего арабского мира. Не следует однобоко интерпретировать то, что происходит в Сирии, Ливии, Египте, Тунисе. С одной стороны, революции в этих странах дали возможность народам определить собственные судьбы, повысить роль ислама в государственном управлении, с другой — повсеместно наблюдаемое в ходе этих революций нарушение норм международного права не добавило очков в копилку демократии. Военное вторжение западных стран в Ливию — это новое явление в мировой политике, которое идет вразрез со всеми мыслимыми нормами права и морали. Не удивлюсь, если ситуация в Джамахирии будет развиваться по иракскому сценарию так называемой демократии, управляемой извне. Очевидно одно: бунт в арабском мире — это начало серьезной политической борьбы.

на которой речь шла о постконфликтном восстановлении Джамахирии. 17 сентября Генеральная ассамблея ООН ослабила военные и экономические санкции в отношении Ливии и предоставила ПНС членство в организации, а Совет Безопасности ООН одобрил резолюцию, которая позволила возобновить работу ключевых институтов страны. Силы Национального переходного совета установили контроль над Сиртом. При взятии города 20 октября был убит полковник Муаммар Каддафи. 30 октября завершена военная операция НАТО в Ливии.

Крайне напряженной оставалась ситуация в **Сирии**. Большинство сирийских городов летом были охвачены антиправительственными демонстрациями. Для их разгона службы безопасности применяли оружие, сотни человек погибли. 9 июня западные страны внесли в Совет Безопасности ООН проект резолюции по Сирии, с осуждением официального Дамаска за использование силы против граждан — Россия и Китай проигнорировали обсуждение резолюции. 18 августа президент Сирии Башар Асад заявил о прекращении военной операции против оппозиции и дал согласие на приезд в страну миссии ООН. Но на фоне успехов ливийских повстанцев антиправительственные акции протеста вспыхнули в Сирии с новой силой. Демонстранты попросили международной помощи расширяющегося в стране антиправительственного движения. Для свержения режима Асада оппозиция сформировала собственный орган власти — Сирийский национальный совет. ЕС в начале сентября ввел эмбарго на импорт сирийской нефти для усиления давления на правительство Асада. К санкциям присоединилась Турция. США призвали Башара Асада уйти в отставку.

В **Йемене** летом продолжились акции протеста с требованием отстранения от власти Али Абдаллы Салеха. Сам президент находился на лечении в Саудовской Аравии после полученного в результате теракта ранения. 23 сентября Салех вернулся в Йемен и заявил о готовности провести в стране досрочные президентские выборы. Он также подтвердил свою приверженность предложенному весной государством Персидского залива плану по передаче власти, который предусматривает добровольную отставку президента. Но обещания Салеха не удовлетворили оппозицию. Возвращение президента спровоцировало новые народные волнения. Демонстранты попытались захватить правительственные здания, на что армия дала жесткий отпор: военные открыли огонь по толпе протестующих. Число погибших превысило 130 человек.

В **Иордании** в июне прошли антиправительственные демонстрации с требованием роспуска нижней палаты парламента и отставки премьера. В **Египте** в начале сентября начались акции протеста с требованием отменить чрезвычайное положение и приступить к подготовке выборов. Нарастающее в стране напряжение вынудило Центризбирком Египта обнародовать точную дату выборов.

В **Алжире** имели место столкновения между полицией и манифестантами, требующими улучшения жилищных условий. В **Нигерии** столкновения на религиозной почве между христианами и мусульманами привели к жертвам. В **Замбии** в сентябре вспыхнули массовые беспорядки из-за неясной ситуации вокруг итогов выборов в стране.

10 июля без видимых проблем в присутствии иностранных делегаций было провозглашено создание нового независимого государства — **Южного Судана**. Началось размещение миротвор-

цев в спорном районе между двумя Суданами, Хартум подписал соглашение о перемирии с одной из повстанческих группировок Дарфура.

В **Иране** 12 сентября официально введена в эксплуатацию Бушерская атомная электростанция. Строительство станции осуществлено российской стороной. Энергоблок Бушерской АЭС пока работает на 35–40% своей мощности. Пристальное внимание международного сообщества к Бушерской АЭС объясняется обеспокоенностью стратегическими планами Ирана.

Израиль–арабский мир. В августе обострились отношения между Израилем и Палестиной из-за терактов в Эйлате, приведших к гибели восьми израильтян. Тель-Авив обвинил палестинских боевиков в организации терактов и нанес удары по их позициям. В ответ движение ХАМАС прервало перемирие с Израилем и подвергло ракетному обстрелу израильскую территорию. Теракты также стали причиной обострения отношений между Израилем и Египтом — в погоне за террористами израильские ВВС по ошибке расстреляли египетских полицейских. 10 сентября в Каире толпа египтян устроила погром в посольстве Израиля и потребовала у Тель-Авива принести официальные извинения за случившееся. Во время беспорядков у посольства пострадало более тысячи человек, есть жертвы; посол и дипсостав покинули Египет.

Резко ухудшились отношения между Израилем и Турцией. Причина тому — обнародование доклада комиссии ООН о нападении на Флотилию Свободы в 2010 г. Главный вывод комиссии — морская блокада Израилем сектора Газа соответствует международному праву, но действия израильских военных непропорциональны. После обнародования доклада Турция объявила о понижении дипломатических

Дайан Джаятиллека (Шри-Ланка), посол Шри-Ланки во Франции, постоянный представитель Шри-Ланки при ЮНЕСКО, профессор — по электронной почте из Парижа: События на Ближнем Востоке — гражданская война в Ливии, беспорядки в Сирии, рост напряженности на границе Египта и Израиля, — в центре внимания мировой общественности. Самоуверенный Запад возвестил всему миру, что успешная военная кампания в Ливии, проведенная силами НАТО — это новая модель интервенции. Она может быть взята на вооружение при решении других региональных конфликтов.

В преддверии новой сессии Генассамблеи ООН активизировались дебаты по вопросу предоставления независимости Палестинской автономии. Но авантюристская игра Израиля может привести к радикализации ситуации. Усугубятся и без того непростые отношения с Египтом, что в свою очередь отразится на результатах предстоящих в этой стране выборов.

В Южной Азии опасения вызывают участвовавшие нападения талибов в Афганистане и Пакистане. Растет политическая напряженность в Карачи. Определенный оптимизм вселяет улучшение взаимодействия Китая с государствами Юго-Восточной Азии.

Халил Каравели (Турция–Швеция), руководитель проекта по Турции института по изучению Центральной Азии и Кавказа при университете Джона Хопкинса — по электронной почте из Стокгольма: Ближний Восток погружается в состояние хаоса. Политическая система Сирии трещит по швам. Вооруженные столкновения на севере Ирака между иранскими военными и курдскими сепаратистами партии *Свободная жизнь Курдистана*, которая является иранским крылом *Рабочей партии Курдистана*, — это следствие воздействия сирийских событий на весь регион. Иранцы начали наступление на курдов не потому, что последние представляют для них серьезную угрозу. Скорее, в Тегеране стремятся показать, что обладают укреплениями в Северном Ираке, которые, по сути, являются воротами в Сирию. А потому региональным силам придется считаться с Ираном как с серьезным игроком на Ближнем Востоке. Между тем эскалация атак курдскими сепаратистами в Турции, ставшая причиной гибели в течение августа-сентября 50 турецких солдат, — это также отголоски сирийских событий. Сирия и, возможно, Иран тем самым демонстрируют Турции свою негативную реакцию на решение Анкары дистанцироваться от режима в Дамаске. Эскалация напряженности между Турцией и Израилем — еще один фактор, дестабилизирующий ситуацию на Ближнем Востоке.

отношений с Израилем до уровня вторых секретарей посольств и свертывании военного сотрудничества между странами.

Сохраняются серьезные разногласия по возможности провозглашения палестинского государства в этом году. 23 сентября глава Палестины Махмуд Аббас на сессии Генассамблеи ООН подал заявку на признание независимости автономии и вступление в ООН, несмотря на давление со стороны США и Израиля.

- **Афганистан–Пакистан.** 23 июня Барак Обама объявил о начале частичного вывода американских войск из **Афганистана** и передаче ответственности за безопасность национальным силам. Процесс этот начался на фоне общего ухудшения ситуации в стране. Возрос уровень террористической активности. В результате терактов в Кабуле убиты мэр Кандагара, бывший президент Афганистана Бурхануддин Раббани. В августе талибы уничтожили колонну с топливом и сбили вертолет международной коалиции, погибли 38 военных. На востоке **Пакистана** участились случаи обстрела военными территории Афганистана. 13 сентября нападению подвергся особо охраняемый квартал в центре Кабула, где расположены посольство США, штаб-квартира коалиционных сил и служба афганской разведки. США обвинили в причастности к терактам Межведомственную разведывательную службу (ИСИ) Пакистана, которая помогала террористам из группировки Хаккани. Американцы пригрозили Пакистану применением военной силы и сокращением финансовой помощи пакистанской армии. Пакистан отверг все обвинения. Сложной оставалась внутривосточная ситуация в Пакистане. В результате столкновений между враждующими криминальными и этническими группировками в Карачи погибло более 100 человек.

 Пал Дунай (Венгрия), руководитель программы по международной безопасности Женевского центра политики безопасности — по электронной почте из Будапешта: Афганистан еще долго будет оставаться главной головной болью всего мирового сообщества. Вывод американских войск из страны и постепенная передача власти Национальной армии Афганистана — это большая дилемма для Америки. Администрация Барака Обамы, особенно в контексте приближающейся в стране предвыборной кампании, стремится выполнить обещание и вывести войска из ИРА. Но вывод воинского контингента означает оставить Афганистан на произвол судьбы и заставить самостоятельно *расхлебывать* последствия войны. Считаю, что лучшим выходом из этого тупика может стать пересмотр США своего обещания в качественном плане.

- **США–Европа.** Нестабильной сохранялась ситуация на мировых биржах. 5 августа агентство *Standard & Poor's* понизило кредитный рейтинг **США**, что привело к росту тревожных ожиданий в отношении влияния ситуации в США на мировую экономику. В конце сентября на фондовых биржах Евросоюза произошло сильное падение котировок из-за роста опасений инвесторов по поводу возникновения в экономиках Европы и США новой волны рецессии. Одно из центральных звеньев финансовых потрясений — проблемы зоны евро. Причина тому — отсутствие координации бюджетной, фискальной политики стран — участниц еврозоны и угроза экономического дефолта в Греции. Стране необходимы 8 млрд евро, которые ей должны выделить тройка кредиторов — Европейский центральный банк, Международный валютный фонд и Еврокомиссия. 27 сентября 2011 г., в Берлине состоялась встреча канцлера Германии Ангелы Меркель и главы греческого правительства Георгиоса Папандреу. На этом двустороннем саммите Меркель заявила, что Германия предоставит Греции любую необходимую помощь. Греческий премьер в свою очередь заверил, что страна готова полностью выполнить взятые на себя обязательства. В зоне риска

 Евгений Бужинский (Россия), генерал-лейтенант, консультант ПИР-Центра — по телефону из Москвы: Начало предвыборных кампаний в США и России, продолжающаяся экономическая нестабильность в еврозоне не предполагают каких-либо прорывных решений в области безопасности. Думаю, что после оглашения решения о размещении РЛС X-диапазона в Турции практически сойдет на нет поиск возможных вариантов сотрудничества между Россией и США/НАТО в области ПРО, а также по другим вопросам контроля над вооружениями. Вызывает беспокойство ухудшение российско-украинских отношений. Казалось бы, снятая с повестки дня проблема Черноморского флота, вновь может стать раздражителем в двусторонних отношениях, если украинское руководство начнет препятствовать перевооружению флота. Положительно оцениваю итоги неформального саммита СНГ, на котором были фактически определены направления дальнейшей интеграции постсоветского пространства: военно-политической — в рамках ОДКБ, экономической — в рамках Таможенного союза.

летом-осенью 2011 г. находились также экономики Испании, Португалии, Ирландии, Италии.

К негативным факторам добавились беспорядки в **Великобритании**, вспыхнувшие в начале августа. Поводом стала гибель темнокожего человека, который открыл огонь по стражам порядка, собравшимся его задержать. Реакцией на это происшествие стали погромы и поджоги, грабежи и ночные бесчинства. Арестованы сотни мародеров, устроивших погромы в Лондоне и других городах. В Северной Ирландии имели место столкновения между протестантами и католиками.

В июле обострилась ситуация на севере **Косово**: попытка спецназа края занять КПП на границе с Сербией встретила сопротивление местных сербов, несколько десятков человек пострадали. В итоге пункт перешел под контроль сил KFOR. Но в сентябре власти Косово все же взяли под свой контроль КПП.

- **Корейский полуостров.** 22 июля на полях саммита АСЕАН на Бали состоялась первая за последние два с половиной года встреча высокопоставленных представителей **КНДР** и **Республики Корея** по вопросу безъядерного статуса полуострова. Но 10 августа на спорном участке границы между КНДР и Южной Кореей в Желтом море произошли два вооруженных инцидента. Переговоры между делегациями КНДР и Южной Кореи по вопросу возобновлению шестисторонних ядерных переговоров возобновились в середине сентября, но не привели к существенным результатам.
- **Постсоветское пространство.** В **Белоруссии** сложной оставалась экономическая ситуация вследствие резкой девальвации белорусского рубля. В течение летних месяцев в стране имели место несанкционированные акции протеста против экономической политики властей.

30 октября в **Киргизии** состоялись выборы. На пост главы государства претендовали 23 кандидата. Президентом стал Алмаз Атамбаев, набравший более 60% голосов избирателей.

Фарход Толипов (Узбекистан), независимый политолог — по телефону из Ташкента: В Киргизии остается нерешенной проблема межэтнического противостояния, которая обострилась в преддверии прошедших в стране президентских выборов. В Таджикистане относительно успешно прошла встреча на уровне экспертов и представителей различных структур государств Центральной Азии по вопросу урегулирования водных проблем. Сторонам удалось согласовать некоторые вопросы, связанные с последствиями небывалой засухи этим летом. Хочется надеяться, что этот эпизод послужит положительным примером для будущих совместных решений по водной проблеме региона, которая, как известно, остается наиболее чувствительной.

Обострилась ситуация в зоне Афганистан–Пакистан. Ряд терактов в этих странах летом указывают на сохраняющуюся угрозу со стороны экстремистских и террористических организаций. Они демонстрируют свое нежелание мира в Афганистане даже в свете объявленного вывода международных сил из этой страны. Однако это может стать поводом для еще более мощных операций против них самих.

□ **Стратегическая стабильность и ядерная безопасность.** 8 июня в Брюсселе состоялось заседание Совета Россия–НАТО на уровне министров. По его итогам Андерс Фог Расмуссен (интервью с ним мы публикуем в этом номере — см. с. 11–14) заявил, что альянс не готов принять предложение России о секторальном подходе в сфере ПРО и не намерен давать юридических гарантий ненаправленности ПРО против российского стратегического потенциала. 5 сентября Турция дала согласие на размещение на своей территории американской РЛС раннего обнаружения в рамках создания системы ПРО НАТО.

□ **Природные катастрофы и техногенные аварии.** Летом в Европе была зафиксирована вспышка кишечной инфекции, вызванная редким штаммом бактерии *E. coli*. Вспышка инфекции изначально произошла на севере Германии. Далее заболевание было зафиксировано в 16 странах. Опасная инфекция унесла жизни более 50 человек.

В июле десятки человек погибли и пострадали в железнодорожной катастрофе в Индии, авиакатастрофе в Демократической Республике Конго, крушении туристического теплохода в Татарстане.

В августе на восточное побережье США обрушился ураган *Айрин*. Стихия привела к человеческим жертвам и оставила без электри-

Ирма Аргуэльо (Аргентина), председатель Фонда нераспространения во имя глобальной безопасности — по электронной почте из Буэнос-Айреса: Стремительный рост криминальных группировок — главная угроза безопасности Центральной Америки. Всемирная организация здравоохранения квалифицировала проблему организованной преступности и насилия в регионе как наихудшую в мире. Каждый год от преступной деятельности бандитских групп погибают более 40 человек. Помимо традиционных угроз (наркотики, нелегальная торговля оружием, человеческий трафик), остро встала проблема кражи детей — бизнес, в котором замешаны крупные преступные группировки и наркокартели.

Беспрецедентный рост насилия летом-осенью 2011 г. был зафиксирован в Мексике. Нападение в августе группы вооруженных людей на казино в мексиканском городе Монтеррей привело к гибели 52 человек. Этот инцидент — свидетельство жестокой борьбы между наркокартелями в Мексике, которые оказывает серьезное негативное воздействие на всю Латинскую Америку. Эскалация насилия зафиксирована в соседних с Мексикой странах — Эль-Сальвадоре, Гватемале, Гондурасе. Большая часть населения Центральной Америки имеет при себе оружие и использует его в целях самозащиты в условиях, когда государство не способно защитить своих граждан. Эта ситуация является более серьезной угрозой безопасности региона, чем гражданские войны 1980-х гг. Кризис легитимности политической и судебной систем и безработица — в числе главных угроз безопасности этих стран.

Исторически миролюбивый регион Южной Америки в настоящее время тратит огромные средства бюджета на вооружения и армию. Военные расходы увеличились в Бразилии, Колумбии, Эквадоре, Венесуэле. Сохраняется конфликтный потенциал в отношениях между Венесуэлой и Суринамом, Чили и Перу, Чили и Боливией, Чили и Аргентиной.

чества миллионы американцев; американские авиакомпании отменили большинство авиарейсов. На юг Японии обрушился тайфун *Талас*, приведший к жертвам среди населения.

7 сентября в России под Ярославлем разбился самолет — погибли хоккеисты из клуба *Локомотив*.

- Крупные теракты совершены в Пакистане, Ираке, Таиланде, Алжире, Нигерии, Афганистане.

Галия Ибрагимова

ГЛАЗАМИ ЛИБЕРАЛА:

НИКТО ТАК НЕ СЛЕП, КАК ТОТ, КТО НЕ ХОЧЕТ ВИДЕТЬ

Бюджетный кризис в США; тяжелые проблемы в зоне евро, в том числе ожидающийся суверенный дефолт Греции; неопределенность с ядерной программой Ирана; осложнение израильско-палестинских отношений и многие другие события, происходившие на международной арене в середине 2011 г., вызывают тревожное ощущение того, что мир подходит к грани, пересечение которой чревато малоприятными последствиями. **Вот она, ключевая дилемма начала XXI в.: либо развитие демократические страны переходят к политике, которая обычно ассоциируется с именами Рональда Рейгана и Маргарет Тэтчер, понимается, в ее современном варианте, либо пессимистические сценарии глобального кризиса могут стать реальностью.**

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ КОНЕЦ СВЕТА

Столкновение администрации Барака Обамы и республиканской фракции конгресса из-за очередного повышения лимита государственного долга США стало, пожалуй, наиболее острым моментом летнего политического сезона 2011 г. Страшное слово *дефолт* воспринималось как начало крушения мировой финансовой системы. Отчасти это вызвано болезненной склонностью современного массового сознания искать и находить во всем происходящем признаки приближающегося конца света. Отчасти тем, что и та и другая сторона нагнетали алармистские настроения, представляя оппонента виновником надвигающейся катастрофы.

Вопрос о возможных последствиях технического дефолта американского правительства остается открытым. Если бы он произошел, администрация была бы вынуждена в последние два месяца 2011 финансового года сократить выплаты по государственному бюджету, в первую очередь по незащищенным статьям бюджета (*discretionary programs*), более половины которых составляют расходы на национальную оборону. Масштабы сокращений зависели бы от разницы между текущими поступлениями бюджетных доходов и расходами. Дефолт повлек бы за собой задержку заработной платы государственным служащим, в том числе военным, и оплаты части правительственных контрактов, а также сокращение некоторых социальных программ. Итогом стал бы спад темпов роста, увеличение безработицы, снижение потребления и, следовательно, импорта, а также падение цен на энергоносители. Возможно, на какое-то время было бы заморожено обслуживание государственного долга, хотя эти расходы относятся к защищенным статьям бюджета (*mandatory programs*). Оценить масштаб, длительность и вторичные эффекты этих последствий невозможно, поскольку они зависят от того, какие именно статьи расходов были бы сокращены и насколько. Однако о крахе американской экономики все же речи быть не могло.

В международном плане опасным было бы лавинообразное сбрасывание американских государственных долговых обязательств (US Treasury securities) и, соответственно, их обесценение. Но вероятность такого развития событий сравнительно невелика. Более трети американских ценных бумаг по условиям выпуска и приобретения вообще не подлежат перепродаже. Кроме того, в случае паники в первую очередь избавляться от них стали бы частные иностранные держатели. Но им принадлежит менее 10% всего американского долга. В свою очередь, иностранные правительства, прежде всего китайское, японское, британское и российское, владеющие самыми крупными пакетами американских бумаг, были бы вынуждены скупать выбрасываемые на рынок американские обязательства, чтобы поддержать их рыночную стоимость. В противном случае они понесли серьезные финансовые потери. Так, в случае обесценения американских обязательств наполовину Россия потеряла бы более 50 млрд долл. А в конечном итоге в выигрыше оказались бы те, кто скупил эти бумаги по относительно низкой цене, поскольку их курс неизбежно вырастет по мере преодоления финансового кризиса в США.

Таблица 1. Основные держатели государственных долговых обязательств США¹

Держатели государственных долговых обязательств	Долговые обязательства США по состоянию на 31 августа 2011 г.	
	Не подлежащие перепродаже	Подлежащие перепродаже
	5,2 трлн долл.	9,5 трлн долл.
Правительственные учреждения США	90%	~ 0
Американские частные держатели	10%	40%
Иностранные правительства	0	45%
Иностранные частные держатели	0	15%

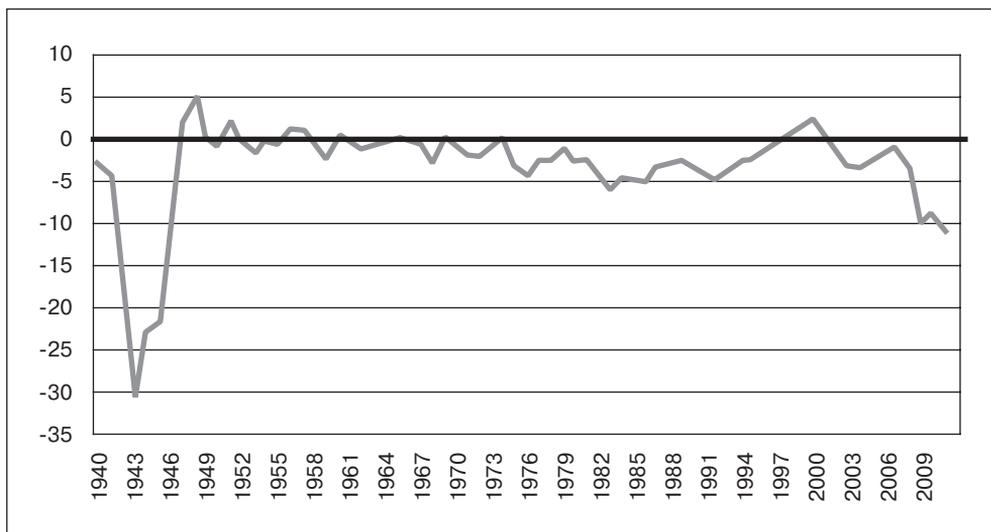
Столкновения относительно повышения лимитов государственного долга высветили проблему бюджетного дефицита. После прихода к власти администрации Обамы он вырос в пять раз, достигнув в среднем 1,5 трлн долл. (в текущих ценах). В 2011 финансовом году дефицит составил 43% расходной части бюджета и почти 10% ВВП². Это беспрецедентное событие в американской экономике. В 1947–2008 финансовых годах он в среднем составлял 1,6% ВВП, а в 2001–2008 финансовых годах, то есть при администрации Джорджа Буша-мл., был равен в среднем 2% ВВП.

Скачкообразный рост дефицита в 2009 финансовом году можно объяснить выделением примерно 800 млрд долларов для стабилизации финансовой системы США. Но в последующие годы дефицит порождался нелепой политикой демократической администрации, сочетавшей сокращение налогов с повышением социальных и военных расходов. Это грозит крупными неприятностями в экономике, что и вызвало демарш республиканцев, требовавших сокращения или сведения к нулю дефицита бюджета.

Дефолт США, хотя и технический, означал бы катастрофическое поражение администрации Обамы. Вместе с тем республиканцы были бы немедленно обвинены в том, что они разваливают американскую экономику ради достижения политических целей. Иными словами, обе стороны были заинтересованы в компромиссе, а споры шли о его конкретных параметрах.

Согласно Закону 2011 г. о контроле над бюджетом (Budget Control Act of 2011), в котором была формализована достигнутая 1 августа 2011 г. договоренность между конгрессом и администрацией, последняя получила право вплоть до конца

График 1. Профицит/дефицит американского бюджета, 1940–2011 финансовые годы (% ВВП)

2013 финансового года увеличить государственный долг на 2,1–2,4 трлн долл. Увеличить долг на 400 млрд долл. было разрешено немедленно по вступлению закона в силу и еще на 500 млрд долл. — до окончания 2011 финансового года в том случае, если конгресс не заблокирует это двумя третями голосов³. Далее, должны быть утверждены потолки на незащищенные статьи расходов таким образом, чтобы в течение 10 лет было сэкономлено 917 млрд долл. Создан двухпартийный Комитет по сокращению бюджетного дефицита (Joint Select Committee on Deficit Reduction), который должен не позднее чем 23 ноября 2011 г. разработать законопроект о сокращении бюджетного дефицита в течение 10 лет еще на 1,5 трлн долл. Соответствующий закон должен войти в силу не позднее 15 января 2012 г. Если этот закон будет принят, в 2012–2013 финансовых годах государственный долг может быть увеличен еще на 1,5 трлн долл. Если он не будет принят, то государственный долг может быть увеличен в этот период на 1,2 трлн долл. Но в этом случае автоматически вводятся сокращения незащищенных статей бюджета, которые в совокупности должны до 2021 г. привести к сокращению расходов на такую же величину. Эти сокращения распределяются поровну между расходами на нацио-

Андрей Кортунюв (Россия), президент фонда Новая Евразия — по телефону из Москвы: В России завершается очередной политический цикл. Ожидания предстоящей смены власти ведут к нарастанию политической напряженности. Не способствует стабильности и резкое обострение российско-украинских отношений из-за цены на газ. Продолжается экономический кризис в Белоруссии, на фоне которого в стране снижается политическая стабильность. В целом позитивным фактором является то, что общеэкономическая ситуация не привела к сползанию в очередной экономической кризис. Сохранялся позитивный потенциал развития, накопленный ранее в отношениях России с Западом. Это позволило предотвратить осложнение многих негативных событий на постсоветском пространстве.

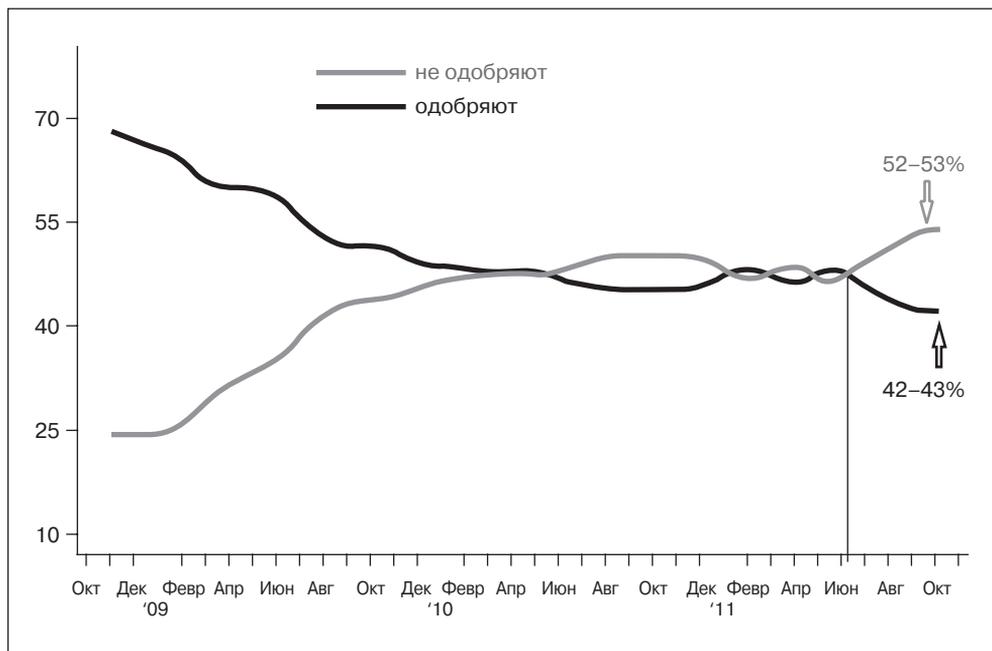
нальную оборону и другими незащищенными статьями бюджета. Наконец, должна быть принята поправка к конституции относительно сбалансированности бюджета (Balanced Budget Amendment).

Оценить влияние этого Закона на американскую экономику в перспективе нескольких лет невозможно. Он не вводит каких-либо ограничений на рост государственного долга после окончания 2013 финансового года. Неясно, будет ли разработана и принята названная поправка к конституции и каким может быть ее содержание, а также каковы будут результаты деятельности Комитета по сокращению бюджетного дефицита. В целом же, бюджетный кризис 2011 года стал последним предупреждением, ясным сигналом, что продолжение экономической политики администрации Барака Обамы чревато крупными проблемами для американской экономики.

ХРОМАЯ УТКА В БЕЛОМ ДОМЕ

С начала июня 2011 г. доля американских граждан, негативно оценивающих деятельность Обамы на посту президента, стала все заметнее превышать долю тех, кто оценивает ее положительно. Во второй половине сентября 2011 г. разница между этими категориями респондентов стабилизировалась примерно на уровне 10%. При этом среди независимых избирателей, а от их позиции во многом зависит исход голосования, соответствующее соотношение составило к концу сентября 57% на 35%. Другой важный, возможно, ключевой фактор, определяющий победу или поражение на выборах — отношение избирателей к экономической политике президента. По этому параметру положение Обамы еще хуже. В среднем в начале осени ее негативно оценили более 60% опрошенных, тогда как противоположного мнения придерживались 33%⁴. Некоторые, хотя далеко не все опросы показывают, что Обама проиграет будущие выборы. Другие — ставят итоги голосования в зависимость от того, кто будет номинирован кандидатом в президенты от республиканской партии.

График 2. Одобрение/неодобрение деятельности Б. Обамы⁵

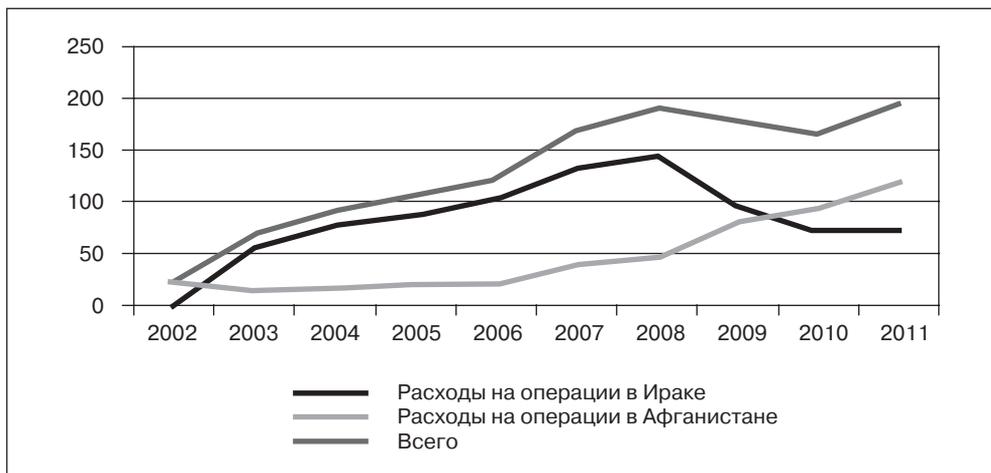

Летом и осенью 2011 г. в средствах массовой информации и в экспертной среде активно обсуждались две кандидатуры на пост будущего президента США от республиканской партии — нынешний губернатор Техаса Рик Перри и бывший губернатор Массачусетса Митт Ромни. Оба они объявили о намерении добиваться высшего поста в стране и начали предвыборную кампанию. Сложность ситуации в том, что Перри более популярен в партии, особенно в ее консервативном крыле. Следовательно, у него больше шансов быть выдвинутым в кандидаты в президенты. Однако у Ромни, как показывают опросы общественного мнения, больше шансов выиграть президентские выборы. Наиболее сильный потенциальный кандидат от республиканцев, бывший мэр Нью-Йорка Рудольф Джулиани, пока не решил, будет ли он участвовать в выборах.

Вопрос о том, кто станет будущим президентом самой могущественной страны мира, исключительно важен. Но не менее, а, может быть, еще более важно, что бюджетный кризис лета 2011 г. продемонстрировал бездарность экономической стратегии демократов и лежащей в ее основе социально-экономической философии левого толка. Этому есть и другие свидетельства. Количество бедных в США возросло до наивысшего за последние 50 лет предела, достигнув 43,6 млн человек. В сентябре 2011 г. 26 штатов (то есть больше половины) обратились в Верховный суд США с требованием приостановить действие закона о реформе здравоохранения, что было вполне ожидаемым. Реформа здравоохранения — ключевой элемент политики Обамы — потребует от бюджета в течение 10 будущих лет затрат в 940 млрд долл., тогда как ожидаемая экономия в 134 млрд долл., в том числе от снижения злоупотреблений и сокращения мошенничества в этой сфере, представляется более чем проблематичной.

Что касается внешней политики, то говорить о принципиальных провалах нынешней администрации США оснований нет. Вместе с тем она оказалась слабой, вялой и неуверенной. Практические действия во многих случаях подменялись выспренней риторикой. Не оправдались расчеты на улучшение отношений с мусульманским миром и на *перезагрузку* с Россией. За последние три года восприятие США в арабских странах, пожалуй, даже ухудшилось. Одновременно, Вашингтон сумел осложнить отношения с Израилем. В обмен на бессмысленный с военной точки зрения новый договор по стратегическим вооружениям США пошли на существенные уступки Москве, отказавшись от третьего позиционного района ПРО в Чехии и Польше, а также признав *де-факто* доминирующую роль России в странах бывшего СССР. Это укрепило позиции тех сил в российской элите, которые делают ставку на жесткие, подчас силовые методы во внешней политике.

График 3. Расходы США на операции в Ираке и Афганистане, 2002–2011 финансовые годы (млрд долл., текущие цены)⁶

И самое главное — американское руководство не смогло решить две ключевые проблемы, стоящие перед Соединенными Штатами, — прекращение ядерной военной программы Ирана и военной операции в Афганистане. При этом сокращение военных усилий и расходов в Ираке в 2008–2011 финансовых годах — единственный реальный успех международной политики Обамы — компенсировалось наращиванием военного вмешательства в Афганистане. Последнее не только поглощало более 100 млрд долл. в год, но и заметно ограничивало возможности США в отношениях с Ираном, Северной Кореей, Россией и другими государствами бывшего СССР.

Провал экономической стратегии администрации Обамы и ее невразумительная внешняя политика свидетельствуют о том, что реализация левых идей — усиление государственного регулирования экономики, наращивание социальных расходов, заигрывание с экстремистскими силами и режимами на международной арене — заводят в тупик ситуацию даже в самой мощной стране современного мира. А поэтому, следующей администрации США предстоит провести крупные изменения в экономической и внешней политике страны. В противном случае она столкнется с прогрессирующим экономическим кризисом и сокращением позиций на международной арене.

ГРЕЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ XXI в.

Аналогичная по своей сути проблема стоит и перед Европой. Европейский проект, который, как казалось еще несколько месяцев тому назад, победил окончательно и бесповоротно, нуждается в серьезной коррекции. В Германии, например, все чаще задают вопрос: почему во имя европейской солидарности немцы должны рисковать собственным благополучием, спасая от банкротства Грецию, а в перспективе и другие страны, неспособные привести расходы в соответствие с доходами?

Таблица 2. Ключевые экономические показатели отдельных стран ЕС, 2007–2011 г.⁷

Страна	ВВП (€ трлн)	Государственный долг (% ВВП)		Дефицит бюджета (% ВВП)		Безработица (%)
	2011	2007	2010	2007	2010	2011
Германия	2,5	65	83	+0,3	-3,3	6,0
Франция	1,9	64	82	-2,7	-7,0	9,9
Великобритания	1,7	59	80	-2,7	-10,4	8,0
Италия	1,5	104	119	-1,5	-4,6	7,9
Швеция	1,5	40	40	+3,6	0	7,4
Испания	1,0	36	60	+2,0	-9,2	21,2
Греция	0,23	105	143	-6,4	-10,5	16,7
Ирландия	0,16	25	93	0	-32,4	14,6
Португалия	0,17	68	93	-3,1	-9,1	12,3

Действительно, с 2007 г., непосредственно предшествовавшего кризису 2008–2009 гг., государственный (суверенный) долг стран — членов Европейского союза вырос более чем на треть, составив в 2010 г. 9,8 трлн евро, или 80% их суммарно-

Чун-Шэн Тянь (Китай), исполнительный директор Китайской ассоциации экономических и политических исследований России и Центральной и Восточной Европы — по электронной почте из Пекина: Региональная экономика находится под влиянием негативных тенденций глобального экономического развития. Это деструктивное влияние будет долгосрочным, и перспектива экономического роста в этом году не оправдывается. Экономика США замедлила темпы развития, кризис суверенного долга в Европе — главный фактор глобального экономического спада — привел к массовой панике на глобальных финансовых рынках. Экономика Китая также зависима от глобальных тенденций. Темпы экономического роста Китая — тема весьма дискуссионная, тем не менее в текущем году экономика Поднебесной замедлила свое развитие. Помимо глобальных факторов экономика страны столкнулась с внутренними проблемами. Среди них — сложность социально-экономического развития регионов Китая. Если в 2010 г. ВВП Китая составлял 11,1%, то в первой половине 2011 г. он составил 9,6%. Вместе с тем, несмотря на некоторое снижение, ВВП Китая все же выше, чем его оценивают государственные структуры в своих ежегодных прогнозах.

вительств левого толка, в том числе нынешней американской администрации, или поддающихся влиянию левых сил, руководствующихся не столько рациональными соображениями, сколько иллюзорными идеологическими конструкциями.

ЛИВИЙСКИЙ ЭНДШПИЛЬ И СИРИЙСКИЙ ГАМБИТ

Во второй половине августа 2011 г. в гражданской войне в Ливии произошел перелом. Отряды противников Каддафи при авиационной поддержке стран НАТО взяли Триполи. К концу сентября власть Каддафи распространялась лишь на несколько городов к юго-востоку от столицы, прежде всего Сирт и Бени Валид. Остальная территория страны перешла под контроль либо Национального переходного совета Ливии, либо вождей племен и других местных лидеров. Фактически режим Каддафи пал, и его полная ликвидация является вопросом времени.

Ливия вступила в новый период политического развития, главным содержанием которого является борьба за власть между исламистами, в том числе радикальными, либералами прозападного толка, левацкими группировками, чиновниками и офицерами бывшего режима, перешедшими на сторону оппозиции, и вождями племен. Скорее всего, период нестабильности будет продолжаться длительное время, возможно, несколько лет. Предсказать, какие политические силы в конечном итоге окажутся во главе страны, невозможно. Не исключено, например, что власть окажется в руках радикальных исламистов. Но для развитых стран это уже не представляет особого интереса. Все фракции ливийской элиты заинтересованы в стабильном экспорте нефти и газа, являющемся единственным источником средств существования любого ливийского режима или, в случае распада страны, группировок, контролирующих зоны добычи и транспортировки энергоресурсов. В случае же попыток превратить Ливию в тыловую базу для террористических операций против Европы можно ожидать военной интервенции НАТО, ЕС или коалиции нескольких европейских государств.

Вопреки утверждениям многих экспертов, военное вмешательство западных государств в гражданскую войну в Ливии оказалось весьма эффективным. Цель

вмешательства — свержение Каддафи — была достигнута минимально возможными усилиями при затрате минимальных ресурсов. Фактически в Ливии прошла испытание новая модель *управления конфликтом*, принципиально отличающаяся от реализованной в Ираке и Афганистане. Важно и другое. Выступление западных государств против Каддафи было вызвано отнюдь не стремлением, как считают многие, установить контроль над источниками нефти или путями ее транспортировки. Это не имело какого-либо смысла, поскольку бывшее ливийское руководство было заинтересовано в экспорте энергоресурсов больше, чем европейские страны в их импорте. Решение о свержении Каддафи, как можно предположить, было обусловлено другими обстоятельствами.

Элиты демократических стран вынуждены поддерживать отношения с руководителями авторитарных и тоталитарных диктатур, даже если последние не вызывают ничего, кроме брезгливости. Но когда авторитарные лидеры переходят некую грань в репрессиях против собственного населения (в каждом конкретном случае эта грань различна), то отношения с ними прерываются и они оказываются в изоляции или полуизоляции от развитой части мира. В начале 2011 г. Каддафи такую грань перешел, и поддержание с его режимом прежних отношений дискредитировало бы и США, и европейские государства. Однако изоляция Ливии от Европы невозможна, а потому ликвидация его режима стала единственно возможным вариантом действий для той части европейских элит, которые не могли позволить себе роскошь отказаться от связей с Ливией.

Похожий механизм работает в отношении режима Башара Асада в Сирии. Развернув массовые репрессии против оппозиции, Асад поставил себя в положение, при котором у ведущих демократических стран нет иного выхода, кроме как вести дело к его свержению. Последнее, судя по недавним событиям в Египте, Тунисе и Ливии, неизбежно. Но когда и как это произойдет, пока неясно.

Противостоящие клике Асада группы разного политического толка в сентябре 2011 г. смогли создать Национальный совет. Независимо от реального влияния этого органа на события в Сирии, он с успехом может претендовать на то, чтобы выступать от имени оппозиции и представлять собой политическую альтернативу правящей верхушке. Однако оппозиция не имеет более или менее значимых вооруженных формирований, ведет борьбу преимущественно мирными средствами и не смогла создать на территории Сирии контролируемый ею анклав. А сирийская армия в массе своей сохраняет, по крайней мере, пока, лояльность правящей верхушке и не раскололась на противостоящие группировки.

По сути дела, в стране сложилась патовая ситуация — ни режим, ни его противники не могут одержать победу, а перспектив политического решения нет. Оппозиция сформулировала условия начала консультаций с режимом: устранить диктатуру спецслужб; вывести армию из городов; освободить политзаключенных и создать следственный комитет по расследованию убийств граждан. Выполнение этих требований означает самоубийство режима, держащегося на армейских штыках и органах безопасности. В условиях равновесия сил внешнее воздействие — например, жесткая морская, сухопутная и воздушная блокада в сочетании с политической и финансовой поддержкой оппозиции — могло бы стать решающим фактором и сдвинуть положение в пользу противников режима. Однако без решения Совета безопасности ООН такая блокада представляется малореальной.

Но самое главное в том, что, в отличие от Ливии, находящейся на военно-политической периферии большого Ближнего Востока, Сирия расположена в самом его эпицентре и вписана в клубок сложных противоречий основных центров силы этого региона — Турции, Ирана, Израиля и Саудовской Аравии. На протяжении последних десятилетий она была главным союзником Ирана в арабском мире. В частности, через ее территорию проходят коммуникации, связывающие Иран с базирующимися в Ливане террористами проиранской Хезболлы. На первый взгляд поэтому свержение режима Асада отвечает интересам всех (кроме, разумеется, Ирана) действующих лиц ближневосточного *театра абсурда*. Но реальная

ситуация гораздо сложнее. *Во-первых*, возникает вопрос: на кого будет ориентироваться будущее правительство Сирии — на суннитские монархии Персидского залива, на Турцию или на Европу? *Во-вторых*, резко возрастает роль курдской проблемы. Смена режима, неизбежно сопровождающаяся ослаблением государственных институтов, естественно, укрепит в Сирии позиции курдских кругов, уже многие десятилетия добивающихся создания независимого Курдистана на территориях, входящих в состав Турции, Ирана, Ирака и Сирии. Это абсолютно неприемлемо для Турции. *В-третьих*, нынешний сирийский режим, ослабленный столкновениями с оппозицией, не представляет какой-либо военной угрозы для Израиля. Но если в конечном итоге в Сирии одержат верх исламские радикалы, например, *братья-мусульмане*, то в перспективе нескольких лет сирийская угроза Израилю заметно возрастет. Иными словами, сохранение нынешнего статус-кво в Сирии соответствует интересам наиболее влиятельных государств региона.

Нельзя не учитывать роль России в развитии ситуации вокруг Сирии. Авторитарные диктатуры, подобные сирийской, намного ближе и понятней большинству российской элиты, чем развитые демократии Запада. Правящие круги России инстинктивно опасаются, возможно, не без причины, что рано или поздно они сами могут стать объектами давления со стороны Запада. А потому Москва делает все от нее зависящее, чтобы не допустить падения авторитарных режимов, особенно антизападной окраски, под воздействием международных санкций. Кроме того, режим Асада является единственным союзником России на Ближнем Востоке. Его свержение приведет к ослаблению и без того не слишком сильного российского влияния в регионе. Россия может потерять пункт материально-технического снабжения своего военно-морского флота в Тартусе. Исчезнет перспектива превращения этого пункта в полноценную военно-морскую базу, о чем давно мечтают российские адмиралы. Наконец, антизападный и антиизраильский курс Сирии, а также поддержка Дамаском экстремистских террористических групп заметно осложняют политическую и стратегическую ситуацию на Ближнем Востоке. Это, в свою очередь, отвлекает ресурсы Запада от зоны бывшего СССР, где сосредоточены основные российские интересы, и усиливает возможности Москвы играть на противоречиях в самом ближневосточном регионе. В свете этого нет оснований надеяться, что Россия поддержит в Совете безопасности сколько-нибудь эффективные санкции против режима Асада, в том числе блокаду. В итоге, сирийский *гамбит* может затянуться, но, скорее всего, ненадолго.

Евгений Сатановский (Россия), президент Института Ближнего Востока — по электронной почте из Москвы: Операция НАТО в Ливии продемонстрировала пределы возможностей альянса. Не следует ожидать, что после свержения режима Каддафи в Джамахирии воцарится демократия. Ситуация может развиваться по сомалийскому сценарию — племя против племени; а может развиваться по иракскому сценарию — регион против региона; не исключен афганский вариант — исламисты против всех остальных. Думаю, исключен лишь один сценарий — бенгазийцы, сидящие в Триполи, управляют единой Ливией.

Разворачивающаяся в Сирии гражданская война по своей сути является конфликтом *заливных* стран против Ирана, причем Иран, скорее всего, Сирию сдаст. Население в Сирии смешанное, там спокойно живет христианская община, и страна *после Башара Асада* может перестать быть страной Ближнего и Среднего Востока. Эскалация конфликтов в арабском мире продолжится: обострятся арабо-иранские противоречия, продолжится зачистка Катаром и Саудовской Аравией авторитарных светских арабских режимов.

Падение авторитарных режимов чаще всего происходит при сочетании восстания масс и раскола элит. В одних случаях в правящих кругах формируется оппозиционная группировка, которая провоцирует беспорядки и на их фоне приходит к власти. В других — стихийные бунты вызывают расколы в бюрократической и военной элитах, которые в конечном итоге приводят к падению режима. Но чаще всего выступления населения и борьба за власть в верхах разворачиваются одновременно, взаимно усиливая друг друга.

Такой подход высвечивает ключевой вопрос — насколько долго офицерский корпус сирийской армии будет сохранять лояльность Асаду и его ближайшему окружению. Та часть офицерского корпуса, которая не несет прямой ответственности за репрессии против населения, вскоре все же придет к логичному выводу о том, что поддержка правящей клики, находящейся под двойным давлением — извне и изнутри — слишком рискованна, тогда как переход на сторону оппозиции может принести ощутимые карьерные выгоды или просто поможет сохранить занимаемое положение.

НОВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Летом и в начале осени 2011 г. достаточно отчетливо выявились новые элементы в стратегической ситуации на Ближнем Востоке. После падения режима Мубарака во внешней политике Египта отчетливо обозначилась антиизраильская линия. Разумеется, ни нынешнее военное руководство Египта, ни правительство, которое может быть сформировано после ноябрьских выборов, не рискнут пойти на открытую военную авантюру. Однако можно ожидать усиления египетской поддержки требований лидеров палестинской автономии, разного рода мелких провокаций, ослабления контроля на границе с сектором Газа и тому подобного. В результате, не столько военное, сколько политическое и дипломатическое положение Израиля осложняется.

Ситуация в регионе обостряется также вследствие обращения Махмуда Аббаса к ООН с просьбой принять Палестину в члены этой организации. К моменту написания обзора итоги демарша палестинского лидера были неизвестны. Нет сомнений, однако, что Совет безопасности заблокирует палестинское обращение, тогда как Генеральная ассамблея ООН его поддержит и предоставит Палестинской национальной администрации статус государства-наблюдателя. Это станет еще одним свидетельством деструктивной роли ООН в современном мире, поскольку привет к вспышке напряженности на Ближнем Востоке.

До новой израильско-арабской войны дело, разумеется, не дойдет. Арабские государства трижды развязывали военные конфликты с Израилем и трижды терпели поражения. Такие впечатляющие уроки истории не могут пройти бесследно даже для арабских властителей. Далее, ни Египет, ни Сирия не в состоянии вести войну с кем-либо в результате внутренних пертурбаций. А без их участия никакая война с Израилем невозможна. Вместе с тем статус государства-наблюдателя в ООН, скорее всего, будет истолкован в арабском мире и самими палестинцами как международное признание палестинского государства, причем в границах до войны 1967 г. Аббас уже назвал уход Израиля со всех территорий, занятых в ходе арабо-израильской войны 1967 г., а также замораживание строительства еврейских поселений в качестве условий для продолжения переговоров с Израилем. Для последнего ни то, ни другое заведомо не приемлемо.

Иными словами, палестинцы уже подорвали, причем надолго, возможности политического урегулирования ключевых проблем палестино-израильских отношений: статус Восточного Иерусалима, границы и возвращение так называемых беженцев. А потому у них нет другого выхода, кроме как спровоцировать новую интифаду и одновременно под предлогом несговорчивости Израиля апеллировать к так называемому мировому общественному мнению и европейским странам с просьбой оказать давление на израильское руководство, а заодно оказать Палестине дополнительную финансовую помощь.

Можно ожидать, что европейские лидеры, хотя и не все, а также администрация Обамы начнут добиваться от израильского руководства принципиальных уступок с тем, чтобы такой ценой стабилизировать военно-политическую ситуацию в регионе. Это свидетельствует лишь о полном непонимании и, что еще хуже, нежелании понимать историю и природу палестинской проблемы. Но главное — в другом. Никакие уступки Израиля не приведут к снижению напряженности на Ближнем Востоке. Израильско-палестинское противостояние нужно практически всем арабским лидерам, чтобы направить внутреннее недовольство вовне, против сионистского врага и одновременно шантажировать Запад.

Но, пожалуй, самым важным фактором стратегических изменений на Ближнем Востоке является политика Турции, которая все более настойчиво добивается утверждения там своей лидирующей роли. Это заметно усложняет расстановку и соотношение сил в регионе. До последнего времени в нем были два основных узла противоречий. Первый — между арабскими странами и Израилем, с одной стороны, и, Ираном, стремящимся к гегемонии в зоне Персидского залива, а затем и на Ближнем Востоке в целом, с другой. Второй — между арабскими государствами и Израилем. Теперь к ним добавился очень сложный комплекс отношений между Турцией и другими ведущими действующими лицами Ближнего Востока — Ираном, Саудовской Аравией и Израилем. В итоге ситуация там стала еще более запутанной и труднопредсказуемой.

Турецкой активности на Ближнем Востоке способствовали три обстоятельства. *Во-первых*, в последние 20 лет среднегодовые темпы роста турецкого ВВП составили более 4%, что в 2,5 раза выше, чем в среднем в Европейском союзе. В конце 2000-х гг. суверенный турецкий долг составил 45% ВВП, что почти в два раза меньше, чем в ЕС. А дефицит государственного бюджета сократился с 33% в 2000 г. до 6,5% в 2009 г. Иными словами, на фоне остальной Европы турецкая экономика выглядит на редкость здоровой. *Во-вторых*, в турецкой элите накопилось серьезное разочарование и раздражение тем, что многолетние усилия по вступлению в ЕС не дают результата, тогда как членами Европейского союза стали, например, Болгария и Румыния, чье экономическое положение не выдерживает критики. *В-третьих*, у власти в Турции находятся умеренные исламисты, для которых мусульманский мир является не менее, а может быть и более привлекательной зоной приложения сил, чем Европа. Наконец, экономические успехи и относительно высокая политическая стабильность способствовали росту с стране неоимперских или, как иногда их называют, *неосманских* настроений.

Взяв курс на усиление своего влияния на Ближнем Востоке, Турция активно разгryвает антиизраильскую карту, хотя и не доводит пока дело до открытой конфронтации с Израилем. Одновременно сохраняется и усиливается сотрудничество с США. В частности, в сентябре 2011 г. Анкара дала согласие на развертывание вблизи с границы с Сирией мобильного американского радара *AN/TPY-2 THAAD* дальностью действия около тысячи километров, способного обнаруживать запуски ракет с северной части Ирана, отслеживать их траектории и наводить на них ракеты-перехватчики, находящиеся на кораблях, барражирующих в Средиземном море. Это очевидное свидетельство антииранской направленности турецкой политики на Ближнем Востоке. Последнее, впрочем, вполне естественно — Тегеран является одним из основных соперников Анкары в борьбе за влияние в регионе.

КРИЗИС РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Интриги и хитросплетения вокруг предстоящей перестановки фигур в Кремле и Белом доме отвлекали внимание экспертов и общественного мнения как в России, так и за рубежом от российской внешней политики. Между тем к концу лета 2011 г. появилось немало свидетельств того, что она оказалась в очередном кризисе.

Вплоть до падения Триполи МИД и другие российские ведомства пытались тем или иным путем сохранить Каддафи у власти или, по крайней мере, не допустить воен-

ного разгрома его режима. В Москве ясно давали понять, что решение Медведева не голосовать против резолюции СБ ООН 1973 ошибочно, и одновременно обвиняли страны — члены НАТО в том, что их действия в Ливии нарушают эту резолюцию. При этом российские дипломаты и политические деятели сознательно или по незнанию игнорировали пункт 4 данной резолюции, который уполномочивал государства-члены, «действуя самостоятельно или через региональные организации или соглашения и действуя в сотрудничестве с Генеральным секретарем, принимать все необходимые меры, несмотря на положения пункта 9 резолюции 1970 (2011), для защиты гражданского населения и мест его проживания, находящихся под угрозой нападения [...] но исключая при этом возможность пребывания иностранных оккупационных сил в любой форме на любой части ливийской территории»⁹. Внешнее военное вмешательство в гражданскую войну в Ливии как раз попадало в категорию «всех необходимых мер» для защиты гражданского населения; причем никакие «иностранных оккупационных сил» на территорию Ливии не вводилось. Как бы то ни было, российская политика в Ливии потерпела крупный провал. Хуже другое — в Москве не сделали из этого необходимых выводов и делают все возможное, чтобы не допустить смены власти в Сирии по причинам, которые были перечислены чуть раньше. 4 октября 2011 г. Россия вместе с Китаем заблокировали принятие резолюции Совета безопасности ООН, предусматривающей даже не санкции, а некие «особые меры» против режима Асада в случае, если будет продолжаться силовое подавление оппозиции. Представитель России в ООН Виталий Чуркин объяснил российскую позицию довольно странным образом: проект резолюции «построен на философии конфронтации». Что именно он имел в виду, остается загадкой.

Вызывает недоумение поддержка Россией авантюры с признанием палестинского государства. Результат этого будет только один — ухудшение отношений с Израилем. Но Израиль — единственное ближневосточное государство, являющееся естественным партнером и, теоретически, даже союзником России — их объединяет общая глубокая заинтересованность в противодействии исламскому экстремизму. Кроме того, Израиль представляет собой потенциальный источник высоких технологий, в которых Россия отчаянно нуждается. Наконец, в силу очевидных причин ментальность российского и израильского обществ имеет очень много общего, между ними практически нет проблемы взаимного непонимания, тогда как российский и арабский менталитет глубоко чужды друг другу.

Сегодня ясно, что попытка России остановить или ограничить развертывание системы ПРО в Европе окончилась неудачей. Американо-турецкая договоренность о размещении в Турции противоракетного радара в дополнение к аналогичному радару, находящемуся в Израиле, по сути дела, лишает какого-либо смысла сотрудничество с Россией в области ПРО, в том числе обмен информацией о пусках иранских ракет. Информация, получаемая от РЛС *AN/TPY-2 THAAD* в Турции и Израиле, делает ненужной данные, которые теоретически могут быть получены от РЛС в Габале и Армавире. Неслучайно высокопоставленный чиновник в Кремле на вопрос, есть ли шанс договориться с США и НАТО по проблеме ПРО, прямо ответил, что такие возможности исчерпаны. «Шансов договориться нет. [...] Теперь нужно либо свою ПРО создавать, либо наращивать ядерный потенциал»¹⁰.

Разумеется, российское руководство может принять решение о создании собственной ПРО и выделить для этого внушительные средства. Последнее будет с энтузиазмом поддержано деятелями ВПК, которые, естественно, пообещают выполнить эту работу качественно и в кратчайшие сроки. Однако технологический разрыв между Россией и США и прогрессирующая деградация высокотехнологичного сектора экономики делают невозможным создание в России противоракетной обороны, сопоставимой с той, что развертывается в Европе, на Дальнем Востоке и в США. При этом гипотетическая российская ПРО, если ее удастся построить, не может угрожать безопасности США по тем самым причинам, по которым американская ПРО не угрожает безопасности России. Иными словами, строительство ПРО в качестве ответа на предполагаемую растущую американскую угрозу нелепо. Что же касается наращивания ядерного потенциала, то в России делается все, в том числе заведомо

бессмысленное, чтобы максимально компенсировать сокращение стратегических вооружений, вызванное истечением гарантийных сроков эксплуатации. Следовательно, наращивать ядерный потенциал можно только развертывая ракеты *Искандер* вдоль западных границ. А это в перспективе грозит новым военно-политическим кризисом в Европе, напоминая ракетный кризис 1970–1980-х гг.

Наконец, Москва умудрилась испортить отношения с нынешним руководством Украины — страны, имеющей для России ключевое стратегическое значение. Кремль соглашался обсуждать вопрос о снижении цены на газ только при условии объединения газотранспортных систем Украины и России, то есть поглощения украинских газопроводов Газпромом, а также присоединения Киева к Таможенному союзу. Последнее перекрывает перспективу создания зоны свободной торговли Украины с ЕС, переговоры о которой находятся на завершающей стадии. В итоге президент Янукович на встрече с Путиным и Медведевым в Завидово дал ясно понять, что если не будет найдено устраивающее Украину решение вопроса о цене на газ, будут пересмотрены харьковские соглашения относительно базирования Черноморского флота, а также, что еще болезненнее для Москвы, Киев может присоединиться к создаваемой под эгидой НАТО системе ПРО¹¹. Каковы будут последствия этого демарша, пока неясно. Но понятно, что он (или нечто подобное) стал возможным только в результате дошедшего до точки кипения раздражения Киева политикой Москвы.

Можно перечислять и другие примеры, свидетельствующие о грубых ошибках Кремля в оценках ключевых трендов развития ситуации в мире в целом и отдельных его регионах, прежде всего на Ближнем Востоке, а также способности Запада и ближайших соседей России сопротивляться давлению и угрозам с ее стороны. Если не произойдет принципиальных изменений в международной стратегии России, а предпосылки для этого не видно, ее изоляция станет если не неизбежной, то весьма вероятной.

БОРЬБА ЗА 20 ТРИЛЛИОНОВ

Сделанное 24 сентября 2011 г. объявление о *рокировке* тандема и последовавшая за этим отставка вице-преьера и министра финансов Алексея Кудрина вызвали шквал комментариев в российской и зарубежной прессе. Они достаточно хорошо известны читателям и комментировать их здесь нет резона. Меньшее внимание экспертов и журналистов привлекло публично высказанное Кудриным объяснение своего нежелания работать в будущем правительстве Медведева. А именно оно является наиболее интересным во всей этой цепи событий. Напомним, что причиной демарша Кудрина, по его словам, стало решение Медведева о выделении 20 трлн рублей на оплату государственного оборонного заказа в 2011–2020 гг. Не доверять этому объяснению причин нет. Для того чтобы оценить значимость этого заявления, необходимо отметить, что начиная с 2000 г. расходы на военные цели росли в России весьма быстрыми темпами. В рублевом выражении в текущих ценах они увеличились за этот период примерно в 6,5 раз, а в долларах США при пересчете по паритету покупательной способности (ППС) — немногим более чем в 2 раза. Сколько-нибудь заметных улучшений боеспособности и эффективности российских вооруженных сил, как показали война с Грузией и *контртеррористическая* операция в Чечне, не произошло.

Таблица 3. Российские военные расходы, 2000–2010 гг.¹²

Расходы	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
млрд руб., текущие цены	271	365	470	568	656	806	967	1144	1448	1693	1782
млрд долл., пересчитанные по ППС	41,6	49,2	55,7	60,4	59,6	63,3	68,1	72,8	79,8	92,6	88,5

3 июня 2010 г. были обнародованы предварительные данные о финансировании государственной программы вооружений на 2011–2020 гг. Предполагалось, что на эти цели будет выделено 13 трлн рублей, или 1,3 трлн руб. в год. Министерство обороны сочло эту сумму недостаточной и потребовало выделить как минимум 28 трлн руб. А для финансирования вооруженных сил *в полном объеме*, по заявлениям военного командования, требовалась фантастическая сумма — 36 трлн руб., причем только на оплату государственного оборонного заказа, без учета расходов на содержание и боевую подготовку войск¹³. Это не могло не вызвать жесткого сопротивления Министерства финансов, хорошо осознающего, что военные расходы такого масштаба могут иметь катастрофические последствия для экономики. В конце 2010 г. была утверждена компромиссная цифра в 20 трлн руб., или почти 1 трлн долл. по ППС в ценах 2010 г. Это значит, что ежегодные военные расходы предполагается увеличить более, чем в 2 раза, доведя их в среднем до 180–190 млрд долл. в год (в нынешних ценах по ППС). В мае 2011 г. Министерство финансов официально предложило отказаться от увеличения численности офицеров и контрактников, сократить за 3 года армию на 15%, и сокращать расходы на гособоронзаказ по 100 млрд руб. ежегодно в ближайшие 3 года, а также снизить бюджет МВД на следующие 2 года на 97 и 99 млрд руб.¹⁴

Судя по всему, эти предложения были отвергнуты в результате жесткого сопротивления военного командования. Однако они не могли не обострить, возможно, до критического уровня отношения между Кудриным и ориентирующимися на него кругами бюрократии с *силовой группировкой* в высшем российском руководстве. При этом из заявления Кудрина следует, что главным лоббистом интересов военного командования и ВПК, *проталкивавшим* выделение упомянутых средств на военные цели, являлся и Медведев¹⁵.

Отставка Кудрина нарушила равновесие между различными фракциями в окружении Путина и привела к значительному усилению влияния *силовики* на внутреннюю и внешнюю политику страны. Однако, скорее всего, до президентских выборов существенных изменений во внешней политике России не произойдет. В дальнейшем же можно ожидать ужесточения позиции по европейской ПРО, вплоть до решения о размещении *Искандеров* в Калининградской области.

Главным приоритетом российского военного ведомства является сохранение и модернизация стратегической триады. По крайней мере, с этим согласны практически все российские военные эксперты. Это имеет смысл только в том случае, если российские военные планы предусматривают реальную возможность конфронтации с США, грозящей перерастить в обмен ракетно-ядерными ударами. Следовательно, возникает вопрос: каким может быть относительно реалистичский сценарий возникновения и эскалации такого рода конфронтации? Единственный ответ состоит в том, что военное противостояние между США и Россией возникает в результате вторжения российских войск в ту или иную сопредельную страну и выступление Соединенных Штатов в ее защиту.

НИКТО ТАК НЕ СЛЕП, КАК ТОТ, КТО НЕ ХОЧЕТ ВИДЕТЬ

В книге пророка Иеремии упоминается народ, «у которого есть глаза, а не видит, у которого есть уши, а не слышит». Англичане уже давно выразили эту же мысль более простым и элегантным образом: «Никто так не слеп, как тот, кто не хочет видеть»¹⁶. К сожалению, в большинстве своем политические и бюрократические элиты слепы, потому что не хотят видеть очевидное и отказываются от исчерпавшими себя стратегий и взглядов. Российское политическое руководство не способно образумить зарвавшийся генералитет. Администрация Обамы намерена и далее наращивать социальные расходы и продолжать *перезагрузку* с Россией. Погрязшая в бюрократизме ООН поддерживает террористов, именующих себя борцами за справедливость или, например, за независимость Палестины. Профсоюзы и левые партии всеми силами пытаются сорвать сокращение бюджетных расходов, *подхлестывая* таким образом экономический кризис. Европейские пра-

вительства в тревоге от неконтролируемой и нелегальной миграции из третьего мира, но боятся ее пресечь. Полицейские, застрелившие в Лондоне известного бандита, направившего на них пистолет, опасаются обвинений в неправомерном применении оружия. Развитый мир нуждается в лидерах, сопоставимых по своим масштабам с Черчиллем, Аденауэром, де Голлем, Рейганом и Тэтчер. Но, увы, таких пока нет...

Юрий Федоров

ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА: ПЕРЕЗАГРУЗКА МЕРТВА

*«На мою могилу нанесут горы мусора,
Но ветер истории безжалостно его развеет».
Приписывается И. В. Сталину.*

Вот уже пять лет выходят в журнале *Индекс Безопасности* и вот уже пять лет пишущая обзоры международных событий. Оглядываясь на пройденный путь, понимаешь, как сильно изменился мир за прошедшие годы. От еще даже не ожидания перемен, а просто ощущения того, что новый мировой порядок буксует, через первый *пинк* мирового финансового кризиса 2008 г. к ситуации постоянной нестабильности в одном из ключевых для мировой политики регионов и ожидания глобальной экономической и политической нестабильности. Вы даже будете смеяться, — российская внутренняя политика вновь стала интересной. А это уже даже не симптом. Это диагноз.

Это движение, конечно, не развивалось по прямой линии, сопровождалось зигзагами и непоследовательностью политиков, вдруг появляющимися надеждами на умиротворение. Однако весь пройденный путь, надеюсь, смог убедить всех нас, что в современном мире нет ничего прочного, ничего безусловно стабильного. Вряд ли можно говорить о периоде с 1991 по 2011 г. как о периоде стабильности. Это было бы абсолютным цинизмом по отношению к жертвам региональных конфликтов и локальных геноцидов. Это было бы неправдой и с исторической точки зрения. Дело не в том, что конфликтов и войн было меньше, чем обычно. Дело в том, что многим казалось, что все те константы, которые относятся к *цивилизованному миру*, вечны, то есть и существовали всегда, и никогда не изменятся. И стоит только попасть в число избранных, и как по мановению волшебной палочки стабильность и относительное материальное благополучие сделают политические проблемы, и внешние, и внутренние, совершенно несущественными. Как говаривал покойный Егор Гайдар, вероятно, последний искренний либерал в нашей стране (злые языки сказали бы: первый и последний): *«Я хочу жить в скучной стране»*. Кто бы мог подумать, что в тихой Европе обнаружится, как минимум, полдюжины интересных стран, а самой *интересной* из них станет Греция, причем интересной не только и не столько для самих греков (которые с завидной регулярностью выплескивают на улицах Афин и других крупных греческих городов свою агрессию, видимо, накопившуюся за годы членства в ЕС), сколько для остальных жителей объединенной Европы, которые начинают уже всерьез сомневаться в том, что следующее поколение европейцев будет жить обязательно лучше предыдущего.

Такое оживление европейской политики происходит на фоне еще одного весьма *перспективного*, извините за цинизм, явления: вхождения европейского мультикультурализма в фазу активного умирания. С Америкой дело обстоит намного сложнее, но и там происходят схожие процессы. Это видно хотя бы по ситуации во Флориде и Калифорнии, а также по появлению «Движения Чаепития», что знаменует, безусловно, кризис традиционной американской многокультурности и многоукладности. Однако, в отличие от США, в Европе смерть мультикультурализма становится уже политическим вопросом. Во всяком случае неэффектив-

и нужно-то не было, за исключением, естественно, ритуальных требований свободы самовыражения для политических маргиналов из «Другой России» и призывов прекратить *гонения на Свидетелей Иеговы*. А главное, — США не были готовы дать России ничего из того, что (справедливо или ошибочно, не суть) рассматривается ею в качестве безусловных приоритетов. Но стратегические взаимоотношения так не строятся. И если кто-то в российской элите всерьез рассчитывал на какое-то долгосрочное понимание с американцами на такой основе, то он, мягко говоря, вконец наивный человек, с мнением которого не особенно посчитались в Кремле. Иными словами, если *перезагрузка* — это компромисс, то для компромисса должна быть серьезная база.

Третье. При всем том, что *перезагрузка* поначалу была очень симпатична очень многим в российской элите, причем необязательно проамериканским либералам, патриотической общественности она тоже льстила, поскольку создавала иллюзию, что *американцев дожали*. Однако надо понимать, что эта симпатия касалась отношений с США как *единственной сверхдержавой*. И не касалась и не могла касаться отношений с США как с государством, *погрязшем* во внутренних экономических проблемах, с расколотой элитой и падающим долларом. *Перезагрузка* с сильной Америкой имела смысл и немалый. А вот имеет ли смысл *перезагрузка* с сегодняшней Америкой — большой геополитический вопрос. И значительная (если не большая) часть российской элиты вполне может посчитать, что еще один цикл конфронтации с США окажется куда более интересным и политически рентабельным для нее, нежели продолжения невнятной политики последних месяцев.

Итак, *перезагрузка* мертва. Но таким ли уж *стратегическим* был этот проект, и так ли уж трагичны последствия его неудачи? Вряд ли. Так ли уж страшен будет еще один цикл конфронтации? Тоже вряд ли, если он не будет дополнен нестабильностью в ключевых районах мира и если у кого-нибудь по одну или другую сторону океана не сдадут нервы. Кстати, на всякий случай американцам неплохо было бы унять генсека НАТО Фог Расмусена, ряд высказываний которого иначе как провокацией назвать нельзя. Но в целом, правильнее было бы не плакать над трагической судьбой еще одной попытки российско-американского партнерства (тем более что *перезагрузка*, если разобраться, партнерства в действительности не предполагала), а, сделав выводы, разработать план новой *перезагрузки*, который может быть извлечен из стола, когда элиты обеих стран будут к этому готовы. Лет так через пять.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ ПОСЛЕ 11 СЕНТЯБРЯ 2001 г. — МУТНАЯ ВОДА НЕ СТАНОВИТСЯ ЧИЩЕ

С неожиданным размахом *прогрессивное человечество* отметило — почти отпраздновало — десятилетие событий 11 сентября 2001 г. Внешне это действительно выглядело почти как праздник, во всяком случае для той части американского общества и международных игроков, которые считают новый глобальный интервенционизм лучшим лекарством от внутриэкономических проблем. *Герои 11 сентября* — Джордж Буш-младший, Ричард Чейни, Дональд Рамсфилд — казались, рисовались перед публикой, рассказывая о том, как они героически и мудро вели себя в день национальной трагедии. Однако эта почти праздничность еще более усугубила атмосферу невнятности, недомолвок, порой откровенной лжи, которая вокруг трагедии десятилетней давности сформировалась.

И вот, что интересно: чем дальше от 11 сентября 2001 г., тем меньше людей в принципе верят в официальную версию событий. И дело тут не только и не столько в классических конспирологических теориях. Дело тут в том, что любому непредвзятому наблюдателю стало за последние 10 лет ясно, что американцы много чего скрывают о событиях 11 сентября 2001 г. и что скрывают не зря. Но принципиальное различие между сокрытием фактов об американской лунной программе и о событиях 11 сентября не в том, что последние — гораздо

ближе к нам. Различие состоит в том, что любая информация — что же в действительности произошло 11 сентября 2001 г. и почему это произошло — имеет сугубо прикладное значение. Ведь даже если глубоко конспирологическая версия произошедшего не оправдывается (а она, скорее всего, не оправдывается), любое вскрытие подноготной событий 11 сентября 2001 г., например, во вполне умеренном контексте *провала спецслужб*, приведет к тектоническим сдвигам в американской политической элите, которые современная Америка может и не пережить.

Но главное даже не в этом. Совершенно не понятен истинный масштаб террористической угрозы. Ведь, если разобраться, США и страны НАТО ведут борьбу с терроризмом уже много лет, причем соответствие практики этой борьбы с терроризмом минимальным международным нормам весьма сомнительно, если не сказать большего. Но, поскольку мировое сообщество *как бы* дало мандат США на глобальную борьбу с терроризмом, *как бы* допуская, что американцы будут ее вести, где посчитают нужным и как посчитают нужным. Наверное, в той ситуации, как она виделась в сентябре 2001 г., по-иному и быть не могло. Но прошло уже 10 лет и, кажется, пора попросить (пока еще только попросить) у Соединенных Штатов отчет о том, что они делали, каких успехов они добились и какие у этих успехов были издержки.

Нандан Унникришнан (Индия) — директор по евразийским исследованиям, старший научный сотрудник Исследовательского фонда *Obsever* — по телефону из Дели: Военно-политическая напряженность в Афганистане и Пакистане остается главным дестабилизирующим фактором безопасности в Южной Азии. Убийство в Афганистане Бурхануддина Раббани, а также покушения на ряд видных лиц, которые вели переговоры с талибами, привели к резкому обострению ситуации. Нападение в середине сентября на представительство США и НАТО в Афганистане стало детонатором в американо-пакистанских отношениях. Вашингтон обвинил в причастности к нападениям Межведомственную разведывательную службу (ИСИ) Пакистана, которая, по мнению американцев, помогала террористам из группировки *Хакани*. Американцы пригрозили Пакистану применением военной силы и сокращением финансовой помощи пакистанской армии. Возникшая ситуация представляет угрозу для всех стран региона. Думаю, переломным моментом для всей Южной Азии станет 2014 г., когда американцы выведут все войска из Афганистана. Поэтому мировое сообщество должно приложить максимум усилий для позитивного разрешения афганской проблемы.

Сложной остается внутривнутриполитическая ситуация в Индии. Возросший уровень коррупции в стране вызывает возмущения среди населения и угрожает перерасти в антиправительственные акции протеста. Определенный оптимизм внушала перспектива подписания договора по разделу воды в реке Тиста между Индией и Бангладеш. Но этого не произошло, что испортило позитивную атмосферу взаимоотношений двух стран. Непростыми остаются отношения Индии с соседними странами — Непалом, Шри-Ланкой, Мальдивами. Нарастает напряженность между Индией и Китаем. Решение Дели помочь Вьетнаму разведать нефтяные запасы в Китайском море вызвало негативную реакцию Пекина.

Для начала я задал бы несколько крайне простых вопросов.

- **Что Соединенные Штаты считают наиболее опасными с операционной точки зрения террористическими структурами в современном мире?** Давайте оставим в стороне бесконечную сагу об Аль-Каиде, убиенные лидеры которой множатся, как грибы после дождя, по мере падения рейтинга Барака Обамы, и поговорим о конкретных организациях и людях. Реальных организациях и реальных людях. США пора выложить свои знания на стол, в противном случае доверие к их антитеррористическому лидерству может быть серьезно подорвано.
- **Насколько реально сильна террористическая угроза развитым капиталистическим странам?** Насколько имеющиеся организации реально — а не в пропагандистском плане — имеют потенциал для нанесения удара по территории США их союзников, или, максимум, сегодняшних глобальных террористов, атаки на американские военные и гражданские объекты на территории развивающихся стран?
- **Насколько именно Афганистан может считаться центральной точкой в международных усилиях по противодействию исламскому терроризму и экстремизму?** Кажется, что это уже далеко не так и вся эта борьба с якобы существующими остатками Аль-Каиды в Афганистане является просто прикрытием для чудовищной коррупции и не менее чудовищной наркоторговли. А тем временем организационный центр глобальных террористических движений уже давно сместился в совершенно ином направлении. Например, в район Африканского Рога, откуда очень удобно совершить стратегический бросок и в Северную Африку, и к Баб-эль-Мандебскому проливу. Вот это будет штука посильнее 11 сентября, поверьте мне.
- И наконец, **каков в настоящее время юридический режим противодействию терроризму со стороны США?** Каковы — и есть ли они — одобренные уже новым президентом (к слову, лауреатом Нобелевской премии мира) стандарты обращения с задержанными и проведения специальных акций за пределами национальной территории США? Продолжают ли США в настоящее время использовать тайные тюрьмы в других странах для содержания задержанных по подозрению к причастности к международному терроризму?

Заметьте, я не призываю задавать вопросы о том, как и почему произошло то, что произошло 11 сентября 2001 г. на Манхеттене.

Подводя итоги, боюсь, я вынужден сказать о неприятном. Американцы столько раз кричали «пожар!» в момент, когда им это было нужно по политическим соображениям, что теперь им мало кто поверит, даже если они вдруг начнут говорить правду. И никто не поможет, если случится нечто, сравнимое по масштабу и политическому звучанию с событиями 11 сентября. Тем более, опять мы наблюдаем в американской внешней политике стремление найти *хороших террористов*. И отделить их от *плохих*. Причем логика этого совершенно не отличается от того, что мы слышали в 1980-е гг. Если отбросить всю словесную шелуху про борьбу с диктаторскими режимами, то в сухом остатке будет простая и эффективная формула: экстремистские и террористические структуры могут быть *хорошими*, если их финансирует Саудовская Аравия и другие страны — союзники США из числа нефтяных монархий. Некой модернизацией геополитической логики рейгановских времен, разработанной известной деятельницей праворадикального крыла американской элиты Джин Киркпатрик, является то обстоятельство, что Соединенные Штаты уже даже не ставят вопрос о контроле над деятельностью *повстанцев* и *борцов за свободу*. Видимо, в Вашингтоне мудро пришли к нехитрой мысли о том, что не стоит ставить перед собой невыполнимых задач. Крайне забавно, к слову, слушать объясне-

ния американцев и натовцев о том, что они, собственно, не знают, кого привели своими руками к власти в Ливии. Или все-таки знают, но боятся сказать об этом публично?

ПОСТЛИВИЙСКИЙ МИР: НЕОКОЛОНИАЛИЗМ XXI в.

Не хочется говорить о Муаммаре Каддафи, но придется. Не хочется говорить не только потому, что все уже сказано. Не хочется говорить потому, что фигура эта как была опереточной, так опереточно и сошла с глобальной политической сцены, успев пролить немало крови, но так и не продемонстрировав ни ума, ни стойкости, ни храбрости. Наивны утверждения некоторых патриотических политологов о том, что Каддафи проиграл, потому что НАТО *вбомбило* Ливию в *каменный век*. Если разобраться, то интенсивность воздушной кампании была относительно незначительной по сравнению с войнами в Югославии и Ираке. И контроль над воздушным пространством Ливии был весьма условным — чего стоят колонны из сотен единиц бронетехники, которые почему-то преспокойно уходили в Нигер, в Чад и еще неведомо куда... А главное — инфраструктурное и ресурсное обеспечения операции были весьма ограничены. Так что при наличии минимально дееспособной ПВО эффективность воздушной войны в Ливии была бы весьма низкой. А о том, что могло бы произойти, решишь Каддафи нанести удар по южной Италии и Сицилии, например, с использованием спецназа, можно себе сейчас только представить. Но не было у полковника ни ПВО, ни авиации, да и хваленый спецназ куда-то *рассосался*. Были только амазонки-телохранители и фуражка с высокой тульей. Да и вел себя полковник как-то странно: особенно накануне начала широкомасштабного наступления Переходного национального совета на Триполи во всем его поведении при внешней воинственности сквозила надежда, что натовцы, уставшие от бесплодной войны, вот-вот отстанут. Не отстали.

Пал Дунай (Венгрия), руководитель программы по международной безопасности Женевского центра политики безопасности — по электронной почте из Будапешта: Глобальная экономика замерла в ожидании второй волны рецессии. Перегруженность финансовых систем США и Евросоюза ведет к обвалу котировок на мировых фондовых биржах. Экономическая *бездна*, в которую сползает Запад, снижает его роль и влияние на мировые политические процессы. Например, ситуация в Сирии доказала, что ведущие державы переоценили здесь собственные силы. Практические шаги для стабилизации ситуации в стране были сведены лишь к отдельным декларациям и экономическим санкциям, которые имели мало общего с достижением серьезного долгосрочного результата.

Военная операция оппозиции в Ливии, поддерживаемой с воздуха авиацией НАТО, с одной стороны, положила конец режиму Муаммара Каддафи, с другой — показала, что новые члены Североатлантического альянса не способны внести вклад в так называемую *жесткую силу* международной безопасности. Подобная ситуация наблюдается и в военной кампании НАТО в Афганистане. Отсюда, США следует серьезнее задуматься о пользе новых членов альянса и поставить под сомнения их способность адекватного реагирования на современные угрозы.

Видимо, разгром Каддафи произвел настолько глубокое впечатление на российских военных, что удостоился специального комментария от начальника Генерального штаба Н. Е. Макарова, который прямо сказал, если отбросить дипломатию, что *ливийский сценарий* актуален и для России. Кстати, хочется спросить: а что собственно он имеет в виду? Он что, не верит в монолитное единство Общероссийского народного фронта и партии *Единая Россия*, сплотившихся вокруг монолитного как никогда руководства страны? Он что, верит, что кучка несогласных может всерьез дестабилизировать страну, захватив какой-либо город и устроив там параллельный центр власти? Или он имеет в виду что-то другое? В таком случае, начальник Генерального штаба обязан назвать все своими именами и обрисовать перед страной весьма серьезную перспективу. Если кто не догадался, *что-то другое* — это то, что внешняя военная интервенция против нашей страны в постливийский период перестала быть полностью невероятной. Да, ее вероятность пока относительно мала, а она есть. Вот только странно, что в качестве основного рецепта для предотвращения апробации ливийского сценария на России генерал армии Николай Макаров предлагает вооружить снайперов (не 38, как у Бориса Ельцина в Первомайском, а гораздо больше, что, вероятно, стоит считать большим прогрессом) западными снайперскими винтовками, да и, в принципе, закупать оружие за рубежом. Оружие, которое — как понимает любой ребенок — при первых признаках этого пресловутого ливийского сценария перестанет летать, ездить и стрелять. Кажется, покупка оружия за рубежом для нынешнего руководства Министерства обороны становится некоей навязчивой идеей, которая переходит в навязчивое состояние, которое, боюсь, терапевтическими средствами уже не излечить. Пора, как говорил один российский политик, *присылать доктора*.

Гораздо более интересно и продуктивно попытаться понять, что же такое представляет собой пресловутый *ливийский сценарий* с политической и военно-политической точки зрения. Конечно, это классический пример колониальной войны, ничем, по сути, не отличающийся от того, какие войны вела викторианская Англия в Индии и Южной Африке. Но вот современная конкретика оказывается весьма интересной и поучительной.

Первое. Создание или имитация *эффекта массовости* протестов. С учетом почти полного контроля *западных демократий* над глобальными средствами массовой информации и наличием технологий промывания мозгов, которые не снились ни Йозефу Геббельсу, ни советским пропагандистам, создание картинки массовых протестов для зарубежного общественного мнения не составляет проблем. Если основу для нее нельзя отснять на месте, ее можно снять где-то еще, как доказала нам *Аль-Джазира*. И поверьте, к слову, создать на *CNN* и в *Euronews* картинку заполненной оппозиционерами Москвы будет нетрудно. А то, что она вряд ли будет соответствовать действительности, не имеет значения. Смогли ведь западные СМИ убедить собственное общественное мнение, что это Россия напала на Грузию.

Второе. И, наверное, самое главное и самое сложное: формирование альтернативного центра власти, пусть он даже находится где-то на американском или французском военном корабле. Не помешал же Переходному национальному совету Ливии изображать из себя подобие власти тот факт, что его руководство носа не казало с вертолетоносца *Мистраль*. В Сирии ливийский вариант не прошел в том числе и потому, что не удалось создать даже подобия альтернативного центра власти, с одной стороны, не смогли провозгласить *освобожденной территорией* ни одного населенного пункта, а с другой — настолько ненавидели друг друга, что создать из них подобие структуры не удалось даже саудовским кукловодам. Только через пять месяцев нестабильности, когда эффект внезапности был уже исчерпан, появилось некое подобие *совета оппозиции*.

Третье. Замораживание зарубежных счетов режима. Простое и очевидное решение. Чтобы почувствовать *масштаб бедствия*, представьте, что 75% российских золотовалютных резервов в тот момент, когда наши отношения с Западом и пре-

жде всего с *империей добра* — США — начнут по-настоящему обостряться, будут в одночасье потеряны. И апелляции к международному праву не помогут. Поэтому, вероятно, именно ситуацию с золотовалютными резервами страны и следует считать в сегодняшней ситуации главной угрозой национальной безопасности страны.

Четвертое. Перевод ситуации в двухстороннее силовое русло. Для реализации сценария *гуманитарной неокOLONиальной войны* нужно, чтобы началась стрельба с обеих сторон. Война не начнется, пока режим своими танками *односторонне* давит оппозицию. Нужно, чтобы оппозиция начала жечь эти танки. Иными словами, нужно, чтобы в оппозиции возобладали радикалы, настроенные на что угодно, только не на диалог с властями, и чтобы эти радикалы развязали полноценную гражданскую войну. Да, конечно, вполне людоедский сценарий, но такова уж логика *оси демократизации* — Вашингтона–Парижа–Эр-Рияда: свобода — и добавим, нефть с газом — должны быть обильно окроплены кровью. Конечно, не американской, не французской и не саудовской.

Мы можем как угодно относиться к данному сценарию и к действиям западной коалиции в Ливии, но нельзя не признать того пренеприятного факта, что (1) этот сценарий работает, (2) этот сценарий работает не только в отношении Муаммара Каддафи, и (3) последствия реализации этого сценария не всегда контролируются теми, кто подобный сценарий запускает. Но это их, собственно, не очень тревожит. А это уже прямая дорога к признанию того, что целый ряд политических сил на Западе, отводя энергию ливийского сценария от своих союзников в арабском мире, может попытаться что-то подобное разыграть и в постсоветской Евразии. Тем более что в целом ряде центральноазиатских государств, славящихся витринной стабильностью, верхи уже *не могут*. И вот-вот перестанут хотеть *низы*.

Константин фон Эггерт (Россия), член Королевского института международных отношений — по телефону из Москвы: Усиливающаяся нестабильность на Ближнем Востоке массированным образом влияет на состояние безопасности в мире. Обострение противостояния вокруг палестино-израильских переговоров, угроза прихода к власти в Египте радикальных исламистов после выборов в стране в ноябре и январе, напряженность, сохраняющаяся в районе Средиземноморского бассейна, могут вызвать коллапс во всем регионе. Не самым лучшим образом на международную безопасность воздействует военно-политическая напряженность в Афганистане.

Экономический кризис зоны евро — главный дестабилизирующий фактор европейского региона, который в той или иной степени может затронуть и Россию. Вместе с тем возвращение в мае 2012 г. в Кремль Владимира Путина означает, что политика Москвы будет фокусироваться на удержании российского влияния в тех республиках постсоветского пространства, где оно еще ощутимо. Украина и Белоруссия — в числе главных приоритетов. Для удержания этих стран в зоне российского влияния будут активно использоваться такие механизмы, как ОДКБ и Таможенный Союз. Заключение договора по созданию совместного газового консорциума между Россией, Украиной и Европой может стать стабилизирующим фактором для всех вовлеченных в него сторон.

ПЕСНЯ О ТАНКЕ, ИЛИ ЗАМЕТКИ О РОССИЙСКОЙ ВОЕННОЙ СТРАТЕГИИ

Простите за каламбур, но как-то неожиданно, хотя и ожидаемо вновь разгорелась дискуссия вокруг вопросов обороноспособности России. Понятное дело, что началась она как объяснение того, почему Министерство обороны упорно не хочет покупать российское вооружение и стремится закупать вооружение западное. Как это ни странно, ключевым вопросом, вокруг которого схлестнулись различные интересы в российской военной и военно-промышленной элите и который приобрел почти политическое звучание, оказался вопрос о перспективном российском танке. Казалось бы, с учетом опыта военных конфликтов последнего десятилетия вырисовывалось мнение о том, что танки постепенно утрачивают свое значение на поле боя. Показательно, кстати, что все крупные военные державы в последние годы ограничиваются лишь модификациями ранее разработанных моделей, причем не сказать, чтобы очень глубокими. Однако для российской военной элиты тема *танка будущего* обладает глубоким, почти религиозным символизмом. Что, к слову, означает, что заявляя на публике о том, что они *глубоко изучили опыт локальных войн*, российские генералы ни на йоту не продвинулись вперед в своем понимании войны будущего, если не со времени Белорусской операции 1944 г., то с арабо-израильской войны 1973 г. точно. Как бы то ни было, российским танковым конструкторам *икалось* в последние три месяца как никогда.

Вопрос, однако, состоит не только в том, чтобы догнать по уровню американское и западноевропейское танкостроение. Это сложно, дорого и, вероятно, в современной российской действительности невозможно. Когда речь идет о торговле земельными участками на Рублевке, молкнут не только музы, но и танковые пушки. Гораздо продуктивнее будет попытаться *обойти с тыла* наших западных конкурентов. Обойти, просто задумавшись о роли и значении танков в современных войнах. Ведь в конечном счете танк задумывался как средство огневой поддержки пехоты при преодолении ими укрепленных рубежей. Танк изначально и вплоть до середины 1950-х гг. не рассматривался как машина для уничтожения себе подобных. Более того, при грамотном ведении боевых действий в качестве такого не использовался, например, в июне 1941 г. немцы *перещелкали*, извините за цинизм, советские мехкорпуса преимущественно противотанковой артиллерией. А единственный *сбой* у гитлеровцев и наша *почти победа* случились 25 июня под Дубно, где танковые подразделения столкнулись лоб в лоб. Во всех прочих случаях гитлеровцы выдвигали против советских танков артиллерию и достаточно легко парировали наши контрудары.

Теперь же танк стал громоздкой, безумно дорогой машиной, львиная доля стоимости которого уходит на системы активной защиты. Танк уже может сбивать вертолеты. Он вооружен системами точечной защиты от ПТУРов. И при этом он остается уязвимым не только от атак с воздуха, но и от одиночного бойца с гранатометом, стреляющего из-за угла или с крыши дома с близкого расстояния. Достаточно внимательно изучить безрадостный опыт использования танков американцами в Ираке, а израильтянами в Ливане. И задать простейший вопрос: а зачем?

Давайте признаемся, танк в том виде, как он сформировался в 1960-х гг., выродился. Если мы признаем, что Россия не собирается вести масштабные танковые сражения в пустыне Гоби или сложные маневры в Фулдском коридоре, обходя каменные изгороди центральноевропейских деревень, встает вопрос: а нужен ли нам такой танк. И какой танк нам тогда нужен. Выбор есть и немалый: есть, к примеру, идеальный танк для локальных конфликтов в пустынной местности (*Абрамс* — вы представляете себе такой танк на узких европейских дорогах? Я — нет.). Создан и достаточно успешно используется в боевых действиях танк — подвижный форт (*Меркава* и, кстати, не самый бесполезный вариант). Наконец, для любителей *гаджетов* есть танк для демонстрации инноваций, но имеющий сомнительную боевую ценность (*Леклерк*). Думаю, что при условии завинчивания гаек и отвинчивания голов, российская оборонная промышленность сможет что-то похожее выдать на-гора.

мости, понимание того, что в отношении России нельзя вести классические колониальные войны.

В-третьих, надо ввести свои сухопутные войска в состояние непосредственного соприкосновения с противником и начать, простите, убивать, хотя бы понемногу, солдат противника, даже ценой утраты части собственной территории. И не только на линии соприкосновения, но и в оперативном тылу. А не выжидать по принципу *нас бьют, а мы крепчаем*, который нам продемонстрировали все плохо кончившие лидеры последнего десятилетия.

А теперь скажите — причем тут *Мистраль*? И причем здесь новый российский танк?

ПРО КАК РУДИМЕНТ И АТАВИЗМ

Помните, как в удачном фильме В. Бортко *Собачье сердце* превращающийся обратно в пса Шариков реагирует на произнесенное одним из членов жилкомхозовской комиссии слово *атавизм*? Вскочив, он выкрикивает: «Нецензурными словами не выражаться!!». Примерно такое же отношение, кажется, складывается и к европейской противоракетной обороне. Вопрос этот настолько долго и, да простят меня специалисты, занудно обсуждается и в экспертных кругах, и в СМИ, что уже ничего, кроме раздражения, не вызывает. И уже забылись и первичные аргументы в пользу того, что система обязательно должна быть размещена в Польше и в Чехии (а ведь серьезные аргументы приводили и даже чертились схемы пролета то ли иранских, то еще каких-то ракет). Забылось и то, с каким жаром говорилось о необходимости прикрыть противоракетным зонтиком европейские страны. Забылось почти все, с чего начинался еще пять лет назад разговор о необходимости размещения в Восточной Европе объектов ПРО США. Кажется, что на завершающем этапе этой то ли драмы, то ли комедии главная мысль американских военных и политиков заключалась в том, чтобы разместить злосчастный радар и перехватчики хоть где-нибудь, но подешевле. Последнее понятно. В состоянии экономического предкризиса на американское общество могли бы произвести слишком сильное впечатление материальные притязания восточноевропейских союзников США. Конечно, Турция (где американской инфраструктуры, в том числе радаров, и так хоть пруд пруди) и Румыния — это, как говорится, *и труба пониже, и дым пожиже*, но в целом, вопрос решен.

И только Россия не дает спокойно отнестись к этой замусоленной теме. То появляются заявления о наличии прогресса в переговорах о некоей *секторальной ПРО*. То, через очень короткое время выясняется, что никакого прогресса нет, и ПРО США как строилось без учета мнения России, так и продолжает строиться. Интересно, однако, наблюдать за российской дипломатией, которой теперь придется доказывать, что радары в Турции и Румынии также угрожают безопасности нашей страны, как и объекты ПРО в Польше и Чехии. Будет крайне сложно, но, наверное, интересно. Вот только непонятно, зачем все это делать.

Понятно, что России не нравится то, что она оказалась исключена из крупнейшего геополитического процесса. Понятно, что наших политиков раздражает даже не то, что ПРО в Европе все-таки будет размещена, а то, как это будет сделано — с видом, что России как серьезного игрока на мировой политической сцене не существует. Но даже с учетом этого недовольства (не сказать, чтобы законного, но во всяком случае понятного) необходимо помнить, что европейская ПРО — это рудимент и атавизм. Рудимент эпохи военно-стратегического паритета и ядерной биполярности и атавизм докризисного американского военного строительства. И относиться к ПРО необходимо как к рудименту, значение которого можно и нужно нейтрализовывать с помощью тех силовых и технических средств, которые характерны для современного мира, и как к атавизму, который может отмереть в условиях откровенной нехватки финансовых средств у США.

Если только Россия сама не вяжется в этот процесс и не профинансирует его. И уж точно не стоит устраивать вторую серию шоу под названием *борьба России против ПРО в Европе*, которая теперь уже будет не просто стратегически бессмысленна, но и прямо вредна.

О ВЕТРЕ ИСТОРИИ

Как же нам оценить ту динамику изменений международной ситуации, которую мы наблюдали за последние 3–4 месяца? Думается, выводы будут до банальности очевидны.

Первое. Применение военной силы со стороны развитых стран оказалось ратабуировано настолько, что начинает рассматриваться как обычный инструмент дипломатии, такой же, как экономические и политические санкции, которые, в свою очередь, также низведены до статуса дипломатического демарша. Правда, пока рано говорить о том, что понижение порога применения военной силы само по себе так уж резко снизило глобальную — именно глобальную, а не региональную — стабильность, но то, что роль военной силы в современном мире существенно повысилась, — абсолютный факт. И рано или поздно паровоз нового гуманитарного колониализма, переоценив свои возможности, споткнется. Столкнувшись с противником, который, отринув надежду на то, что от него вот-вот отстанут, решится на то, чтобы воевать по-настоящему. И вот тогда начнется самое интересное — локальный конфликт перерастет в региональный, а там, глядишь, и в трансрегиональный. А это уже совсем другое не только количество, но и качество применения силы.

Второе. Экономика становится важнейшим фактором, определяющим поведение ключевых стран мира. К примеру, хотелось бы узнать, какой объем государственных облигаций Франции (а, вероятно, еще и Италии) был куплен за последние несколько месяцев правительством, суверенными и частными фондами Саудовской Аравии и Катара — главных поклонников творчества Муаммара Каддафи в арабском мире и нефтяной отрасли. И не эти ли деньги удержали Францию от позорного для такой страны скатывания к рубежу финансового кризиса. Ужесточающееся поведение Турции в отношении ЕС и Израиля также говорит о том, что Анкара поняла значение собственного военного и геополитического потенциала и того, что в современных условиях его вполне можно конвертировать в новый экономический статус. Так что проблемы вокруг Кипра и его могучих залежей нефти — только начало. Схожий пример можно легко отыскать и на Дальнем Востоке, где поведение Южной Кореи отличается такими странностями, которые списать на национальную специфику и историческую память уже просто не возможно. Невозможно объяснить разворот Сеула от почти провоцирования войны с КНДР до вполне вменяемого обсуждения транскорейского газопровода. И не китайские ли инвестиции, так необходимые корейской экономике в условиях явных экономических проблем в США и Японии — основных источниках капитала для Сеула, стали основанием для того, чтобы несколько сбавить обороты в отношениях с северокорейскими соседями?

Третье. События в мире начинают происходить действительно очень быстро. Да, ливийская эпопея, конечно, выглядит исключением. Однако в исторической перспективе изменение за год практически всего пейзажа Ближнего и Среднего Востока, пребывавшего последние 30 лет в состоянии застоя, — это, очень быстро, почти мгновенно. И, к слову, попытка Махмуда Аббаса забежать вперед паровоза под названием *Хамас* с признанием Палестины со стороны ООН — тоже показатель быстроты происходящих событий. Быстроты, к которой ни Израиль, ни США не были готовы ни морально, ни материально, ни операционно. Накат второй волны экономического кризиса с этой точки зрения произошел почти мгновенно — никто даже не сумел по-настоящему насладиться откатом первой. Но быстрое течение глобальных процессов — это колоссальный вызов любой

национальной элите, поскольку требует от нее способности быстро отказаться от стереотипов мышления, шаблонов. Быстрый темп развития мировых событий требует от элиты подчеркнутого динамизма. И, кстати, это вызов тем, кто, выйдя однажды из реки под названием *стабильность*, решил войти туда во второй раз.

Четвертое. Ключевым звеном мировой политики в будущем станет вопрос о будущем мировой энергетики (проще говоря, вопрос о нефти) и будущее мирового рынка продовольствия (проще говоря, вопрос о зерне). Что касается вопроса о нефти, вероятно, нам необходимо признать, что все разговоры о постнефтяной экономике — блеф, призванный затушевать неприятную для развитых стран реальность — неготовность новой технологической платформы в энергетике. Иными словами, еще *очень* некоторое время мы будем жить в условиях классической углеводородной энергетики, которая, очевидно, имеет свои вполне понятные ограничения на масштабы и равномерность экономического роста. И то, что первой это поняла и продемонстрировала Турция, наиболее динамично и устойчиво развивающаяся индустриальная страна, очень показательно. Но главное, борьба за контроль над классическими углеводородами пройдет нешуточная, причем будет совершенно безразлично, сколько конкретно они стоят в тот или иной момент времени. Будет важно, что эти самые углеводороды *значат*.

Пятое. Конфликт *Север–Юг* все-таки состоялся. Однако пока он развивается не столько в парадигме Хантингтона, парадигме *столкновения цивилизаций*, если хотите, борьбе цивилизационных идей, а в классическом, почти марксистском, социальном разрезе. И состоялся этот конфликт не в точках соприкосновения цивилизаций, а в предместьях крупных европейских городов: Лондона, Парижа, Берлина, да и Москвы — если кто сомневается, съездите в Текстильщики и Люберцы. Речь идет о доступе представителей *Юга* к ресурсам — в постиндустриальном мире, естественно, к финансовым — сконцентрированным на благополучном *Севере*. И только потом появляются цивилизационные атрибуты вроде вопроса о парандже или праве танцевать лезгинку посреди среднерусской равнины. Пирог становится меньше, значит, конфликт будет становиться все острее.

Шестое. Явная утрата стратегического видения многими национальными элитами, которые в побеге от бюрократического понимания политики начали мыслить совсем уже идеологическими категориями. Простой пример: именно современный сирийский режим является в настоящее время той *пробкой*, которая мешает формированию полноценной *дуги нестабильности* во всем восточном и центральном Средиземноморье — от Туниса до границ Турции, а возможно, и несколько дальше на Восток. Кому эта *дуга нестабильности* угрожает в первую очередь, так это Европе и эта угроза очевидна уже сейчас. Несмотря на это, сирийский режим подвергается беспрецедентному давлению со стороны ЕС, причем, видимо, исключительно с одной целью — добиться окончательной геостратегической изоляции Ирана, лишив его последнего регионального союзника. И, напротив, создать на его западных границах очаг антишиитски настроенного салафизма. Вряд ли это можно списать на простую геополитическую невменяемость современного поколения европейских политиков, хотя признаки этой болезни нет-нет, да и проскальзывают. Скорее, речь идет о движении современной Европы *без вектора*, когда непонятно, где стратегия, где тактика, где простая политическая конъюнктура, где желание подыграть Вашингтону, а где стратегические ценности и долгосрочные задачи.

Очевидно, что нас ждет веселенькое десятилетие. Подозреваю, что, если в декабре 2012 г. нас не настигнет конец света, согласно пророчествам маяя, то не позднее 2014–2015 г. начнется резкая перестройка всей системы международных отношений как в политике, так и в экономике, не говоря уже про силовую сферу. Но ведь сращивание экономических и силовых факторов в глобальной политике, если хотите, военизация экономики, — это как раз тот *бульон*, в котором и дохо-

дят до кондиции будущие глобальные военные конфликты. И этот бульон начал, да простят мне этот каламбур, побулькивать. И вот это *побулькивание* будет, вероятно, самым важным процессом в сфере глобальной безопасности на ближайшее время. Вот только, боюсь, не всегда удастся за ним только наблюдать со стороны.

Дмитрий Евстафьев

Примечания

¹ Table. Summary of Treasury securities outstanding. 2011, August 31, <http://www.treasurydirect.gov/govt/reports/pd/mspd/2011/opds082011.pdf> (последнее посещение — 10 октября 2011 г.); Masters Jonathan. US debt ceiling: cost and consequences. 2011, August 2, <http://www.cfr.org/international-finance/us-debt-ceiling-cost-consequences/p24751> (последнее посещение — 10 октября 2011 г.).

² Table 1.3. Summary of Receipts, Outlays, and Surpluses or Deficits in Current Dollars, Constant (FY 2005) Dollars, and as Percentages of GDP: 1940–2016, <http://www.whitehouse.gov/omb/budget/Historicals> (последнее посещение — 10 октября 2011 г.).

³ В США текущий финансовый год начинается 1 октября предыдущего года и заканчивается 30 сентября текущего года. Так, 2011 финансовый год начался 1 октября 2010 г. и закончился 30 сентября 2011 г.

⁴ В США исследовательские центры и СМИ регулярно проводят несколько десятков опросов общественного мнения. Их результаты по одной и той же проблеме могут расходиться между собой на 10–15%, что открывает возможность манипулировать ими. В данном случае использованы усредненные и взвешенные результаты различных исследований, что дает относительно точное представление о состоянии общественного мнения и тенденциях его изменений. Эти данные регулярно публикуются на очень полезном веб-сайте <http://www.huffingtonpost.com> (последнее посещение — 10 октября 2011 г.).

⁵ National Job Approval: President Barack Obama, http://www.huffingtonpost.com/2009/01/06/jobapproval-obama_n_726319.html (последнее посещение — 10 октября 2011 г.).

⁶ Belasco Amy. The Cost of Iraq, Afghanistan, and other global War on terror operations since 9/11. CRS Report for Congress RL33110. Congressional Research Service. 2011, March 29. P. 3

⁷ Eurostat, <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/statistics/themes> (последнее посещение — 10 октября 2011 г.).

⁸ Ремчуков Константин. Заигрывание с «русской темой» — фундаментальная ошибка власти. *Независимая газета*. 2011, 4 октября. http://www.ng.ru/politics/2011-10-04/100_kvrecho0310.html (последнее посещение — 10 октября 2011 г.).

⁹ Резолюция 1973 (2011), принятая Советом Безопасности на его 6498-м заседании 17 марта 2011 г. Документ ООН S/RES/1973 (2011). Para 4. Упомянутый в данном документе пункт 9 резолюции 1970 (2011) вводил эмбарго на поставки в Ливию вооружений и военной техники — то есть резолюция 1973 разрешала ввозить на территорию Ливии вооружения для защиты гражданского населения.

¹⁰ Соловьев Владимир, Габуев Александр. Россия уклоняется от противоракет. *Коммерсант*. 2011, 3 октября, <http://www.kommersant.ru/doc/1786620> (последнее посещение — 10 октября 2011 г.).

¹¹ Мостовая Юлия. Об уговоре и приговоре. *Зеркало недели. Украина*. 2011, 30 сентября. <http://zn.ua/articles/88816> (последнее посещение — 10 октября 2011 г.).

¹² Данные по военным расходам в рублях взяты из SIPRI Military Expenditures Database — Russia, <http://milexpdata.sipri.org/result.php4> (последнее посещение — 10 октября 2011 г.). Оценки СИПРИ учитывают ряд расходов на военные цели (космические программы, ГЛОНАСС и т. п.), которые включены в графу «национальная оборона» российских законов о государственном бюджете, и поэтому являются более близкими к реальности, чем официальные данные. Они пересчитаны в доллары с применением коэффициента пересчета по паритету покупательной способности, используемого Мировым валютным фондом.

IMF, WEO, Data & Statistics. 2011, September, <http://www.imf.org/weodata/weoselgr.aspx> (последнее посещение — 10 октября 2011 г.). Пересчет по ППС позволяет более адекватно сопоставить финансовые показатели различных стран, чем пересчет по текущему обменному курсу, который занижает российские военные расходы в долларовом выражении.

¹³ Военный бюджет России на 2011–2013 годы: прощание с иллюзиями. *Военное обозрение*. 2010, 29 октября, <http://www.siliyan.ru/archives/7728> (последнее посещение — 10 октября 2011 г.).

¹⁴ Кудрин «подрежет» военные расходы бюджета, <http://www.newsru.com/finance/25may2011/sequestr.html> (последнее посещение — 10 октября 2011 г.).

¹⁵ Это подтверждается высказываниями самого Д. А. Медведева. Так, выступая 27 сентября 2011 г. на встрече с командирами, он заявил: «У России всегда будут очень высокие расходы на поддержание обороны и безопасности, в этом наша миссия и в отношении наших граждан, и в отношении наших соседей», <http://www.president.kremlin.ru/transcripts/12836> (последнее посещение — 10 октября 2011 г.).

¹⁶ None so blind as those who won't see.

АФГАНСКИЙ ЭНДШПИЛЬ

«Афганский эндшпиль?» *Звенья*. 2011. № 2 (15).

Рецензия — Дмитрий Поликанов

Летом 2011 г. в Москве прошла презентация сборника «Афганский эндшпиль?», выпущенного по материалам круглого стола «Афганистан в системе современных международных отношений».

Работу можно назвать почти ПИРовской — из 7 авторов 4 прошли Международную летнюю школу по проблемам глобальной безопасности или в разное время работали в ПИР-Центре. Это молодые ученые, которые поставили для себя непростую задачу: дать комплексную оценку того, что происходит в Афганистане, с прицелом на 2014 г. — предполагаемый год вывода иностранных войск. В качестве наставника выступил Георгий Мирский — известный российский востоковед, всегда отличающийся исключительно глубоким пониманием политических и исторических процессов и точностью оценок. Все это в комплексе делает сборник весьма интересным для чтения.

Проблема–2014 пока не стала предметом широкого обсуждения. В российском дискурсе применительно к Афганистану принято *ломать копыта* вокруг тактических конъюнктурных моментов, будь то обеспечение невоенного транзита стран НАТО через территорию РФ или придирчивый анализ коррупционных мотивов в решениях центральноазиатских режимов о размещении американских военных баз. Много внимания уделяется проблемам *большим и серьезным* — «шахматным доскам» и «геополитическим пасьянсам». Пожалуй, только борьба с наркоторговлей выбивается из этого непрактичного и сиюминутного ряда.

Пока эксперты рассуждают об *играх* великих держав, в самом Афганистане идут реальные процессы — экономические, политические, социальные, которые шаг за шагом формируют фактическое будущее этой страны.

Большой очерк Никиты Мендковича посвящен исследованию экономики современного Афганистана. Скучные статистические данные автор умело дополняет зарисовками из отчетов очевидцев и репортажей, создавая комплексную картину состояния различных индустрий. Несмотря на бытующие в российских СМИ и общественном мнении представления о стране как о выжженной войной пустыне, живущей лишь за счет производства героина, выясняется, что у Афганистана есть солидный промышленный потенциал. Это касается и добычи полезных ископаемых, которая ведется сейчас в осторожных объемах, и перерабатывающих производств (пока это главным образом переработка сельскохозяйственной продукции).

Главный источник нестабильности и одновременно инструмент экономического роста — это афганский агропром. Спорадическое расположение в различных регионах страны (не забудем и о неблагоприятных климатических условиях), избы-

ток сельского населения, отсталые технологии — все это заставляет многих экспертов призывать правительство Афганистана к принудительному *закрытию* сельского хозяйства и обеспечению возможностей для переселения людей в города. Альтернативной такому сценарию и нынешнему обнищанию крестьян становится выращивание мака. Однако Н. Мендкович видит и третий путь — ставку на доходные культуры, которые могут стать достойной заменой для тех, кто вынужден производить наркотики. Речь идет о хлопке (учитывая близость Китая и его потребность в этом сырье), шафране (культура специфическая, но доходная, особенно при наличии мощностей по первичной обработке, расфасовке и упаковке) и винограде (Россия, в частности, является одним из главных торговых партнеров Афганистана по закупке изюма).

Остальные материалы сборника акцентируют внимание на роли внешних игроков. Наталья Бурлинова, исследуя роль НАТО в Афганистане, отмечает, что альянс попытался выступить в роли кризисного менеджера и укрепить, таким образом, свой глобальный статус, однако несколько переоценил свои возможности. Закономерным итогом стал курс на *афганизацию* операции и на вовлечение умеренных талибов. Впрочем, НАТО извлекла для себя уроки — на тестовой площадке Афганистана были отработаны новые механизмы взаимодействия, согласования интересов, координации военных, полицейских и гуманитарных операций. А самое главное НАТО осознала преимущество выстраивания системы партнерств по всему миру и развивает искусство прямой и косвенной эксплуатации ресурсов партнеров. Таким образом, с точки зрения поставленных изначально задач, альянс скорее проиграл — талибы не побеждены, точка невозврата не пройдена, несмотря на некоторые успехи в борьбе с *Аль-Каидой*. Однако с точки зрения собственного институционального развития, НАТО существенно выиграла от опыта в Афганистане.

Любовь Ярошенко оценивает скромную роль ЕС. Объединенная Европа предпочла традиционную тактику следования в фарватере ООН. Евросоюз, как обычно, платит — за развитие инфраструктуры, за подъем экономики, за демократические процедуры и т. п. Одним из успешных проектов стала подготовка полицейских сил и осуществление программ по обеспечению верховенства закона. Впрочем, и здесь не без недостатков — усилия ЕС и США явно дублируют друг друга.

Галия Ибрагимова отмечает робкую политику стран Центральной Азии в Афганистане. Несмотря на то что соседние государства в первую очередь заинтересованы в стабилизации Афганистана и развитии сотрудничества с ним, пока они предпочитают двигаться за *великими*. Страны Центральной Азии, по сути, превратились в *логистический придаток* операции США, а затем НАТО. И своей игры — ни двухсторонней, ни многосторонней — в Афганистане не ведут. А ведь именно им придется разбираться с прямыми последствиями вывода войск коалиции и выстраивать взаимодействие с новым неизвестным еще Афганистаном. При этом, как справедливо отмечает Г. Ибрагимова, они не готовы и к передаче этих функций Москве, так как не хотели бы чрезмерного укрепления России в регионе.

Положение могла бы исправить экономика, но и здесь пока результаты очень скромные. Лишь Казахстан выступает как серьезный инвестор, остальные государства ограничиваются развитием стандартных экспортно-импортных операций. Наиболее перспективными секторами являются энергетика и проекты развития транспортной инфраструктуры для обеспечения транзита.

Авторы сборника рассматривают также позиции Ирана и Пакистана. Если первый идет параллельным курсом с США, содействуя в борьбе с наркоугрозой и восстановлении экономики Афганистана, то Пакистан оказывается в более сложной ситуации. Парадоксальным образом его внутренняя стабильность напрямую зависит от нестабильности в Афганистане — чем больше талибы будут заняты афганскими делами, тем меньше времени и сил у них будет оставаться на утверждение собственных порядков в прилегающих районах Пакистана и на охоту за его ядер-

ными секретами. Другая фобия Исламабада — приход Индии в Афганистан после вывода войск коалиции.

Реальный сценарий, правда, более пессимистичен — к власти в Афганистане могут и скорее вернуться исламисты. Сейчас они терпеливо ждут своего часа — запас времени на воссоздание всемирного халифата у них не ограничен. Но слабость нынешнего компромиссного режима, опирающегося даже не на штыки, а на лазерные прицелы и беспилотники, очевидна. И она не может быть исправлена за 3 года, оставшиеся до вывода войск.

В этой связи России и государствам Центральной Азии пора уже приступить к серьезной разработке сценариев собственного поведения. Понятно, что привычка ждать, пока не грянет гром, почти неискоренима и выстраивание долгосрочных стратегий не является *коньком* постсоветских режимов, живущих по принципу «здесь и сейчас». Однако в ситуации с Афганистаном нужно задуматься об упреждающих шагах, о превентивной дипломатии в отношении явных угроз — наркотиков, неконтролируемой миграции, распространения экстремизма и исламского радикализма, обострения межэтнических противоречий. И речь идет не просто о необходимости очередного создания рабочих групп или проведении совещаний высокого уровня, но и о выработке вполне конкретных механизмов координации действий, программ — образовательных, экономической помощи и т. п., то есть о целом комплексе последовательных мер.

Иначе есть риск убедиться в том, что 25 лет истории, прошедших после вывода советских войск, так ничему и не научили соседей Афганистана. 🐘

Confidential

RUSSIA

The circulation of this report has been strictly limited.

This issue is for the personal use only.
Published monthly by *Dialogue Company Ltd.*

30 ноября 2011 г.

Источник в Москве сообщает:

ПИР-Центр и Международный клуб *Триалог* информируют о развитии аналитического проекта RUSSIA CONFIDENTIAL.

ЦЕЛИ ПРОЕКТА:

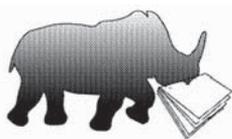
- аналитическое сопровождение новостей мировой политики;
- информирование читателей об особенностях и нюансах внешней политики России.

В основе каждого номера RUSSIA CONFIDENTIAL – эксклюзивные материалы, переданные в редакцию аналитиками из разных точек мира.

Бюллетень RUSSIA CONFIDENTIAL выходит ежемесячно; рассылка осуществляется по электронной почте членам Международного клуба *Триалог* и *Centre russe d'etudes politiques*.

По вопросам подписки на бюллетень и вступления в Международный клуб *Триалог* обращайтесь к координатору клуба Александру Колбину по e-mail: dialogue@pircenter.org

**В декабрьском номере бюллетеня читайте:
Политическое будущее Узбекистана –
Неизбежный конфликт?**

Schjolberg Stein, Ghernaouti-Helie Solange. A Global Treaty on Cybersecurity and Cybercrime. AiToslo, 2011.

Плод совместного авторства норвежца Штайна Шольберга и его швейцарской коллеги, г-жи Соланж Гернутти-Эли под названием «*Всеобщий договор о кибербезопасности и киберпреступности*» трудно причислить к какому-либо определенному жанру. Формально речь идет о втором издании рабочего проекта всеобъемлющего международно-правового акта ООН, посвященного вопросам международной координации борьбы с киберпреступностью и обеспечения безопасности в киберпространстве. Проект договора, насколько можно судить, подготовлен по самостоятельной инициативе авторов; рассматривать его следует отдельно от инициатив самой ООН в данной сфере, хотя его авторы принимали непосредственное участие в развитии этих инициатив.

Однако определение *рабочий проект* несколько искажает и принижает суть труда — скорее, речь идет о доктринальной разработке, претендующей на глобальные нововведения в международно-правовой области, связанной с киберпространством. Сухой и лаконичный формат самого *проекта Договора* (всего 23 статьи) органично дополняет часть за авторством Гернутти-Эли, где излагается общее видение и принципы, на которые опирается каждая из статей будущего международного-правового акта. В итоге суммарное смысловое наполнение документа способно дать фору многим научным монографиям — к слову сказать, в библиографиях обоих авторов данная публикация отнесена к этому типу работ, а не к докладам.

Между тем, рассказывая о самом проекте, необходимо еще раз вернуться к его авторам — прежде всего как к лицам, обладающим исключительной компетенцией и опытом в той проблематике, которую затрагивает *Договор*. Профессор Штайн Шольберг в 2007–2008 гг. занимал пост Председателя Группы экспертов высокого уровня по кибербезопасности (High Level Expert Group on Cybersecurity), учрежденной в 2007 г. как раз для изучения возможностей выработки всеобщего документа по киберпреступности в рамках ООН. Деятельность Группы должна была дополнять Глобальную повестку в области киберпреступности (Global Cybercrime Agenda) при Международном союзе электросвязи (МСЭ), старт которой был дан в том же 2007 г.

Таким образом, профессор Шольберг не только является крупнейшим и одним из старейших норвежских экспертов в области киберправа, но и одной из центральных фигур, задействованных в продвижении инициатив ООН по международно-правовому регулированию сферы кибербезопасности. В свою очередь, Соланж Гернутти-Эли, профессор Университета Лозанны, претендует на звание крупней-

Ш
Ъ
И
Ж
З
И
О
К

шего в своей стране теоретика киберправа. На этом фоне тем удивительнее тот факт, что оба автора вообще незнакомы русскоязычному читателю — всемогущему *Google* неизвестны даже их имена на русском языке, не говоря уже о переводах трудов.

Между тем — и вряд ли случайно — появление документа (как первого, так и второго изданий) приходится на то время, когда активно разгорается дискуссия по поводу перспектив международно-правового регулирования преступности в киберпространстве, да и кибербезопасности в целом. И центральное место в этой дискуссии занимает РФ, которая пытается представить альтернативу Будапештской конвенции 2001 г., отдельные статьи которой оказались для нее неприемлемы. Пока баталию за право продвигать на глобальном уровне собственное видение всеобщего документа по киберпреступности Россия скорее проигрывает — за 2009–2011 гг. инициатива Москвы не нашла поддержки в БРИКС, а ЕС и США в основном предпочитают отстаивать преимущества Будапештской конвенции. В то же время, ограниченность регулирующего потенциала последней становится несколько более очевидной с течением времени; в этом смысле запуск инициатив МСЭ, включая Группу Экспертов, и появление рассматриваемого проекта Договора свидетельствует о том, что и страны Запада посредством ООН ведут разработку универсальной альтернативы Конвенции Совета Европы, и вопрос состоит скорее в том, чьим интересам новый документ будет соответствовать в большей степени.

Одной из центральных идей в *проекте* является утверждение всеобъемлющего, комплексного подхода к регулированию киберпреступности в международном праве. Авторы (в первую очередь профессор Гернутти-Эли) провозглашают неотъемлемый характер, принципиальную важность формирования *культуры кибербезопасности*, адаптации общей стратегии борьбы с киберпреступностью к локальному контексту, взаимосвязи кибербезопасности с общим потенциалом развития той или иной территории, региона. Такой подход по-новому открывает смысл *всеобщего* Договора — речь идет не только о глобальном масштабе действия и применения новых норм, но и выработке мер системного, междисциплинарного регулирования тех сфер жизни общества, которых кибербезопасность, на первый взгляд, может не касаться напрямую.

Яркой новацией в *проекте* является стремление его авторов *модернизировать* существующее наднациональное законодательство в сфере кибербезопасности — и в том числе Конвенцию Совета Европы 2001 г. «О киберпреступности», уже на уровне официальной терминологии. Авторы заостряют внимание на том, что за прошедшие с разработки конвенции годы перечень и структура киберпреступлений существенно изменились — обострились угрозы, связанные с распространением порнографии, присвоением виртуальной идентичности, кибертерроризмом и масштабными кибератаками. В связи с этим базовый глоссарий Конвенции нуждается в обновлении, которое и предлагают Шольберг и Гернутти-Эли, вводя собственные определения киберпреступлений.

Вместе с тем, создается впечатление, что *новые вызовы кибербезопасности*, которым авторы уделяют особое внимание в предисловии проекта, не получают ожидаемого внимания и проработки в самих его статьях. Так, угрозе терроризма в киберпространстве и масштабным кибератакам посвящено по одной статье, причем в одной из них оба явления *свалены в кучу* и рассматриваются вместе.

Здесь стоит упомянуть о, наверное, наиболее очевидном недостатке всего проекта (не менее характерного для прилагающейся концепции): тщась *объять необъятное* и втиснуть в один договор регулирование всех аспектов киберпреступности и кибербезопасности вообще, авторы зачастую упускают из виду конкретику. Во многом неопределенность положений проекта и аморфный характер границ предмета его регулирования заложены уже в его названии. Строительство международно-правового регулирования киберпространства на базе документа, нацеленного одновременно на киберпреступность и, в то же время, на всю сферу кибербезопасности — задача странная и не вполне логичная.

Так что, возможно, золотые дни Будапештской конвенции еще впереди, а у РФ будет шанс продать свой вариант всеобщего договора о киберпреступности (или кибербезопасности).

Но вместе с тем, невзирая на противоречия и недостатки, объективно присущие любому рабочему проекту подобного уровня, работа профессора Шольберга и профессора Гернутти-Эли обязательна к изучению всем, кто интересуется международной повесткой кибербезопасности — и тем более тем, кто изучает эту проблематику с точки зрения интересов России. 🐘

Олег Демидов

Касенова М. Б. Международно-правовое управление интернетом. М.: Научная книга, 2010.

Трансформации, которым подвергается постбиполярный миропорядок, во многом — результат вторжения интернет-технологий в общественно-политическую жизнь. Тот, кто стоит у руля интернета, управляет если не миром, то его настроениями и направлениями движения. Поэтому вопрос институционального механизма управления интернетом остается одним из приоритетных.

Профессор Дипломатической академии МИД России Касенова М. Б. в своей новой книге «Международно-правовое управление Интернетом» попыталась систематизировать организации, которые в той или иной мере ответственны за функционирование всемирной сети, определить правовые рамки их деятельности и ответить на вопрос, какая модель управления интернетом является наиболее предпочтительной. В книге автор проводит ретроспективный анализ литературы, в которой рассматриваются вопросы международно-правового регулирования интернета. В середине 80-х гг., когда интернет начинал свое шествие по миру, ученые полагали, что виртуальные технологии смогут сокрушить старые, изжившие себя критерии человеческой организации. Киберпространство должно было стать самостоятельным пространством, отдельным от физического мира. Главной задачей управления интернетом считалось оградить его от государственного вмешательства. Предлагалось, что в интернете будет действовать особое право и применяться специальные законы. Государство видело в интернете лишь техническое изобретение, не способное посягнуть на суверенитет и легитимность власти в той или иной стране. Это упрощенное понимание сущности киберпространства стало меняться, когда интернет переступил территориальные рамки и стал использоваться для деморализации правительств (с. 10–19).

Бурное развитие и усовершенствование интернет-технологий в XXI в. привело к тому, что государства, едва оправившись от ядерной гонки вооружений, вступили в фазу технологической гонки, где информация и технологии стали главным оружием. Геополитическое противостояние субъектов международных отношений, которое традиционно рассматривалось в пространственных категориях *теллурократии* и *талассократии*, перенеслось в интернет-пространство. Здесь преимущества противников определяются не наличием армии и единиц боевой техники, а доступом к интернету и обладанием собственной доменной зоны. Не исключено, что в перспективе наличие у государства собственного национального домена, содержащего двухбуквенный код страны (к примеру .de — Германия, .ru — Россия, .jp — Япония и т. д.) станет не менее значимым признаком государственного суверенитета, чем территория, границы, население, армия, власть, налоги. Например, для многих непризнанных стран (например, Косово, Тайвань, Абхазия, Южная Осетия и др.) получение собственной доменной зоны может стать весомым подтверждением их признания полноправными субъектами мировой политики.

Пытаясь определить, кто управляет интернетом, автор последовательно рассматривает организационно-техническую систему и структуру органов, обеспечивающих функционирование интернета. Примечательно, что описывая деятель-

ш ≈
ь <
и и
ж ≈
н в
и о
к и

ность различных технических структур, ответственных за бесперебойную работу всемирной сети, ученый сопровождает свои рассуждения схематическими изображениями. Это позволяет лучше разобраться и понять, как взаимодействуют различные структуры, ответственные за интернет и каким образом между ними осуществляется делегирование полномочий.

Особое внимание в работе уделено деятельности Корпорации по присвоению имен и адресов (The Internet Corporation for Assigned Names and Numbers, ICANN). По сути, несмотря на обилие дискуссий о возможных моделях управления интернетом и применимости международно-правовых стандартов для регулирования информационных потоков, только ICANN обладает наибольшими полномочиями для регулирования процессов в сети. ICANN централизованно и единолично осуществляет контроль за системой присвоения доменных имен и адресов в интернете. Право на формальный надзор за деятельностью ICANN сохраняет за собой лишь правительство США. Это сложилось в силу того, что деятельность Корпорации основывается на «Меморандуме о взаимопонимании», который был заключен между ICANN и Министерством торговли США, ранее занимавшемся присвоением имен и адресов в интернете.

В книге анализируются различные документы, на основе которых происходит взаимодействие ICANN с другими структурами, отвечающими за функционирование интернета в различных государствах и регионах. Автор представляет различные подходы к деятельности ICANN, имеющие место в экспертных и правительственных кругах. Сторонники этих подходов солидарны в том, что интернет должен обладать центральным аппаратом управления. Подобное централизованное управление необходимо: 1) для выработки принципов выделения блоков интернет-адресов (выделения IP-пространства); 2) эксплуатации корневых серверов; 3) выработки и внедрения принципов создания и администрирования доменов верхнего уровня. Противоречия позиций заключаются в несогласии большинства государств мира с тем, что очень небольшой круг лиц обладает слишком большими полномочиями в части выработки политики развития глобальной информационной инфраструктуры интернета. США же, напротив, считают, что наделение различных бюрократических организаций и недемократических государств, ограничивающих свободу слова, правом управлять интернетом приведет к краху всей существующей ныне системы функционирования всемирной сети (с. 29–31).

Автор подробно анализирует результаты проведенных двух этапов Всемирного саммита Информационного общества. Первый этап саммита состоялся в Женеве в 2003 г., второй — в Тунисе в 2005 г. Всемирный саммит и принятые в ходе его работы документы — «Декларация принципов по вопросам информационного общества», «Тунисское обязательство по вопросам информационного общества» и «Тунисская программа для информационного общества» — заложили основы для формирования новых моделей управления интернетом. В этих документах представлены четыре организационные модели управления интернетом. *Первая модель* предусматривает создание Глобального совета по интернету, который бы выполнял функции международного управления всемирной сетью. *Вторая модель* основывается на трансформации ICANN в официальный международный форум по обсуждению вопросов развития интернета. В основе *третьей модели* лежит предложение создать Международный совет по интернету для управления наиболее важными аспектами сети. *Четвертая модель* представляет собой комплексный подход, объединяющий политику управления интернетом, надзор и глобальную координацию для многостороннего сотрудничества в области развития интернет-пространства (с. 51–59).

Особо исследователь выделяет позицию Европейского Союза по вопросу управления интернетом. Накануне Тунисского этапа, Евросоюз, традиционно занимавший пассивную позицию по вопросам управления интернетом, предложил правительствам различных стран участвовать в присвоении имен и адресов в интернете и интернационализировать деятельность, связанную с управлением сетью. Но эта

идея, как и множество других, была жестко раскритикована США, которые не желают упускать бразды правления интернетом из своих рук (с. 62–67).

Несмотря на многообразие подходов и противоречивость мнений по вопросу управления всемирной сетью, ученый все же считает, что международное управление интернетом — возможно. Но без международного права решить вопрос интернационализации управления интернетом практически невозможно. Ирония в том, что именно международное право — главная причина противодействия США созданию единого глобального органа управления интернетом. Отсюда — вопрос о создании международного механизма управления интернетом, либо интернационализация существующего — пока остается открытым, заключает автор. 🐘

Галия Ибрагимова

Новая армия России. Д. Е. Болтенков, А. М. Гайдай, А. А. Карнаухов, А. В. Лавров, В. А. Целуйко: под ред. М. С. Барабанова. М., 2010.

Коллективная работа «Новая армия России», изданная Центром анализа стратегий и технологий, представляет собой еще одну попытку осмысления проводящейся реформы Вооруженных сил РФ, а также той объективной реальности, в которой эта реформа является жизненно необходимой.

В число авторов данного издания входят гражданские эксперты из России и Украины, специализирующиеся в сферах анализа вооружений, международной безопасности и военных конфликтов новейшего времени. К слову, участие в проекте украинских исследователей придает ему дополнительную ценность: *во-первых*, взгляд извне сам по себе полезен, в том числе как стимул собственной рефлексии; *во-вторых*, Украина сама имеет армию плоть от плоти советскую, поэтому наработки ученых *оттуда* вполне референтны для адекватного понимания проблем реформирования российской армии.

Структура работы проста (в позитивном смысле этого слова), логична и даже по-своему *технократична*. Так, по одной главе посвящено преобразованиям в Сухопутных и Воздушно-десантных войсках, Военно-воздушных силах и Военно-морском флоте. Далее авторы в теоретическом и прикладном аспектах разбирают положения военной доктрины РФ. Завершает все анализ мировых тенденций военного реформирования.

Говоря о содержании книги, хочется особенно выделить стремление к непредвзятости и к целостности анализа, что встречается достаточно редко в коллективных трудах. Авторы подчеркивают, что суть, характер и динамика военной реформы в России, которую недоброжелатели успели окрестить едва ли не самыми последними словами, являются закономерными следствиями тяжелейшего состояния Вооруженных сил и стоящими перед страной военно-политическими задачами.

Также обращает на себя внимание четко выверенная методология исследования. В начале каждой главы дается обзор системных проблем, имеющих в видах и родах Вооруженных сил и унаследованных от Советской армии, затем попытки решения этих проблем исследуются в исторической динамике — от министра П. С. Грачева до министра А. Э. Сердюкова. Вскрывается взаимосвязь армейских преобразований с внутривнутриполитической обстановкой в стране (особенности ельцинского и путинского времени), а также с уроками новейших вооруженных конфликтов (от первой кампании в Чечне до *Пятидневной войны*). Разумеется, основное внимание исследователей сосредоточено на сегодняшних преобразованиях: изначальных замыслах военно-политического руководства России, достигнутых результатах, направлениях их дальнейшего развития, трудностях с которыми сталкиваются начинания. В то же время обращение к мировому опыту военных преобразований дополняет работу сравнительно-аналитическим материалом.

Е ≈
Ъ ≈
И ±
Ж ≈
Н в
И О
К ±

К незначительным минусам книги «Новая армия России» имеет смысл отнести научно-справочный аппарат, иной раз отсылающий читателя к источникам разного качества и местами небрежно оформленный, что может создавать трудности для читателей от профессионального сообщества.

Также недочетом работы является некоторая (не влияющая на общую ценность работы) *скудость* авторов на собственные аналитические выкладки — в некоторых главах исследование приобретает характер справочника количественных изменений в численности и вооружениях различных соединений российской армии. Сами по себе это весьма интересные данные, однако неспециалистам, начинающим аналитикам и даже, пожалуй, экспертам, не имеющим времени на чтение между строк, при знакомстве с данной книгой может времени не хватать авторских выводов, обобщений и выраженных точек зрения.

Правда, все перечисленные недостатки скорее являются следствием сложности объекта исследования — Вооруженные силы России продолжают оставаться *вещью в себе* для публичного анализа и гражданской экспертизы. В целом же «Новая армия России», на мой взгляд, стала весомым вкладом в осмысление происходящей сегодня военной трансформации и будет полезна как профессиональному экспертному сообществу, представителям органов власти и оборонной промышленности, так и максимально широкому кругу неравнодушных читателей.

Павел Лузин

Cultivating Confidence: Verification, Monitoring, and Enforcement for a World Free of Nuclear Weapons. Ed. by C. Hinderstein. Stanford: Hoover Institution Press, 2010.

Идея безъядерного мира, некогда находившая сторонников разве что в кругах активистов общественных антиядерных движений, а также научных и политических деятелей, обычно называемых *идеалистами*, сегодня все больше набирает популярность, будучи активно продвигаемой даже такими видными политиками эпохи биполярного противостояния, как Генри Киссинджер и Джордж Шульц. Известное обращение последних (в соавторстве с У. Перри и С. Нанном) послужило толчком к оформлению широкой дискуссии по вопросам возможностей и препятствий на пути достижения мира, свободного от ядерного оружия.

Специалистами было признано почти сразу же: реальное продвижение вперед по этому тернистому пути потребует, прежде всего, переосмысления, развития и углубления мер транспарентности и верификации. Ведь возможность сокрытия от уничтожения или вывод из-под контроля даже небольшого количества ядерных боезарядов и/или материалов приведет к росту недоверия и, соответственно, подрыву процесса взаимных сокращений ядерных арсеналов.

Подобные опасения можно неоднократно встретить на страницах коллективного издания, недавно вышедшего в свет в рамках Проекта ядерной безопасности, который был запущен в 2007 г. вышеупомянутыми американскими деятелями. Книга посвящена выявлению, анализу и оценке ряда ключевых проблемных моментов в технической, политической и дипломатической составляющих процессов верификации, мониторинга и принуждения, преодоление которых, по мнению авторов, необходимо для достижения безъядерного мира. Уже сам по себе состав авторского коллектива — очевидно сильная сторона монографии: междисциплинарный по своему характеру, он включает как технических экспертов, так и весьма видных политологов-международников (в их числе директор Института исследований мира во Франкфурте Гаральд Мюллер, вице-президент международных программ проекта Сокращения ядерной угрозы Кори Хиндерстейн и другие видные аналитики).

Девять глав книги формируют девять тематических блоков, каждый из которых отражает специфический комплекс проблем, лежащих в обозначенной обла-

сти. От обсуждения общих вопросов (политического определения *эффективной* верификации — большей частью, на основании анализа опыта существующих договоров, и тематизации проблем принуждения в условиях безъядерного мира) повествование сужается к множественным *отраслевым* аспектам верификации (например, верификация прекращения производства и уничтожения оружейных материалов, разбора на части ядерных боеголовок, непроизводства нового ядерного оружия, сокращений тактического ядерного оружия и его ликвидации). В двух последних главах осмысливается возможная роль МАГАТЭ в процессе продвижения к миру с сокращенными ядерными арсеналами и последующего поддержания этого состояния, а также — довольно новаторский для верификационной тематики срез — потенциальная роль и ответственность гражданского сектора в вопросах управления торговлей специальными материалами. Еще один важный аспект, которому посвящена одна из глав книги, — меры по обеспечению уверенности неядерных государств в надежности систем верификации.

В целом, авторы довольно оптимистично оценивают шансы на построение мира без или с очень малыми арсеналами ядерного оружия (кстати, довольно охотно идя на этот второй, компромиссный вариант) и возможностью утверждения системы контроля с реализацией новых верификационных схем. Принципиальное отличие обсуждаемых в книге схем от стандартных схем верификации, реализованных в прошлом и реализуемых сейчас, — в их утверждаемом многостороннем характере: в мире, где государства будут работать на общую цель уничтожения или оставления лишь малого количества ядерного оружия и ядерные, и неядерные страны имеют равное право участвовать в верификационном процессе — утверждает К. Хиндерстейн, и ей, так или иначе, вторят остальные, в разных частях книги неизменно акцентируя многосторонность как важную черту новой системы.

Насколько реалистичны подобные ожидания, когда в мире уже давно сложились другие правила игры? Традиционно вопросы верификации в процессе реализации соглашений о контроле над ядерными вооружениями всегда находились в особом ведении технических специалистов в ядерных государствах, вовлеченных в данные соглашения. Нельзя назвать вполне реалистичными и звучащие на страницах книги призывы к открытой декларации ядерными государствами полного перечня существующих у них запасов ядерного оружия и оружейных делящихся материалов, «раскрыты они или нет», с указанием максимально исчерпывающей информации по ним, от хронологии производства ядерных материалов и точного числа имеющихся боезарядов до мест нахождения последних. Такие требования обоснованы с точки зрения обеспечения надежности режима транспарентности: очевидно, что при неполноте представленных данных повышается вероятность обмана — но не менее очевидно и то, что большая часть этой информации является чрезвычайно чувствительной и маловероятно, чтобы ядерные государства согласились на столь всеобъемлющий режим транспарентности в отношении всех своих ядерных сил.

Понимая это, авторы уделяют внимание проблеме осуществления мер принуждения к требуемым действиям. Однако большинство предлагаемых ими сценариев принуждения достаточно идеалистичны: общая их основа — это достижение такого состояния, когда новой системе будет привержено абсолютное большинство государств, и тогда боязнь остаться *изгоем* будет подталкивать присоединиться к культуре нулевой терпимости по отношению к ядерному оружию («zero tolerance»). Наказывать *уклонистов* предполагается путем порицания, в духе «назвать и пристыдить» («name and shame»). Кроме того, всем государствам предлагается продемонстрировать повышенную транспарентность путем принятия Дополнительного протокола МАГАТЭ (хотя подобные предложения и до сих пор звучали неоднократно). Говорится о необходимости выработать новые институциональные механизмы и увеличить ресурсы МАГАТЭ. Наконец, авторы предлагают всем государствам попросту следовать примеру США, Великобритании и Франции, традиционно наиболее открытых в отношении предоставления информации о своих ядерных программах и силах (хотя последнее верно лишь наполовину).

Е
Ы
И
Ж
З
И
О
К

Анализируя возможность силовых форм принуждения, Гаральд Мюллер признает, что проведение *дипломатических кампаний* может потребовать подкрепления в форме санкций вплоть до осуществления военного ответа с помощью обычных вооружений, однако «только в комбинации с другими государствами», то есть санкционированного и проводимого на коллективной основе. Очевидно, что предстоит оценить более трезво и осторожно, насколько подобные установки способны убедить государства отказаться от своих ядерных мощностей (или ядерных устремлений) и не приведут ли они к обратным умоуказаниям в рядах их политических и военных элит, традиционно *пекущихся* о национальной безопасности как состоянию защищенности от военных вторжений.

Авторы признают, что пролагаемый ими путь будет сложным и что выпущенная книга — лишь один из первых шагов по направлению движения к «идеалу Джорджа Шульца, Уильяма Перри, Генри Киссинджера и Сэма Нанна». Действительно начальный характер этого процесса не позволяет обвинить авторов в порой присущих им попытках «найти простое решение сложных проблем». Книга хороша последовательной структурой и ясным изложением наработок прошлого в отношении верификационных стандартов и процедур мониторинга, анализа возможностей их усовершенствования в техническом и частично политическом отношении, и даже просто самой попыткой заглянуть в будущее, в котором смертельная угроза ядерного оружия будет минимизирована или вовсе сведена на нет. Если не пускаться в оценочные суждения по поводу реалистичности этой цели, а признать ее безусловное благо, параллельно осозная, что решение поставленной задачи потребует выработки взаимоприемлемых военно-политических подходов и дальнейшей тщательной разработки организационных процедур и технических методов, которые могли бы гарантировать достаточную транспарентность и надежную верифицируемость, то этот первый взгляд в будущее можно назвать вполне удачным. 🐾

Юлия Фетисова

Тренин Д., Баев П. Арктика: взгляд из Москвы. Московский Центр Карнеги. М., 2010.

Во второй половине прошедшего десятилетия арктическая тематика приобрела особую популярность. На протяжении нескольких лет она получала широкое освещение в средствах массовой информации, становилась предметом пристального внимания со стороны многих экспертов и представителей государственных органов власти во всем мире. Подобный интерес общественности к *арктической гонке*, такое название получил в прессе современный этап борьбы северных стран за Арктику, объяснялся, прежде всего, соревновательным характером данного процесса и его значительным конфликтным потенциалом.

Доклад-брошюра Дмитрия Тренина и Павла Баева «*Арктика: взгляд из Москвы*» ставит под сомнение многие из предпосылок, составляющих основу интереса широких слоев населения и озабоченности властей по поводу обозначенного региона. В первую очередь акцент делается не на противоречиях и борьбе между странами *арктической пятерки*, а на перспективах сотрудничества, которые открываются в ходе освоения севера. Авторы отмечают конкретные шаги, уже предпринятые государствами в данном направлении, особо подчеркивая, что сама природа Арктики не оставляет заинтересованным в ее освоении сторонам другого пути.

Опровергается доминирующий в российских политических кругах тезис о том, что обострение конкуренции в борьбе за Арктику неизбежно. По мнению авторов доклада, это не соответствует действительности в первую очередь потому, что отсутствует хоть сколько-нибудь осязаемый объект подобной конкуренции. Представление о ресурсном потенциале спорных участков Северного Ледовитого океана основывается на приблизительных оценках, а доказанные месторождения сырья находятся в пределах исключительных экономических зон, определенных

согласно Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Таким образом, оказывается несостоятельной идея о ресурсной подоплеке предполагаемого конфликта в арктическом регионе.

Кроме того, Д. Тренин и П. Баев утверждают, что военно-стратегическая важность Арктики по ряду причин, в первую очередь в связи с окончанием периода блокового противостояния и развитием переговорного процесса по разоруженческой тематике, также снижается. В данном контексте говорится о перспективах по дальнейшей демилитаризации Арктики. Авторы особо предостерегают Россию от демонстраций военной мощи и недружественных односторонних действий в регионе, что подрывает основы для сотрудничества и не приносит нашей стране никаких выгод.

Отдельная часть доклада посвящена обзору и анализу российской политики в арктическом регионе. Рассматривается точка зрения о том, что притязания России в Арктике основываются вовсе не на прагматических интересах (ресурсы, вопросы транзита), а на *высокой идее* суверенитета над регионом, то есть на идее *контроля ради контроля*. Доминирующее в нашей стране собственническое отношение противопоставляется экологической направленности, которую имеет политика западных стран в отношении пространств Арктики.

Налицо, по мнению Д. Тренина и П. Баева, и противоречие между экстенсивным характером российских планов освоения северных месторождений (перспективных и уже осваиваемых) и стратегией модернизации нынешнего президента. В целом авторами отмечается спад активности России на ее северных рубежах с середины 2009 г., объясняемый как влиянием экономического кризиса, так и структурными проблемами экономического развития.

По мере того, как все более очевидным становится разрыв между заявленными амбициями российского правительства в Арктике и его реальными возможностями, актуализируется и вопрос о том, какие действия могли бы переломить эту тенденцию, будучи в то же время адекватными имеющимся средствам. В этой связи авторы доклада дают ряд рекомендаций. Необходимо, *во-первых*, активизировать усилия, направленные на развитие международного сотрудничества в регионе. *Во-вторых*, сделать акцент на использовании все еще значительного научного потенциала России в Арктике. И, *в-третьих*, осознать, что проекты, направленные на демонстрацию военной мощи и чрезмерных амбиций в суровых условиях севера, становятся для России непозволительной роскошью.

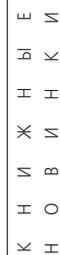
Рассматриваемый доклад значительно отличается от многих других работ, посвященных Арктике. Его авторы не стремятся подстегнуть читательский интерес к *арктической гонке*. Напротив, они разочаровывают любителей острых сюжетов и азартной борьбы по всему миру, утверждая, что никакой *гонки* нет, и в обозримой перспективе не будет.

Андрей Сахаров

Ушаков И.В. Экологический лабиринт. Социально-экономические аспекты природопользования в Китае. М.: ИД «ФОРУМ», 2008.

«Человек не может исправить четыре времени года,
он может лишь сообразно им исправить пять злаков».
Китайский император Хуан-ди

Начиная с 2007 г. на международной арене активизировался переговорный процесс, связанный с феноменом глобального потепления климата. Представители 190 стран, принявшие участие в Рамочной конференции ООН об изменении климата в декабре 2007 г. в Бали (Индонезия), договорились в течение ближайших двух лет шаг за шагом прийти к заключению нового международного соглашения взамен Киотского протокола (действие которого истекает в 2012 г.) на основе так

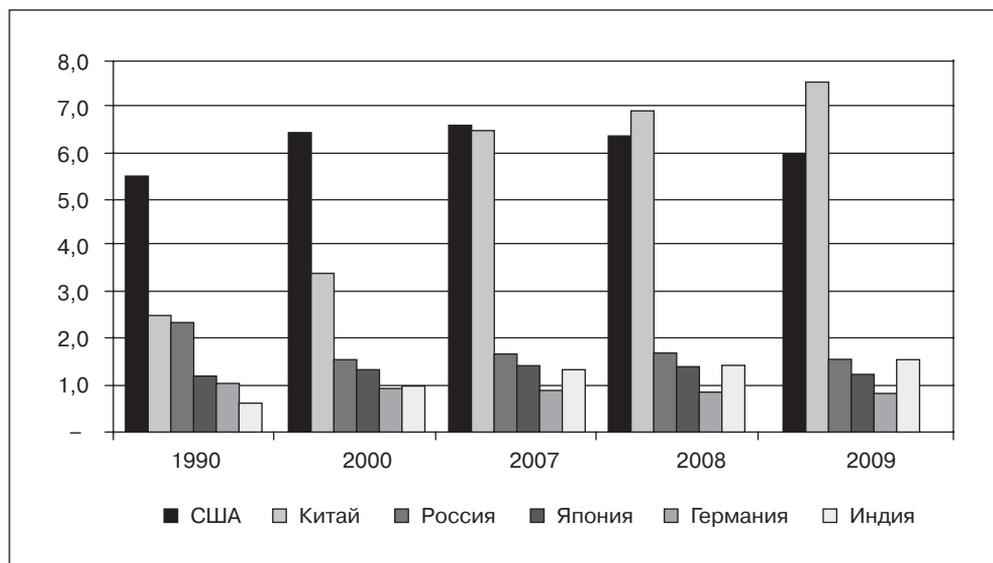

называемой Балийской «дорожной карты». Спустя два года — на конференции в Копенгагене — стороны так и не смогли прийти к такому договору. И только в декабре 2010 г. в мексиканском Канкуне стороны приняли начальный пакет решений, в частности по созданию фонда для финансирования программ по борьбе с изменением климата, механизмам адаптации и трансфера *зеленых* технологий, а также по механизму защиты тропических лесов; хотя решение о судьбе Киотского протокола так и не было принято — все надежды возложены на саммит в Дурбане (Южная Африка) в конце 2011 г.

Основная проблема переговоров заключается в том, на кого и в каких объемах накладывать ограничения по выбросам так называемых *парниковых газов* (двуокиси углерода, метана, двуокиси азота) в атмосферу. Позиция промышленно развитых стран во главе с США заключается в том, что обязательные ограничения должны касаться всех стран — и в большей степени тех, чей вклад в загрязнение атмосферы наиболее значителен. Позиция развивающихся стран во главе с Китаем — в том, что подобные ограничения должны налагаться лишь на развитые страны, тогда как развивающиеся страны могут ограничивать свои выбросы лишь на добровольной основе, что Китай и сделал, провозгласив незадолго до начала конференции в Копенгагене сокращение объемов выбросов углекислого газа по отношению к объему ВВП на 40–45% к 2020 г. по сравнению с 2005 г.

Позиция Китая на переговорах, как и данное заявление, имеет ключевое значение для всего процесса — ведь уже с 2008 г. Китай является главным эмитентом углекислого газа на планете, оставив позади США, Россию, Индию, Японию и Германию (рисунок).

Страны с крупнейшими выбросами углекислого газа в 1990–2009 гг., млрд т.

Источник: BP Statistical Review of World Energy 2010.

Между тем загрязнение атмосферы — далеко не единственная экологическая проблема Китая. Водная и ветровая эрозия, опустынивание, деградация естественных пастбищ, загрязнение водных ресурсов, периодическое пересыхание ключевых для хозяйственной деятельности рек, «кислотные дожди» и др. — Китай

сегодня является единственной страной в мире, испытывающей в полной мере весь спектр экологических проблем. Чрезмерные темпы экономического роста заставляют идти вперед, истощая ресурсы и подвергая окружающую среду новым вызовам, а экосистема страны всеми силами дает понять, что подобных темпов она не выдержит. Китай словно находится в запутанном лабиринте, и времени на принятие решений почти не осталось. Получится ли у Китая остановить ухудшение экологической ситуации на своей территории и тем самым выбраться из лабиринта? Ответ на этот вопрос важен для всего мирового сообщества.

Аналізу современной экологической ситуации в КНР посвящена монография И.В. Ушакова «Экологический лабиринт. Социально-экономические аспекты природопользования в Китае». Автор стремился к определению роли экологического фактора в социально-экономическом развитии страны, оценке китайского опыта в охране окружающей среды и перспективам решения экологических проблем, фокусируя внимание на первом десятилетии XXI в.

Уже во вступительной статье «Тень цивилизации (вместо предисловия)» автор констатирует один из главных парадоксов экологической политики — решить экологическую проблему в принципе невозможно. Эта проблема будет неизменно возникать там, где имеет место деятельность человека. Вероятно, именно этот парадокс часто заставляет вопросы окружающей среды уходить на второй план по сравнению с другими насущными, но второстепенными задачами. Тем не менее отказ от стремления к решению экологической проблемы может иметь катастрофические последствия не только для отдельного государства, но и для всего мира. Проследив историю развития КНР с момента образования в 1949 г. до начала XXI в., автор делает вывод, что в большинстве случаев экологический фактор вообще не брался в расчет. Индустриализация, «большой скачок» (1958–1960 гг.), «культурная революция» (1966–1976 гг.), установка «зерно — основа» в 1960–1970-е гг. — каждый период имел свои собственные экологические последствия для отдельно взятых провинций и районов огромной страны.

В поисках первопричины экологических проблем КНР автор приходит к выводу, что главным фактором здесь является экстенсивная модель развития, которая, в свою очередь, была продиктована чрезмерным и односторонним упором на высокие темпы экономического роста (С. 45). Односторонность проявилась в формировании экономического поведения, при котором рост ВВП стал главным критерием развития. Подобный эффект автор объясняет тем, что схема удвоения (или в последствии учетверения) ВВП изначально наиболее легка для понимания на всех уровнях управленческого аппарата и общества в целом. Последствия этой схемы в книге анализируются на основе таких отраслей, как черная и цветная металлургия, энергетика, нефтяная и химическая промышленность, производство строительных материалов. Эти отрасли создают наибольший прирост ВВП, но именно они дают около 70% выбросов двуокиси серы.

Особое внимание в книге уделено анализу экологической ситуации в отдельных районах Китая, причем среди них есть такие, от состояния окружающей среды в которых зависит благополучие страны в целом. Это так называемые «гаранты экологической безопасности» Китая. Самый яркий пример здесь — район истока трех великих рек Азии: Хуанхэ, Янцзы и Ланьцанцзян (Меконга), расположенный в провинции Цинхай. Один небольшой район влияет на обеспечение водными ресурсами (а значит, и на состояние экосистемы) большей части страны. Кроме того, здесь сосредоточена почти пятая часть всех полезных ископаемых Китая. При этом именно в этой провинции ранее находилась первая в Китае база по разработке ядерного оружия, здесь были созданы первые в стране атомная и водородная бомбы, проведено 16 ядерных испытаний. И сегодня на территории этой провинции находится 23% всех опасных промышленных твердых отходов Китая, а по объему их производства Цинхай занимает первое место по стране в расчете на душу населения и пятое в абсолютных объемах (С. 106). Ухудшение экологической ситуации в таких районах усугубляется еще и тем, что их состояние влияет на экосистему не только Китая, но и значительной части азиатского континента.

Е
Ы
И
Ж
З
И
К

Незначительным недостатком исследования можно считать то, что, указывая проекты КНР, «неоднозначные с точки зрения окружающей среды», — гидроузел «Санься», проект Цинхай-Тибетской железной дороги, переброску рек (С. 107), автор не предоставляет их описания и оценки возможных экологических последствий. Читателю остается лишь догадываться, какие угрозы несет в себе реализация подобных проектов.

Привлекая к анализу значительный объем не только исследований китайских ученых, но и официальных документов КНР по охране окружающей среды («Доклад по исследованиям в области зеленых счетов в Китае за 2004 г.», 2006 г.; «Основные положения охраны природы в Китае», 1987 г.; «Народонаселение, окружающая среда и развитие Китая в XXI веке»; «Национальная программа экологического строительства», 1998 г.; «Национальная программа охраны природной среды», 2000 г.; различные решения и рекомендации КПК и т.д.), автор наглядно демонстрирует процесс внедрения теоретических разработок китайских ученых в практическую плоскость на примере исследований экологической ситуации в стране. Так, *инвентаризация* экологических систем в разных регионах страны, определение их роли и состояния, хозяйственной емкости позволили подвести серьезную научную основу для корректировки региональной политики, рационального размещения производства и в перспективе помогут Китаю избежать не только экологических, но и социально-экономических просчетов (С. 108–135). На подобные просчеты, по мнению автора, у Китая лимит уже исчерпан.

В практической же плоскости автор отмечает огромные усилия, которые прилагает правительство КНР для сдерживания экологической катастрофы: установка серочистительного оборудования на энергоблоках (С. 52), финансирование крупных экологических проектов — борьба с песками, строительство очистных сооружений на реках и т.д. (С. 104). Несмотря на это, исследователь признает, что экологическое планирование все еще носит *догоняющий*, а не превентивный характер.

В монографии недостает прогноза ситуации. Во-первых, в китайском планировании стоит задача перехода от экстенсивной к интенсивной модели экономического развития в ближайшие 10 лет — это так называемая *концепция научного развития*. Во-вторых, Китай ставит целью планомерно увеличивать долю возобновляемых источников энергии в общем энергобалансе, сокращая долю угля — главного загрязнителя атмосферы. Тем не менее вывод автора носит прогностический характер, и прогноз этот уходит на десятилетия вперед — Китай обречен стать первопроходцем в решении столь масштабных экологических задач, и этот опыт будет полезен всему мировому сообществу, поскольку с подобными проблемами большинству стран мира еще только предстоит столкнуться. 🐼

Евгений Петелин

Johnson Steven. Where Good Ideas Come From. The Natural History of Innovation. N.Y.: Riverhead Books, 2010.

Инновации, или *хорошие идеи*, или гениальные находки — все это состоит из составных частей, *деталей*, которые сами по себе новыми не являются и независимо существуют в окружающем нас мире. «Как придумать что-то новое? Штука здесь не в том, чтобы сидеть в величественном одиночестве и думать о высоком. Штука в том, чтобы на твоём *рабочем столе* оказалось как можно больше *деталей*». Именно так о процессе *поиска инноваций* пишет в своей занимательной книге «Откуда берутся хорошие идеи. Естественная история инноваций» Стивен Джонсон.

Что натолкнуло на мысль снять эту книгу с полки интернет-магазина? (Ведь для библиотеки мы обычно покупаем книги по мировой политике и международным отношениям, а инновации и социология — область не совсем ПИРовская.)

Первое, довольно простое объяснение — последние пару лет в России с экранов телевизоров, из радиоприемников непрерывным потоком поступало слово *инновация*. А книга, которая объяснит, откуда эти самые инновации берутся, скажем прямо, оказала бы грандиозную услугу *верхушке*, которая была так зациклена на поисках путей инновационного развития российского общества. Попросту — есть ли у нас то, что заставит двигаться по пути самостоятельного прогресса, а не заимствования? Даже в свете *рокировки* этот вопрос, который, возможно, будет меньше занимать умы властителей и простых россиян, все же, наверное, заслуживает внимания.

Второе — у Стивена Джонсона вышло несколько бестселлеров, в том числе «Все плохое хорошо для тебя» («*Everything Bad is Good For You*») о позитивном влиянии популярной культуры на развитие человека, «Готовый познать» («*Mind Wide Open*»), «Изобретение воздуха» («*The Invention of Air*») об истории становления Америки и роли науки и *новых идей* в этом процессе. Джонсон пишет достаточно много о том, какое влияние человек с его идеями оказывает на общество, о роли науки в обществе, о влиянии общества на человека. Новоиспеченного аспиранта, начинающего свой *научный путь*, ищущего пути научного самовыражения все это не может не волновать.

Ну и, наконец, книга вошла в список лучших книг 2010 г. по версии британского журнала *Экономист*. *Экономисту* мы привыкли доверять, а потому «*Хорошие идеи*» Джонсона прибыли в нашу библиотеку заказным письмом.

Итак, *хорошая идея* — по принципу скорее *сеть*, а не отдельный и изолированный объект. Появление новой идеи — это процесс, при котором наш мозг исследует смежные возможности уже имеющихся знаний и идей. Смежные возможности («*the adjacent possible*») — это, как поясняет Джонсон, своеобразная смежная комната, дверь в которую закрыта. Познавая, человек открывает дверь в соседнюю комнату, таким образом, имея возможность движения, выхода за рамки. Однако одновременно с этим идея смежных возможностей имеет ограничения — ограничения как раз воображаемой *соседней комнаты*, выйти за пределы которой можно опять же только путем познания и поиска *новых дверей*.

Хорошие идеи появляются в соответствии с правилами и закономерностями, утверждает Джонсон. В число этих закономерностей он включает следующие:

- множественность («*the multiple*») — открытие делают параллельно несколько ученых независимо друг от друга;
- *хорошие идеи* появляются не из воздуха. Они основываются на существующих *составных частях*, которые со временем видоизменяются, соприкасаются и приводят возникновению *открытий*;
- информационный *спилловер* позволяет людям получать информацию/знание. Этот механизм приводит к образованию *своеобразных сетей*;
- *сети* с высокой степенью взаимодействия (простейший пример — большой город) являются более эффективными для появления и сохранения инноваций.

Их этих правил можно сделать несколько обобщений, которые имеют значение для деятельности исследователя. Во-первых, человек должен достаточно подробно заниматься той или иной тематикой на уровне исследователя либо быть активно вовлечен в практику. Во-вторых, в обществе независимо от ученого должен существовать своеобразный пул идей. В-третьих, исследователь должен иметь возможность доступа к этим идеям. Иначе говоря, необходимостью становится наличие *сети*, по которой ученый может делиться своими идеями и откуда может черпать идеи и вдохновение. Сама по себе *сеть* не является носителем идей, мудрости и т.п., однако люди, соединенные с *сетью*, становятся *умнее* именно за счет возможности обмена.

ш з
ь ю
и и
ж з
з в
и о
к и

С новыми поступлениями библиотеки ПИР-Центра можно ознакомиться в разделе «Библиотечные новинки» на сайте ПИР-Центра по адресу <http://pircenter.org/view/library>

Есть ли это сейчас в российском обществе? От того, как ответить на этот вопрос, зависит и ответ на вопрос, возможно ли у нас в стране *инновационное развитие*. И Сколково с этой позиции — шаг скорее в верном направлении, когда создается техническая возможность обмена идеями. Однако одних технических условий

не достаточно. В центре — роль человека, роль его ума и готовности познавать, делиться идеями, развиваться прежде всего самому. Получится ли это обеспечить посредством влияния сверху, через *Сколково*, или другими способами — будущее покажет.

Джонсон пишет интересно и легко, не перегружая читателя, *популярно о науке*. Являются ли эта легкость, цепкие названия, которые выводят книги в бестселлеры, незатейливый стиль изложения недостатками? Скорее, это отличительные черты жанра. Автор доносит вполне оригинальную идею, и то, что это *не скучно и не сложно* — даже плюс.

А вот как придумывать и творить — такого универсального рецепта Джонсон все-таки не дает. Может, купить его следующую книгу и поискать там? 🐭

Ирина Миронова

Главному редактору:

С интересом ознакомились с рекомендациями российско-американского Совета по устойчивому партнерству с Россией (СУПР) по выстраиванию дальнейшего сотрудничества России и США в области ядерного разоружения и нераспространения¹.

Прежде всего разрешите выразить признательность Вам и Вашим коллегам по Совету и ПИР-Центру за активные и регулярные усилия, направленные на генерирование идей по актуальным вопросам стратегической повестки в рамках российско-американского диалога.

Отмечаем созвучность ряда выдвинутых экспертами СУПР предложений российским подходам. В частности, разделяем выводы Совета о необходимости придания процессу ядерного разоружения многостороннего характера, императивности размещения всех ядерных вооружений исключительно в пределах национальных границ государств, ими обладающих. Согласны с мнением о том, что требуется разработать общие определения терминов, относящихся к нестратегическому ядерному оружию.

Небезынтересны предложенные Советом схемы потенциального взаимодействия с США и НАТО в области ПРО, предусматривающие интеграцию процесса принятий решений о пусках противоракет. Разумеется, реализация подобных схем возможна только при условии решения ключевой проблемы — гарантий ненаправленности противоракетных средств США и НАТО против стратегических ядерных сил России.

В то же время ряд выдвинутых СУПР предложений требует дополнительного всестороннего осмысления. Так, вызывает сомнение жизнеспособность идеи о запуске уже в текущем году предметных российско-американских переговоров о дальнейших сокращениях ядерных вооружений. Исходим из того, что главное сейчас — накопить практический опыт реализации нового Договора о СНВ, объективно оценить качество и жизнеспособность данного соглашения. С учетом специфики, проявившейся в ходе ратификационного процесса по Договору, важно посмотреть, как будут работать на практике заложенные в его основу принципы паритета, равной и неделимой безопасности. Такой анализ позволит предметно прорабатывать планы о новых шагах по пути к безъядерному миру.

В условиях отсутствия прогресса в решении целого ряда ключевых военно-стратегических проблем (дисбалансы в обычных вооружениях, планы по созданию СНВ в неядерном оснащении, размещение оружия в космосе, одностороннее создание американцами глобальной системы ПРО) трудно рассчитывать и на предметный разговор по тактическим ядерным вооружениям.

Рекомендации СУПР по активному взаимодействию США и России в обеспечении более широкого участия государств Ближнего Востока в режиме ядерного нераспространения, а также налаживания сотрудничества с ними в области мирного использования атомной энергии, в целом представляются обоснованными. Однако

здесь важно соблюдать сбалансированный подход в отношении того, какие конкретно шаги должны предпринять наши страны. Очевидно, что у Вашингтона есть больше возможностей для воздействия на Израиль в плане его присоединения к ДНЯО. Тем не менее видимых практических шагов на этом направлении со стороны США пока не наблюдается.

Пример Вашингтона был бы крайне востребован и в отношении обеспечения скорейшего вступления в силу ДВЗЯИ. Россия этот договор ратифицировала и предпринимает активные шаги по его универсализации. Администрация Б. Обамы, несмотря на многократные публичные заявления, пока не торопится с вынесением ДВЗЯИ на ратификацию.

То же справедливо и в отношении предлагаемых СУПР шагов по созданию банков ядерного топлива. Гарантийный запас низкообогащенного урана под управлением МАГАТЭ уже физически существует на территории России, и им может воспользоваться любое государство — участник Агентства, соблюдающее свои нераспространенческие обязательства. Банк ядерного топлива, который продвигается американской НПО *NTI*, пока существует только виртуально.

Идеи СУПР о необходимости для США и России взять на себя основную роль в обеспечении успеха на Конференции 2012 г. по созданию на Ближнем Востоке зоны, свободной от ОМУ и средств его доставки (ЗСОМУ), считаем не вполне оправданной. Ответственность за создание такой зоны лежит в первую очередь на самих государствах региона, и именно от них зависит успех Конференции 2012 г. Россия и США совместно с Великобританией как депозитарии ДНЯО ведут активную работу по реализации решений Конференции по рассмотрению действия ДНЯО в части, касающейся создания на Ближнем Востоке ЗСОМУ. В частности, предпринимаются усилия по подбору кандидатуры на пост спецкоординатора по вопросам ЗСОМУ и страны-организатора, которая провела бы у себя Конференцию 2012 г. Кстати, весьма востребованным было бы практическое содействие со стороны международных НПО по содействию организации этого мероприятия и, в том числе, по обеспечению участия в нем всех без исключения стран Ближнего Востока.

Что касается иранской ядерной программы, то на этом направлении сейчас основная задача — убедить США проявить более реалистичный подход в плане выстраивания стратегии диалога с Ираном. Принципиально важно показать Тегерану свет в конце тоннеля, четко обозначив перспективу снятия всех действующих санкций и дальнейшего развития его мирной ядерной программы после выполнения всех требований резолюций СБ ООН и Совета управляющих МАГАТЭ.

Отмечаем, что подготовленные ПИР-Центром по итогам заседаний СУПР рекомендации не носят консенсусного характера, а являются скорее дискуссионным сводом сообщений, озвученных экспертами. Получившаяся в результате подборка идей полезна, на наш взгляд, с точки зрения обзора имеющихся в настоящее время в экспертной среде взглядов на перспективу стратегического диалога России с США и является хорошим стимулом для наращивания интеллектуальных усилий в данной области.

В целом же, выдвигаемые Советом предложения являются важным вкладом в глобальный процесс осмысления актуальных проблем безопасности, который требует от всех сторон творческих, нестандартных подходов. Учитываем выводы, содержащиеся в информационно-аналитических материалах ПИР-Центра, в повседневной работе. 🐾

С уважением,
Михаил Ульянов
Директор департамента по вопросам безопасности и разоружения
Министерство иностранных дел РФ
dvbr@mid.ru

Примечания

¹ Рекомендации Совета по устойчивому партнерству с Россией руководству России и США. *Индекс Безопасности*. 2011. № 3 (98). С. 33–38.

НАСКОЛЬКО ПОЛЕЗНЫ РЕКОМЕНДАЦИИ СУПР?

Главному редактору:

Благодарим Вас за возможность ознакомиться с рекомендациями Совета по устойчивому партнерству с Россией (СУПР)¹.

Не вызывает сомнений, что развитие российско-американского сотрудничества в ядерной сфере способствует не только укреплению российско-американских отношений в целом, но и повышению ядерной безопасности на глобальном уровне. Российское и американское экспертное сообщество играют в вопросах налаживания партнерских отношений заметную роль. Вероятнее всего, СУПР в состоянии оказать поддержку позитивному развитию российско-американского диалога по проблемам международной стабильности.

Вместе с тем для нас не вполне понятен статус СУПР. В случае, если он является двусторонним советом, в котором Россия и США участвуют на паритетных началах, то его работа позволяет согласовывать наиболее сложные и острые вопросы взаимодействия на экспертном уровне и формировать рекомендации для принятия политических решений как в России, так и в США. Если же Совет является американским проектом (что следует из названия), с привлечением к его работе российских экспертов высокого уровня, то его работа в силу объективных причин будет в большей мере отражать американские подходы к разоруженческой и нераспространенческой проблематике, что едва ли будет способствовать налаживанию равноправного диалога.

В любом случае в представленных Советом рекомендациях затрагиваются две важные темы: двусторонний и многосторонний контроль над вооружениями и разоружением, а также сотрудничество между Россией и США в ядерной сфере на Ближнем Востоке.

На наш взгляд, при обсуждении этих проблем крайне важно учитывать несколько принципиальных моментов.

Не вызывает сомнений, что вступление в силу нового договора СНВ — шаг в правильном направлении, который способствует укреплению российско-американских отношений в области стратегической стабильности и общей ядерной безопасности на глобальном уровне. В то же время вопросы двустороннего ядерного разоружения в современных условиях являются хоть и важными, но далеко не определяющими в создании общей атмосферы российско-американских отношений, которым присуща определенная цикличность с периодами потепления и охлаждения. При этом тот или иной тренд в двусторонних отношениях США с Россией задает Вашингтон с учетом тех или иных задач внутривнутриполитической борьбы или понимания глобальных угроз для противодействия, которым желательно партнерство с Москвой. Соответственно, судьба *перезагрузки* может стать жертвой внутривнутриполитической предвыборной борьбы в США. В этих условиях, сохранение ядерных арсеналов в рамках, предусмотренных договором СНВ-3, скорее стабилизирует российско-американские отношения, чем служит инструментом взаимного сдерживания.

В современных условиях, на наш взгляд, еще не созрели политические и экономические условия, которые могли бы стимулировать запрет на разработку новых видов ядерного оружия и сокращение роли ядерного оружия в национальных стратегиях. Однако вопрос о запрете размещения ядерного и любого другого вида оружия в кос-

месе может быть решен в рамках многостороннего переговорного процесса. В противном случае США могут дать старт новому витку гонки вооружений в космосе.

Ускоренное проведение сокращений в рамках нового договора СНВ (до 2014 г., вместо 2018 г.), предлагаемое СУПР, нецелесообразно с точки зрения интересов России: во-первых, по экономическим соображениям, во-вторых, из-за сохраняющейся проблемы создания американской НПРО и ПРО на европейском континенте. Следует согласиться с мнением членов СУПР, что между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями существует прямая взаимосвязь. Таким образом, дальнейшие ядерные сокращения, безусловно, требуется увязывать с ограничениями на системы глобальной и региональной ПРО США, в том числе в Европе и Азии. В то же время существует высокая вероятность того, что сенат США не ратифицирует договор, содержащий значимые ограничения на систему ПРО США.

Члены СУПР считают, что решением этой дилеммы может стать сотрудничество в области ПРО между Россией и НАТО, а не напрямую между Россией и США. В то же время предложенные меры члены СУПР адресуют непосредственно только правительствам США и России, оставляя других американских союзников по Североатлантическому альянсу за рамками переговоров. В политическом смысле предлагаемые меры (обеспечение большей прозрачности своих программ, интеграция дальних систем предупреждения, интеграция процесса принятия решения о запуске ракет перехватчиков), возможно, безупречны, но только на уровне союзников. Однако даже в Европе США предпочитают работать по развертыванию системы ПРО с отдельными партнерами из числа стран Центральной и Восточной Европы, а не в рамках НАТО.

Более того, по мере сокращения российского и американского ядерных арсеналов будет расти необходимость выработки принципов для начала многосторонних переговоров с участием всех стран *ядерного клуба* по сокращению своих ядерных арсеналов. В этих условиях вопросы ядерного разоружения и нераспространения должны рассматриваться в непосредственной взаимосвязи.

Вероятно, последние события в Северной Африке и на Ближнем Востоке, прежде всего в контексте военной операции стран НАТО в Ливии, которая вышла далеко за рамки мандата резолюции № 1973 СБ ООН, дадут новый импульс политическому руководству целого ряда стран к реализации программ создания ядерного и ракетного оружия, что значительно осложнит сохранение режима нераспространения. Односторонние силовые действия против Ливии, смена политического режима в Египте и ряде других стран с учетом исламского фактора создает предпосылки для возникновения в среднесрочной перспективе варианта ядерного сдерживания по линии Израиль–Иран. При этом следует согласиться с мнением членов СУПР в том, что военный удар по Ирану под каким бы то ни было предлогом был бы опасным и контрпродуктивным шагом.

В современных условиях необходимо продолжить консультации по иранской ядерной программе в многостороннем формате с участием всех постоянных членов СБ ООН, включая Китай, а также в рамках МАГАТЭ. То же самое следует отнести к решению проблем нераспространения, мирного использования ядерной энергии и созданию зоны, свободной от ядерного оружия на Ближнем Востоке.

Таким образом, признавая всю важность поднимаемых в представленном документе проблем, с нашей точки зрения, было бы целесообразно более глубокое их рассмотрение с безусловным учетом обеспокоенностей и интересов как американской, так и российской сторон.

Надеемся на дальнейший обмен мнениями по проблемам, представляющим взаимный интерес. 🐾

Леонид Решетников

Директор

Российский институт стратегических исследований

125413, г. Москва, ул. Флотская, д. 15Б

mail@riss.ru

Примечания

¹ Рекомендации Совета по устойчивому партнерству с Россией руководству России и США. *Индекс Безопасности*. 2011. № 3 (98). С. 33–38.

АСИММЕТРИЧНЫЙ КОНФЛИКТ КАК НЕМАТЕМАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ: ОТВЕТ НА НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В одном из последних номеров журнала *Индекс Безопасности* была опубликована рецензия Е. А. Степановой¹ на мою книгу «Асимметричные конфликты: уравнение со многими неизвестными». Я с благодарностью приняла предоставленную редакцией журнала возможность ответить на эту публикацию в рамках научной дискуссии.

По мнению рецензента, главным достоинством книги является «тщательно проведенное, а во многом даже образцовое историографическое исследование» темы асимметричного конфликта. Критике подверглась концептуальная разработка аналитической модели асимметричного конфликта, «слабость и приглушенность собственных содержательных выводов относительно сути изучаемой проблемы», отсутствие новизны в аргументах, «сумятица» в концептуализации феномена, смешение и взаимозаменяемость понятий и т.д. Претензии высказаны по поводу «упрощенного и выборочного подхода к работе со статистикой», а также «предельно банальных» выводов или констатация «отсутствия закономерностей». Несмотря на многочисленные замечания, рецензент рекомендовала книгу как «ценное учебное пособие» для «гражданских, в том числе академических коллег», и для использования «в учебных курсах в военных академиях и в системе подготовки специалистов для работы в структурах безопасности».

Е. А. Степанова полагает, что понимание сути асимметричного конфликта требует ответа на три вопроса: 1) кто основные участники асимметричного конфликта и как состав участников таких конфликтов менялся во времени? 2) какие критерии, помимо военно-силового и статусного, характеризуют и определяют асимметрию в конфликте? 3) какие характеристики и условия позволяют даже тем вооруженным акторам, которые не имеют преобладающей, массовой поддержки среди населения, бесконечно долго вести асимметричное противостояние в отсутствие решающего исхода?

Прежде всего хотелось бы выразить признательность за столь развернутую рецензию, написанную одним из немногих российских ученых, использующих концепцию асимметричного конфликта в своих исследованиях. Некоторые замечания, высказанные Екатериной Андреевной, основаны на существующих методологических и терминологических сложностях в разрабатываемой теории, и с этими замечаниями можно согласиться. Многие другие суждения отражают недостаточно внимательное прочтение монографии и ограниченность подхода в интерпретации асимметричного конфликта, что связано с научными интересами рецензента. Мне хотелось бы высказаться на заданную тему.

Работая над концептуальным осмыслением явления асимметричного конфликта, я пришла к выводу, который, возможно, недостаточно четко сформулирован

в рецензируемой книге, но артикулирован в последующих публикациях². При обращении к обсуждаемой проблеме важно выделять *теорию* и *феномен* асимметричного конфликта, а также использование *концепции* асимметрии в прикладном анализе. *Феномен* асимметричного конфликта, который определил в свое время Э. Макк применительно к великим державам, означает поражение сильного участника конфликта в вооруженной борьбе, что может быть установлено преимущественно после ее завершения. Индикаторами политического поражения, которое может и не совпадать с военным поражением, являются прекращение борьбы и отказ от поставленных целей³. Мое избирательное обращение к опыту великих держав в книге связано прежде всего с наиболее парадоксальными фиаско сильных игроков, а также тем, что именно великие державы дают наибольшую статистику участия в подобных конфликтах в послевоенный период⁴.

Концепцию асимметрии нередко используют для характеристики отдельных элементов конфликта для акцентуации их несоразмерностей или нетождественности, что необязательно влечет за собой рассмотрение всего «кластера асимметрий», применяя формулу ведущего мирового эксперта в области конфликта Кристофера Митчелла⁵. *Теория асимметричного конфликта* обращена к выявлению закономерностей столкновений между неравными в статусах и силе противниками (базовые асимметрии) на основе холистского подхода, т.е. учета всех прочих элементов конфликта, которые приводят к поражению сильной стороны. Рассматриваемая теория, как и всякая другая, является выражением *возможности*, а не предопределенности развития конфликта, так как асимметричный конфликт не всегда и необязательно заканчивается победой слабого и поражением сильного.

Возвращаясь к трем вопросам, которые задает Е. А. Степанова, необходимо отметить, что рецензия не предлагает определенных ответов на них. В какой-то мере это можно компенсировать, обращаясь к работам рецензента и защищенной в январе 2011 г. диссертации на соискание степени доктора политических наук⁶. Ответы во многом предопределены фокусом исследований рецензента — международный терроризм. Ответ на первый вопрос сведен к рассмотрению борьбы между государствами и негосударственными террористическими группами. Отвечая на второй вопрос, рецензент пишет об идеологической силе современного воинственного ислама, который все активнее обращается к террористическим формам борьбы, заменяя и вытесняя националистическую мобилизацию, и успешно противопоставляет слабому и мягкому западному либеральному миру. Ответ на третий вопрос заключается в акцентуации сетевого характера организации современных террористических групп в противовес жестким структурам государственных акторов.

Эти ответы не дают нового и оригинального взгляда на проблему. Более того, я полагаю, что такое сужение проблемы асимметричного конфликта до современной фазы противостояния западных демократий с явлением международного терроризма является искусственным и не развивает теорию асимметричного конфликта, а скорее демонстрирует использование отдельных элементов теории для решения собственных исследовательских задач. Упрощенная оценка западной либеральной идеологии не соответствует действительности и является дезориентирующей для серьезной аналитики⁷.

Будучи историком, интересующимся политологическими построениями, свою задачу критического разбора и применения теории асимметричного конфликта для анализа закономерностей вооруженных конфликтов по базам данных и двух конкретно-исторических сюжетов считаю выполненной успешно, хотя, возможно, небезупречно. История как профессия требует несколько обязательных навыков: 1) целостное восприятие предмета исследования; 2) ретроспективный анализ; 3) сравнительный анализ. И эти *три кита* определили формат изучения проблемы асимметричного конфликта как исторического феномена, отчетливо проступающего в послевоенной истории и по каким-то причинам игнорируемого профессиональным сообществом либо рассматриваемого как явление частного порядка. Феномен асимметричного конфликта требует исторического, комплексного подхода. Превалирующие политологический и тактико-стратегический подходы в изу-

чении феномена являются ограниченными и не могут предложить убедительного объяснения его сути.

Разбор исследовательской литературы позволил мне предложить аналитическую модель асимметричного конфликта как матрицу факторов, которые приводят к подрыву воли сильного противника и заставляют его прекращать борьбу вопреки своим интересам. В инверсии могут рассматриваться причины победы слабого участника конфликта, для чего также была предложена аналитическая модель⁸. В первой главе даны развернутые обоснования того, кто может являться сторонами таких конфликтов, какие параметры для сопоставления были выбраны и почему. Заинтересованному читателю могу только посоветовать обратиться к книге.

Работа с базами данных действительно не принесла больших открытий и не позволила выявить сколько-нибудь значимых корреляций между асимметричными характеристиками. Свои сомнения я выразила в книге. Тем не менее эта работа была очень полезной для подтверждения или опровержения частных наблюдений. Кроме того, данный комплексный статистический анализ конфликтов с асимметричными характеристиками является первым в отечественной литературе, если не в мировой. Размещенные в приложениях книги списки асимметричных конфликтов и вооруженных конфликтов с некоторыми исчисляемыми или неисчисляемыми характеристиками могут стать ориентиром для тех исследователей, которые захотят самостоятельно разобраться в этой проблеме.

Обращение к конкретным историческим сюжетам позволило апробировать аналитическую модель. Работа с историческим материалом, по поводу которого сложилось устойчивое мнение как отечественной, так и зарубежной науке, позволила опровергнуть некоторые стереотипы, найти противоречия, а также понять, насколько актуальны и востребованны для сегодняшней аналитики события, сопровождавшие распад Британской империи. Анализ войны в Ираке как социально-политического явления также был полезен для развития аналитической модели. С оценкой рецензента, что эта часть монографии отражает «традиционно описательный подход», я не согласна.

Я согласна с тем, что теория асимметричного конфликта находится в состоянии разработки и что эта тема должна привлекать внимание российских ученых и военных специалистов. В последние годы в России были защищены несколько диссертаций, в которых используется концепция асимметрии и асимметричного конфликта⁹, публикуются статьи в аналитических и военных журналах, появляются отдельные разделы в учебных пособиях¹⁰. Насколько весомым и самостоятельным будет вклад российских ученых в разработку этой темы, трудно предугадать. Скорее всего, эти работы станут продолжением научной дискуссии о меняющемся характере вооруженных конфликтов и об источниках силы и влияния в современном мире.

Разработка теории асимметричного конфликта российскими специалистами должна привести к выявлению не только *положительных*, но и *негативных* асимметрий, с которыми сталкиваются российские силовые структуры, государственные институты и общество. Пока можно отметить преобладание констатаций успешности преодоления возникающих асимметричных столкновений без критического анализа своих ошибок и слабостей. Возможно, в соответствии с российской традицией, унаследованной с советских времен, обсуждение *слабостей силы* останется закрытой темой. Главное, чтобы российские аналитики преодолели комплекс непричастности и не производили некорректных заимствований¹¹.

В силу ограничений, накладываемых жанром «письма в редакцию», оставляю за скобками замечания по поводу допущенных в рецензии неточностей и другие частности.

Лариса Дериглазова

Д.и.н., профессор

Кафедра мировой политики

Томский государственный университет

larisa.deriglazova@euces.tsu.ru

Примечания

- ¹ Степанова Екатерина. Асимметричный конфликт как нематематическая категория. *Индекс Безопасности*. 2011. № 2 (97). С. 167–172.
- ² Дериглазова Л. В. Асимметричный конфликт в современной американской политологии. *Международные процессы*. 2010. т. 8, № 2 (23). С. 51–64; Дериглазова Л. В., Минасян С. Нагорный Карабах: Парадоксы силы и слабости в асимметричном конфликте. *Аналитические доклады Института Кавказа*. 2011. № 3, январь. С. 9–28.
- ³ Дериглазова Л. В. Идеальный провал: война США в Ираке через призму теории асимметричного конфликта. *Свободная мысль*. М. 2010. № 3. С. 5–16.
- ⁴ Дериглазова Л. В. Асимметричный конфликт: уравнение со многими неизвестными. Томск. Изд-во Том. ун-та, 2009. С. 87, 92.
- ⁵ Mitchell, C. *Asymmetry and Strategies of Regional Conflict Reduction. Cooperative Security: Reducing Third World Wars*. Ed. by William Zartman and Victor A. Kremenjuk. N.Y.: Cambridge University Press, 1995. P. 33–37.
- ⁶ Степанова Е. А. Асимметричный конфликт как силовая, статусная, идеологическая и структурная асимметрия. *Военная мысль*. 2010. № 5. С. 47–54; Степанова Е. А. Терроризм в асимметричном конфликте на локально-региональном и глобальных уровнях (идеологические и организационные аспекты): Дисс. ... д-ра полит. наук. М., 2011.
- ⁷ См., например, книгу английского историка Эндрю Вильямса на эту тему: Andrew Williams. *Liberalism and war: the victors and vanquished*. London, NY: Taylor and Francis Group, Routledge, 2006. 263 p.
- ⁸ Дериглазова Л. В. Асимметричный конфликт: уравнение... С. 49, 51.
- ⁹ Хисматуллина Ю. Р. Симметрия, асимметрия и диссимметрия в структуре и развитии живой материи: Дисс. ... канд. философ. наук. Саратов, 2005; Санглибаев А. А. Современный политический процесс на Северном Кавказе: проявление этностатусной асимметрии: Дисс. ... канд. социологических наук. Р/Дону, 2001; Сушенцов А. А. Политическая стратегия США в международных конфликтах 2000-х годов (на примере ситуации в Афганистане и Ираке): Дисс. ... канд. полит. наук. М., 2011.
- ¹⁰ Современная мировая политика: прикладной анализ; отв. ред. А. Д. Богатуров. М.: Аспект-Пресс, 2009. 588 с. (Раздел 1, гл. 11. Балуев Д. Г. Политика в войне постиндустриальной эпохи (Понятие асимметрии в войне и конфликте); Глобальная безопасность: инновационные методы анализа конфликтов; под ред. Смирнова А. И. М.: Общество «Знание» России. 2011. — 272 с. (Гл. 5. Прикладные аспекты анализа глобальной безопасности: 5.3. Мутация терроризма как вида асимметричной войны; 5.3.2. Исследование асимметричных конфликтов; 5.3.3. Ведение войны асимметричными методами)
- ¹¹ Значительная часть моей статьи «Парадокс асимметрии в международном конфликте» (*Международные процессы*. 2005. Т. 3, № 3. С. 85–94.) была дословно скопирована в статью военных специалистов высокого ранга: Чекинов С. Г., Богданов С. А. Асимметричные действия по обеспечению военной безопасности России. *Военная мысль*. 2010. № 3. С. 13–22 (16–18 — копирование).

SUMMARY

F R O M T H E E D I T O R

7 **Don't Miss a Tiger Waking Up** — *Vladimir Orlov*

Myanmar is an Asian tiger in hibernation. It has a population of 60 mln and a territory the size of Ukraine. It is enormously rich in natural resources. From the geopolitical point of view Myanmar is at the very heart of Asia, bestriding strategic routes between the two giants, India and China. Potentially it is an important Asian power — but its international role has been negligible so far. Now, the tiger seems to be waking up from its decades of slumber.

Key words: *Myanmar–USA, Myanmar–Russia, ASEAN.*

I N T E R V I E W

11 **«I Do Not See Missile Defense as a Problem — I See it as The Greatest Opportunity We Have Ever Had»** — *Andres Fogh Rasmussen*

How is NATO's role changing in the new international situation? What are its priorities in solving regional problems and cooperating with other organizations? What is its view of the ongoing dialogue on missile defense? These and other questions are answered by NATO Secretary-General Anders Fogh Rasmussen.

Key words: *European missile defense, NATO-CSTO, NATO-SCO, operation in Afghanistan, operation in Libya.*

15 **«Electronic Payment Systems Make Money Laundering Much Easier»** — *Aleksandr Spiridonov*

How does financial intelligence work? What are the principles of international legislation on countering money laundering and the financing of terrorism? And what are the challenges facing financial intelligence services in the 21st century? Editor-in-chief Vladimir Orlov has put these questions to Aleksandr Spiridonov, Deputy Head of the Russian Federal Financial Monitoring Service (Rosfinmonitoring).

Key words: *financial intelligence, FATF, electronic commerce, Egmont Group.*

21 **«I Am Surprised That The Global Commission Advocates Legalization of Ecstasy and Cannabis»** — *Yury Fedotov*

The drug trade and drug addiction, corruption and financial crime, transnational cyber crime — all these problems go beyond the traditional sphere of national security; they require serious and innovative solutions. A *Security Index* correspondent has spoken to Yury Fedotov, deputy secretary-general of the UN and executive director

of the UN Office on Drugs and Crime, about the measures being taken by the UNODC to combat the challenges of the 21st century.

Key words: *Afghanistan, drug trafficking, treatment and rehabilitation of drug addicts, Drug Policy Report.*

A N A L Y S I S

29 **Shared Security in a Globalized World** — *Igor Ivanov*

I would prefer slow but steady progress on the long road towards resolving practical problems of international security to overly optimistic goals dictated by short-lived political considerations. Such goals would only freeze the whole process of building a new architecture of regional and global security. The regime-based path towards greater international security will require persistence and many years of painstaking work. But in the end it will probably prove more productive than the ambitious plans of the past two decades which remain firmly on paper.

Key words: *international security, mutual deterrence, regional conflicts, a multi-polar international system.*

35 **China's Energy Monologue in Central Asia** — *Evgeny Petelin*

China is consistently pursuing its energy interests in Central Asia. What is Central Asia's role in China's energy security? What are the instruments China is using to achieve its energy objectives in the region? And is there really no factor of mutuality in Chinese-Central Asian energy cooperation?

Key words: *Chinese policy in Central Asia, investment, the Silk Road project, oil, gas, uranium.*

59 **Social Networks in the Context of International and National Security** — *Oleg Demidov*

Social networking services in and by themselves can never be a source or a cause of social unrest, let alone revolutions. What is more, unlike transnational corporations, social networking services have not become non-state actors. They do not have any independent interests or strategies in situations such as the Arab Spring. But they can serve interests of national and international security in areas not related to international politics or military affairs.

Key words: *social networks, information security, internet identity.*

C O M M E N T A R Y

77 **Chinese Nuclear Industry: A New Big Leap?** — *Artem Goncharuk*

China's plans for the number of new reactors to be built by 2020 and for the overall nuclear generation capacity to be launched by 2020 are too optimistic. Realistically, the current state of the Chinese nuclear industry does not support such optimism. A number of problems cannot be resolved in such a short time frame, including the problem of nuclear legislation and regulation; the transition to the third generation of reactor technology; the availability of trained specialists; and securing sufficient supplies of fuel. So is China ready for a *Big Nuclear Leap*? The author is a trainee at *Atomstroyexport* state corporation and a recent graduate of the National Research Nuclear University MEPhI (2011).

Key words: *Chinese nuclear industry, Chinese nuclear reactors, national legislation, training of specialists, fuel supplies.*

R O U N D T A B L E

89 **Myanmar in ASEAN: Regional Problems and Russian Interests**

There have been some very promising transformations in Myanmar over the past 12 months. PIR Center and the ASEAN Center at MGIMO have held a round table

in Moscow to discuss the country's prospects, its role in international affairs in the near and medium time frame, its possible new role in the world and regional economy, and its distinct geopolitical situation on the crossroads of strategic routes between India and China.

Key words: *domestic political situation in Myanmar, electoral model, economic reforms, Myanmar-ASEAN, Myanmar-Russia, Chinese expansion.*

R E V I E W S O F R E C E N T W O R L D E V E N T S

- 116 **iSi Security Index in July-October 2011: the summer tensions** — *Galiya Ibragimova*

The situation on the stock markets remained extremely volatile. *Standard & Poor's* lowered the US credit rating, triggering more uncertainty about the repercussions of the situation in the United States for the world economy. There were fears of a double-dip recession in Europe and the United States. Markets were panicking over the plight of the euro, exacerbated by the lack of budgetary and fiscal coordination between the eurozone members and the threat of a Greek default.

Key words: *Africa, Middle East, Afghanistan, Korean peninsula, recession, strategic stability, nuclear security, natural disasters.*

- 123 **A View by a Russian Liberal: No-one Is as Blind as the One Who Does Not Want to See** — *Yury Fedorov*

The key dilemma of the early 21st century is this: either the developed democracies start to pursue policies usually associated with the names of Ronald Reagan and Margaret Thatcher — the updated versions of these policies, that is — or pessimistic scenarios predicting a global crisis actually come to pass.

Key words: *recession, US election campaign, civil war in Libya, Assad regime, Russian foreign policy.*

- 138 **A View by a Russian Conservative: The Reset is Dead** — *Dmitry Evstafyev*

The *Reset* is clearly dead. But was that project quite as *strategic* as some portrayed it, and are the consequences of its failure quite so tragic? I don't think so. Will another cycle of confrontation be such an enormous problem? Hardly so — unless of course it is exacerbated by instability in key parts of the world, or unless someone loses their nerve on either side of the ocean. On the whole, instead of bemoaning the tragic failure of yet another attempt at Russian-US partnership we should draw appropriate lessons and produce a plan for a new *Reset*, which can be enacted when the two countries are ready for it.

Key words: *Russia-USA, terrorist threat, Libya, Russian military strategy, missile defense.*

L I B R A R Y

- 153 **The Afghan Endgame** — *Dmitry Polikanov*

«Speaking of the Afghan situation, we need to think of preventive steps, of preventive diplomacy to counter clear threats such as drugs, uncontrolled migration, the spread of extremism, Islamic radicalism and growing ethnic tensions», writes PIR Center Vice President in his review of: *The Afghan Endgame? Zvenya. 2011. No 2 (15). Moscow: Historical Perspective Foundation, 2011.*

Key words: *Afghanistan, politics, economics.*

B O O K R E V I E W S

- 157 *Oleg Demidov, Yuliya Fetisova, Galiya Ibragimova, Pavel Luzin, Irina Mironova, Evgeny Petelin, Andrey Sakharov* — PIR Center staffers, interns and education program graduates review new additions to the PIR Center library.

LETTER TO THE EDITOR

171 **SUPR Recommendations and Foreign Policy Realities** — *Mikhail Ulyanov*

173 **How Useful are SUPR Recommendations?** — *Leonid Reshetnikov*

175 **Asymmetric Conflict as a Nonmathematical Category: a Reply to Some Remarks** — *Larisa Deriglazova*

179 SUMMARY

183 ABOUT THE AUTHORS

187 PIR CENTER ADVISORY BOARD

191 SUSTAINABLE PARTNERSHIP WITH RUSSIA GROUP

192 INTERNATIONAL EXPERT GROUP

193 CONTENTS OF ALL ISSUES IN 2011

199 REVIEWERS IN 2011

FINAL QUOTES

Cov.III **On The Long Way We Have Come**

Гончарук Артем Валерьевич — стажер Управления по строительству АЭС в Китае ГК *Атомстройэкспорт* (2010–2011 гг.). Выпускник Национального исследовательского ядерного университета МИФИ (2011 г.). Участник четырех конференций по ядерной проблематике, автор шести научных публикаций. Лауреат стипендии ГК *Росатом* для перспективных молодых ученых атомной отрасли. Адрес электронной почты: del17@yandex.ru

Демидов Олег Викторович — младший научный сотрудник ПИР-Центра, аспирант Факультета политологии МГИМО (У) МИД РФ. Окончил факультет государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова. В 2006–2009 гг. прошел программу дополнительной специализации в Высшей школе перевода МГУ. Занимал позицию координатора проектов Центра политических и международных исследований (ЦПМИ). Участник ряда межвузовских конференций по вопросам государственного управления и проблемам формирования государственной политики в РФ. Участник Зимней школы–2011 Центра международной и региональной политики (CIRP). Автор публикаций по тематике информационной безопасности и государственной политике России в области национальной безопасности в научных изданиях МГУ. С мая по июль 2011 г. проходил стажировку в ПИР-Центре. Адрес электронной почты: demidov@pircenter.org

Дериглазова Лариса Валериевна — профессор кафедры мировой политики Томского государственного университета, профессор, доктор исторических наук. В 1985 г. окончила исторический факультет Томского государственного университета. 1991–1993 гг. — аспирантура, 2006–2009 гг. — докторантура в Томском государственном университете. 2003–2010 гг. — доцент кафедры мировой политики, зам. зав. кафедры мировой политики, Томский государственный университет. 1998–2002 гг. — заместитель директора российской программы по Сибири и Дальнему Востоку, Проект Гражданского образования, Йельский университет (г. Нью-Хейвен, шт. Коннектикут, США). 1996–2002 гг. — старший преподаватель кафедры мировой политики, Томский государственный университет. 1994–1996 гг. — методист отделения международных отношений, исторический факультет, Томский государственный университет. Адрес электронной почты: dlarisa@inbox.ru

Евстафьев Дмитрий Геннадиевич — директор департамента стратегии коммуникаций *ТНК-ВР*. Окончил исторический факультет Института стран Азии и Африки при МГУ в 1989 г., работал младшим научным сотрудником, научным сотрудником в Институте США и Канады РАН, где в 1993 г. защитил диссертацию в секторе военно-политических исследований. С 1995 по 1998 г. работал старшим, затем

ведущим научным сотрудником Российского института стратегических исследований (РИСИ). Позднее — старший научный сотрудник, директор проекта ПИР-Центра. В 2001–2006 гг. работал в ЗАО *Компания развития общественных связей (КРОС)*, а также директором Департамента по информационной политике ОАО *Техснабэкспорт*. Позже работал заместителем генерального директора Национальной лаборатории внешней политики. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра, редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*. Постоянный автор обзоров мировых процессов в журнале *Индекс Безопасности*.

Ибрагимова Галия Ринатовна — консультант ПИР-Центра, представитель журнала *Индекс Безопасности* в Ташкенте. Научный сотрудник Университета мировой экономики и дипломатии (Ташкент, Узбекистан). Выпускница магистратуры отделения международной журналистики факультета международных отношений УМЭД. В 2008–2009 гг. прошла интенсивный курс по программе MBA в Узбекско-японском центре развития людских ресурсов с присвоением международной степени Project Management Professional (PMP). Участница ряда конференций по проблемам региональной безопасности в Центральной Азии. Выпускница Международной Летней школы по проблемам международной безопасности (2008). Адрес электронной почты: ibragimova@pircenter.org

Иванов Игорь Сергеевич — президент Российского совета по международным делам, член Совета директоров ОАО *Лукойл*. Имеет дипломатический ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла. Доктор исторических наук, почетный доктор философских и филологических наук. В 1969 г. окончил Московский государственный институт иностранных языков имени Мориса Тореза, в 1972 г. — аспирантуру МГИМО МИД СССР. 2004–2007 гг. — секретарь Совета безопасности РФ, член совета директоров ОАО *Лукойл*. В 1998–2004 гг. — министр иностранных дел РФ, ранее — заместитель министра иностранных дел (1993–1998 гг.), посол РФ и СССР в Испании (1991–1993 гг.).

Петелин Евгений Николаевич — редактор международного издания журнала *Индекс Безопасности*. Аспирант Института Дальнего Востока РАН по специальности «Политические проблемы международных отношений и глобального развития». Выпускник Института истории и политических наук Тюменского государственного университета. С января по июль 2008 г. проходил стажировку в ПИР-Центре, в ходе которой исследовал международные аспекты развития атомной энергетики КНР. В 2008–2009 гг. являлся помощником главного редактора журнала *Индекс Безопасности*, в 2009–2010 гг. — заместителем главного редактора. Участник ряда конференций и школ по вопросам международной безопасности и роли КНР в международных отношениях. Выпускник Международной Летней школы по проблемам глобальной безопасности (2008). Адрес электронной почты: petelin@pircenter.org

Поликанов Дмитрий Валериевич — вице-президент ПИР-Центра, председатель Международного клуба *Триалог*. Кандидат политических наук, доцент. Окончил с отличием Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) в 1998 г., в 1999 г. защитил диссертацию. Имеет звание профессора Европейской академии информатизации и доцента от Российской академии наук. В 2003–2006 гг. — директор по международным и общественным связям Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ). В 2006–2007 гг. — директор по исследованиям рынка и общественного мнения The PBN Company. Советник, затем — заместитель руководителя Центрального исполнительного комитета «Единой России». Автор более 100 публикаций по вопросам международной и европейской безопасности, российской внешней и внутренней политике. Член Международного института стратегических исследований, Международ-

ной социологической ассоциации, Научного совета ВЦИОМ. Адрес электронной почты: polikanov@pircenter.org

Решетников Леонид Петрович — директор Российского института стратегических исследований, кандидат исторических наук, член Экспертно-Консультативного Совета ПИР-Центра. В 1970 г. закончил исторический факультет Харьковского государственного университета. С 1971 по 1974 г. обучался в аспирантуре Софийского университета (Болгария). В 1974 г. защитил кандидатскую диссертацию. С 1974 по 1976 г. работал в Институте экономики мировой социалистической системы АН СССР. С апреля 1976 г. по апрель 2009 г. — во внешней разведке. Последняя должность — начальник информационно-аналитического Управления СВР России, член коллегии СВР, генерал-лейтенант. Входит в состав Научного совета при МИД РФ, Научного совета при Совете безопасности РФ и Общественного совета Министерства обороны РФ. Адрес электронной почты: prime@riss.ru

Спиридонов Александр Михайлович — заместитель руководителя Федеральной службы по финансовому мониторингу. В 1976 г. окончил Московский авиационный технологический институт им. К.Э. Циолковского, в 1986 г. — высшую школу КГБ СССР. С 1976 по 1980 г. — инженер войсковой части. В 1980–2001 гг. проходил службу в органах госбезопасности. С декабря 2001 г. по январь 2002 г. — начальник Управления делами и кадров КФМ России. С февраля 2002 г. — заместитель Председателя КФМ России. Действительный государственный советник Российской Федерации 2-го класса.

Ульянов Михаил Иванович — директор Департамента по вопросам новых вызовов и угроз МИД РФ. В 1980 г. окончил Московский государственный историко-архивный институт. Владеет английским языком. 25 мая 2006 г. ему присвоен дипломатический ранг Чрезвычайного и Полномочного Посланника 2-го класса. В системе МИД — с 1980 г. Работал в Историко-дипломатическом управлении (1980–1986 гг.), Управлении/Департаменте международных организаций (1986–1990 гг., 1995–1998 гг., 2002–2004 гг.), в Постоянном представительстве СССР/России при ООН в Нью-Йорке (1990–1995 гг.) и в Постоянном представительстве России при НАТО в Брюсселе (1998–2002 гг.). В 2004–2011 гг. — заместитель директора Департамента по вопросам безопасности и разоружения. С сентября 2006 г. — руководитель российской делегации на венских переговорах по вопросам военной безопасности и контроля над вооружениями. Адрес электронной почты: dvbr@mid.ru

Федоров Юрий Евгеньевич — профессор Пражского муниципального университета. Член Совета ПИР-Центра, член редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*. Окончил физический факультет МГУ. Работал в Институте конкретных социологических исследований АН СССР. Занимал должность заведующего сектором в отделе проблем разоружения ИМЭМО РАН. С сентября 1998 г. — заведующий сектором, а с декабря 2000 г. — заведующий отделом военно-политических исследований в Институте США и Канады РАН. В 2001–2002 гг. — заместитель директора ПИР-Центра. С 2002 по 2003 г. — заместитель директора Института прикладных международных исследований. Постоянный автор обзоров мировых процессов в журнале *Индекс Безопасности*. Адрес электронной почты: yufedorov@rambler.ru

Федотов Юрий Викторович — исполнительный директор Управления ООН по наркотикам и преступности, генеральный директор штаб-квартиры ООН в Вене. Окончил МГИМО МИД СССР в 1971 г. После окончания института работал в составе советской делегации в Комитете ООН по разоружению в Женеве, а затем в посольствах СССР в Алжире и Индии. С 1993 по 1999 гг. являлся сначала старшим советником, а затем заместителем и первым заместителем Постоянного представителя России в ООН в Нью-Йорке. В 1999 г.

занял должность директора Департамента международных организаций МИД России, в которой проработал до 2002 г. С 2002 по 2005 г. был заместителем Министра иностранных дел России, курировал вопросы по международным организациям. С 2005 по 2010 г. — Чрезвычайный и Полномочный Посол России в Великобритании.

Фог Расмуссен Андерс — Генеральный секретарь НАТО. С 2001 по 2009 г. занимал пост премьер-министра Дании. С 1978 г. избирался в парламент Дании. С 1984 г. — член руководства парламентской фракции либералов, с 1985 г. — вице-председатель национальной организации Либеральной партии, в 1987–1992 гг. — министр налогообложения Дании. В 1996 г. стал членом совета представителей, а в 1998 г. — совета директоров Национального банка Дании. С 1998 г. был лидером Либеральной партии Дании.

ЭКСПЕРТНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ ПИР-ЦЕНТРА

(по состоянию на 29 ноября 2011 г.)

Айнхорн Роберт, старший советник по вопросам нераспространения и контроля над вооружениями, Госдепартамент, Вашингтон, США

Академия ОБСЕ, Бишкек, Киргизия

Антипов Сергей Викторович, д.т.н., заведующий отделом, Институт безопасного развития атомной энергетики РАН, Москва, Россия

Антонов Анатолий Иванович, Чрезвычайный и Полномочный Посол, к.э.н., заместитель министра, Министерство обороны Российской Федерации, Москва, Россия

Арбатов Алексей Георгиевич, д.и.н., член-корреспондент РАН, руководитель, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Ахтамзян Ильдар Абдулханович, к.и.н., доцент, кафедра международных отношений и внешней политики России, МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Баев Павел Кимович, к.и.н., проф., Международный институт исследований проблем мира, Осло, Норвегия

Банн Джордж, проф., консультант, Центр международной безопасности и сотрудничества, Стэнфордский университет, Пало-Альто, США

Барановский Владимир Георгиевич, д.и.н., проф., член-корреспондент РАН, заместитель директора, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Бертч Гэри, проф., основатель Центра международной торговли и безопасности, Университет Джорджии, Афины, США

Бужинский Евгений Петрович, генерал-лейтенант, начальник Международно-договорного управления — заместитель начальника Главного управления международного военного сотрудничества Министерства обороны РФ (2002–2009 гг.), Москва, Россия

Всероссийский научно-исследовательский институт технической физики им. акад. Е. И. Забабахина (ВНИИТФ), Российский федеральный ядерный центр, Снежинск, Россия

Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики (ВНИИЭФ), Российский федеральный ядерный центр, Саров, Россия

Воронков Владимир Иванович, к.и.н., директор, Департамент общеевропейского сотрудничества, МИД РФ, Москва, Россия

Геттемюллер Роуз, заместитель госсекретаря США по вопросам проверки и соблюдения соглашений по контролю над вооружениями, Вашингтон, США

Данапала Джаянта, посол, президент, Пагуошское движение ученых, председатель Совета Университета ООН, Коломбо, Шри-Ланка

Данилов Дмитрий Александрович, к.э.н., профессор, ведущий научный сотрудник, заведующий Отделом европейской безопасности, Институт Европы РАН, Москва, Россия

Дворкин Владимир Зиновьевич, д.т.н., генерал-майор (в отставке), главный научный сотрудник, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Джонсон Ребекка, д-р, директор, Институт *Акроним*, Лондон, Великобритания

Евстафьев Дмитрий Геннадьевич, к.п.н., директор, Департамент стратегии коммуникаций, управление общественных связей, TNK BP, Москва, Россия

Елеукенов Дастан Шериазданович, д. ф.-м. н., советник, посольство Республики Казахстан в США, Вашингтон, США

Есин Виктор Иванович, к.в.н., проф., генерал-полковник (в отставке), консультант Командующего ракетными войсками стратегического назначения, Министерство обороны РФ, Москва, Россия

Женевский центр политики безопасности, Женева, Швейцария

Институт стратегической стабильности, Москва, Россия

Кириченко Элина Всеволодовна, к.э.н., руководитель, Центр североамериканских исследований, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Кожокин Евгений Михайлович, д.и.н., ректор, Академия труда и социальных отношений, Москва, Россия

Кортунов Андрей Вадимович, к.и.н., президент, Фонд *Новая Евразия*, Москва, Россия

Краснов Алексей Борисович, начальник управления, Управление пилотируемых программ, Федеральное космическое агентство, Москва, Россия

Лаверов Николай Павлович, д.г.-м.н., проф., академик РАН, вице-президент, Российская академия наук, Москва, Россия

Ладыгин Федор Иванович, генерал-полковник (в отставке), советник генерально-го директора, Авиационная холдинговая компания *Сухой*, Москва, Россия

Лебедев Владимир Владимирович, заместитель руководителя департамента, Департамент внешнеэкономических и международных связей, правительство Москвы, Москва, Россия

Лукьянов Федор Александрович, главный редактор, журнал *Россия в глобальной политике*, Москва, Россия

Лысенко Михаил Николаевич, Чрезвычайный и Полномочный Посол, директор, Департамент международного сотрудничества, Государственная корпорация по атомной энергии *Росатом*, Москва, Россия

Льюис Патриция, д-р, заместитель директора, Центр изучения проблем нераспространения им. Джеймса Мартина, Монтерейский институт международных исследований, Монтерей, США

Людекинг Рюдигер, постоянный представитель Германии при ООН и других международных организациях, Вена, Австрия

Маргелов Михаил Витальевич, председатель, Комитет по международным делам, Совет Федерации ФС РФ, Москва, Россия

Международная жизнь, журнал, Москва, Россия

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ, Москва, Россия

Мурогов Виктор Михайлович, профессор, Государственный технический университет атомной энергетики, Обнинск, Россия

Мурсанков Сергей Геннадьевич, заместитель директора, Аналитический центр, ОАО «Объединенная авиастроительная корпорация», Москва, Россия

Мюллер Харальд, д-р, проф., директор, Институт проблем мира, Франкфурт, Германия

Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», Москва, Россия

Никитин Александр Иванович, д.п.н., проф., директор, Центр политических и международных исследований, Москва, Россия

Новиков Владимир Евгеньевич, к.э.н., ведущий научный сотрудник, Российский институт стратегических исследований, Москва, Россия

Пархалина Татьяна Глебовна, к.и.н., заместитель директора, ИНИОН РАН, директор, Центр по изучению проблем европейской безопасности ИНИОН РАН, Москва, Россия

Пономарев-Степной Николай Николаевич, д.т.н., проф., академик РАН, Москва, Россия

Радчук Александр Васильевич, к.т.н., советник начальника Генерального штаба Вооруженных сил РФ, Москва, Россия

Решетников Леонид Петрович, к.и.н., генерал-лейтенант, директор, Российский институт стратегических исследований (РИСИ), Москва, Россия

РНЦ Курчатовский институт, Москва, Россия

Рогачев Илья Игоревич, директор, Департамент по вопросам новых вызовов и угроз, Министерство иностранных дел России, Москва, Россия

Рыбаченков Владимир Иванович, к.т.н., ведущий научный сотрудник, Центр по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии, МФТИ, Москва, Россия

Савельев Александр Георгиевич, д.п.н., заведующий отделом стратегических исследований, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Сатановский Евгений Янович, к.э.н., проф., президент, Институт Ближнего Востока, Москва, Россия

Семин Валерий Витальевич, д.т.н., проф., старший советник, Постоянное представительство РФ при НАТО, Брюссель, Бельгия

Сиринционе Джозеф, президент, Фонд Плаушерс, Вашингтон, США

Соков Николай Николаевич, к.и.н., д.п.н., старший научный сотрудник, Венский Центр изучения проблем разоружения и нераспространения, Вена, Австрия

Тимербаев Роланд Михайлович, Чрезвычайный и Полномочный Посол, д.и.н., профессор, Москва, Россия

Тренин Дмитрий Витальевич, к.и.н., директор, Московский центр Карнеги, Москва, Россия

Трубников Вячеслав Иванович, генерал армии, член дирекции, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Тузмухамедов Бахтияр Раисович, к.ю.н., проф., судья Международного уголовного трибунала по Руанде, советник, Управление международного права, Конституционный Суд РФ, Москва, Россия

Убеев Алексей Вадимович, к.т.н., главный специалист, Офис ядерной безопасности Департамента ядерной безопасности и физической защиты Международного агентства по атомной энергии, Вена, Австрия

Федоров Александр Валентинович, к. ф.-м.н., эксперт, Служба внешней разведки, Москва, Россия

Федоров Валерий Валерьевич, к.п.н. генеральный директор, Всероссийский центр изучения общественного мнения, Москва, Россия

Фонд нераспространения во имя глобальной безопасности, Буэнос-Айрес, Аргентина

Хлопков Антон Викторович, директор, Центр энергетики и безопасности, Москва, Россия

Цзи Чжие, вице-президент, Китайская академия современных международных отношений, Пекин, КНР

Эггерт Константин фон, член Королевского института международных отношений, Москва, Россия

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЭКСПЕРТНАЯ ГРУППА

(по состоянию на 29 ноября 2011 г.)

Аргуэльо Ирма, основатель и руководитель, Фонд нераспространения во имя глобальной безопасности, Буэнос-Айрес, Аргентина

Бужинский Евгений Петрович, генерал-лейтенант, начальник Международно-договорного управления — заместитель начальника Главного управления международного военного сотрудничества Министерства обороны РФ (2002–2009 гг.), Москва, Россия

Джаятеллека Дайан, Посол Шри-Ланки во Франции, постоянный представитель Шри-Ланки при ЮНЕСКО, Париж, Франция

Дунай Пал, руководитель программы по международной безопасности, Женевский центр политики безопасности, Женева, Швейцария

Каравели Халил, руководитель проекта по Турции, Институт по изучению Центральной Азии и Кавказа при университете Джона Хопкинса, Анкара, Турция

Кортунов Андрей Вадимович, к.и.н., президент, фонд *Новая Евразия*, Москва, Россия

Поттер Уильям, проф., директор, Центр исследования проблем нераспространения им. Джеймса Мартина, Монтерейский институт международных исследований, Монтерей, США

Рамальо Антонио, профессор международных отношений, Университет Бразилиа, Бразилиа, Бразилия

Сагер Абдулазиз, основатель и председатель, Исследовательский Центр Залива, президент Sager Group Holding, Дубай, ОАЭ

Санаи Мехди, доктор политологии, руководитель, Центр по изучению России, Центральной Азии и Кавказа, Тегеран, Иран

Сатановский Евгений Янович, к.э.н., проф., президент, Институт Ближнего Востока, Москва, Россия

Толипов Фарход Фазилович, политолог, Ташкент, Узбекистан

Тян Чун-Шэн, профессор, заместитель директора, Китайская ассоциация экономических исследований России и Центральной и Восточной Европы, Пекин, КНР

Унникришнан Нандан, вице-президент, старший научный сотрудник Центра по международным вопросам, Фонд *Observer*, Дели, Индия

Эггерт Константин фон, член Королевского института международных отношений, Москва, Россия

О Т Р Е Д А К Т О Р А

Новый облик Вооруженных сил: фантом или вынужденная реальность — *Дмитрий Евстафьев*. №1 (96), Весна 2011, с. 7–9.

В поисках верного пути — *Ирина Миронова*. №2 (97), Лето 2011, с. 7–9.

Основы безопасности — *Ирина Миронова*. №3 (98), Осень 2011, с. 7–9.

Не проспать, как просыпается новый тигр — *Владимир Орлов*. №4 (99), Зима 2011, с. 7–9, 20.

В Д Е С Я Т К У

О войне. №1 (96), Весна 2011, с. 10.

Об истории. №2 (97), Лето 2011, с. 10.

Чернобыль. №3 (98), Осень 2011, с. 10.

О Москве. №4 (99), Зима 2011, с. 10.

И Н Т Е Р В Ь Ю

«В ближайшее время ситуация в области ПРО будет той лакмусовой бумажкой, которая покажет реальную готовность сторон к эффективному взаимодействию» — *Анатолий Антонов*. №2 (97), Лето 2011, с. 11–14.

«Европейская конвенция о борьбе с киберпреступностью недостаточна для ответа на новые вызовы» — *Илья Рогачев*. №3 (98), Осень 2011, с. 11–16.

«Использование электронных платежных систем значительно упрощает процесс отмывания денег» — *Александр Спиридонов*. №4 (99), Зима 2011, с. 15–20.

«Новый Договор СНВ — продолжение успешной истории и победа для обеих сторон» — *Роуз Готтемюллер*. №2 (97), Лето 2011, с. 15–20.

«Опыт иностранных армий мы изучаем не с целью копирования, а для анализа и адаптации к современным российским реалиям» — *Елена Князева*. №1 (96), Весна 2011, с. 11–14.

«Ракетно-космический потенциал позволяет решать стратегические задачи» — *Сергей Пономарев*. №1 (96), Весна 2011, с. 15–20.

«Реформа Совета Европы давно назрела» — *Жерар Штудман*. №3 (98), Осень 2011, с. 23–26.

«Россия–Украина: альтернативы развитию стратегического партнерства нет» — *Владимир Ельченко*. №3 (98), Осень 2011, с. 17–22.

«Центральная задача всех миротворцев остается неизменной» — *Виталий Чуркин*. №1 (96), Весна 2011, с. 29–32.

«Четвертая идеология» — *Дмитрий Рогозин*. №1 (96), Весна 2011, с. 21–28.

«Я не считаю противоракетную оборону проблемой — я считаю ее самой большой возможностью, когда-либо открывавшейся перед нами» — *Андерс Фог Расмуссен*. №4 (99), Зима 2011, с. 11–14.

«Я удивлен тем, что Глобальная комиссия выступает за легализацию экстази и каннабиса» — *Юрий Федотов*. №4 (99), Зима 2011, с. 21–28.

Д О С Ь Е

Военная реформа 2008–2020: цифры и факты. №1 (96), Весна 2011, с. 33–56.

Рекомендации Совета по устойчивому партнерству с Россией руководству России и США. №3 (98), Осень 2011, с. 33–38.

Шаги, необходимые для придания устойчивости партнерству между Россией и США — заседание Совета по устойчивому партнерству с Россией. №3 (98), Осень 2011, с. 27–32.

А Н А Л И З

Ближневосточная зона, свободная от ОМУ: от идеалов к реальности — *Иван Трушкин*. №3 (98), Осень 2011, с. 57–72.

Будущее российских вооружений — *Андрей Фролов*. №1 (96), Весна 2011, с. 93–102.

Двадцатилетний опыт реформ французских Вооруженных сил — *Жан Морен*. №1 (96), Весна 2011, с. 103–112.

ДОВСЕ — вчера, сегодня... завтра?.. — *Анатолий Анин, Родион Аюмов*. №1 (96), Весна 2011, с. 61–76. №2 (97), Лето 2011, с. 21–36.

Неделимость безопасности в глобальном мире — *Игорь Иванов*. №4 (99), Зима 2011, с. 29–34.

Новый облик Вооруженных сил РФ становится реальностью — *Игорь Коротченко*. №1 (96), Весна 2011, с. 57–60.

Обеспечение безопасности ядерного оружия — одна из главных задач национальной безопасности — *Владимир Верховцев*. №1 (96), Весна 2011, с. 77–84.

ОДКБ и ШОС как модели взаимодействия в сфере региональной безопасности — *Юлия Никитина*. №2 (97), Лето 2011, с. 45–54.

Перспективы сотрудничества России и стран Юго-Восточной Азии в стратегических областях — *Светлана Ключанская*. №2 (97), Лето 2011, с. 55–86.

Почему нас не было в ВАС и почему нас теперь туда зовут — *Виктор Сумский*. №2 (97), Лето 2011, с. 37–44.

ПРО: искусственный тупик или окно возможностей во взаимоотношениях НАТО–Россия? — *Василий Лага, Владимир Мальцев*. №1 (96), Весна 2011, с. 113–122.

Российская военная реформа — успех или провал? — *Марсель де Хаас*. №1 (96), Весна 2011, с. 85–92.

Социальные сетевые сервисы в контексте национальной и международной безопасности — *Олег Демидов*. №4 (99), Зима 2011, с. 59–76.

Стратегические вооружения в неядерном оснащении: проблемы и решения — *Евгений Мясников*. №1 (96), Весна 2011, с. 123–130.

Энергомонолог Китая с Центральной Азией — *Евгений Петелин*. №4 (99), Зима 2011, с. 35–58.

Ядерный гамбит Барака Обамы — *Сергей Картунов*. №3 (98), Осень 2011, с. 39–56.

ПОЛЕМИКА

Война с наркотиками — проиграна? — *Юрий Крупнов, Лев Левинсон*. №3 (98), Осень 2011, с. 85–98.

КРУГЛЫЙ СТОЛ

Мировой опыт и военная реформа в России — *Урс Зульзер, Жан Морен, Виталий Шлыков*. №1 (96), Весна 2011, с. 131–136.

Мьянма в АСЕАН: проблемы региона и интересы России — *Ю. Дубинин, К. Ефремова, Г. Ивашенцов, А. Кириченко, А. Кудряшов, Н. Малетин, Д. Малов, Д. Мосяков, В. Орлов, А. Симония, В. Сумский, В. Урляпов*. №4 (99), Зима 2011, с. 89–115.

Тихоокеанский вектор внешней политики России — *К. Барский, А. Бородавкин, А. Воронцов, М. Галузин, А. Лукин, В. Никонов, А. Оганесян, В. Орлов, А. Панов, В. Пестов, В. Сумский, Г. Толорая*. №2 (97), Лето 2011, с. 87–104.

Ядерная безопасность: на пути к Сеульскому саммиту — *Сергей Антипов, Геннадий Евстафьев, Дмитрий Ковчегин, Евгений Маслин, Владимир Орлов, Сергей Перцев, Олег Рожков, Алексей Убеев*. №3 (98), Осень 2011, с. 73–84.

КОММЕНТАРИИ

Атомная отрасль Китая: новый Большой скачок? — *Артем Гончарук*. №4 (99), Зима 2011, с. 77–88.

Афганистан: что его ждет и что это значит для России — *Вадим Козюлин, Галия Ибрагимова*. №2 (97), Лето 2011, с. 113–120.

Булава надежды — *Виктор Литовкин*. №1 (96), Весна 2011, с. 137–142.

ОПК: рецепты реинкарнации — *Вадим Козюлин*. №1 (96), Весна 2011, с. 143–148.

Закончился ли ядерный ренессанс? — *Михаил Лысенко*. №3 (98), Осень 2011, с. 111–112.

Кадровый резерв для военной реформы гражданского министра — *Альберт Зульхарнеев*. №1 (96), Весна 2011, с. 149–156.

Никогда больше: предложения по достижению важнейшей цели ядерной безопасности — *Августин Алонсо, Владимир Асмолов, Адольф Биркхофер и др.* №3 (98), Осень 2011, с. 99–110.

Секторальная ПРО: взгляд из Европы — *Клэр Люсьен*. №3 (98), Осень 2011, с. 113–124.

Участие России в международном миротворчестве и перспективы его реформирования — *Александр Никитин*. №2 (97), Лето 2011, с. 105–112.

ОБЗОРЫ МИРОВЫХ ПРОЦЕССОВ

Глазами консерватора: Хроника объявленных смертей — *Дмитрий Евстафьев*. №2 (97), Лето 2011, с. 140–152.

Глазами консерватора: Нулевые позади — время подводить итоги — Дмитрий Евстафьев. №3 (98), Осень 2011, с. 144–156.

Глазами консерватора: Перезагрузка мертва — Дмитрий Евстафьев. №4 (99), Зима 2011, с. 138–152.

Глазами либерала: На круги своя — Юрий Федоров. №2 (97), Лето 2011, с. 126–140.

Глазами либерала: Весеннее обострение мировой политики — Юрий Федоров. №3 (98), Осень 2011, с. 133–144.

Глазами либерала: Никто так не слеп, как тот, кто не хочет видеть — Юрий Федоров. №4 (99), Зима 2011, с. 123–137.

Индекс iSi 2010: Итоги года — Галия Ибрагимова. №1 (96), Весна 2011, с. 157–166.

Индекс iSi за январь-март 2011 г.: Зима перемен — Галия Ибрагимова. №2 (97), Лето 2011, с. 121–126.

Индекс iSi в апреле-июне 2011 г.: Грозовые раскаты — Галия Ибрагимова. №3 (98), Осень 2011, с. 125–133.

Индекс iSi за июль-октябрь 2011: Снова в напряжении — Галия Ибрагимова. №4 (99), Зима 2011, с. 116–122.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Как это было в Америке — Виталий Шлыков. №1 (96), Весна 2011, с. 167–172.

Секреты дипломата-переговорщика — Алексей Обухов. №2 (97), Лето 2011, с. 153–166.

БИБЛИОТЕКА

Асимметричный конфликт как нематематическая категория — Екатерина Степанова. №2 (97), Лето 2011, с. 167–172. [Дериглазова Л.В. Асимметричные конфликты: уравнение со многими неизвестными. Томск: Изд-во Томского университета, 2009.]

Афганский эндшпиль — Дмитрий Поликанов. №4 (99), Зима 2011, с. 152–156. [Афганский эндшпиль? «Звенья» № 2(15), 2011. М.: Фонд Исторической Перспективы, 2011.]

БРИКС: заря новой эры или business as usual? — Борис Мартынов. №3 (98), Осень 2011, с. 161–168. [1) BRIC in the New World Order. Perspectives from Brazil, India and China (Ed. Nandan Unnikrishnan and Samir Saran). New Delhi. 2010. 2) БРИКС: предпосылки сближения и перспективы взаимодействия. Сборник докладов и выступлений на международной конференции. Под общей редакцией проф. В.М. Давыдова и доц. Ю.Н. Мосейкина. ИЛА РАН / РУДН. М. 2010.]

В поисках гения войны — Павел Лузин. №1 (96), Весна 2011, с. 173–176. [Adamsky Dima. The Culture of Military Innovation: The Impact of the Cultural Factors on the Revolution in Military Affairs in Russia, the US, and Israel. Stanford: Stanford University Press, 2010.]

Откровенно о политике? — Максим Братерский. №2 (97), Лето 2011, с. 173–178. [В.Н. Рябцев. Современный иранский кризис как объект геополитического анализа: региональный и глобальный контекст. Ростов-на-Дону, 2008.]

После перезагрузки — Владимир Орлов. №3 (98), Осень 2011, с. 157–160. [Ядерная перезагрузка: сокращение и нераспространение вооружений. Под ред. А. Арбатова и В. Дворкина. М. Московский центр Карнеги — РОССПЭН, 2011.]

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Белозеров В. К. Политическое руководство Вооруженными силами Российской Федерации: институциональное измерение. М.: ИД АТИСО, 2011. №3 (98), Осень 2011, с. 169–170.

- Больных А. *XX век флота. Трагедия фатальных ошибок*. М.: Эксмо, 2010. №1 (96), Весна 2011, с. 180–181.
- Винокуров В. И. *История военной дипломатии. Военная дипломатия от Петра I до Первой мировой войны*. М.: Инженер, 2009. Т. I. Винокуров В. И. *История военной дипломатии. Военная дипломатия между Первой и Второй мировыми войнами*. М.: Светлица, 2010. Т. II. №3 (98), Осень 2011, с. 177–178.
- Гончаров В.Л. 1917. *Разложение армии*. — М.: Вече, 2010. №1 (96), Весна 2011, с. 181–183.
- Касенова М.Б. *Международно-правовое управление Интернетом*. М.: Научная книга, 2010. №4 (99), Зима 2011, с. 159–161.
- Мавланов И. Р. *Экономическая дипломатия Индии в условиях трансформации мирового порядка*. Т.: УМЭД, 2010. №3 (98), Осень 2011, с. 170–172.
- Моизи Доминик. *Геополитика эмоций. Как культуры страха, унижения и надежды трансформируют мир*. М.: Московская школа политических исследований, 2010. №3 (98), Осень 2011, с. 175–176.
- Научные школы Военной академии ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого: история развития. Под ред. д-ра воен. наук, проф., генерал-полковника Н.Е. Соловцова. *Летописи Военной академии ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого*. Т. 5. М.: ВА РВСН им. Петра Великого, 2010. №2 (97), Лето 2011, с. 183–184.
- Новая армия России. Д.Е. Болтенков, А.М. Гайдай, А.А. Карнаузов, А.В. Лавров, В.А. Целуйко. Под ред. М.С. Барабанова. М., 2010. №4 (99), Зима 2011, с. 161–162.
- Печуров С.Л. *Военные профессионалы в англосаксонской модели управления вооруженными силами: история и современность*. М.: ЛЕНАНД, 2010. №1 (96), Весна 2011, с. 179–180.
- Ракетное и космическое оружие: Электронный справочник*. М.: Военная Россия, 2006. №1 (96), Весна 2011, с. 183–184.
- Сенор Д., Сингер С. *Нация умных людей. История израильского экономического чуда*. Пер. с англ. Д. Стороженко. М.: Карьера пресс, 2011. №1 (96), Весна 2011, с. 177–178.
- Тренин Д., Баев П. *Арктика: взгляд из Москвы*. Московский Центр Карнеги. М., 2010. №4 (99), Зима 2011, с. 164–165.
- Туляганова Н.У. *Афганский фактор в современных международных отношениях в Центральной Азии*. 2-е изд. Т.: Фан, 2010. №2 (97), Лето 2011, с. 180–182.
- Ушаков И.В. *Экологический лабиринт. Социально-экономические аспекты природопользования в Китае*. М.: ИД «ФОРУМ», 2008. №4 (99), Зима 2011, с. 165–168.
- Cohen Avner. *The Worst-Kept Secret: Israel's Bargain with the Bomb*. New York. Columbia University Press. 2010. №3 (98), Осень 2011, с. 172–173.
- Cultivating Confidence: Verification, Monitoring, and Enforcement for a World Free of Nuclear Weapons*. Ed. by C. Hinderstein. Stanford: Hoover Institution Press, 2010. №4 (99), Зима 2011, с. 162–164.
- Damian Grenfell, Paul James. *Rethinking Insecurity, War and Violence: Beyond Savage Globalization?* Routledge, 2009. №2 (97), Лето 2011, с. 179–180.
- Deradicalizing Islamist Extremists*. Angel Rabasa, Stacie L. Pettyjohn, Jeremy J. Ghez, Christopher Boucek. RAND Corporation, 2010. №3 (98), Осень 2011, с. 173–175.
- Johnson Steven. *Where Do Good Ideas Come From: The Natural History of Innovation*. N.Y.: Riverhead Books, 2010. №4 (99), Зима 2011, с. 168–170.

Napoleoni Loretta. Terrorism and the Economy: How the War on Terror Is Bankrupting the World. Seven Stories Press, NY, 2010. №2 (97), Лето 2011, с. 182–183.

Schjolberg Stein. Ghernaouti-Helie Solange. A Global Treaty on Cybersecurity and Cybercrime. AiTOslo, 2011. №4 (99), Зима 2011, с. 157–159.

П И С Ь М О Р Е Д А К Т О Р У

Миф Севастополя: смена парадигмы — *Владимир Казарин*. №1 (96), Весна 2011, с. 185–186.

Наркотики — угроза безопасности России — *Юрий Гусев*. №2 (97), Лето 2011, с. 7–9.

Индекс безопасности iSi требует иной методики подсчета — *Сергей Кондратов*. №3 (98), Осень 2011, с. 179–180.

Рекомендации СУПР и внешнеполитические реалии — *Михаил Ульянов*. №4 (99), Зима 2011, с. 171–172.

Насколько полезны рекомендации СУПР? — *Леонид Решетников*. №4 (99), Зима 2011, с. 173–174.

Асимметричный конфликт как нематематическая категория: ответ на некоторые замечания — *Лариса Дериглазова*. №4 (99), Зима 2011, с. 175–178.

Г О Л О В О Л О М К И Б Е З О П А С Н О С Т И

Крестословица «Военная». №1 (96), Весна 2011, обл. III.

К О Н Е Ц Ц И Т А Т Ы

О свойствах ума. №2 (97), Лето 2011, обл. III.

О времени. №3 (98), Осень 2011, обл. III.

О том, что проделан большой путь. №4 (99), Зима 2011, обл. III.

Выражаю признательность рецензентам и консультантам журнала, которые своими ценными замечаниями оказали значительную помощь в формировании редакционного портфеля журнала **Индекс Безопасности**,

в частности:

Евгению **Бужинскому**, члену Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра;

Владимиру **Дворкину**, главному научному сотруднику Института мировой экономики и международных отношений РАН;

Виктору **Есину**, генерал-полковнику, консультанту командующего ракетных войск стратегического назначения;

Павлу **Каменнову**, ведущему научному сотруднику, заместителю руководителя Центра экономических исследований Китая Института Дальнего Востока РАН;

Андрею **Кортунову**, генеральному директору Российского совета по международным делам;

Ксении **Кушкиной**, эксперту Института энергетических исследований РАН,

Михаилу **Литвинову**, начальнику отдела СНГ Департамента международного сотрудничества Государственной корпорации *Росатом*;

Михаилу **Лысенко**, директору Департамента международного сотрудничества Государственной корпорации *Росатом*;

Дмитрию **Мосякову**, руководителю Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН;

Евгению **Мясникову**, директору Центра по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии;

Никите **Перфильеву**, сотруднику по внешним связям Подготовительной комиссии Организации договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний;

Роланду **Тимербаеву**, члену Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра;

Вячеславу **Урляпову**, старшему научному сотруднику Центра исследований Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН;

Михаилу **Ульянову**, директору Департамента по вопросам безопасности и разоружения МИД РФ;

Михаилу **Якушеву**, вице-президенту *Mail.ru*.

Владимир Орлов
Главный редактор журнала *Индекс Безопасности*

АБОНЕМЕНТна газету
журнал

80666

(индекс издания)

Индекс Безопасности

(наименование издания)

количество
комплектов:

на 2012 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
						X	X	X	X	X	X

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКАна газету
журнал

80666

(индекс издания)

Индекс Безопасности

(наименование издания)

Стои- мость	подписки переадресовки	руб. руб.	коп. коп.	количество комплектов:

на 2012 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
						X	X	X	X	X	X

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)